

Абрахам Маслоу.

Новые рубежи человеческой природы.

Оглавление

УДК 159. 923

ББК 88

МЗ17

Серия: Золотой фонд мировой психологии

A. H. Maslow. The Farther Reaches of Human Nature. Harmondsworth: Penguin, 1971.

Перевод с английского Г. А. Балл, А. П. Попогребский

Науч. редак. и предисловие Г. А. Балл, А. Н. Киричук, Д. А. Леонтьев

Редакторы О. В. Квасова, М. А. Шилина

Художник Э. А. Марков

Компьютерная верстка М. И. Агаянц

Корректор Н. А. Степина

Издательство выражает признательность Брандейскому университету (Brandeis University) и его Президенту Иегуде Рейнхарцу за фотографию А. Маслоу, использованную в оформлении обложки.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / Пер. с англ. М.: Смысл, 1999. — 425 с.

Последняя книга Абрахама Маслоу — основателя и лидера гуманистической психологии, открывшего новые перспективы психологического понимания человека и оказавшего огромное влияние на изменение облика психологической науки во второй половине нашего столетия.

Психологам, психотерапевтам, воспитателям, представителям всех областей человекознания.

ISBN 5-89357-027-8

(с) Перевод на русский язык, послесловие оформление — издательство "Смысл", 1999.

Часть I. Здоровье и патология.

1. К гуманистической биологии¹.

Мои искания в психологии заставляли меня двигаться во всевозможных направлениях. Некоторые из них выходили за пределы обычной психологии — по крайней мере, в том ее понимании, какому я был обучен.

В тридцатые годы, заинтересовавшись определенными психологическими проблемами, я обнаружил, что их нельзя разрешить или успешно разрабатывать в рамках классической для того времени науки (бихевиористской, позитивистской, естественнонаучной — свободной от ценностей, механистической психологии). Чтобы найти ответ на возникавшие у меня закономерные вопросы, потребовалось изобрести другой подход к психологическим проблемам. Постепенно этот подход

¹ В основу данной главы положены заметки, составленные в марте-апреле 1968 г по просьбе директора Солковского института биологических исследований (Salk Institute of Biological studies). Я надеялся при этом, что они смогут помочь в движении от лишнего ценностей технологизирований к гуманистически ориентированной философии биологии. Оставляя в стороне все очевидные пограничные вопросы биологии, я сосредоточился на том, чем, как мне кажется, пренебрегают или что неправильно толкуют — если рассматривать все это со специфической позиции психолога.

превратился в общую философию психологии и науки вообще, религии, труда, менеджмента, а теперь и биологии. По сути он стал мировоззрением.

Психология сегодня, в сущности, разорвана и расколота на три (или больше) отдельных науки, не сообщающиеся между собой, поделенные между отдельными группами ученых. Первая — это бихевиористская, объективистская, механистическая, позитивистская группа. Вторая — это целый "куст" психологий, берущих начало от З. Фрейда и психоанализа. И третья — это гуманистические направления, или "третья сила", как называли эту группу, предлагающую единую философию, способную сплотить разъединенные доселе группы. Именно об этой третьей психологии я и хочу говорить. Исходя из того, что эта третья психология включает в себя первую и вторую, я "изобрел" слова "эпи-бихевиористская" и "эпи-фрейдистская" (греческое "эпи" означает "над"). Такой подход позволяет также избежать характерной для студентов дихотомической ориентации, когда надо, например, быть либо "за Фрейда", либо "против Фрейда". Лично я и фрейдист, и бихевиорист, и гуманист, и к тому же еще разрабатываю то, что может быть названо четвертой психологией — психологией трансценденции.

Я говорю здесь от своего собственного имени. Даже некоторые из представителей гуманистической психологии склонны видеть себя в оппозиции бихевиоризму и психоанализу, вместо того, чтобы включать эти направления психологии в более широкую структуру. Полагаю, что в своем увлечении непосредственным опытом, переживанием, такие психологи балансируют где-то на грани антинаучного и даже антирационального. Однако поскольку я считаю, что переживание — это только начало знания (необходимое, но не достаточное), и возлагаю единственную и последнюю надежду на совершенствование знания, то есть на существенное расширение науки, то предпочитаю говорить только о себе. Я лично избрал для себя путь "свободного размышления", теоретизирования, игры предчувствий и интуиции и, вообще, попыток предвидеть будущее — именно этим преимущественно занимаются первопроходцы, разведчики, новаторы в отличие от тех, кто должен применять, оценивать, проверять, подтверждать. Конечно, именно эти последние виды деятельности составляют стеновой хребет науки. И все же было бы большой ошибкой, если бы ученые видели свою задачу лишь только в проверке и подтверждении.

Первопроходец, творец, исследователь неведомого — это обычно не группа, а человек, в одиночку борющийся со своими внутренними конфликтами, страхами, психологическими защитами от высокомерия и гордости, даже от паранойи. Он должен обладать мужеством, не бояться "высовываться", даже не бояться делать ошибки, хорошо сознавая, что он, по словам М. Полани, азартный игрок, выступающий с утверждениями в отсутствие фактов и затем тратящий годы, выясняя, были ли верны его предчувствия. Если он обладает хоть каким-то здравым смыслом, то, конечно, пугается своих собственных идей, своей безрассудной отваги и хорошо сознает, что утверждает то, что не может доказать.

Именно в этом смысле я высказываю здесь свои личные интуитивные решения и утверждения.

Полагаю, что от проблемы нормативной биологии нельзя уйти, хотя при этом и ставится под вопрос вся история и философия западной науки. Я убежден, что свободная от ценностей, ценностно нейтральная, избегающая ценностей модель науки, унаследованная нами от физики, химии и астрономии, где было необходимо обеспечить чистоту данных и одновременно отстранить церковь от научных дел, совершенно не подходит для изучения жизни. Еще более драматичной оказывается непригодность науки для выяснения вопросов, касающихся человека, где учет личностных ценностей и целей, намерений и планов играет решающую роль в понимании людей даже применительно к классическим целям науки — предсказанию и управлению.

В области эволюционной теории не утихают ожесточенные споры по поводу направленности, целей, телеологии, витализма, финальных причин и т. п. Мне представляется, что в этих спорах много путаницы. Вместе с тем хочу отметить, что обсуждение тех же проблем на уровне психологии человека позволяет высказаться более ясно и определенно.

Можно отстаивать ту или иную точку зрения в споре по поводу аутогенезиса в эволюции или того, может ли ее направление определяться сочетанием чистых случайностей. Но такая роскошь уже невозможна, когда мы имеем дело с человеческими индивидами. Абсолютно невозможно утверждать, что человек становится хорошим врачом по чистой случайности: в наше время подобные представления перестали принимать всерьез. Что касается меня, то я ушел от подобного рода дебатов по поводу механического детерминизма, не считая нужным даже вступать в спор.

"Хорошие экземпляры" и "статистика растущей верхушки".

Я предлагаю для обсуждения и, возможно, для проведения исследований использование отобранных "хороших экземпляров" (можно сказать, "экземпляров высшего качества") как биологических образцов для изучения наивысших возможностей, которыми обладает человеческий род. Приведу несколько примеров. В ходе исследований обнаружилось, что самоактуализирующиеся люди (то есть психологически здоровые, психологически "наилучшие") лучше воспринимают и познают. Это может проявиться даже на сенсорном уровне; например, меня бы не удивило, если бы оказалось, что они тоньше различают цветовые оттенки и т. п.

Неоконченный эксперимент, который я однажды организовал, мог бы служить моделью для этого типа экспериментирования по принципу "биологических образцов". План состоял в том, чтобы полностью протестировать всех студентов, зачисленных на новый поток в Брэндейсский университет, используя при этом наилучшие доступные в то время методики, в том числе психиатрические интервью, проективные тесты, тесты успешности (perforance) и т. д. ; затем предполагалось отобрать 2% выборки наиболее здоровых в психологическом отношении, 2% — наименее здоровых и 2% — "средних". Планировалось предложить этим трем группам батарею, содержащую около 20 сенсорных, перцептивных и когнитивных методик для того, чтобы проверить вывод, полученный ранее клиническим персонологическим путем, а именно: более здоровые психологически люди демонстрируют также лучшее восприятие реальности. Я предполагал, что эта идея получит подтверждение. Мой план предусматривал, что наблюдение за отобранными людьми не ограничится четырьмя годами учебы в колледже (где я мог бы сопоставить начальный рейтинг; сделанный на основе тестов, с фактической успешностью учебы и достижениями в разных областях университетской жизни). Полезным казалось организовать лонгитюдное исследование, которое проводилось бы лонгитудно организованной исследовательской бригадой, чье существование не ограничивалось сроком жизни одного поколения. Идея состояла в поиске окончательного подтверждения наших представлений о психологическом здоровье путем исследований членов группы на протяжении всего их жизненного пути. Некоторые вопросы были на поверхности, например, долголетие, сопротивляемость психосоматическим расстройствам, инфекциям и т. д. Мы ожидали также, что осуществление программы позволит обнаружить характеристики, которые нельзя было предсказать. По своему духу это исследование было подобно тому, которое провел Льюис Термен около 40 лет назад, когда он отобрал в Калифорнии детей с высоким коэффициентом интеллекта и затем тестировал их многими способами, причем это осуществлялось на протяжении последующих десятилетий вплоть до настоящего времени. Его общий вывод состоял в том, что дети, отобранные на основании превосходства в интеллекте, превосходят остальных и во всем прочем. Важнейшее обобщение, с которым связано имя Л. Термена, — это то, что все позитивные качества человека положительно коррелируют между собой.

Описываемый тип исследовательского проекта означает сдвиг в наших представлениях о статистике и особенно о теории выборок. Я открыто отстаиваю здесь подход, который я называю "статистикой растущей верхушки"; это название отражает тот факт, что именно в растущей верхушке растения более всего проявляется процесс его развития.

Если я задаю вопрос: "Что могут люди?", — то отношу его к маленькой избранной группе носителей высших достижений, а не ко всему населению. Основную причину того, что гедонистические теории ценностей и соответствующие этические теории оказывались на протяжении всей истории в проигрыше, я вижу в том, что философы смешивали вместе удовольствия, порожденные патологическими мотивами, и удовольствия, порожденные здоровыми мотивами; в получившемся "среднем" уже нельзя было различить больных и здоровых, хороших и плохих, биологически сильных и биологически слабых индивидов, тех, кто делает хороший выбор, и тех, кто делает плохой.

Если мы хотим ответить на вопрос, насколько может вырасти человек, то обязательно надо найти людей, которые уже выше других, и изучить их. Если мы хотим знать, насколько быстро может бежать человек, то незачем усреднять скорость индивидов, составляющих "хорошую выборку" из человеческой популяции; гораздо лучше собрать олимпийских чемпионов и посмотреть, как они могут бегать. Если же мы хотим выяснить имеющиеся у человека возможности духовного роста, ценностного или нравственного развития, то я считаю, что мы можем узнать это лучше всего, изучая наиболее нравственных, наиболее приближающихся к идеалу святости людей.

В целом, я думаю, правильно будет сказать, что человеческая история — это хроника попыток подрыва авторитета человеческой природы. Ее наивысшие возможности практически всегда недооценивались. Даже в тех случаях, когда "хорошие экземпляры" — святые, мудрецы, великие

лидеры — были доступны для изучения, слишком часто срабатывало искушение приписывать их достижения не человеческой природе, а сверхъестественному дару, которым они наделены.

Гуманистическая биология и хорошее общество.

Сегодня вполне ясно; что актуализация наивысших человеческих потенциалов возможна — в массовом масштабе — только при "хороших условиях". Или, попросту говоря, хорошим человеческим экземплярам требуется обычно хорошее общество для своего роста. Соответственно, я думаю, должно быть ясно, что нормативная философия биологии должна включать теорию хорошего общества, определенного согласно принципу: "Хорошо то общество, которое благоприятствует наиболее полному развитию человеческих потенциалов, наиболее полной степени человечности". Видимо, это может слегка испугать классического биолога описательного склада: ведь он привык избегать таких слов, как "хороший" и "плохой". Но, немного подумав, обнаруживаешь, что нечто в этом роде уже считается само собой разумеющимся в некоторых классических областях биологии. Например, общепринято, что гены можно считать "потенциями", которые актуализируются или нет в зависимости от того, что их окружает в самой зародышевой плазме, в цитоплазме, во всем организме и в географической среде, где находится организм.

Обратившись к одной из линий экспериментирования (она описана в статье о химической и анатомической пластичности мозга, опубликованной в 1964 г. в журнале "Science"), мы можем утверждать (применительно к белым крысам, обезьянам и людям), что стимулирующее окружение на ранних этапах жизни индивида оказывает на развитие коры головного мозга особое влияние в том направлении, которое мы обычно называем желательным. Исследования поведения приматов в лаборатории Г. Харлоу ведут к тому же выводу. Изолированные животные утрачивают ряд способностей, и существует момент, после которого такие потери часто оказываются необратимыми. Можно привести и такой пример: в лабораториях Джексона в Бар-Харборе было установлено, что собаки, которым разрешают свободно, не вступая в контакт с людьми, бегать стаями на обширной территории, теряют способность к одомашниванию.

Наконец, если дети в Индии, как сейчас пишут, страдают от необратимых поражений мозга, вызванных недостатком белка в их питании, и если согласиться с тем, что политическая система Индии, ее история, экономика и культура сыграли свою роль в том, что эта нищета имеет место, — то ясно, что человеческие экземпляры нуждаются в хорошем обществе, которое позволило бы им актуализировать себя в качестве хороших экземпляров.

Можно ли представить себе философию биологии развивающейся в социальной изоляции? Может ли она быть политически совершенно нейтральной, не быть утопической или эвпсихической, реформистской или революционной? Я не считаю, конечно, что задача биолога требует перехода к социальным действиям. Я полагаю, что это дело личного вкуса, и я знаю некоторых биологов, которые, досадуя, что их знания остаются невостребованными, берутся за политическую реализацию своих открытий. Но, помимо всего этого, мое непосредственное предложение биологам состоит в том, чтобы они признали: если они приняли нормативный подход к человеку или другим биологическим видам, иначе говоря, если они считают своей обязанностью развитие хороших экземпляров, то в равной мере их научным долгом становится изучение тех условий, которые приводят к развитию хорошего экземпляра, а также тех, которые тормозят такое развитие. Само собой разумеется, это означает выход из лаборатории в общество.

"Хороший экземпляр" выбирает пути для всех.

В ходе своих длительных исследований, начавшихся еще в тридцатые годы, я убедился в том, что наиболее здоровые в психологическом плане люди (или наиболее творческие, или наиболее сильные, или наиболее мудрые, или наиболее близкие к идеалу святости) могут играть роль биологических образцов (или, можно сказать, передовых разведчиков, или высокочувствительных индикаторов) и сообщать нам, менее чувствительным, что на самом деле для нас ценно. Я имею в виду примерно следующее. Достаточно легко, скажем, отобрать людей, весьма чувствительных к цветам и формам, а затем положиться на их суждения по поводу цветов, форм, тканей, мебели и т. п. и научиться следовать этим суждениям. Мой опыт говорит о том, что, если я и не буду докучать тем, кто обладает более совершенным восприятием, я все же могу уверенно предсказать: то, что нравится им уже сейчас, я постепенно, может быть, через месяц или два, тоже оценю. Это как если бы они были мною, но только более чувствительным или в меньшей мере подверженным сомнениям, смущению и неуверенности. Я могу использовать их, так сказать, в качестве своих экспертов — подобно тому как коллекционеры произведений искусства нанимают экспертов-искусствоведов, чтобы те помогли им в покупках. (Эту уверенность поддержала появившаяся в 1968 г в журнале "Психология сегодня" ("Psychology Today") Статья, автор которой — И. Чайлд (*Child*, 1968) — показывает, что опытные и квалифицированные художники имеют

сходные вкусы, Причем вне зависимости от их культурной принадлежности.) Предполагаю также, что те высокочувствительные индивиды, о которых я говорю, меньше подвержены колебаниям моды, чем среднестатистические люди.

Аналогичным образом обнаружилось, что если отобрать психологически здоровых людей, мы увидим: то, что им нравится сейчас, станет нравиться среднестатистическим людям позже. Аристотель ясно выразился: хорошо на самом деле то, что считает хорошим достойный человек.

К примеру, эмпирически установленной характеристикой самоактуализирующихся людей является то, что они испытывают гораздо меньше сомнений в отношении правильного и неправильного, чем среднестатистические люди. Их не смущает, если 95% населения не согласно с ними. И можно добавить, что, по крайней мере в изученной мною группе, ее члены проявляют тенденцию к согласию по поводу того, что правильно и что неправильно, как если бы воспринимали некую сверхчеловеческую реальность, а не сравнивали субъективные и относительные вкусы. Словом, используя их как "оценщиков ценностей", я научился у них тому, что такое высшие ценности. Или, иначе говоря, я научился вот чему: то, что ценят великие люди, я, вероятно, признаю, стану ценить, воспринимать как ценное в некотором внеличном смысле и это, вероятно, найдет подтверждение в "данных".

Моя теория метамотивации (см. главу 23) в конечном счете основана на следующей операции: были взяты люди, достигшие высшего уровня, в том числе в восприятии не только фактов, но и ценностей, и затем выбранные ими высшие ценности рассматривались как возможные высшие ценности всего человеческого рода.

Почти намеренно я занимаю здесь провокационную позицию. При желании я мог бы высказаться гораздо более невинным образом, попросту задавая вопросы: "Если вы отберете психологически здоровых индивидов, то что они предпочтут? Что будет мотивировать их? За что они будут бороться? Что они будут ценить?". Но я предпочитаю здесь идти напролом. Я намеренно ставлю перед биологами (так же, как перед психологами и учеными в области социальных наук) вопросы, касающиеся нормативности и ценностей.

Вероятно, полезно выразить то же самое несколько иначе. Если (как это, по-моему, было в достаточной мере показано) человек представляет собой выбирающее, решающее, ищущее животное, то вопрос об осуществлении выборов и принятии решений неизбежно должен затрагиваться при любой попытке дать определение человеку как биологическому виду. Но осуществление выборов и принятие решений различаются по своему качеству, мудрости, эффективности. Тогда спрашивается: кто выбирает хорошо? Откуда он приходит? Какова история его жизни? Можем ли мы обучать этому умению? Что мешает этому? Что помогает этому?

Это, конечно, попросту новые формы старых философских вопросов: "Кто такой мудрец? Что он представляет собой?" А также — старых аксиологических вопросов: "Что есть хорошее? Что есть желательное? Что должно желать?".

Я хочу еще раз обратить внимание на то, что в нашей биологической истории мы пришли к такому моменту, когда должны принять на себя ответственность за свою собственную эволюцию. Мы стали "самозволюционирующими". Эволюция предполагает отбор, а, следовательно, выбор и принятие решений; это, в свою очередь, предполагает оценивание.

Соотношение души и тела.

Мне кажется, что мы находимся перед новым скачком в установлении связи субъективной жизни с внешними объективными показателями. Существующие новые показатели позволяют ожидать громадного скачка вперед в изучении нервной системы.

Чтобы объяснить эти ожидания и подготовку к будущим исследованиям, достаточно двух примеров. В одном из исследований, ныне широко известном, Дж. Олдс (*Olds*, 1955) обнаружил с помощью электродов, вживленных в септальную область головного мозга, что там находится настоящий "центр удовольствия". Когда для белой крысы были организованы такие условия, что она могла стимулировать свой мозг через эти электроды, она повторяла самостимуляцию вновь и вновь — пока электроды находились в этом центре удовольствия. Нет необходимости добавлять, что зоны неприятных ощущений или боли также были открыты и что при подсоединении электродов к ним животное, получив возможность стимулировать себя, отказывалось делать это. Что же касается стимуляции центра удовольствия, то она явно была настолько "ценной" (или желательной, или подкрепляющей, или вознаграждающей, или доставляющей удовольствие — можно найти и другие слова для описания этой ситуации), что животное отказывалось от любого из известных реальных внешних удовольствий — От пищи, от секса, от всего, чего угодно. У нас сейчас достаточно параллельных данных, касающихся человека, чтобы предположить наличие у него субъективных переживаний удовольствия, которые могут быть получены таким же образом.

Работы в этом направлении только начались, но уже удалось разграничить различные "центры" такого рода. Выделены центры сна, пищевого насыщения, сексуальной стимуляции и сексуального насыщения и т. д.

Если мы объединим этот тип исследования с другим, например в представленном в работе Дж. Камия (*Kamiya, 1968*), то откроются новые возможности. Дж. Камия, работая с электроэнцефалограммой (ЭЭГ) и оперантным обусловливанием, давал испытуемому сигнал визуальной обратной связи, когда частота альфа-ритма в его ЭЭГ достигала определенного значения. При этом, благодаря тому, что испытуемым была предоставлена возможность соотносить внешнее событие или сигнал с субъективно ощущаемым состоянием, они смогли произвольно управлять своей ЭЭГ. Дж. Камия показал, что человек способен приводить частоту своих альфа-волн к определенному желательному уровню.

Плодотворной и вдохновляющей в данном случае является закономерность, открытая совершенно случайно: приведение частоты альфа-волн к определенному уровню может формировать у испытуемого состояние безмятежности, созерцательности, даже счастья. Некоторые дальнейшие исследования, проведенные с людьми, овладевшими восточными методиками созерцания и медитации, показывают, что они спонтанно порождают электроэнцефалограммы, подобные тем "безмятежным" ЭЭГ, которым Дж. Камия сумел обучить своих испытуемых. Иначе говоря, уже есть возможность обучать людей испытывать счастье и безмятежность. Революционные последствия этого — не только для совершенствования людей, но также для биологической и психологической теории — многочисленны и очевидны. Имеется достаточно исследовательских проектов, чтобы занять на ближайшее столетие легионы ученых. В конце концов, проблема соотношения психики (или души) и тела, до сего времени считавшаяся неразрешимой, становится теперь предметом конкретной работы.

Данные, подобные вышеприведенным, имеют решающее значение для проблемы нормативной биологии. Очевидно, теперь можно сказать, что здоровый организм сам дает ясные и громкие сигналы относительно того, что он, организм, предпочитает, или выбирает, или признает желательным положением дел. Будет ли слишком большой натяжкой назвать это "ценностями"? Внутренними, в биологическом смысле, ценностями? Инстинктоподобными ценностями? Если мы высказываем описательное утверждение: "Лабораторная крыса, когда ей предоставлен выбор между нажатием двух кнопок, обеспечивающих самостимулирование, практически все время нажимает кнопку, связанную с центром удовольствия, предпочитая ее любой другой кнопке, вызывающей появление стимулов или обеспечивающих самостимулирование", — то отличается ли это утверждение чем-то существенным от фразы: "Крыса предпочитает самостимулирование своего центра удовольствия"?

Я должен сказать, что для меня неважно, пользуюсь ли я словом "ценности" или нет. Можно, конечно, описать все, что я описал, не употребляя этого слова. Возможно, в плане научной стратегии или, по меньшей мере, стратегии общения между учеными и общественностью, было бы более дипломатично не вносить путаницы разговорами о ценностях. По сути, я считаю это несущественным. Важно, однако, принять всерьез новые успехи психологии и биологии в изучении выборов, предпочтений, подкреплений, вознаграждений и т. д.

Необходимо отметить также, что в исследованиях и теоретизировании подобного типа мы сталкиваемся с логическим кругом. Он наиболее очевиден применительно к человеку, но я предполагаю, что эта проблема возникнет и при исследовании животных. Речь идет о замкнутом круге, заключенном в высказываниях типа: "Хороший экземпляр или здоровое животное выбирает или предпочитает то-то и то-то". Что нам делать с тем фактом, что садисты, извращенцы, мазохисты, гомосексуалисты, невротики, психотики, самоубийцы осуществляют другие выборы, чем "здоровые люди"? Не сопоставить ли эту дилемму с тем, что лабораторные животные с удаленными надпочечниками осуществляют иные выборы, чем так называемые "нормальные" животные? Хотелось бы пояснить, что я не считаю эту проблему неразрешимой, думаю лишь, что ее надо учитывать и решать, а не избегать или игнорировать. Среди людей очень легко отобрать "здоровых" лиц с помощью психиатрических и психологических тестов, а затем показать, что люди, получившие такой-то и такой-то результат, скажем, по тесту Роршаха или по тесту интеллекта, будут осуществлять и хорошие выборы пищи в кафетериях. Критерий отбора, таким образом, существенно отличается от поведенческого. Вполне возможно также и, с моей точки зрения, весьма вероятно, что с помощью неврологического самостимулирования можно будет показать, что так называемые "удовольствия" извращений, или убийства, или садизма, или фетишизма — это не "удовольствия" в том смысле, с которым мы встречаемся в экспериментах Дж. Олдса или Дж. Камия. Собственно, мы уже знаем это, пользуясь своими субъективными психиатрическими методиками. Любой опытный психотерапевт раньше или позже Приходит к пониманию того, что за невротическим "удовольствием" Или извращениями в действительности стоит очень много

страданий, боли и страха. В плане самой субъективной реальности мы знаем об этом от людей, испытавших как нездоровые, так и здоровые удовольствия. Они практически всегда говорят, что предпочитают последние и готовы содрогнуться, вспоминая первые. К. Уилсон (*Wilson, 1963*) ясно показал, что лица, совершающие половые преступления, обладают вовсе не сильными сексуальными реакциями, а весьма слабыми. Л. Киркендэл в книге "Добрачные связи и Межличностные отношения" (*Kirkendall, 1961*) также показывает субъективное превосходство секса, сопряженного с любовью, над сексом без любви.

Я сейчас работаю над одной группой следствий, вытекающих из гуманистически-психологической точки зрения, которая очерчена выше. Эта работа может послужить и прояснению радикальных следствий гуманистической философии биологии. Определенно можно сказать, что рассматриваемый подход (вместе с данными, на которые он опирается) говорит в пользу саморегуляции, самоуправления, автономного выбора организма. Организм в большей мере, чем предполагали столетие назад, обладает тенденцией к выбору здоровья, роста, биологического успеха. Учет этого приводит в общем к антиавторитарной, направленной против внешнего контроля позиции. Для меня это означает возврат к серьезному рассмотрению даосистской позиции не только в том виде, в котором она выражена в современных экологических и эволюционных исследованиях, научивших нас не вмешиваться и не управлять. Применительно к человеку эта позиция требует также больше доверять внутренним импульсам ребенка к психологическому росту и самоактуализации, что означает больший акцент на спонтанность и автономию, чем на предсказания и внешнее управление. Перефразируя главное положение моей книги "Психология науки" (*Maslow, 1966 a*), можно высказаться следующим образом.

В свете фактов, подобных вышеописанным, можем ли мы всерьез продолжать определять цели науки как предсказание и управление? Почти каждый мог бы утверждать прямо противоположное — во всяком случае, применительно к человеку. Хотим ли мы сами быть предсказанными или предсказуемыми? Управляемыми и доступными для управления? Я не пойду так далеко, чтобы утверждать, будто вопрос о свободе воли обязательно должен быть привлечен сюда в своей старой и классической философской форме, но утверждаю, что здесь возникают и требуют разрешения вопросы, связанные с субъективным чувством свободы (в противоположность детерминированности), с самостоятельным (а не управляемым извне) выбором и т. д. Во всяком случае, я могу определенно сказать, что психологически здоровые люди не любят, чтобы ими управляли. Они предпочитают чувствовать себя свободными и быть ими.

Еще одно общее следствие рассматриваемого способа мышления заключается в том, что неизбежно трансформируется образ ученого — не только в его собственных глазах, но и в глазах всего населения. Уже имеются данные (*Mead, Metraux, 1957*), говорящие о том, что, например, ученицы средней школы думают об ученых как о чудовищах и боятся их. Школьницы не видят в ученых, скажем, потенциальных хороших мужей. По-моему, это не просто следствие голливудских фильмов о "сумасшедшем ученом"; в этом образе есть нечто реальное и оправданное, хоть и очень преувеличенное. Факт состоит в том, что классической концепции науки соответствует человек управляющий, человек командующий, человек, манипулирующий людьми, животными, вещами. Он хозяин того, что становится объектом его внимания. Эта картина еще яснее применительно к "образу врача". На полусознательном или бессознательном уровне врач обычно воспринимается как хозяин, как управляющий, режущий, избавляющий от боли и т. д. Он определенно является боссом, властью, экспертом, тем, кто командует и говорит людям, что делать. Думаю, что этот образ нынче более всего вредит психологам; студенты колледжей очень часто считают их манипуляторами, лгунами, скрывающими правду и управляющими людьми.

А что, если признать, что организм обладает "биологической мудростью"? Если мы научимся больше доверять ему как самостоятельному, самоуправляемому и самостоятельно выбирающему, то, несомненно, как ученые (не говоря уже о врачах, учителях ИЛИ даже родителях) должны будем сделать свой образ в большей мере даосистским. Это единственное приходящее мне на ум слови, сжато описывающее многие элементы образа более гуманного ученого. Даосистский означает скорее спрашивающий, чем говорящий; не вмешивающийся; не управляющий. Даосистский подход делает упор на невмешивающемся наблюдении, а не на управляющем манипулировании, является созерцательным и пассивным, не активным и насильственным. Здесь уместно вспомнить поговорку: "Чтобы узнать что-то об утках, лучше послушать их кряканье, чем говорить самому". То же касается и рода человеческого; оптимальный метод узнать, что является для людей наилучшим — прислушаться к их мнению об этом.

Фактически, по такой модели работает хороший психотерапевт. Его сознательные усилия направлены не на то, чтобы навязать пациенту свою волю, а на то, чтобы помочь пациенту, — не осознающему или лишь частично осознающему и не умеющему Выразить себя, — открыть, что находится внутри него, пациента. Психотерапевт помогает ему понять, чего он сам хочет, что

хорошо для него, пациента, а не для психотерапевта. Это противоположно управлению, пропаганде, формированию, обучению в старом смысле и явно опирается на выводы и допущения, о которых упоминалось выше. Должен, однако, заметить, что очень редко на Практике появляется уверенность в движении большинства индивидов в направлении здоровья, ожидание того, что они предпочтут здоровье болезни; убежденность в том, что состояние субъективного благополучия служит показателем того, что "является наилучшим для индивида". Этот подход отдает предпочтение спонтанности перед управлением, доверию к организму — перед недоверием. Предполагается, что индивид хочет быть полноценным человеком, а не больным, страдающим или мертвым. В тех же случаях, когда психотерапевты обнаруживают желание смерти, мазохистские желания, поведение, ведущее к собственному поражению, саморазрушающее поведение, — мы научились видеть в этом нечто "больное" в том смысле, что сам индивид, если когда-нибудь испытает иное, более здоровое состояние, предпочтет его своей боли. Некоторые из нас фактически заходят так далеко, что рассматривают мазохизм, суицидальные побуждения, самонаказание и т. п. как глупое, неэффективное, неуклюжее движение на ощупь в том же направлении — к здоровью.

Нечто очень похожее справедливо для нового образа даосистского учителя, даосистского родителя, даосистского друга, даосистского любовника и, наконец, даосистского ученого.

Даосистская объективность и классическая объективность².

Классическая концепция объективности восходит к ранним этапам научного подхода к предметам как к безжизненным объектам изучения. Мы были объективны, когда исключали наши собственные желания, страхи и надежды из наблюдения (и когда исключали также предполагаемые желания и планы Высшего Божества). Это было большим шагом в познании и сделало возможной современную науку. Не следует, однако, пренебрегать тем фактом, что этот тип объективности и беспристрастности работает очень хорошо для бездушных объектов и даже с низшими организмами — здесь мы также в достаточной мере дистанцированы, не вовлечены, так что можем быть относительно не вмешивающимися наблюдателями. Для нас не имеет скольконибудь существенного значения, по какому пути будет двигаться амеба или какую пищу предпочтет гидра. Такая беспристрастность становится все более трудной по мере подъема по филогенетической "лестнице". Мы очень хорошо знаем, как легко — имея дело с собаками или кошками, а тем более с обезьянами — стать на путь антропоморфизма, проецируя на животных желания, страхи, надежды, предрассудки наблюдающего за ними человека. Когда же мы переходим к изучению людей, очевидно, что практически невозможно оставаться хладнокровным, спокойным, отстраненным, невовлеченным, невмешивающимся наблюдателем. В свете сегодняшних психологических данных отстаивать позицию такого наблюдателя становится невыполнимым.

Любой достаточно искушенный исследователь в области социальных наук знает, что он должен выяснить свои собственные предрассудки и предвзятые мнения перед тем, как начинать работу с какой-либо социальной или культурной группой. Это один из способов избежать предвзятых суждений — знать о них заранее.

Но я предлагаю другой путь к объективности, то есть к большей Проницательности, к большей точности восприятия действительности, находящейся вне наблюдателя. Это предложение основывается на наблюдении, что любящее восприятие — между возлюбленными или между родителями и детьми — порождает формы знания, которые не доступны без любви. Нечто подобное мы находим и в этологической литературе. Моя работа с обезьянами, Я уверен, являлась более "правдивой", более "точной", в определенном смысле объективно более истинной, чем если бы я не любил обезьян. Я же действительно был очарован ими, полюбил обезьян, с которыми работал, тогда как с крысами это было невозможно. Думаю, что работа, описанная К. Лоренцем, Н. Тинбергином, Дж. Гудолл и В. Шаллером, потому столь хороша, потому столь поучительна, просветляющая и правдива, что эти исследователи "любили" животных, которых они исследовали. Такая любовь порождает, по меньшей мере, интерес, очарованность и, благодаря этому, большое терпение на протяжении долгих часов наблюдения. Очарованная своим младенцем мать, вновь и вновь самозабвенно изучающая каждый квадратный дюйм его тела, конечно, имеет возможность в самом буквальном смысле узнать больше о своем ребенке, чем кто-либо, не интересующийся этим конкретным младенцем. Нечто в этом духе, как я обнаружил, имеет место и между возлюбленными: они так очарованы друг другом, что взаимное изучение, всматривание, вслушивание само становится глубоко увлекающей их деятельностью, которой они

² Полнее эта тема рассматривается в моей книге "The Psychology of Science: A Reconnaissance" (Maslow, 1966 a).

могут посвящать нескончаемые часы. Для человека, который не любит, это едва ли возможно — это бы наскучило слишком быстро.

Но "любящее знание", если так можно назвать его, обладает также и другими преимуществами. Когда человека любят, это Позволяет ему раскрыться, сбросить свои защиты, позволить себе быть обнаженным не только физически, но также психологически и духовно. Одним словом, он позволяет увидеть себя вместо того, чтобы прятаться. В обычных межличностных отношениях мы во многом непостижимы друг для друга. В любовных отношениях мы становимся "постижимыми".

Наконец (и, вероятно, это важнее всего), если мы любим, очарованны или глубоко заинтересованы, у нас меньше соблазна вмешиваться, управлять, изменять, улучшать. Я обнаружил: что то, что любим мы готовы оставить в неприкосновенности. В экстремальных случаях романтической любви или любви бабушек и дедушек к внукам объект любви может даже восприниматься как настолько совершенный, что любое его изменение (даже улучшение) рассматривается как нечто немыслимое и, более того, кощунственное.

Иными словами, мы согласны оставить его в покое, мы от него ничего не требуем, не хотим, чтобы он был другим: по отношению к нему мы можем быть пассивными и восприимчивыми. Иначе говоря, мы можем видеть его в истинном свете, таким, каков он есть по своей природе, а не таким, каким бы мы хотели (или боялись, или надеялись), чтобы он был. Одобрение его существования и того, как именно он существует — таков, каков он есть, — позволяет нам воспринимать его, не вмешиваясь в его поведение, не манипулируя им, не абстрагируясь от его конкретных особенностей. В той степени, в какой для нас возможно не вмешиваться, не требовать, не надеяться, не улучшать, — в такой степени мы достигаем этого специфического вида объективности.

Думаю, что это конкретный путь к определенным видам истины, к которым лучше приближаться именно этим путем. Я не утверждаю, что это единственный путь, или что все виды истины могут быть получены именно этим путем. Мы очень хорошо знаем по тем же самым ситуациям, что любовь, интерес, очарованность, поглощенность могут исказить некоторые другие истины об объекте. Я настаиваю только на том, что в полном арсенале научных методов "любящее знание" или "даосистская объективность" обладает определенными преимуществами в определенных ситуациях для достижения определенных целей. Если мы реалистично осознаём, что любовь к объекту изучения порождает определенные виды "слепоты", как и определенные виды проницательности, — то мы в должной мере предупреждены.

Я бы рискнул утверждать это даже относительно "любви к проблеме". С одной стороны, очевидно, что вы должны быть увлечены шизофренией, по меньшей мере, интересоваться ею, чтобы быть способным "приклеиться" к ней, изучать то, что ее касается, исследовать ее. С другой стороны, мы знаем также, что тот, кто полностью увлечен одной проблемой (в данном случае — проблемой шизофрении), склонен уделять меньше внимания другим проблемам.

Проблема Больших Проблем.

Этот заголовок — из прекрасной книги Олвина Вейнберга "Размышления о большой науке" (*Weinberg, 1967*). В этой книге имплицитно содержатся многие мысли, которые я хочу высказать явно. Используя его терминологию, можно выразить в более заостренной форме смысл этих заметок. Предлагаю наступление по типу Манхэттенского проекта на то, что я считаю поистине Большими Проблемами³ нашего времени — проблемами, стоящими не только перед психологией, но перед всеми людьми, в Какой-то мере обладающими чувством "исторической неотложности" (этот критерий важности исследования я бы добавил к классическим критериям).

Первая всеобъемлющая Большая Проблема состоит в том, чтобы создать Хорошего Человека. Люди должны стать лучше, Иначе вполне возможно, все мы или будем сметены с лица Земли, или если даже выживем, то как биологический вид будем жить в напряжении и тревоге. Необходимым предварительным условием здесь является, конечно, определение Хорошего Человека, и я в этих заметках уже высказывал разные мысли по данному вопросу. Не могу утверждать, что у нас уже есть некоторые начальные данные, некоторые показатели, скажем, в том же объеме, в каком они имелись в распоряжении людей, работавших над Манхэттенским проектом. Я лично уверен, что можно было бы организовать большую шумную программу, и мог бы назвать сто, или двести, или две тысячи частных или побочных проблем, которыми можно было бы занять огромное число людей. Хорошего Человека можно было бы назвать самоэволюционирующим человеком. ответственным за себя и за свою эволюцию, полностью просветленным, или разбуженным, или проницательным человеком, полностью человеческим, самоактуализирующимся и т. д. В любом случае совершенно ясно, что никакие социальные реформы, замечательные конституции,

³ Я использую здесь прописные буквы так, как это делает О. Вейнберг.

программы или законы не приведут ни к каким результатам, если только люди не будут достаточно здоровы, развиты, сильны и хороши, чтобы понимать их и желать Должным образом осуществить их на практике.

Другая Большая Проблема, столь же безотлагательная, как и Предыдущая, — это проблема создания Хорошего Общества. Между Хорошим Обществом и Хорошим Человеком существует своего рода обратная связь. Они нуждаются друг в друге и является друг для друга необходимыми условиями. Оставим в стороне вопрос, что появляется раньше: Хорошее Общество или Хороший Человек. Совершенно ясно, что они развиваются одновременно и в тандеме. В любом случае было бы невозможно достичь одного без другого. Под Хорошим Обществом я, в конечном итоге, понимаю некий целостный мир. Вместе с тем у нас есть Начальная информация (см. также главу 14) о возможностях собственно социальной, непсихологической организации. Теперь понятно, что при неизменном "качестве" индивида возможна социальная организация, побуждающая его либо к злumu, либо к доброму поведению. Главное состоит в том, что социальная институциональная организация должна рассматриваться независимо от психического здоровья, и в некоторой степени то, будет ли человек хорошим или плохим, зависит от социальных институтов и условий, в которых он оказывается.

Ключевое понятие социальной синергии состоит в том, что в некоторых примитивных культурах, а также внутри больших индустриальных культур существуют социальные тенденции, преодолевающие дихотомию эгоизма и альтруизма. Иначе говоря, существуют такие формы социальной организации, которые с необходимостью настраивают людей друг против друга. Но существуют и другие формы: человек, заботящийся о своем эгоистическом благе, с необходимостью помогает другим людям, хочет он того или нет, при этом человек, стремящийся быть альтруистичным и помогать другим людям, обязательно при этом должен получить личную выгоду. Примером здесь могут быть экономические меры, вроде нашего подоходного налога, который, действуя подобно сифону, выкачивает выгоды для всего населения из удачи любого отдельного лица. Противоположный эффект дают налоги на продажу, отбирающие пропорционально больше у бедных, чем у богатых. Этот последний эффект, отличный от "сифонного", Рут Бенедикт назвала "эффектом воронки" (см. главу 14).

Я должен со всей серьезностью подчеркнуть, что именно описанные проблемы суть главные Большие Проблемы, предшествующие любым другим. Большинство технологических достижений, о которых говорит О. Вейнберг в своей книге (и о которых говорили и другие), можно, по существу, рассматривать как средства достижения именно этих целей, а не как самостоятельные цели. Это означает, что если мы не вкладываем наши технологические и биологические усовершенствования в руки хороших людей, то эти усовершенствования бесполезны или опасны. И я отношу сюда даже борьбу с болезнями, увеличение продолжительности жизни, смягчение боли, горя и страданий вообще. Вопрос стоит так: кто хочет, чтобы злой человек жил дольше? Или был более могущественным? Очевидный пример здесь — стремление добиться военного использования атомной энергии раньше, чем это сделают нацисты. Атомная энергия в руках какого-нибудь Гитлера (а во главе наций сейчас немало подобных деятелей) — это, конечно, не благо. Это большая опасность. То же справедливо для любого другого технологического усовершенствования. Всегда можно задать решающий вопрос: это было бы хорошо для Гитлера или плохо для него?

Побочным результатом нашего технологического прогресса Шляется следующее: вполне возможно и даже вероятно, что сегодня злые люди более опасны и представляют большую угрозу, чем когда-либо в человеческой истории, просто благодаря той Мощи, которую дала им передовая технология. Весьма возможно, что с абсолютно безжалостным человеком, которого поддерживает безжалостное общество, нельзя справиться. Я думаю, что, если бы Гитлер победил, восстания против него были бы невозможны, так что его рейх в самом деле мог бы просуществовать тысячу или больше лет.

Поэтому я призываю всех биологов, как и всех других людей доброй воли, посвятить свои таланты решению двух Больших Проблем, описанных выше.

Приведенные соображения существенно подкрепили имеющееся у меня ощущение, что классическая философия науки как нравственно нейтральной, свободной от ценностей, ценностно-нейтральной не только ошибочна, но и чрезвычайно опасна. Она не только неморальна; она может быть антиморальной. Она чревата большим риском. Поэтому я вновь подчеркиваю, что сама наука создается людьми, исходит из человеческих страстей и интересов, как это блестяще объяснил М. Полани в книге "Личностное знание" (*Polanyi, 1958*). Наука и сама должна быть некоторым этическим кодом, что убедительно показано в статье Дж. Броновски (*Bronowski, 1969*). В самом деле, если признается имманентная ценность истины, то все результаты получаются благодаря тому, что мы отдаем себя на службу этой имманентной

ценности. Я бы добавил: наука может искать ценности, и я могу открывать их в самой природе человека. Фактически это уже делается, на уровне, по меньшей мере подкрепляющем такое утверждение, хотя окончательно, по всем правилам, его еще не доказывающем. Есть методики для выяснения того, что хорошо для человеческого рода, то есть каковы Ценности, внутренне присущие человеку. Было использовано несколько различных способов выявления, что же представляют собой эти встроены в человеческую природу ценности. Как я уже отмечал, это то, что делает человека здоровее, мудрее, доброжелательнее, счастливее, делает его в большей мере реализовавшим себя как в плане выживания, так и в плане роста.: Это позволяет мне предложить биологам возможные стратегии будущих исследований. Одна из них связана с наличием синергической обратной связи между душевным и физическим здоровьем. Большинство психиатров, многие психологи и биологи готовы допустить сегодня, что практически все болезни, а, может быть, именно все болезни без исключения могут быть названы психосоматическими или организмическими. Это значит, что если проследить развитие "физического" заболевания достаточно далеко и достаточно глубоко, то неизбежно найдутся внутри психические, внутри личностные и социальные переменные, которые также внесли вклад в его детерминацию. Это, конечно, не означает "одухотворенности" туберкулеза или перелома костей. Это попросту означает, что при изучении туберкулеза бедность также оказывается одним из факторов, способствовавших его возникновению. Что же касается костных переломов, то в свое время Г. Данбар (см. ее книгу "Психосоматический диагноз" — Dunbar, 1943) брала больных с переломами в качестве контрольной группы в своих исследованиях, предполагая, что уже здесь-то определенно не вовлечены никакие психологические факторы; к своему удивлению она обнаружила, что такие факторы есть. В результате мы теперь много знаем о "личности, склонной к несчастным случаям", так же, как (я позволю себе употребить такой термин) о "способствующей несчастным случаям среде". То есть даже перелом кости оказывается психосоматическим или "социосоматическим" (если рискнуть употребить и такой термин). Все это говорится к тому, что даже классическому биологу, или врачу, или исследователю-медику, стремящемуся унять человеческую боль и страдания, преодолеть болезнь, вполне можно посоветовать больше, чем ранее, следовать целостному подходу, учитывая психологические и социальные детерминанты изучаемых ими заболеваний. Например, уже сегодня есть достаточно данных, говорящих о том, что широкое наступление на рак, чтобы быть успешным, должно учитывать и так называемые психосоматические факторы.

Иначе говоря, есть указания (правда, главным образом это экстраполяции, а не твердо установленные данные) на то, что создание Хорошего Человека, улучшение психологического здоровья (с помощью, например, психиатрических методов терапии) способно также увеличить долголетие пациента и уменьшить его подверженность заболеваниям.

Не только неудовлетворение низших потребностей приводит к заболеваниям (их следует назвать "дефицитарными болезнями" в классическом смысле); то же относится и к тому, что я назвал метапатологиями (см. главу 23) и что можно назвать духовным, или философским, или экзистенциальным недугом. И в этом случае также можно говорить о дефицитарных болезнях.

Кратко подытоживая имеющиеся по этому вопросу данные, можно сказать следующее. Отсутствие удовлетворения базовых потребностей в безопасности и защите, в принадлежности, в любви, уважении, самооценке, идентичности, а также потребности в самоактуализации ведет к нездоровью и дефицитарным болезням.

Вместе взятые, они могут быть названы неврозами и психозами. Однако люди, базовые потребности которых удовлетворены и которые уже достигли самоактуализации и руководствуются такими метамотивами, как истина, добро, красота, справедливость, порядок, закон, единство и т. д., могут страдать от лишений на метамотивационном уровне. Недостаточное удовлетворение мета-мотивов (или, иначе говоря, недостаточная реализация соответствующих ценностей) ведет к тому, что я описал как общую и специфические метапатологии. Я бы поставил эти дефицитарные болезни в один ряд с цингой, пеллагрой, любовным голодом и т. д. Я бы добавил, что, классически и путь выявления потребности тела (например, в витаминах, минеральных веществах, базовых аминокислотах и т. д.) состоял в том, что вначале сталкивались с болезнью, причина которой неизвестна, а затем искали эту причину. Считается, что есть потребность в чем-то, если лишение этого приводит к болезни. Точно в том же смысле я утверждаю, что описанные мною базовые потребности и метапотребности также представляют собой биологические потребности в строгом смысле слова: лишения, препятствующие их удовлетворению, приводят к болезням. Исходя из этого, я изобрел термин "инстинктоидный", чтобы выразить свое твердое убеждение (подкрепленное достаточным количеством данных) в том, что рассматриваемые потребности связаны с основополагающей структурой самого человеческого организма, что сюда вовлечена некоторая генетическая основа, сколь бы слаба она

ни была. Это придает мне также уверенность в том, что в один прекрасный день будут открыты биохимические, неврологические, эндокринные субстраты или телесные механизмы, которые объяснят на биологическом уровне эти потребности и эти болезни.

Предсказание будущего.

В последние несколько лет состоялась масса конференций и симпозиумов, вышло много книг (не говоря уже о газетных статьях и разделах воскресных журналов) о том, каким будет мир в 2000 году ИЛИ в будущем столетии. Я посмотрел эту "литературу", если ее можно так назвать, и она меня больше встревожила, чем чему-то научила. Добрых 95% ее полностью посвящено чисто технологическим изменениям и совершенно оставляют в стороне вопросы о добре и зле, о правильном и ошибочном. Иногда все это кажется едва ли не аморальным. Много говорится о новых машинах, протезах человеческих органов, о новых типах автомобилей, поездов и самолетов, а особенно — о все больших и лучших холодильниках и стиральных машинах. Иногда, конечно, эта литература пугает меня — когда как бы между прочим говорится о возросших возможностях массового уничтожения, вплоть до угрозы гибели человечества.

Проявлением слепоты по отношению к реальным проблемам является то, что практически все участники этих конференций далеки от исследований личности. Значительную часть составляют физики, химики и геологи, а среди биологов преобладают занимающиеся молекулярной биологией и подобными вещами, то есть представляющие не столько описательный, сколько редуционистский тип биологических изысканий. Психологи и социологи, которых, случается, привлекают для выступления по данной проблеме, — это, по существу, технологи, "эксперты", руководствующиеся концепцией науки, свободной от ценностей.

В любом случае совершенно ясно, что вопросы "усовершенствования" в очень большой мере касаются усовершенствования средств безотносительно к целям и без учета той очевидной истины, что более мощное оружие в руках тупых или злых людей попросту означает более могущественную глупость или более могущественное зло. То есть на деле эти технологические "усовершенствования" могут быть скорее опасными, чем полезными.

Мое беспокойство связано также с тем, что значительная часть разговоров о XXI веке остается на чисто материальном уровне, касаясь, например, индустриализации, модернизации, возрастающего изобилия, более полного обладания многими вещами, увеличения возможностей производства пищи с помощью, например, "сельскохозяйственного" освоения морей или того, как справиться с демографическим взрывом, делая города более эффективными.

Незрелый, школярский характер многих разговоров, посвященных предсказаниям, проявляется еще вот в чем. Большая доля предсказаний — это просто беспомощные экстраполяции, отталкивающиеся от того, что существует сегодня, простое продолжение кривых за ту точку, на которой мы находимся теперь. Исходя из нынешней скорости роста населения, говорится, что в 2000 году будет на столько-то людей больше; при нынешней скорости роста городов в 2000 году будет такая-то и такая-то ситуация в городах, и т. п. Как будто мы не в состоянии владеть нашим собственным будущим или планировать его, как будто не можем изменить нынешние тенденции, если мы не одобряем их! Например, я бы считал, что планы на будущее требуют уменьшения нынешнего населения Земли. В мире нет оснований, по крайней мере биологических, почему это нельзя сделать, если человечество захочет это сделать. То же самое справедливо для структуры городов, устройства автомобилей, организации воздушных сообщений и т. д. Подозреваю, что существующий сегодня тип предсказаний — это побочный продукт свободной от ценностей, чисто описательной концепции науки.

2. Невроз как неудача личностного роста.

Не претендуя на полноту рассмотрения темы, я решил обсудить лишь некоторые ее аспекты — отчасти потому, что мне пришлось работать с ними, отчасти потому, что я считаю их особенно важными, но главным образом потому, что ими пренебрегали.

Невроз принято рассматривать ныне в определенном аспекте — как некоторое поддающееся описанию патологическое состояние, существующее в настоящее время как вид заболевания или нездоровья. Но мы научились видеть его также диалектическим образом — одновременно и как некоторый вид движения вперед, к здоровью и полной человечности, однако движения неуклюжего, робкого, осуществляемого ощупью, под эгидой страха, а не мужества — но при этом охватывающего будущее так же, как и настоящее.

Все данные, которыми мы располагаем (главным образом клинические, но также и некоторые другие), говорят о том, что практически в каждом человеке и, безусловно, почти в каждом новорожденном младенце резонно предположить наличие активного стремления к здоровью, импульса к росту, к актуализации человеческих потенций. Но сразу же мы сталкиваемся с весьма огорчительным осознанием того, как мало людей действительно реализуют их. Только небольшая часть населения достигает точки идентичности, самости, полной человечности, самоактуализации и т. п. — даже в американском обществе, одном из относительно наиболее благополучных на Земле. В этом наш большой парадокс. Мы обладаем импульсом к полному развитию человечности в нас. Так почему же это не происходит чаще? Что тормозит этот процесс?

В этом наш новый подход к проблеме человечности, сочетающий признание высоких возможностей человека с глубоким сожалением по поводу того, что они так редко актуализируются. Этот подход контрастирует с "реалистическим" принятием и рассмотрением как нормы того, что имеет место. Так поступал, например, А. Кинси в своих исследованиях сексуального поведения, и этот же принцип используется сегодня в телевизионных опросах. При этом получается, что нормальность с описательной точки зрения, с точки зрения свободной от ценностей науки — то есть средний уровень — представляет собой лучшее, на что мы можем рассчитывать, и, значит, мы должны им довольствоваться. С моей точки зрения, такая нормальность — это скорее вид болезни, или задержки развития, или уродства, которым мы все страдаем и потому не замечаем его. Вспоминаю старый учебник по аномальной психологии, которым я пользовался, будучи студентом. Это была ужасная книга, но в ней был замечательный фронтиспис. На нижней половине картинки были изображены младенцы — розовые, восторженные, невинные, любвеобильные. А сверху были показаны пассажиры в вагоне метро — мрачные, серые, угрюмые, раздраженные. Подпись гласила: "Что случилось?". Именно об этом я и веду речь.

Замечу также, что часть того, что я делал и что я сейчас хочу сделать, обнаруживается теперь под именем стратегии и тактики исследований, подготовки к исследованиям, и попыток выразить клинический опыт и личный субъективный опыт так, чтобы мы могли полнее познать его научным путем, то есть проверяя и испытывая, уточняя и устанавливая, так ли все это на самом деле, не ошиблась ли интуиция и т. д., и т. п. Имея в виду эту цель, а также тех, кто интересуется философскими проблемами, я хотел бы кратко коснуться некоторых теоретических вопросов, существенных для последующего изложения. Это старая проблема соотношения между фактами и ценностями, между сущим и должным, между дескриптивным (описательным) и нормативным (предписывающим) — ужасная проблема для философов, занимающихся ею с тех самых пор, как возникла философия, но не продвинувшихся слишком далеко в ее решении. Поделюсь некоторыми соображениями, которые помогли мне разобраться в этой старой философской проблеме, найти, можно сказать, третий путь в ее решении.

Слова-сплавы.

Я имею в виду здесь общий вывод, основания для которого взяты мною частично у гештальтпсихологов, а частично из клинического и психотерапевтического опыта. Речь идет о том, что факты, в духе Сократа, часто указывают в определенном направлении, то есть задают векторы. Ведь факты не лежат мертвым грузом — они больше напоминают указательные столбы, говоря вам, что делать, предлагая вам нечто, подталкивая вас в одном направлении, а не в другом. Они "призывают", они имеют "побудительный характер", они даже "требуют", как выразился В. Кёлер в книге "Место ценностей в мире фактов" (*Kohler, 1938*). Я часто чувствую, что как только мы знаем достаточно, то знаем, что делать, или гораздо лучше знаем, что делать; что достаточное знание часто позволяет решить проблему, помогает нам в моменты морального и этического выбора, когда мы должны решить, делать одно или другое. Например, наш обычный опыт в психотерапии говорит нам, что чем больше люди узнают (и осознают) свои решения, тем более легкими, более автоматическими становятся их выборы.

Полагаю, что существуют факты и слова, являющиеся одновременно и нормативными и дескриптивными. Назовем их "слова-сплавы", имея в виду сплав фактов и ценностей. За этим стоит попытка внести вклад в решение проблемы соотношения между сущим и должным.

Я лично продвинулся в этом направлении (и думаю, что этот путь — общий для всех нас), начав действовать чисто нормативным способом, например, задавая вопросы: "Что есть нормальное?", "Что есть здоровое?". Мой бывший профессор философии, до сих пор по-отечески любящий меня (а я испытываю к нему сыновние чувства), как-то прислал мне озабоченное письмо, вежливо пеняя мне за кавалерийский подход к старым философским проблемам. Он писал примерно так: "Понимаете ли вы, что делаете? За этой проблемой стоят две тысячи лет размышлений, а вы скользите по этому тонкому льду так легко и беспечно". В своем ответе я,

насколько помню, попытался объяснить, что именно таким образом действует ученый, что в этом часть его исследовательской стратегии — проскальзывать как можно быстрее мимо давних философских трудностей. Я написал, что мою стратегическую установку в развитии знания можно определить с философской точки зрения как "убежденную наивность". И думаю, что именно с этим мы и сталкиваемся здесь: говорить о нормальном и здоровом, о том, что хорошо и что плохо, часто будучи при этом весьма произвольным — эвристично, а значит правильно. В одном из моих исследований фигурировали хорошие и плохие картины, и я совершенно спокойно записал в подстрочном примечании: "Под хорошими картинами здесь понимаются те, которые мне нравятся". Могу утверждать, что это не такая уж плохая стратегия. При изучении людей со здоровой психикой, самоактуализирующихся людей и т. д. имело место постепенное, но уверенное движение от явно примитивного и откровенно субъективного подхода в направлении все более дескриптивных, объективных слов — вплоть до точки, где мы имеем сегодня стандартизированный тест самоактуализации (*Shostrom, 1963*). Самоактуализацию можно теперь определить вполне операционально, подобно интеллекту, как то, что измеряется соответствующим тестом. Она хорошо коррелирует с внешними переменными разного рода и обогащается дополнительным содержанием. В итоге я чувствую эвристически целесообразным начинать с моей "убежденной наивности". Большая часть того, что мне удалось увидеть интуитивно, непосредственно, субъективно, подтверждается теперь числами, таблицами и кривыми.

Полная человечность.

Теперь я хотел бы сделать еще один шаг к понятию-сплаву "полная человечность", еще более дескриптивному и объективному по сравнению с понятием "самоактуализация" и вместе с тем сохраняющему необходимую нормативность. Я надеюсь таким образом продвинуться от интуитивного эвристического начального этапа ко все большей определенности, надежности, внешней валидации, что в свою очередь должно повысить научную и теоретическую полезность данного понятия. На такой путь натолкнули меня более пятнадцати лет назад аксиологические труды Роберта Хартмана (*Hartman, 1959*), который определял понятие "хороший" как степень соответствия объекта его определению или понятию. Это навело меня на мысль, что понятию человечности может быть в исследовательских целях придана количественная характеристика. Например, полную чело вечность можно определить, составив некий реестр: полная человечность включает способность к абстрагированию, владение языком в соответствии с правилами грамматики, способность любить, иметь ценности определенного типа, трансцендировать свое Я и прочее, и прочее. При желании можно составить полное определение в виде такого реестра. Правда, эта мысль заставляет нас поежиться, но она может быть очень полезной, хотя бы тем, что позволяет исследователю теоретически уяснить, что понятие может быть дескриптивным и количественным — и одно временно нормативным, то есть можно сказать, что этот человек ближе к полной человечности, чем тот. Или даже мы можем сказать: этот человек более человечен, чем тот. Мы имеем здесь дело со словом-сплавом в упомянутом выше смысле. Рассматриваемое понятие — действительно объективно-описательное.

Поскольку оно не связано с моими желаниями и вкусами, моей Личностью, моими невротами; мои неосознаваемые стремления, Или страхи, или тревоги, или надежды гораздо легче исключить из понятия полной человечности, чем из понятия психологического здоровья.

Если вам когда-нибудь придется работать с понятием психологического здоровья (либо иного вида здоровья или нормальности), вы испытаете громадное искушение спроецировать на него наши собственные ценности и превратить его в ваше самоописание или, может быть, описание того, каким бы вы хотели быть Или какими, по вашему мнению, людям следует быть, и т. д. Вам придется все время бороться с этим искушением, и вы убедитесь, что достичь в такой работе объективности хотя и возможно, но очень трудно. И в любом случае у вас не может быть полной уверенности, не допускаете ли вы так называемой ошибки выборки? Так или иначе, если люди отбираются для исследования на основе ваших субъективных суждений, субъективного диагноза, такого рода ошибки выборки более вероятны, чем если отбор производится на основе некоего более объективного критерия.

Ясно, что слова-сплавы в научном отношении обладают преимуществом по сравнению со словами более близкими к чистой Нормативности и, вместе с тем, позволяют избежать еще худшей ловушки — веры в то, что наука должна быть обязательно свободной от ценностей и ненормативной, то есть — не человеческой. Понятия-сплавы и слова-сплавы позволяют нам участвовать в нормальном движении науки и знания вообще от его феноменологических и опытных предпосылок к большей надежности, валидности, уверенности, точности, к большей вовлеченности других людей и согласию с ними.

К числу слов-сплавов, несомненно, относятся также такие, как "зрелый", "развитый", "отсталый", "уродливый", "полноценно функционирующий", "изящный", "неуклюжий" и т. п. Есть гораздо больше слов, в которых сплав нормативного и дескриптивного менее очевиден. И, может быть, мы когда-нибудь придем к тому, чтобы считать слова-сплавы образцовыми, нормальными, обычными и главными. А слова, в большей мере являющиеся чисто дескриптивными или чисто нормативными, будут тогда рассматриваться как второстепенные и составляющие исключение. Думаю, что это Придет вместе с тем новым гуманистическим мировоззрением, которое сейчас быстро оформляется, обретает структуру.

Я считаю понятие "степень человечности" более полезным, чем такие, как "социальная компетентность", "человеческая эффективность" и т. п. Прежде всего, как мне уже случалось отмечать, эти последние слишком внепсихологичны и не учитывают в достаточной мере качество сознания, внутриспсихические или субъективные способности, такие, например, как способность наслаждаться музыкой, размышлять и созерцать, смаковать ароматы, слышать свои "внутренние голоса" и т. д. Между тем, ладить со своим внутренним миром не менее важно, чем быть компетентным в сфере окружающей действительности и социальных отношений. Еще важнее с точки зрения теоретической элегантности и исследовательской стратегии то, что эти понятия менее объективны и в меньшей степени поддаются количественной характеристике, чем перечень свойств, образующих понятие человечности.

Добавлю, что не считаю какую-либо из этих моделей противостоящей медицинской модели. Нет нужды противопоставлять их друг другу. Болезни в медицинском смысле уменьшают человеческие возможности и потому ложатся на шкалу от большей к меньшей человечности. Конечно, хотя медицинская модель болезни необходима (для опухолей, вирусных инфекций, язв и т. п.), она определенно недостаточна (применительно к невротическим, характерологическим или духовным расстройствам).

Снижение человечности.

Одним из следствий такого употребления понятия "полная человечность" вместо "психологического здоровья" является соответствующее или параллельное использование понятия "снижение человечности" вместо "невроза" — последний термин полностью устарел. Ключевым понятием является здесь потеря или недопущение актуализации человеческих способностей и возможностей; при этом, конечно же, уместно говорить о степени и количестве. К тому же, предлагаемое понятие в большей мере допускает возможность внешнего наблюдения через поведенческие проявления, то есть его легче исследовать, чем, например, тревогу, навязчивость или вытеснение. Удастся поместить в единый континуум все традиционные психиатрические понятия, все отклонения и торможения, имеющие своими источниками нищету, эксплуатацию, угнетение, низкий уровень образования, порабощение и т. п. и вместе с ними — более новые ценностные патологии, экзистенциальные и характерологические расстройства, возникающие у людей из экономически привилегированных слоев. Сюда же укладываются и "снижения человечности", вызванные наркоманией, психопатией, авторитаризмом, преступностью и другими явлениями, которые нельзя назвать "болезнями" в таком же медицинском смысле, как, например, опухоль мозга.

Это радикальный отход от медицинской модели — отход, который давно назрел. Строго говоря, термин "невроз" означает болезнь нервов. Это реликт, без которого мы вполне можем обойтись сегодня. Использование термина "психическая болезнь" ставит невроз в один ряд с язвами, травмами, вирусными инфекциями, переломами костей и опухолями. Но к настоящему времени мы убедились в том, что правильнее связывать невроз с духовными расстройствами — сомнениями по поводу целей и смысла жизни, сожалением или гневом по утраченной Любви, потерей мужества или надежды, отчаянием перед лицом будущего, ощущением, что жизнь прожита напрасно или что нет Шансов на радость и любовь, и т. п.

Все это — падения с высоты полной человечности, полного воплощения человеческой природы. Это утрата человеческих возможностей — тех, которые могли бы быть и которые, возможна, еще сохранились. Физическая и химическая гигиена и профилактика играют, конечно, свою небольшую роль в этой сфере психопатогенеза, но они ничто в сравнении с гораздо более существенной ролью социальных, экономических, политических, религиозных, образовательных, философских, аксиологических и семейных факторов.

Субъективная биология.

Есть и другие важные преимущества, которые способен дать Тот психолого-философско-образовательно-духовный подход. Существенным мне представляется, в частности, то, что он

способствует правильному концептуальному использованию той биологической и конституциональной основы, учет которой является предпосылкой любой дискуссии об идентичности, о "реальном Я", о личностном росте, о вскрывающей терапии, о полной человечности или ее снижении, о самотрансценденции и о любых вариантах всего этого. Короче говоря, я полагаю, что помочь индивиду двигаться к полной человечности можно только через осознание им своей идентичности. Очень важная часть этого — знание того, чем этот индивид является: биологически, с точки зрения темперамента, конституционально, как представитель вида; знание его способностей, желаний, потребностей, а также того, для чего он пригоден, его, можно сказать, призвания или судьбы. Выражаясь ясно и недвусмысленно, абсолютно необходимым аспектом этого знания о себе является то, что я называю "инстинктоидным" знанием своей внутренней биологии, своих животных и видовых человеческих качеств. Собственно, и психоанализ пытается помочь индивиду осознать свои животные влечения, потребности, напряжения, склонности, тревоги, угнетающие мысли. Вспомним и проводимое К. Хорни разграничение реального Я и псевдо-Я. Разве это не субъективное установление того, чем в действительности является индивид? Но ведь он — это прежде всего его тело, конституция, функционирование, его видовые свойства. Мне как теоретику доставила большое удовольствие эта изящная интеграция З. Фрейда, К. Гольдштейна, У. Шелдона, К. Хорни, Р. Кэттелла, В. Франкла, Р. Мэя, К. Роджерса, Г. Мюррея и многих других. Возможно, даже Б. Скиннер мог бы быть приглашен в эту компанию, поскольку я подозреваю, что список всех его "внутренних подкреплений" применительно к человеку был бы близок к предложенной мною "иерархии инстинктоидных базовых потребностей и метапотребностей".

Полагаю, что эта парадигма работает даже на высших уровнях личностного развития, когда человек преодолевает (трансцендирует) свою собственную личность. Уверен, что не ошибаюсь, признавая вероятный инстинктоидный характер высших ценностей, то есть того, что может быть названо духовной или философской жизнью. Даже эта личная аксиология может, по моему ощущению, быть подведена под категорию "феноменологии собственной инстинктоидной природы", или "субъективной биологии", или "биологии переживания", или чего-то в этом духе.

Подумаем о больших теоретических и научных преимуществах единого континуума степени или количества человечности применительно не только к тем болезням, о которых говорят психиатры и другие врачи, но и к тем, которые беспокоят экзистенциалистов, философов, религиозных мыслителей и социальных реформаторов. Более того, на той же шкале мы можем разместить все известные нам степени и виды здоровья плюс даже высшее трансцендентное здоровье мистического слияния с космическими силами и другие высшие возможности человеческой природы, которые предстоит еще раскрыть в будущем.

Внутренние сигналы.

Размышления в этом направлении имели для меня особое преимущество; они привлекли мое внимание к тому, что я вначале назвал "голосами импульсов", но что лучше было бы назвать более общо, например "внутренними сигналами" (или стимулами). Ранее я не вполне понимал, что при большинстве неврозов, так же как и при многих других расстройствах, внутренние сигналы ослабевают или даже совсем исчезают (как у больных с тяжелыми формами навязчивых состояний), перестают быть слышимыми либо не могут быть услышаны. В пределе мы получаем индивида с "пустым опытом", с пустым внутренним миром, получаем зомби. Открытие самости, своего Я обязательно должно включать открытие способности иметь и воспринимать эти внутренние сигналы, знать, что и кто тебе нравится, а что и кто не нравится, что доставляет удовольствие, а что нет, когда принимать пищу, а когда не надо, когда спать, когда мочиться, когда отдыхать.

Индивид с пустым опытом, не имея этих указаний изнутри, этих голосов своего действительного Я, должен обратиться за руководством к внешним сигналам, например принимать пищу, посмотрев на часы, а не исходя из своего аппетита (который у него отсутствует). Он подчиняется часам, правилам, календарям, расписаниям, сигналам и намекам других людей.

Как бы то ни было, полагаю, что моя трактовка невроза как неудачи личностного роста должна быть уже ясна. Это неудача в достижении того, чем индивид мог стать и даже, я бы сказал, должен был стать, если бы, выражаясь биологически, он рос и развивался беспрепятственно. Но его человеческие и личностные возможности оказались упущены, его мир и сознание — сужены, способности — подавлены. Мне приходит на ум, например, замечательный пианист, который, однако, не может играть перед аудиторией, превышающей несколько человек, или индивид, страдающий фобией, который вынужден избегать высоты или толпы. Человек, который не может учиться, или спать, или есть многие продукты, оказывается ограниченным, сниженным в своих возможностях точно так же, как человек, которого ослепили. Когнитивные потери, утрата

удовольствий, радости, моментов экстаза⁴, потеря компетентности, неспособность расслабиться, ослабление воли, боязнь ответственности — все это снижение человечности.

Я упомянул некоторые преимущества замены понятий о психологических болезнях и здоровье более прагматическим, допускающим количественную оценку понятием полной или сниженной человечности, представляющимся мне более обоснованным также с биологической и психологической точек зрения. Но прежде чем двинуться дальше, я хотел бы отметить, что это снижение, конечно, может быть либо обратимым, либо необратимым. Например, у нас гораздо меньше надежд, когда мы имеем дело с параноиком, чем, скажем, с милой, любвеобильной истеричкой. И, конечно, говоря фрейдистским языком, такое снижение носит динамический характер. Исходная фрейдистская схема отражает внутреннюю диалектическую связь между импульсом и защитой от этого импульса. В том же смысле снижение человечности приводит к некоторым процессам и их последствиям. Лишь иногда оно сводится к некоторому окончательному результату, допускающему простое описание. У большинства людей утраты, о которых идет речь, ведут не только ко всевозможным защитным процессам, хорошо описанным фрейдистами и другими психоаналитиками (например, к подавлению чувств, отрицанию, конфликтам). Они порождают также реакции совладания, на что мне уже доводилось обращать внимание (*Maslow, Mittelman, 1941*).

Сам по себе конфликт, конечно, служит знаком относительного здоровья, с чем вы согласитесь, если вам приходилось встречать по-настоящему апатичных и потерявших надежду людей, тех, кто отказался от каких-либо стремлений и попыток приспособиться к ситуации, справиться с трудностями. Невроз, напротив, оставляет большие надежды. Он означает, что человек, пусть испуганный, не доверяющий себе, низко оценивающий себя, все же претендует на человечность, на удовлетворение важнейших потребностей, на которое каждый имеет право уже потому, что родился человеком. Можно усмотреть здесь некое робкое и неэффективное стремление к самоактуализации, к полной человечности.

Как уже говорилось, снижение человечности может быть обратимым. Очень часто, особенно у детей, простое предоставление возможностей для удовлетворения потребностей способно решить проблему. Ибо первое, что может помочь ребенку, не испытывавшему достаточно любви, — это горячо полюбить его, буквально раствориться в нем. Клинический, да и весь человеческий опыт говорит, что это помогает (у меня нет статистики, но я подозреваю, что в девяти случаях из десяти). Подобно этому, уважение — чудесное лекарство для преодоления чувства неполноценности. Из сказанного с необходимостью следует вывод, что если понятия здоровья и болезни, свойственные медицинской модели, устарели применительно к рассматриваемой области, то медицинское понятие лечения и образ авторитарного врача также требуют замены.

Комплекс Ионы.

Я хотел бы коснуться одной из многочисленных причин того, что А. Энгял (*Angyal, 1965*) назвал "уклонением от роста". Каждый из нас имеет импульс к самосовершенствованию, к более полной актуализации наших потенций, к самоактуализации, или к полной человечности, или к самоосуществлению, называйте это как угодно. Но если это так, то что сдерживает нас? Что тормозит нас?

Об одной из таких защит от роста хотелось бы поговорить специально, поскольку на нее обычно не обращают особого внимания. Я называю ее комплексом Ионы (это название предложил мой друг профессор Фрэнк Мэньюзел).

Вначале в своих заметках я называл эту защиту "боязнью собственного величия", или "уходом от своего предназначения", или "бегством от своих лучших талантов". Я хотел подчеркнуть со всей возможной ясностью ту нефрейдистскую точку зрения, что мы боимся не только худшего, но и лучшего в нас, хоть и по-разному. Большинство из нас определенно может быть человечнее, чем мы есть. Все мы обладаем неиспользованными или не полностью развитыми потенциями. Определенно можно сказать, что многие из нас уклоняются от дела (призвания, судьбы, жизненной задачи, миссии), к которому мы предрасположены конституционально. Часто мы бежим от ответственности, которую возлагает на нас (или, скорее, предлагает нам) природа, судьба, а иногда и случай, подобно тому, как Иона пытался — тщетно — уйти от своей судьбы.

Мы страшимся наших высших возможностей (как и низших). Мы обычно боимся стать такими, какими предстаем в наши лучшие моменты, в наиболее благоприятствующих условиях, проявляя наибольшее мужество. Нас радуют и даже приводят в трепет те божественные возможности,

⁴ Значение утраты пиковых переживаний для стиля жизни было очень хорошо раскрыто во "Введении в новый экзистенциализм" Колина Уилсона (*Wilson, 1967*).

которые мы обнаруживаем в себе в такие пиковые моменты — но одновременно мы содрогаясь от слабости и страха перед лицом этих же самых возможностей.

Я легко демонстрирую это своим студентам, спрашивая их:

"Кто из вас в этой аудитории надеется написать великий американский роман, стать сенатором, губернатором, президентом? Кто хочет быть генеральным секретарем ООН? Или великим композитором? Кто мечтает стать святым, подобно А. Швейцеру? Кто из вас станет великим лидером?". Обычно все начинают смущаться и хихикать, пока я не задаю вопрос: "Если не вы, то кто?". Подобным же образом я подталкиваю своих аспирантов к высокому уровню притязаний, спрашивая: "Какие великие книги вы втайне планируете написать?". И опять-таки они часто смущаются, запинаясь и стараются уйти от ответа. Но разве я не должен задавать такой вопрос? Кто еще напишет книги по психологии, если не психологи? Поэтому я могу спросить каждого из них:

"Ты не хочешь быть психологом?" — "Хочу", — следует ответ "Но разве ты учишься, чтобы стать безгласным или пассивным психологом? Какой в этом толк? Это не лучший путь к самоактуализации. Нет, ты должен хотеть стать первоклассным психологом, самым лучшим, каким только способен стать. Если сознательно планировать достигнуть меньше, чем ты способен, то предупреждаю, что ты будешь глубоко несчастен всю оставшуюся жизнь, отказываясь от своих способностей и возможностей".

Мы не только занимаем двойственную позицию по отношению к нашим собственным высшим возможностям. Мы также постоянно — и, вероятно, неизбежно — проявляем противоречивое и двойственное отношение к этим высшим возможностям других людей и человека вообще. Разумеется, мы любим хороших людей, святых честных, доброжелательных, чистых, восхищаемся ими. Но разве можно, заглянув в глубины человеческого естества, не признать наличие смешанных, а часто даже враждебных чувств по отношению к святым людям? Или к очень красивым женщинам и мужчинам? Или к великим творцам? Или к нашим интеллектуальным гениям? Не надо быть психотерапевтом, чтобы увидеть это явление, — на зовем его "контрочениванием". Любой исторический источник дает тому множество примеров, и вряд ли во всей истории человечества найдется хоть одно исключение. Конечно, мы восхищаемся людьми, воплотившими в себе истину, добро, красоту, справедливость, совершенство, успех. Но одновременно они заставляют нас испытывать неловкость, беспокойство, смущение, в какой-то мере ревность или зависть, чувство неполноценности, неуклюжести. Они лишают нас нашего апломба, самообладания, самоуважения. (Ницше здесь до сих пор — наш лучший учитель.)

Мы нащупали первый ключ. Представляется, что величайшие люди своим существованием, независимо от своих намерений, заставляют нас ощутить нашу меньшую ценность. Если этот эффект не осознается и мы не понимаем, почему чувствуем себя глупыми, или уродливыми, или униженными, когда появляется такой человек, то склонны реагировать по принципу проекции, то есть как если бы он старался унижить нас, как если бы мы были для него мишенью (*Huxley*, 1963). В таком случае наша враждебность оказывается вполне понятным следствием. Мне думается, что осознание происхождения должно устранить эту враждебность. Если вы осознаете и проанализируете ваше собственное контроченивание, то есть ваш неосознанный страх правдивых, добрых, красивых и т. п. людей, скрытую враждебность к ним, то вполне вероятно, что последняя уменьшится. Можно предположить также, что, если вы сможете научиться более чистой любви к высшим ценностям в других людях, это побудит вас любить такие ценности и в самом себе, в меньшей мере боясь их.

Этому способствует благоговение перед высшим, классическое описание которого дал Р. Отто (*Otto*, 1958). Учитывая также интересные мысли М. Элиаде (*Eliade*, 1961) о сакрализации и десакрализации, мы начинаем лучше понимать универсальный характер боязни прямой встречи с Богом или Божественным. В некоторых религиях неизбежным результатом такой встречи является смерть, и в большинстве дописанных обществ есть места или объекты, на которые наложено табу как на особо священные и потому особо опасные. В последней главе моей книги "Психология науки" (*Maslow*, 1966 а) также приведены примеры десакрализации и ресакрализации, в основном из области науки и медицины, и попытка объяснить психодинамику этих процессов. По большей части она сводится к благоговению перед высшим и наилучшим. Хотелось бы подчеркнуть, что благоговение здесь является внутренним, оправданным, правомерным, уместным, а не болезнью или слабостью, требующей "лечения".

И вновь я чувствую, что страх и благоговение перед высшими достижениями — это не обязательно только нечто отрицательное, заставляющее нас ежиться или спасаться бегством. Они могут выступить как желательные, приносящие наслаждение чувства, способные привести нас к наивысшему экстазу и восторгу. Осознание, инсайт, "проработка" в духе Фрейда — вот то,

что здесь, по-моему, нужно. Это наилучший известный мне путь принятия наших высших сил, всех тех элементов величия, божественности, мудрости или таланта, которые мы скрываем или которых избегаем.

Определенный свет на рассматриваемую проблему пролили Мои попытки понять, почему пиковые переживания обычно преходящи и кратки. Ответ становится все яснее. Мы просто недостаточно сильны, чтобы выдерживать их дольше! Такие переживания слишком потрясают и утомляют нас. Недаром люди в подобные моменты экстаза часто говорят: "Это чересчур", или "Я этого не вынесу", или "Я чуть не умер". Читая эти описания, я Иногда чувствую: да, они могли умереть. Высшее счастье не может длиться долго. Наши организмы слишком слабы для больших доз величия, так же как они, например, не смогли бы выдержать сексуальный оргазм часовой продолжительности.

Термин "пиковое переживание" (peak-experience) оказался более подходящим, чем я думал вначале. Острая эмоция должна быть кратковременной, но она должна уступить место неэкстатическому, спокойному счастью, связанному с ясным познанием высших ценностей. Пиковая эмоция не может быть продолжительной, но бытийное познание может.

Не поможет ли сказанное выше понять комплекс Ионы? Это частично оправданный страх потерять контроль над собой, быть смятым в лепешку и растерзанным, даже убитым сильными переживаниями. Большие эмоции могут в самом деле сокрушить нас. Страх подчиниться такому развитию событий (он напоминает страхи, обнаруживаемые при сексуальной фригидности) может быть лучше понят при знакомстве с литературой по психодинамике и глубинной психологии, а также по психофизиологии и психопатологии эмоций.

Есть еще один психологический процесс, которого я пока не касался, обсуждая неудачи самоактуализации. К избеганию величия может побуждать страх стать жертвой паранойи, мании величия. Легенды о Прометее и Фаусте обнаруживаются практически во всех культурах. Великолепную книгу У. Шелдона на эту тему (*Sheldon, 1936*) не слишком часто цитируют, возможно, потому что она появилась раньше, чем мы были готовы ее воспринять. Греки, например, говорили о страхе гордыни (*hubris*). С проблемой гордыни — греховной гордости — человек сталкивается постоянно. Тот, кто говорит себе: "Я буду великим философом — перепишу Платона и сделаю это лучше", — должен раньше или позже пасть под тяжестью своих притязаний. В моменты слабости он будет спрашивать себя: "Кто? Я?" — и думать об этом как о безумной фантазии, а то и о настоящем помешательстве. Он сравнит то, что он знает о своем Я, со всеми его слабостями, колебаниями и недостатками, с образом Платона, как он его себе представляет, — ярким, сияющим, совершенным. Он не учитывает, что Платон, всматриваясь в себя, должен был чувствовать то же самое, но тем не менее шел вперед, преодолевая все сомнения.

Для некоторых людей уклонение от собственного роста, низкий уровень притязаний, боязнь делать то, что ты способен делать, добровольное духовное самокалечение, наигранная глупость, внешнее смирение — это фактически защиты от претензий на величие, высокомерие, гордыню. Есть люди, которые не могут достичь благотворной интеграции смирения и гордости — интеграции, абсолютно необходимой для творческой работы. Чтобы нечто изобрести или создать, вы должны обладать "самоуверенностью творца", отмеченной многими исследователями. Но, конечно, если вы обладаете только самоуверенностью и лишены скромности, то вы в самом деле паранойяльны. Вы должны осознавать не только имеющиеся внутри вас божественные возможности, но и ограничения человеческого существования. Вы в то же время должны быть способны смеяться над собой и над всеми человеческими претензиями. Если вас забавляет червь, пытающийся стать богом (*Wilson, 1959*), то, возможно, вы сумеете продолжить попытки и проявите самоуверенность, не опасаясь паранойи или того, что вы "сглазите себя". Это хороший метод.

Еще один метод реализовал в полной мере Олдос Хаксли, который, несомненно, был великим человеком в обсуждаемом мною смысле — сумевшим принять свои таланты и полностью их использовать. Он достиг этого, постоянно, как подросток, изумляясь тому, как интересно и удивительно все вокруг. "Необыкновенно! Необыкновенно!" — часто восклицал он. Он был способен смотреть на мир широко раскрытыми глазами, выражающими наивную непосредственность, благоговение и готовность очаровываться. В этом было своего рода признание своей малости, вид смирения, не мешавшего продвигаться спокойно и безбоязненно к выполнению великих задач, которые он поставил перед собой.

Наконец, сошлюсь на свою статью (*Maslow, 1963 b*), которую я хотел бы видеть началом возможной серии. Название этой статьи — "Потребность знать и боязнь знания" — хорошо иллюстрирует то, что мне хотелось бы сказать по поводу каждой из внутренних или высших ценностей, которые я назвал бытийными (Б-ценностями). Хочу подчеркнуть, что эти конечные ценности, которые я считаю также высшими потребностями (или метапотребностями, как они

названы их в главе 23), подобно всем базовым потребностям, подпадают под основную фрейдистскую схему импульса и защиты от него. Так, легко показать, что мы нуждаемся в истине, любим и ищем ее. Но столь же легко показать, что мы одновременно боимся знать истину. Ведь в определенных случаях такое знание автоматически налагает ответственность, которая может порождать тревогу. Между тем, можно попросту избежать ответственности и тревоги, не допустив истину в сознание.

Предполагаю, что мы обнаружим подобную же диалектику для каждой бытийной ценности, и у меня была смутная мысль подготовить серию статей типа: "Любовь к красоте и смущение перед ней", "Любовь к хорошим людям и неприязнь к ним", "Поиск совершенства и желание разрушить его" и т. п. Конечно, такая противоречивость ценностей сильнее проявляется у невротиков, но мне представляется, что все мы должны как-то нейтрализовать эти разрушительные импульсы внутри нас. И я думаю, что наилучший путь здесь — превратить зависть, ревность, предвзятость и грязные мысли в смиренное восхищение, благодарность и даже поклонение посредством осознания сути дела и соответствующей проработки. Это путь к тому, чтобы почувствовать себя маленьким, слабым, малоценным и принять эти чувства вместо того, чтобы стремиться изгнать их ради защиты якобы высокой самооценки (*Horney, 1950*).

И опять-таки мне представляется очевидным, что понимание этой базовой экзистенциальной проблемы должно помочь нам принять бытийные ценности не только в других, но и в себе, избавившись тем самым от комплекса Ионы.

3. Самоактуализация и ее предпосылки.

В этой главе мы обсудим идеи, находящиеся в процессе становления и еще не готовые к формулированию в окончательном виде. Как показало общение со студентами и другими людьми, с которыми я делился этими идеями, понятие самоактуализации превратилось в подобие пятна Роршаха: оно часто больше говорит об использующем его человеке, чем о предмете. Здесь мне хотелось бы рассмотреть некоторые аспекты природы самоактуализации — не абстрактно, а с точки зрения операционального смысла процесса самоактуализации. Что означает самоактуализация в каждый конкретный момент — например, что она означает в четыре часа во вторник?

Начало исследований самоактуализации. Мои исследования самоактуализации планировались и начинались не как исследования, а лишь как попытка молодого интеллектуала понять двух своих учителей — удивительных людей, которых я любил и чьим высоким интеллектом восхищался. Я, однако, не мог удовлетвориться простым восхищением, но стремился понять, почему эти два человека — Рут Бенедикт и Макс Вертхаймер — так отличаются от всех прочих. Они стали моими учителями, когда, имея уже докторскую степень, я приехал с Запада в Нью-Йорк. Повторяю, они были удивительными людьми, и вся моя подготовка по психологии нисколько не помогла мне понять их. Они были вроде бы не просто людьми, а чем-то большим, чем люди. Мое собственное исследование началось как донаучная или ненаучная деятельность. Я заносил в свой дневник наблюдения и заметки, касающиеся Макса Вертхаймера и Рут Бенедикт. Стремясь понять их, думая о них, я в один прекрасный момент осознал, что эти два портрета можно обобщить, и пришел к выводу, что вправе говорить уже не о двух необыкновенных людях, а о типе личности. Этот вывод вдохновил меня, и я попытался выяснить, нельзя ли обнаружить черты найденного типа в других людях и, действительно, начал их обнаруживать в одной личности за другой.

С точки зрения обычных стандартов лабораторного исследования, строгого и контролируемого, это вообще не было исследованием. Мои обобщения выросли из отбора мною людей определенных типов. Конечно, нужны другие судьи. Но как бы то ни было, один человек отобрал примерно две дюжины людей, которые ему очень нравились, которыми он восхищался, считая их замечательными людьми, а затем попытался охарактеризовать их и обнаружил, что способен описать синдром — некий образ, который вроде бы соответствовал каждому из них. Все они были представителями западной культуры, отобранными на основании всех возможных "встроенных" в исследователя предрассудков. Сколь ненадежной ни была такая процедура, она явилась единственным операциональным определением самоактуализирующихся людей, какими я описал их в первой публикации по этой проблеме.

После того как я опубликовал результаты своих исследований, появилось шесть, восемь или десять свидетельств, поддержавших мои выводы. Они не повторяли мое исследование, а рассматривали проблему под другим углом зрения. Так, результаты Карла Роджерса и его учеников (*Rogers, 1961*) дополнили описание обнаруженного мною синдрома. Подтверждающие

данные из области психотерапии сообщил Джеймс Бьюдженталь (*Bugental*, 1965, с. 266-275). Некоторые работы с ЛСД (Mogar, 1967), некоторые исследования эффектов психотерапии (хорошей психотерапии, конечно), некоторые результаты тестов — практически все, что мне известно, подтверждает (хотя и не дублирует) данные моего исследования. Я лично чувствую себя вполне уверенно в отношении его основных выводов, не представляю себе, чтобы какое-либо исследование смогло существенно изменить полученную картину, хотя небольшие поправки, конечно, будут иметь место. Я сам сделал несколько таких поправок. Но моя уверенность в собственной правоте не является научным фактом. Если вы ставите под сомнение данные, полученные мною при исследовании обезьян или собак, вы тем самым ставите под сомнение мою компетентность или называете меня лжецом, а я имею право возражать. Если же вы ставите под сомнение мои результаты, касающиеся самоактуализирующихся людей (*Maslow*, 1954, с. 203-205; 1962), — вы вправе поступать так, поскольку мало знаете о человеке, отбирившем людей, на изучении которых основаны все выводы. Эти выводы находятся в области преднауки, но излагаются в форме, допускающей проверку. В этом смысле они научны.

Люди, отобранные для исследования, были пожилыми; они прожили значительную часть своей жизни и достигли заметного успеха. Мы пока не знаем, насколько полученные результаты применимы к молодым людям; не знаем и что означает самоактуализация в других культурах, хотя в Китае и Индии уже проводятся исследования по самоактуализации; не знаем, каковы будут результаты этих новых исследований, но в одном я не сомневаюсь: если вы отбираете для тщательного изучения очень хороших и душевно здоровых людей, сильных, творческих, нравственных, умных (а именно таких людей я отбирал), то приходите к совершенно иному взгляду на человечество. Вы задаетесь вопросом: насколько высоко могут вырасти люди, чего способен достичь человек?

Есть и другие вещи, в которых я вполне уверен — можно сказать, моя интуиция мне подсказывает, — хотя тут у меня еще меньше объективных данных, чем в вопросе, рассмотренном выше. Самоактуализацию достаточно трудно определить. Но еще труднее ответить на вопрос: что стоит за самоактуализацией? Или, если угодно, что стоит за аутентичностью личности? Просто быть честным здесь недостаточно. Что еще можем мы сказать о самоактуализирующихся людях?

Бытийные ценности. Самоактуализирующиеся люди, без единого исключения, вовлечены в какое-либо дело, внешнее по отношению к ним. Они преданы чему-то для них очень ценному — своему призванию в старинном, религиозном смысле этого слова. Они трудятся над тем, к чему призвала их судьба, и что они любят, так что различие между работой и удовольствием для них исчезает. Один посвящает свою жизнь закону, другой — справедливости, третий — красоте или истине. Все они, так или иначе, посвящают свою жизнь поиску того, что я назвал бытийными ценностями (сокращенно Б-ценностями). Это высшие, предельные ценности, которые не могут быть сведены к каким-либо иным. Их около четырнадцати. Среди них — известные уже в древности истина, красота и добро, а также совершенство, простота, цельность и еще кое-что в том же духе. Эти ценности Бытия подробно описаны в главе 9.

Метапотребности и металатологии. Существование Б-ценностей вносит определенные осложнения в структуру самоактуализации. Б-ценности функционируют подобно потребностям. Я назвал их метапотребностями. Утрата этих ценностей приводит к патологическим расстройствам, которые я назвал мегапатоологиями — болезнями души. Такой недуг настагает, например, человека, вынужденного все время жить среди лжецов и никому не доверять. Так же, как необходимы консультанты, помогающие людям разбираться с наиболее простыми проблемами неудовлетворенных потребностей, нужны и метаконсультанты, которые помогали бы преодолевать душевные страдания, вырастающие из неудовлетворенных метапотребностей. Во вполне определенном, допускающем эмпирическую проверку смысле, человеку необходимо жить в красивой, а не уродливой обстановке, так же как ему необходимы пища для изголодавшегося желудка и отдых для усталого тела. Я готов даже утверждать, что в Б-ценностях заключен смысл жизни для большинства людей, но многие из них просто не знают об этих своих метапотребностях. Одна из задач консультанта — дать людям это знание, подобно тому как классический психоаналитик дает возможность своим пациентам осознать их инстинктивные базовые потребности. Возможно, в конечном счете некоторые профессионалы осознают себя в качестве консультантов по философским или религиозным вопросам.

Некоторые из нас пытаются помочь тем, кого мы консультируем, двигаться в направлении самоактуализации. Эти люди часто опутаны ценностными проблемами. Многие из них — подростки, производящие неблагоприятное впечатление, но на самом деле замечательные люди, идеалисты в классическом смысле (чему есть иногда поведенческие подтверждения). Я полагаю, что они ищут ценности, служению которым могли бы посвятить себя, ищут то, что они могли бы любить, чему поклоняться. Эти молодые люди время от времени осуществляют выбор между

движением вперед или назад, в направлении самоактуализации или прочь от нее. Что консультанты (или метакоучеры) могут предложить им, чтобы они в наибольшей степени стали собой?

Поведение, ведущее к самоактуализации.

Что делает человек, когда он самоактуализируется? Сжимает зубы и скрежещет ими? Что означает самоактуализация в терминах реального поведения, реальной процедуры? Я опишу восемь путей самоактуализации.

Во-первых, самоактуализация предполагает, что человек отдается своим переживаниям полностью, живо, самозабвенно, целиком сосредоточиваясь на них, не боясь быть полностью поглощенным ими, без подросткового смущения. В момент такого переживания человек целиком и полностью раскрывает свою человеческую сущность. Это и есть момент самоактуализации. Мы все время от времени переживаем такие моменты. Как консультанты мы в силах помочь нашим клиентам испытывать их чаще. Мы можем поощрять их к тому, чтобы они, полнее погружаясь во что-либо, забывали о своих позах, своих психологических защитах, своей робости и застенчивости — и шли до конца. Со стороны видно, что это могут быть сладостные мгновения. У парней, стремящихся выглядеть "крутыми", циничными и искушенными, мы можем наблюдать восстановление какой-то детской невинности, неискренности. Таково, во всяком случае, выражение их лиц, когда они полностью поглощены тем, что переживают в данный момент. Ключевое слово здесь "самозабвенно": ведь наши подростки страдают от дефицита самозабвения, от того, что их сознание слишком обращено на них самих.

Во-вторых, жизнь можно рассматривать как процесс последовательных выборов. В каждой точке есть выбор прогрессивный и есть регрессивный. Можно двинуться в сторону защиты, безопасности, боязни; но по другую сторону есть выбор, ведущий к личностному росту. Сделать в течение дня дюжину таких выборов вместо выборов, продиктованных страхом, — значит совершить столько же шагов в направлении самоактуализации. Самоактуализация — это продолжающийся процесс. Она предполагает осуществление многочисленных выборов: солгать или быть честным, украсть или не украсть в каждом конкретном случае, причем каждый раз должен быть сделан выбор, ведущий к росту. Это и есть движение к самоактуализации.

В-третьих, чтобы имело смысл говорить о самоактуализации, должна существовать та самость, которая актуализируется. Человек — не *tabula rasa*, не кусок глины или пластилина. Он — нечто уже существующее, хотя бы как недостаточно оформившаяся структура. Человек — это, как минимум, его темперамент, его биохимические балансы и т. п. Существует самость (*self*), и прислушаться к голосу внутренних импульсов — значит дать ей проявиться. Большую часть времени большинство из нас (особенно это касается детей и молодых людей) слушает не свой голос, а встроенный внутрь нас голос мамы, или папы, или старших, или истеблишмента, авторитета, традиции.

В качестве простого первого шага на пути к самоактуализации я иногда советую своим студентам, чтобы, когда им предлагают бокал вина и спрашивают, нравится ли оно им, они реагировали необычным образом. Прежде всего, говорю я, не надо смотреть на этикетку — пусть она не служит сигналом, подсказывающим, должно ли вино нравиться. Далее, я рекомендую им закрыть глаза и помолчать. Теперь они готовы, отключив шум окружающего мира, пригубить вино и, ощутив на языке его вкус, обратиться к внутреннему "верховному суду". Тогда и только тогда они вправе сказать: "Мне нравится" или "Мне не нравится". Суждение, вынесенное таким образом, существенно отличается от обычной фальши, в которую мы все вовлечены. Недавно на одной вечеринке я поймал себя на том, что смотрю на этикетку на бутылке и убеждаю хозяйку, что она выбрала очень хорошее виски. Но вдруг я остановился: что я говорю? Ведь я очень мало знаю о виски. Точнее, я знаю только то, что говорит реклама, а в действительности не имею представления, хороша данная марка или нет. Подобным образом поступаем мы все. Отказ от такого поведения — это часть процесса самоактуализации. Итак, приятен ли этот напиток для вашего желудка? Хорош ли он на ваш вкус? Нравится ли вам салат?

В-четвертых, испытывая сомнение, будьте по возможности честны. Я прикрываюсь фразой "испытывая сомнение", чтобы избежать длинных рассуждений о дипломатичности. Часто мы нечестны, когда испытываем сомнения. Наши клиенты нечестны значительную часть времени. Они играют в игры и становятся в позы. Они не принимают с легкостью предложение быть честными. Смотреть внутрь себя в поисках многих ответов предполагает принятие на себя ответственности. Это крупный шаг в направлении самоактуализации. Вопрос об ответственности слабо изучен. Он не рассматривается в наших учебниках психологии (в самом деле, как исследовать ответственность у белых крыс?). Между тем, он касается ощутимой части психотерапии. В психотерапии можно видеть, чувствовать, знать момент принятия клиентом

ответственности на себя. Возникает и ясное сознание того, как ощущается ответственность. Каждый раз, когда человек принимает на себя ответственность, он актуализирует себя.

В-пятых, мы говорим о самозабвенном переживании, о выборе роста вместо выбора страха, о том как важно прислушиваться к внутреннему голосу, о том, чтобы быть честным и брать на себя ответственность. Все это шаги к самоактуализации, и каждый из них обеспечивает лучший жизненный выбор. Осуществляющий их человек каждый раз, когда он попадает в точку выбора, обнаруживает, что эти выборы оказываются для него все более органичными. Он приходит к пониманию того, в чем его судьба, кто будет его женой (или мужем), какова будет его миссия в жизни. Человек не способен совершить мудрый жизненный выбор, если не отваживается послушать самого себя, свое Я, в каждый момент жизни и, если надо, спокойно сказать: "Нет, то-то и то-то мне не нравится".

Мир искусства, на мой взгляд, захвачен небольшой группой создателей мнений и вкусов — лиц, к которым я отношусь с подозрением. Это личный взгляд, но он кажется мне справедливым по отношению к людям, возомнившим себя вправе говорить:

"Либо тебе нравится то же, что нравится мне, либо ты дурак". Между тем, мы должны учить людей прислушиваться к своему собственному вкусу. Большинство людей не делает этого. Стоя в галерее перед непонятной картиной, редко услышишь: "Это непонятная картина". Не так давно у нас в Брандеевском университете демонстрировали танцевальную программу — странную, с электронной музыкой, магнитофонными записями и артистами, исполнявшими сюрреалистические и дадаистские произведения. Когда представление окончилось и зажегся свет, все выглядели ошеломленными, и никто не знал, что сказать. В таких ситуациях большинство предпочитает претендующую на остроумие болтовню вместо того, чтобы сказать: "Мне хотелось бы обдумать это". Чтобы высказываться честно, надо отважиться быть не таким, как другие, не желать нравиться другим, не быть конформистом. Если клиентов, молодых или старых, не удастся научить тому, что они должны быть готовы не нравиться другим людям, то консультанту впору отказаться от дальнейшей работы. Быть смелым, не бояться — вот другая формулировка той же мысли.

В-шестых, самоактуализация — это не только конечное состояние, но также и сам процесс актуализации потенций индивида в любое время, в любой степени. Например, проверяя свой интеллект, человек улучшает его. Самоактуализация подобна использованию своего интеллекта. Она не обязательно предполагает осуществление чего-то особенного, но для реализации своих возможностей человек часто должен пройти через трудный подготовительный период. К примеру, музыкант выполняет на клавиатуре рояля утомительные упражнения для разработки пальцев. Самоактуализация требует работы, направленной на то, чтобы хорошо делать то, что человек хочет делать. Стать второразрядным врачом — это не путь к самоактуализации. Самоактуализирующийся человек стремится быть в своем деле среди лучших или во всяком случае настолько хорошим, насколько он может.

В-седьмых, важными рубежами на пути к самоактуализации являются так называемые пиковые переживания (*Maslow, 1962; 1964 b*). Это моменты экстаза, которые нельзя купить, нельзя гарантировать, нельзя даже искать. Надо быть, как писал К. С. Льюис, "удивленным радостью". Можно создать условия, при которых пиковые переживания будут более вероятны или, напротив, менее вероятны. Преодолеть иллюзии, избавиться от ложных представлений, понять, к чему ты не пригоден и каких потенций у тебя нет — это тоже элемент открытия того, чем ты являешься на самом деле.

Почти у каждого бывают пиковые переживания, но не каждый знает об этом. Некоторые отмахиваются от этого маленького мистического опыта. Помочь людям узнать эти мгновения экстаза, когда они случаются (*Otto, 1967*), — одна из задач консультанта (или метакоучинга). Каким образом, однако, психика одного человека может проникнуть в тайники психики другого и попытаться вступить с ней в общение? Необходимо выработать новый способ общения. Я описал его под названием "рапсодическая коммуникация" в одном из приложений к моей книге "Религии, ценности и пиковые переживания" (*Maslow, 1964 b*). Полагаю, что этот способ в большей мере, чем тот, к которому мы привыкли (наблюдая за тем, что учителя пишут на доске), достоин быть моделью для обучения, консультирования, помощи взрослым людям в их развитии в полную меру своих возможностей. Если я люблю Бетховена и слышу нечто в его квартете, чего не слышишь ты, как мне научить тебя слышать это? Я слышу нечто очень красивое, а ты выглядишь озадаченным: ты слышишь просто звуки. Что мне делать, чтобы ты услышал красоту? В этом главная наша проблема в области обучения, а не в том, чтобы заставить выучить азбуку демонстрировать арифметические выкладки на доске или вскрытие лягушки. Эти последние вещи являются внешними для обоих участников процесса обучения; оба одновременно смотрят на них, хотя

указка в руках у одного. Этот вид обучения легок; другой намного труднее, но он составляет часть работы консультанта, а именно метаконсультирование.

В-восьмых, выяснение индивидом, кто он такой, что ему нравится и что не нравится, что хорошо для него и что плохо, куда он движется и в чем его миссия, — одним словом, раскрытие индивидом своих собственных характеристик — предполагает и высвечивание психопатологии. Это означает выявление психологических защит и — когда они идентифицированы — предполагает достаточно мужества, чтобы отказаться от них. Такой отказ болезнен: ведь защиты воздвигаются против чего-то неприятного. Но отказ от защит ценен. Если психоаналитическая литература чему-либо научила нас, так это тому, что они не служат хорошим способом решения проблем.

Десакрализация. Поговорим об одном защитном механизме, не упоминаемом в учебниках психологии, хотя это очень важный защитный механизм для некоторой части нынешней молодежи. Я имею в виду механизм десакрализации. Юноши и девушки, о которых я говорю, не верят в существование подлинных ценностей и добродетелей. Они чувствуют себя обманутыми, а свою жизнь — разлаженной. Большинство из них — дети вялых родителей, которых они не очень уважают, у которых полная путаница с ценностями, и которые зачастую просто боятся своих детей, никогда не наказывают их и не останавливают, когда те могут совершить дурные поступки. А дети, в свою очередь, презирают родителей — часто вполне заслуженно. Хуже, что у них формируется глобальное обобщение: они не хотят слушать никого из взрослых, в особенности употребляющих те же слова, которые они слышали из лицемерных уст. Ведь их отцы не раз говорили о том, что нужно быть честным и смелым, а вели себя прямо противоположным образом.

Юноши и девушки научились видеть в человеческой личности объект и отказываются видеть ее потенции, ее символическое значение, отказываются рассматривать человека под знаком вечности. Возьмем десакрализацию секса нашей молодежью. В сексе, дескать, нет ничего особенного, это естественная вещь. И его сделали настолько обыденным, что во многих случаях он потерял свои поэтические качества, а это значит — потерял практически все.

Самоактуализация предполагает отказ от защитного механизма десакрализации и обучение ресакрализации⁵.

Ресакрализация. Ресакрализация означает стремление вновь и вновь видеть каждого человека "в аспекте вечности", как говорит Спиноза, подходить к нему с позиций объединяющего восприятия, которое было характерно для средневекового христианства. Это означает способность видеть священное, вечное, символическое. Надо, например, видеть Женщину с большой буквы и все ее качества при встрече с каждой конкретной женщиной. Другой пример: студент-медик рассекает мозг. Очевидно, что-то теряется, если, не испытывая никакого трепета и не обладая объединяющим восприятием, он видит мозг только как конкретную вещь. Ресакрализация позволяет одновременно увидеть мозг как сакральный, то есть священный, объект, увидеть его символическое значение, его поэтические аспекты.

Ресакрализация часто требует долгих и вроде бы банальных бесед — "чересчур правильных", как выразились бы подростки. Тем не менее, для консультанта (в особенности если его подопечные в том возрасте, когда уже задумываются над философскими вопросами, касающимися религии и смысла жизни) это важнейший путь оказания людям помощи в их движении к самоактуализации. Да, подросток может сказать, что слова консультанта чересчур правильны, а логический позитивист — что они бессмысленны, но для человека, который ждет от нас помощи, они очень значимы и очень важны, и наш долг — откликнуться.

Сводя все сказанное воедино, мы видим, что самоактуализация — дело не одного момента. Нельзя в четверг в четыре часа под звуки трубы вступить в пантеон и остаться там навечно. Самоактуализация достигается путем небольших, последовательно накапливаемых достижений. Слишком часто наши клиенты склонны ожидать некоего вдохновения, которое явится и позволит им сказать: "В 3. 23 в этот четверг я достиг самоактуализации!". В действительности же люди, отобранные как самоактуализирующиеся субъекты, удовлетворяющие соответствующим критериям, движутся малыми шагами. Они прислушиваются к своему собственному голосу; они берут на себя ответственность; они честны; наконец, они упорно трудятся. Они выясняют для себя, кто они такие и что они такое, причем не только в плане жизненного предназначения, но и чем такая-то обувь беспокоит их ноги, нравятся ли им баклажаны и могут ли они бодрствовать всю ночь, после того как выпьют слишком много пива. Все это входит в истинное Я человека. Поэтому

⁵ Я был вынужден придумывать термины, поскольку английский язык несправедлив по отношению к хорошим людям. В нем нет достаточного набора слов для обозначения добродетелей. А некоторые прекрасные слова оказались дискредитированы, например "любовь".

важно знать свои биологические, врожденные особенности, которые невозможно или трудно изменить.

Терапевтическая установка (поиск модели).

Таким путем люди движутся к самоактуализации. Но кто такой консультант? Как может он помочь приходящим к нему людям в этом движении в направлении роста?

Мне пришлось пользоваться словами "терапия", "психотерапия", "пациент". Но в действительности я ненавижу все эти слова, как и медицинскую модель, которую они предполагают. Ведь эта модель исходит из того, что приходящий к консультанту человек болен и нуждается в лечении. Мы же надеемся, что консультант будет помогать самоактуализации людей, а не лечению болезни.

Однако и модель помощи также не подходит. Она заставляет нас думать о консультанте как о профессионале, знатоке, который со своей привилегированной позиции снисходит к беднякам, темным людям, нуждающимся в его помощи. Не является консультант и учителем в обычном смысле слова потому, что учителя специализируются и достигают больших успехов во "внешнем научении" (подробнее об этом см. в главе 12). Процесс же роста, становления того наилучшего человеческого существа, каким только может стать данный индивид, представляет собой, напротив, "внутреннее научение".

Экзистенциальные психотерапевты много занимались этим вопросом о моделях, и я бы порекомендовал книгу Дж. Бьюдженталя "Поиск аутентичности" (*Bugental, 1965*), в которой обсуждается эта тема. Бьюдженталь предлагает называть консультирование или психотерапию "онтологикой", что означает стремление помочь людям вырасти до своей максимально возможной высоты. Пожалуй, это лучшее название, чем заимствованный мною у одного немецкого автора термин "психогогика", что означает воспитание души. Каким бы словом ни пользоваться, я полагаю, что в конечном итоге мы придем к понятию, давным-давно предложенному Альфредом Адлером, когда он говорил о "старшем брате". Так он называл любящего человека, берущего на себя ответственность, как это делают по отношению к младшему брату-ребенку. Конечно, старший брат знает больше, он дольше жил, но он не является качественно отличным от младшего, он не живет в сфере другого мышления. Мудрый и любящий старший брат старается, чтобы младший стал лучше и даже превзошел его самого, но действуя при этом в своем собственном стиле. Насколько это отлично от модели "Учи того, кто ничего не знает"!

Консультирование не предполагает тренировки, или формирования, или обучения в обычном смысле, когда указывают, что и как делать. Оно не означает пропаганды. Речь идет о даосистском раскрытии и лишь затем — о помощи. Даосистский подход означает не мешать, "позволить быть". Но это не философия невмешательства, или пренебрежения, или отказа в помощи и заботе. В качестве модели этого процесса мы можем представить себе психотерапевта, который, если он достойный терапевт и достойный человек, никогда не помыслит о пропаганде себя в той или иной форме, о том, чтобы "навязать" своим пациентам собственную модель или сделать их копией самого себя.

Хороший психотерапевт помогает каждому своему клиенту раскрыться, разрушить защиты, препятствующие самопознанию. В идеале та система эталонов, которой руководствуется терапевт, учебники, которые он прочел, школа, которую он прошел, его мировоззрение — все это не должно замечаться пациентом. Уважая внутреннюю природу, бытие, сущность "младшего брата", терапевт исходит из того, что наилучший путь к достойной жизни — это в наиболее полной мере быть самим собой. Люди, которых мы называем больными, — это те, которые не являются самими собой, которые выстроили всевозможные невротические защиты против своей человеческой сущности. Так же, как для розового куста неважно, будет ли садовник итальянцем, или французом, или шведом, так и для младшего брата несущественно, как тот, кто помогает ему, научился это делать. Тот, кто помогает, должен предоставить определенную помощь, которая не зависит от того, швед ли он или католик, магометанин или фрейдист, или кто-либо еще.

Эти базовые понятия находятся в полном согласии с базовыми понятиями фрейдизма и других систем психодинамики. Ведь это именно фрейдистский принцип — вытеснение неосознанных аспектов своего Я, так что нахождение подлинного Я требует раскрытия этих аспектов. Неявно здесь присутствует вера в то, что истина лечит. Научиться преодолевать барьеры вытеснения, познавать себя, слышать голоса импульсов, открывать торжествующую природу, достигать знания, инсайта и истины — таковы требования.

Лоуренс Кьюби в статье "Забытый человек в образовании" (*Kubie, 1953-1954*) указал, что конечная цель образования и воспитания — помочь индивиду стать человеком в той полной мере, в какой он только способен.

По отношению к взрослым людям (и в особенности к ним) мы отнюдь не находимся в положении, когда не с чем работать. Старт уже состоялся; уже есть в наличии способности, таланты, направленность, миссия, призвание. Дело в том (если мы серьезно воспринимаем описанную модель), чтобы помочь людям достичь большего совершенства в том, чем они уже являются, помочь им реально более полно, более действенно раскрыть в себе то, что они имеют потенциально.

Часть II. Творчество.

4. Творческая установка.

У меня сложилось ощущение, что понятие креативности (творческой способности) и понятие здоровой, самоактуализирующейся, полностью человеческой личности сходятся все ближе и ближе и, возможно, окажутся одним и тем же.

Другой вывод, к которому я склоняюсь (будучи даже не вполне уверенным в имеющихся в моем распоряжении фактах), состоит в том, что художественное образование или, лучше сказать, образование посредством искусства значимо не столько для появления художников или произведений искусства, сколько для появления лучших людей. Если мы четко ориентируемся на гуманистические цели образования, если надеемся, что наши дети станут в полной мере людьми и будут продвигаться к актуализации своих потенциалов, то, насколько я могу судить, единственный существующий сегодня вид образования, содержащий хотя бы слабый намек на такие цели, — это художественное образование. Итак, образование посредством искусства интересует меня не потому, что благодаря ему возникают картины, а потому, что не исключено, что при правильном его понимании оно станет парадигмой для всего остального образования. Если вместо того, чтобы рассматривать его как украшение и относиться к нему потребительски, как это сейчас принято, мы подойдем к нему достаточно серьезно и будем работать над ним достаточно упорно, и если оно окажется тем, чем, как предполагают некоторые из нас, оно может быть, — тогда, возможно, мы начнем однажды учить арифметике, чтению и письму в этой парадигме. Вот почему я интересуюсь образованием посредством искусства: оно представляется мне примером правильного образования. Я говорю здесь об образовании в целом.

Еще одним основанием моего интереса к художественному образованию, креативности, психологическому здоровью и т. п. является сильное ощущение изменения ритма истории. Мне кажется, что мы находимся в точке истории, не похожей на что-либо, происходившее раньше. Жизнь движется гораздо быстрее, чем когда-либо. Подумайте, например, о громадном ускорении накопления фактов, знаний, методик, изобретений, достижений в технологии. Кажется вполне очевидным, что это требует изменить наш подход к человеку, к его отношениям с миром. Грубо говоря, требуется иной тип человека. Я чувствую, что должен гораздо серьезнее, чем двадцать лет назад, отнестись к проповедовавшемуся Гераклитом, А. Уайтхедом, А. Бергсоном взгляду на мир как на поток, движение, а не как на статичную вещь. Если этот взгляд верен (а ныне он гораздо более верен, чем в 1900 или даже в 1930 году), то мы нуждаемся в ином типе человека, способном жить в непрерывно изменяющемся мире. Я могу отважиться обратиться к учебным заведениям с вопросом: какой толк в обучении фактам? Ведь они устаревают с бешеной скоростью! Какой смысл учить техникам? Ведь они тоже быстро устаревают! Понимание этого буквально разрывает на части инженерные школы. Массачусетский технологический институт, например, более не сводит инженерное образование к приобретению набора умений, поскольку практически все умения, которые в годы своего учения приобрели тамешние профессора, к настоящему времени устарели. Как говорится, сегодня ни к чему готовить кучеров. Насколько я понимаю, некоторые профессора Массачусетского технологического института отказались от обучения хорошим и испытанным, но устаревшим методам и попытались вместо этого сформировать новый тип человека, который чувствует себя комфортно при переменах, которому перемены нравятся, который способен на импровизацию, на то, чтобы уверенно и смело встретить совершенно непредвиденную ситуацию.

Похоже, что сегодня меняется все, в том числе международное право, политика, вся сцена международной жизни. Изменения происходят очень быстро. В ООН ведут беседы люди, принадлежащие как бы разным столетиям. Один выступает с позиций международного права XIX в. Другой отвечает ему в совершенно ином духе: он стоит на другой платформе, созданной в другом мире.

Возвращаюсь к моей теме. Я говорю о работе, цель которой — люди, не нуждающиеся в неподвижном и устойчивом, "замороженном" мире, в том, чтобы жить так, как жили их отцы. Такие люди будут уверенно смотреть в завтрашний день, даже не зная, что произойдет, но рассчитывая на свою способность импровизировать в ситуации, никогда ранее не возникавшей. Это означает новый тип человека — его можно было бы назвать Гераклитовым. Общество, которое сможет воспитать таких людей, выживет, а те общества, которые с этим не справятся, погибнут.

Можно заметить, что я обращаю внимание главным образом на способность к импровизации и вдохновению, а не на творчество в смысле получения завершенных произведений искусства, больших творческих достижений. По сути, я сегодня вообще не касаюсь завершенных творческих результатов. Почему? Дело в том, что психологический анализ процесса творчества и творческих индивидов свидетельствует о необходимости различать первичную и вторичную креативность. Первичная креативность соответствует фазе вдохновения, а вторичная — фазе разработки. Эта последняя требует не только творческой способности как таковой, но во многом опирается также на простую тяжелую работу, на дисциплину художника, тратящего порой полжизни на овладение инструментами, умениями, материалами, пока он, наконец, не сумеет полно выразить то, что видит. Я уверен, что очень многие люди просыпаются среди ночи, полные вдохновения по поводу романа, который они напишут, или поэмы, или пьесы, или еще чего-либо. Однако большинство этих актов вдохновения так ни к чему и не приводит. В этом смысле вдохновению грош цена. Между вдохновением и конечным продуктом, например "Войной и миром" Л. Толстого, лежит ужасающее количество тяжелой работы, дисциплины, тренировки, упражнений, практики, повторений, выбрасывания первых черновиков и т. д. Вторичная креативность, находящая выражение в реальных продуктах, в том числе в великих произведениях живописи, в великих романах, в мостах, в изобретениях, в той же мере, что и на творческих данных личности, основывается на других добродетелях: упорстве, терпении и тяжелой работе. Поэтому для чистоты рассуждений мне кажется необходимым сосредоточиться на импровизации при первой вспышке вдохновения и пока что не думать о конечных результатах, понимая, что многие такие вспышки не приводят ни к чему. Отчасти по этой причине, в число лучших испытуемых для изучения фазы вдохновения входят маленькие дети, чью изобретательность и креативность часто нельзя определить в терминах продукта. Когда маленький мальчик сам открывает десятичную систему, это может быть высшим полетом вдохновения и творчества, от которого не следует отмахиваться ссылкой на априорное определение, связывающее творчество с социальной полезностью или новизной, тем, что никто раньше такого не придумывал, и т. п.

Из тех же соображений я решил не использовать в качестве примера научное творчество и предпочел другие примеры. Многие современные исследования посвящены ученым, доказавшим свои творческие способности, — нобелевским лауреатам, крупным изобретателям и т. п. Однако, знакомясь со многими учеными, вы вскоре обнаруживаете, что ученые как группа не так склонны к творчеству, как можно было бы предположить. Это касается и людей, реально осуществивших открытия, внесших творческий вклад в науку, опубликовавших работы, двинувшие науку вперед. Такое положение дел больше говорит нам о природе науки, чем о природе творчества. Допуская некоторое озорство, я мог бы определить науку как метод, позволяющий творить нетворческим людям. Это вовсе не насмешка над учеными. По-моему, замечательно, что люди, возможности которых всегда ограничены, могут быть поставлены на службу великим делам, даже если сами они не являются великими. Наука представляет собой социально обусловленный и институционализованный метод, дающий возможность даже людям, не блещущим интеллектом, служить прогрессу знаний. Я намеренно предельно утрирую и драматизирую ситуацию. Поскольку каждый конкретный ученый в очень большой степени опирается на историю, стоит на плечах многих своих предшественников, является членом громадной команды, его собственные недостатки могут не проявиться. Он заслуживает цитирования, внимания и уважения как участник большого и славного предприятия. Я пришел к пониманию того, что когда он открывает нечто, — это продукт социального института, продукт сотрудничества. Если он не совершает открытия, его вскоре сделает кто-нибудь другой. Учитывая все это, я полагаю, что отбор ученых, даже достигших творческих результатов, — отнюдь не лучший путь разработки теории творчества.

Полагаю также, что мы не сможем изучить творчество в подлинном смысле, пока не поймем, что почти все расхожие определения творчества и большинство используемых нами примеров являются по сути мужскими. Мы почти полностью исключили из рассмотрения женскую креативность с помощью простого семантического приема — определив в качестве творческих только продукты, производимые мужчинами, и полностью проигнорировав таким образом творчество женщин. Я убедился недавно (в ходе изучения пиковых переживаний), что женское творчество — это перспективное поле исследований, поскольку женщины меньше заинтересованы в результатах, в достижениях, а больше в самом процессе — текущем процессе, а не его высшей точке триумфа и успеха.

Вот тот фон, на каком я рассматриваю конкретную проблему, о которой пойдет речь ниже.

В основе проблемы, которую я пытаюсь решить, лежит следующее наблюдение: творческая личность в фазе вдохновения утрачивает свое прошлое и свое будущее и живет только данным моментом. Она полностью погружена в него и поглощена настоящим, текущей ситуацией, тем, что происходит здесь и теперь, служит объектом действия. Можно воспользоваться точной фразой из "Старой девы" Сильвии Эштон-Уорнер. Учительница, поглощенная новым методом обучения детей чтению, говорит: "Я полностью потеряна в настоящем".

Эта способность "потеряться в настоящем" представляется мне неперенным условием любой креативности. Но должны существовать определенные предпосылки этой способности к выходу из времени, из себя, из пространства, из общества, из истории.

Очень похоже, что это явление представляет собой ослабленный, более мирской, более распространенный вариант мистического опыта, который описывался столь часто, что стал тем, что О. Хаксли назвал "вечной философией". В разных культурах и в разные эпохи он приобретает специфическую окраску — но в сущности всегда остается узнаваемым, то есть тем же самым.

Этот опыт всегда описывается как потеря себя или своего Я, а иногда — как самоотрансценденция. Происходит слияние с наблюдаемой реальностью (или, выражаясь более нейтрально, с предметом), слияние двух в одно, своеобразная интеграция Я и не-Я. Обязательно сообщается о видении ранее скрытой истины, об откровении в строгом смысле слова, о сбрасывании пелены. Наконец, почти всегда весь опыт переживается как блаженство, экстаз, восторг

Неудивительно, что такой волнующий опыт столь часто воспринимался как сверхчеловеческий, сверхъестественный. Он был настолько величественнее и грандиознее всего того, что считалось человеческим, что мог быть приписан только сверхчеловеческим источникам. Такие "откровения" часто служат основой, иногда единственной основой, различных религий.

Однако даже эти самые удивительные переживания включаются ныне в сферу человеческого опыта и познания. Мои исследования феноменов, названных мною пиковыми переживаниями (*Maslow, 1962*), а также проведенные Марганитой Ласки (*Laski, 1961*) исследования того, что она называет экстазом (эти работы выполнены совершенно независимо друг от друга), показывают, что такой опыт является вполне естественным, легко поддается изучению и, что важно в данном контексте, может многому научить нас в отношении как креативности, так и других аспектов полного функционирования человеческих существ, когда они наиболее полно реализуют себя, достигают наибольшей зрелости и развития, наибольшего здоровья, когда, можно сказать, они в наиболее полной мере являются людьми.

Важной характеристикой пиковых переживаний служит как раз эта полная поглощенность объектом, эта потерянности в настоящем, эта отрешенность от времени и места. И мне кажется, что многое из того, что мы узнали, изучая эти пиковые переживания, может быть прямо использовано для обогащенного понимания опыта функционирования "здесь-и-теперь", установки на творчество.

Нам вовсе не обязательно ограничиваться рассмотрением необычного и, можно сказать, экстремального опыта (хотя, как теперь представляется очевидным, практически все люди могут сообщить о моментах восторга, если они тщательно пороятся в памяти и если опрос проводится достаточно адекватно). Мы можем обратиться к простейшему варианту пикового переживания, а именно к поглощению и очарованию чем угодно, лишь бы оно было достаточно интересно, чтобы полностью завладеть вниманием индивида. Я имею в виду не только великие симфонии или трагедии, но также захватывающий фильм или детективную повесть либо попросту поглощенность работой. Есть определенные преимущества в том, чтобы начинать с такого универсального и знакомого всем нам опыта. Таким образом мы можем получить прямое ощущение, или интуицию, или эмпатию, то есть прямое опытное знание умеренного, ослабленного варианта более "высоких" переживаний. При этом мы можем избежать высокопарной, очень метафоричной лексики, типичной для данной области.

Итак, опишем кое-что из происходящего в интересующие нас моменты.

Отказ от прошлого. Наилучший способ посмотреть на существующую проблему — это отдать ей все, что у вас есть, изучать именно ее и ее природу, воспринимать связи, существующие внутри нее, открывать (а не изобретать) ответ на вопрос, касающийся этой проблемы, изнутри самой проблемы. Таков лучший способ созерцать картину или (в психотерапии) слушать пациента.

Другой способ состоит просто в том, чтобы перебрать прежний опыт, прежние навыки и знания, с тем чтобы установить, в каких отношениях текущая ситуация похожа на какую-то ситуацию в прошлом. Иначе говоря, речь идет о том, чтобы классифицировать текущую ситуацию и

использовать сейчас решение, когда-то выработанное для похожей ситуации в прошлом. Это похоже на работу клерка с картотеккой. В свое время я назвал такую работу "рубрикацией". И она достаточно эффективна — в той мере, в какой настоящее подобно прошлому.

Но, конечно, этот способ не подходит, если объект действий отличен от прежних. Подход клерка с картотеккой здесь не срабатывает. Человек, придерживающийся такого подхода, встретившись с неизвестной картиной, торопливо, перебирает свои знания по истории искусства, чтобы вспомнить, какая реакция от него требуется. При этом он вряд ли смотрит на картину. Все, что ему нужно, — это имя, или стиль, или содержание, короче говоря, то, что позволит ему быстро произвести расчет. И тогда он восхищается картиной, если так надо, и не восхищается, если не надо.

Для такой личности прошлое — это, хоть и заключенное в ней, но инертное, "непереваренное", чужеродное тело. Это не сама личность.

Точнее будет сказать так: прошлое активно и живо только в той мере, в какой оно в чем-то заново создало личность и "переварено" в нынешней личности. Оно не является или не должно быть чем-то иным, чем личность, чем-то чуждым ей. Оно стало личностью (и тем самым потеряло свою собственную идентичность как нечто отличное от нее) — подобно тому, как бифштексы, которые я когда-то съел, являются уже не бифштексами, а мною. "Переваренное" (ассимилированное) прошлое отличается от непереваренного. Это то, что К. Левин назвал "неисторическим прошлым".

Отказ от будущего. Часто мы используем настоящее не ради него самого, а как подготовку к будущему. Подумайте, как часто в беседе мы показываем своим видом, что слушаем собеседника, но при этом втайне готовим свое высказывание, планируем и мысленно проговариваем его. Подумайте, как изменилась бы сейчас ваша установка, если бы вы знали, что через пять минут вам надо будет комментировать мои рассуждения. Как трудно было бы в этом случае остаться хорошим, полным внимания слушателем!

Если мы полностью поглощены слушанием или просмотром, то тем самым мы отказались от "подготовки к будущему", о которой я говорил. Мы уже не рассматриваем настоящее просто как средство достижения некоторого результата в будущем (что обесценивает настоящее), и, конечно, этот тип отказа от будущего является предпосылкой полной вовлеченности в настоящее. Столь же ясно, что трудно "забыть" будущее, если испытываешь тревогу в отношении его.

Разумеется, это только один смысл понятия "будущее". Будущее, находящееся внутри нас, являющееся частью нашего нынешнего Я, — это совсем другое дело (*Maslow, 1962, с. 14-15*).

Невинность. Речь идет о "невинности" восприятия и поведения. Нечто подобное часто считают свойственным творческим людям. Это свойство описывают как открытость по отношению к ситуации, простодушие, отсутствие априорных ожиданий, различных "должно" и "следует", пренебрежение модой, пристрастиями, догмами, привычками и другими мысленными образцами того, что является подходящим, нормальным, "правильным", готовность принять то, что случится, без удивления, шока, возмущения или отказа,

Дети более способны на такую нетребовательную восприимчивость, как и мудрые старцы. А сейчас оказывается, что мы все можем быть более невинны в этом смысле, через восприимчивость к "здесь-и-теперь".

Сужение сознания. В описываемом состоянии мы гораздо меньше осознаем все остальное, помимо предмета нашего внимания, меньше отвлекаемся. Крайне важно здесь меньшее сознание других людей, их связей с нами и наших с ними обязанностей, страхов, надежд и т. п. Мы становимся намного свободнее от других людей, что в свою очередь означает, что мы в гораздо большей мере становимся самими собой, своим реальным Я (в смысле К. Хорни), своим аутентичным Я, обретаем свою реальную идентичность.

Это так потому, что главная причина нашего отчуждения от своего реального Я лежит в нашей невротической связанности с другими людьми, в пережитках детства, в иррациональных переносах, когда прошлое и настоящее смешиваются, и взрослый действует подобно ребенку (Между прочим, для ребенка вполне правильно действовать по-детски. Его зависимость от других людей может быть очень реальной. Но, так или иначе, предполагается, что он перерастет эту зависимость. Бояться, что скажет или сделает папа, конечно, неуместно, если папы уже двадцать лет как нет в живых).

Одним словом, в рассматриваемые моменты мы становимся свободнее от влияния других людей. И в той мере, в какой эти влияния воздействовали на наше поведение, такого больше не происходит.

Это означает сбрасывание масок, отказ от усилий, направленных на то, чтобы влиять, производить впечатление, нравиться, быть любимым, завоевывать аплодисменты. Можно сказать так: если нет аудитории, перед которой требуется играть, то мы перестаем быть актерами. А когда потребность в этом исчезает, мы можем самозабвенно посвятить себя решаемой проблеме.

Утрата эго, самозабвение. Когда вы полностью поглощены чем-то иным, вы склонны меньше сознавать себя, меньше следить за собой в качестве наблюдателя или критика. Говоря языком психодинамики, вы оказываетесь менее, чем обычно, разделены на переживающее Я и самонаблюдающее Я и подходите весьма близко к тому, чтобы полностью превратиться в переживающее Я. При этом вы теряете характерную для подростков застенчивость и робость, болезненное сознание, что за вами наблюдают, и т. п. Это, в свою очередь, означает большее единство, цельность и интегрированность личности.

Это означает также: меньше критики и редактирования, меньше оценок, отбора, отказов, меньше суждений и взвешиваний, меньше расчленения и анализа опыта. Такая самозабвенность — один из путей к нахождению своей подлинной идентичности, своего реального Я, своей аутентичной, глубинной природы. Почти всегда эта самозабвенность ощущается как приятная и желательная. Нет нужды идти здесь так далеко, как буддисты и вообще восточные мыслители, говорящие о "проклятом Я". Но в том, что они говорят, есть нечто, заслуживающее внимания.

Тормозящая сила сознания. В некотором смысле сознание (особенно самосознание) временами каким-то образом оказывает подавляющее, тормозящее действие. Оно иногда служит источником сомнений, конфликтов, страхов и т. п. И оно иногда создает помехи для полноценной креативности, подавляя спонтанность и экспрессию (однако для психотерапии наблюдающее Я необходимо).

Столь же верно и то, что какой-то вид самосознания, самонаблюдения, самокритики (то есть самонаблюдающее Я) необходим для "вторичной креативности". В психотерапии, например, задача самоусовершенствования отчасти является результатом критики того опыта, который субъект допустил в сознание. Больные шизофренией испытывают много инсайтов, но не могут использовать их в терапевтических целях, поскольку они слишком полно вовлечены в переживание и недостаточно — в самонаблюдение и самокритику. Аналогичным образом в творческой деятельности дисциплинированная конструктивная работа следует за фазой вдохновения.

Исчезновение страхов. Речь идет о том, что наши страхи и тревоги также проявляют тенденцию к исчезновению. Это касается и проявлений депрессии, конфликтов, противоречивости чувств, наших забот, наших проблем, даже наших физических болей. И даже — на время — наших психозов и неврозов (если они не настолько сильны, чтобы помешать нам глубоко заинтересоваться определенным предметом и погрузиться в него).

В течение какого-то времени мы мужественны и уверены в себе, лишены страха, тревог, неврозов, болезней.

Ослабление защит и тормозов. Тенденцию к исчезновению обнаруживают и наши тормозящие механизмы. Это касается нашей осторожности, наших защит (во фрейдистском смысле), контроля над импульсами и защит от опасностей и угроз.

Сила и мужество. Творческая установка требует мужества и силы, и в большинстве исследований творческих личностей упоминаются эти качества в том или ином их варианте: упорство, независимость, самодостаточность, своего рода высокомерие, сила характера, сила Я и т. п. ; соображения популярности отходят на задний план. Страх и слабость исключают креативность или, по меньшей мере, делают ее менее вероятной.

Мне кажется, что этот аспект креативности становится несколько более понятным, если рассматривать его как часть синдрома "здесь-и-теперь", забвения себя и других. Такое состояние внутренне предполагает ослабление страхов, тормозов, меньшую потребность в самозащите, меньшую осторожность, меньшую нужду в искусственности, меньшую боязнь оказаться смешным, испытать унижение, потерпеть неудачу. Все эти характеристики — часть забвения себя и аудитории. Поглощенность отменяет страх.

Мы можем также высказаться более положительным образом. Более мужественному человеку легче позволить себе увлечься тайной, чем-то незнакомым, новым, неясным и противоречивым, необычным и неожиданным и т. п. — вместо того, чтобы испытывать подозрения, страхи и для их преодоления приводить в действие механизмы ослабления тревожности и психологические защиты.

Принятие: положительная установка. В моменты погружения в "здесь-и-теперь" и самозабвенности мы склонны быть "положительные" и в ином смысле, а именно, отказываться от

критики того, с чем мы сталкиваемся (его редактирования, отбора, коррекции, улучшения, отбрасывания, оценивания, проявления по отношению к нему скепсиса и сомнения). Иначе говоря, мы его принимаем, вместо того чтобы отвергать или отбирать. Отсутствие преград в отношении к предмету внимания означает, что мы как бы позволяем ему изливаться на нас. Мы позволяем ему идти своим путем, быть собой. Возможно, мы даже одобряем, что он таков, каков он есть.

Такая установка облегчает даосистский подход в смысле скромности, невмешательства, восприимчивости.

Доверие в противовес упорству, контролированию, борьбе. Все, о чем будет идти речь ниже, предполагает некое доверие к себе и к миру, позволяющее временно отказаться от напряжения и борьбы, волнения и контроля, сознательного приспособления и сознательных усилий. Решение позволить себе руководствоваться внутренней природой предмета, находящегося "здесь-и-теперь", необходимо предполагает релаксацию, ожидание, прием. Обычные усилия, направленные на овладение, господство и контроль, противоречат подлинному согласию с материалом (или с проблемой, с человеком и т. д.), равно как его правильному восприятию. В особенности это справедливо по отношению к будущему! Мы должны доверять нашей способности импровизировать, когда в будущем придется столкнуться с чем-то новым. Сформировав эту мысль, мы можем яснее видеть, что доверие предполагает здесь уверенность в себе, мужество, отсутствие страха перед миром. Ясно также, что это доверие, выражаемое самому себе перед лицом неизвестного будущего, — предпосылка способности действовать в настоящем целостно, открыто и от всего сердца.

Здесь могут пригодиться некоторые клинические примеры. Роды, мочеиспускание, дефекация, засыпание, лежание на поверхности воды, самоотдача в сексе — во всех этих случаях напряжение, старание, контроль должны уступить место свободному, расслабленному доверию к событиям, идущим своим чередом.

Даосистская восприимчивость. Термины "даосизм" и "восприимчивость" многозначны, причем все значения важны, но почти неуловимы, так что их трудно передать вне контекста. Все рассматриваемые ниже тонкие даосистские свойства творческой установки неоднократно описывались многими авторами в той или иной форме. Как бы то ни было, все согласны с тем, что на начальной фазе творчества, фазе вдохновения, некоторая степень восприимчивости, или невмешательства, или отношения по принципу "будь что будет" является характерной и вместе с тем теоретически и динамически необходимой. Перед нами сейчас стоит вопрос: как эта восприимчивость, это "позволение вещам происходить" соотносятся с синдромом погружения в "здесь-и-теперь" и самозабвением?

Прежде всего, по аналогии с уважением художника к его материалу, мы можем говорить об уважительном внимании к объекту как о своего рода вежливости или почтении, исключающем вмешательство контролирующей воли и сходным с принятием этого объекта всерьез. Это равнозначно рассмотрению его как такового, как цели, как имеющего собственное право на существование, а не как средства, инструмента достижения какой-то внешней цели. Такое уважительное отношение к его существованию подразумевает, что он достоин уважения.

Это почтение или уважительность в равной мере касается проблем, материалов, ситуации, человека. Это то, что один автор (К. Фоллет) назвал капитуляцией перед авторитетом фактов, законом ситуации. При этом я могу перейти от голого разрешения "ему" быть самим собой — к любящему, заботливому, одобряющему, радостному желанию, чтобы он был таким, как это бывает по отношению к ребенку, или возлюбленной, или дереву, или стихотворению, или любимому животному.

Подобная априорная установка необходима для восприятия или понимания всего конкретного богатства объекта — богатства его собственной природы и собственного стиля, без нашей помощи, без навязывания себя объекту, примерно так же, как мы замолкаем, когда хотим расслышать шепот другого. Такое познание Бытия другого более полно описано в главе 9.

Интеграция субъекта в бытийном познании (в противовес диссоциации). Творчество, как правило, имеет тенденцию захватывать человека целиком. И во время творчества он наиболее интегрирован, целен, однонаправлен, полностью организован и подчинен захватившему его предмету. Таким образом, креативность системна, то есть является целостным (гештальтным) качеством всей личности; это не добавка к организму как слой румян или как вирусная инфекция. Она противостоит диссоциации. Полнота присутствия "здесь-и-теперь" несет в себе меньше раздробленности и больше цельности.

Разрешение погрузиться в первичные процессы. Частью процесса интеграции личности является возвращение к бессознательному и предсознательному, в особенности относящемуся к

первичным процессам (поэтическому, метафорическому, мистическому, первобытному, архаичному, детскому).

Наш сознательный интеллект чересчур аналитичен, рационален, вычислителен, атомистичен, концептуален, и потому он упускает большие куски реальности, в особенности реальности внутри нас.

Эстетическое восприятие, а не абстрагирование. Абстрагирование более активно и склонно к вмешательству, отбору и отказу (менее даосистское), чем эстетическая установка (по Нортропу) на смакование, наслаждение, благосклонное оценивание, заботу, невмешивающееся и не контролирующее поведение.

Конечным продуктом абстрагирования служит математическое уравнение, химическая формула, карта, диаграмма, эскиз, карикатура, понятие, модель, теоретическая система — все это отходит все дальше и дальше от исходной действительности ("карта не есть территория"). Конечным продуктом эстетического, неабстрагирующего восприятия является целостный образ, где все в равной мере ценится и размыто деление на более и менее важное. Богатству образа отдается предпочтение перед упрощением и схематизацией.

Для многих запутавшихся ученых и философов уравнение, понятие, чертеж стали реальнее самой действительности. К счастью, теперь, когда мы способны понять взаимодействие и взаимообогащение конкретного и абстрактного, больше нет нужды обесценивать то или другое. Нам, интеллектуалам Запада, столь сильно переоценивавшим роль абстракции в картине реальности, вплоть до их отождествления, следовало бы восстановить равновесие, подчеркнув значение конкретного, эстетического, феноменологического, неабстрагирующего, охватывающего все аспекты и детали восприятия, направленного на все богатство действительности, включая ее бесполезные части.

Максимально полная спонтанность. Если мы полностью сосредоточены на объекте, очарованы им самим, не имея в виду каких-либо иных целей, то легче быть полностью спонтанным, полноценно функционирующим, позволять нашим способностям легко изливаться без напряжения, без волевого усилия или контроля, инстинктивно, автоматически, бездумно. При этом действие получается наиболее полноценным, наименее подверженным помехам, наиболее организованным.

Основной детерминантой организации способностей и их адаптации к объекту выступает, по всей вероятности, внутренняя природа самого объекта. При этом наши способности адаптируются к ситуации максимально успешно, быстро и легко, они гибко изменяются при изменении ситуации. Так, художник непрерывно приспосабливается к требованиям меняющейся картины, борец — к своему сопернику, танцоры, выступающие в паре, — друг к другу, подобно тому, как вода заполняет встречающиеся на пути трещины.

Максимально полная экспрессивность (выражение уникальности). Полная спонтанность — это гарантия искреннего проявления свободно функционирующим организмом своей природы и стиля, своей уникальности. Оба эти понятия — спонтанность и выразительность — подразумевают честность, естественность, правдивость, отсутствие хитрости и притворства. Это связано с тем, что указанные понятия связаны с неинструментальным поведением, отсутствием целенаправленных "стараний", специальных усилий или напряжения, отсутствием помех потоку импульсов и свободной экспрессии, "лучающейся" из глубин личности.

Единственными детерминантами здесь оказываются внутренняя природа объекта, внутренняя природа личности и внутренняя необходимость их динамического приспособления друг к другу — приспособления, ведущего к слиянию, к единству, как, например, в хорошей баскетбольной команде или струнном квартете. Ничто внешнее не имеет значения. Ситуация не является средством для какой-то внешней цели; она сама является целью.

Слияние личности с миром. Завершу свои размышления указанием на слияние личности с ее миром. О таком слиянии неоднократно сообщали как о наблюдаемом факте, присущем творчеству. У нас есть теперь основания рассматривать его как необходимое условие творчества. Я полагаю, что паутина взаимосвязей, которые я пытался распутать и рассмотреть, может помочь нам понять это слияние скорее как естественное событие, чем как нечто мистическое или эзотерическое. Я думаю, что его даже можно исследовать, если мы будем понимать его как некий изоморфизм, как все более полное взаимное приспособление или взаимодополнение, как сплав.

И я, наконец, понимаю, что имел в виду Хокусай, сказавший:

"Если ты хочешь нарисовать птицу, ты должен стать птицей".

5. Целостный подход к творчеству.

Интересно сравнить нынешнюю ситуацию в изучении креативности с той, которая имела место двадцать-двадцать пять лет назад.

Прежде всего я хочу сказать, что объем исследовательской работы и накопленных данных намного превзошел все, на что можно было рассчитывать тогда. Во-вторых, у меня сложилось впечатление, что по сравнению с накопленным массивом методов, остроумных приемов тестирования и просто с количеством собранной информации теория в этой области особенно не продвинулась. Я хотел бы поднять теоретические вопросы, связанные с тем, что беспокоит меня в представлениях, имеющихся в этой области и в вытекающих из них негативных последствиях.

Пожалуй, главное, о чем мне хотелось бы сказать, — это впечатление, что идеи и исследования в области креативности слишком атомарны и ситуативны и отнюдь не являются такими целостными, организмическими, системными, какими они могли бы и должны были бы быть. Конечно, я не хотел бы проводить здесь грубых разделений или противопоставлений. Я не испытываю пиетета в отношении целостности или антагонизма к расчленению либо атомарности. Вопрос для меня заключается в том, как лучше их объединить, вместо того чтобы делать между ними выбор. Один из способов избежать такого выбора — воспользоваться давно известным (идущим от Пирсона) различием общего фактора (G от слова general) и специфических или специальных факторов (S), имея в виду, что оно относится не только к интеллекту, но и к креативности.

Когда я читаю литературу по креативности, мне кажется весьма знаменательным, что связь этой проблемы с психиатрическим или психологическим здоровьем является столь решающей, столь глубокой, столь важной и столь очевидной — и тем не менее, не используется в качестве основы для теоретических построений. Например, исследования в области психотерапии, с одной стороны, и креативности, с другой, слабо связаны между собой. Однако основания для такой связи существуют, что убедительно, как мне кажется, продемонстрировал мой аспирант Ричард Крейг (*Craig*, 1966). На нас произвела большое впечатление таблица в книге Э. Торранса "Руководство творческим талантом" (*Torrance*, 1962), где он свел вместе и подытожил данные по всем характеристикам личности, для которых была обнаружена корреляция с креативностью. Он нашел не менее тридцати из них достаточно валидными. Р. Крейг выписал эти характеристики в столбец, а в соседний столбец — список характеристик, использованных мною (*Maslow*, 1954) для описания самоактуализирующихся людей. (Этот список во многом совпадает со списками, которые использовались другими авторами для описания моделей психологического здоровья, например, "полноценно функционирующей личности" К. Роджерса, "индивидуализированной личности" К. Юнга, "автономной личности" Э. Фромма и т. д.)

У Р. Крейга совпадение оказалось почти полным. В списке из тридцати или сорока характеристик оказалось две или три, которые не использовались при описании психологически здоровых людей, были в этом отношении нейтральными. Не было ни единой характеристики, не согласующейся с этим описанием. И было около сорока (может быть, тридцать семь или тридцать восемь), входивших в синдром психологического здоровья или самоактуализации.

Я ссылаюсь на эту статью как на хороший исходный пункт для обсуждения, потому что глубоко (и давно) убежден в том, что проблема креативности — это проблема творческой личности (а не творческих продуктов, творческого поведения и т. п.). Творческий человек — это особый тип человека, а не обычный человек, приобретший новые дополнительные возможности, некое новое умение вроде умения кататься на коньках, овладевший чем-то, что осталось внешним по отношению к его базовой природе.

Если вы согласны с тем, что личность, творческая личность, составляет сущность рассматриваемой проблемы, то сталкиваетесь с общей проблемой преобразования человеческой природы, преобразования характера, полноценного развития личности в целом. Это, в свою очередь, неизбежно вовлекает нас в обсуждение вопросов мировоззрения, жизненной философии, образа жизни, этического кодекса, ценностей общества и т. д. Такой подход резко и недвусмысленно контрастирует с ситуативными, каузальными, замкнутыми, атомистическими подходами в теории, исследованиях и обучении. Подобные подходы часто проявляются в таких, например, вопросах: "В чем причина творчества?", "Что самое важное из того, что мы можем сделать?", "Следует ли включить в учебный план курс творчества на три зачетных единицы?". Я не удивлюсь, если кто-нибудь спросит: "Где локализовано творчество?" или попытается вживить электроды, чтобы с их помощью включать или выключать его. Консультируя лиц, занимающихся исследованиями и разработками в промышленности, я почувствовал, что они тоже ищут какую-то тайную кнопку, на которую можно было бы нажимать, как при включении и выключении света.

Между тем, как я полагаю, могут существовать сотни и даже тысячи детерминант креативности. Все, что помогает личности двигаться в направлении большего психологического здоровья или более полной человечности, ведет к изменениям личности в целом. Эта более человечная, более здоровая личность будет обнаруживать десятки, сотни и миллионы отличий в поведении, переживании, восприятии, общении, обучении, труде и т. д., причем все это будет более "творческим". Она станет просто другой личностью, которая будет иначе вести себя во всех отношениях. И тогда вместо единственной тайной кнопки, или секретного приема, или курса на три зачетных единицы, которые предположительно обеспечат большую креативность ad hoc, в данной ситуации, возникнет целостная, организмическая точка зрения, которая порождает иной вопрос: "Почему бы не сделать так, чтобы каждый курс помогал развитию креативности?". Очевидно, этот подход к воспитанию личности будет способствовать становлению лучшего типа личности, поможет личности стать больше, выше, мудрее, восприимчивее — и, вероятно, креативнее применительно ко всем сторонам жизни.

Приведу один пример. Мой коллега, Дик Джоунс, написал докторскую диссертацию, которая представляется мне очень важной с философской точки зрения, хоть она и не привлекла достаточного внимания. Проведя со старшекласниками своего рода курс групповой психотерапии, Д. Джоунс обнаружил, что к концу года у них резко снизились расовые и этнические предрассудки — несмотря на то, что в течение всего года он специально избегал даже упоминания соответствующих слов. Предрассудок не создается нажатием кнопки. Никто не учит людей предрассудкам и не может напрямую научить людей "быть без предрассудков". Мы пытались делать это, но без большого успеха. Однако отсутствие предрассудков достигается как эпифеномен, как побочный продукт просто благодаря тому, что человек становится лучше, будь то под влиянием психотерапии либо других воздействий, улучшающих его личность.

Уже около двадцати пяти лет назад мой стиль изучения креативности существенно отличался от классического научного (атомистического) метода. Мне пришлось разработать технику целостного интервью. То есть, я старался узнать каждого человека возможно более глубоко и полно в его уникальности и индивидуальности — до такой степени, чтобы я ощутил, что понимаю его в целом как личность. Я старался получить весьма полные и целостные описания людей и их жизненных путей, не задаваясь наперед частными проблемами или вопросами, то есть не абстрагируя какой-либо один аспект личности. Иными словами, я действовал идиографически.

Но после этого можно уже действовать номотетически, задавать конкретные вопросы, осуществлять простую статистическую обработку, приходиться к общим заключениям. Можно рассматривать каждого человека как бесконечность, но и бесконечности можно складывать, вычислять проценты и т. п., подобно тому, как возможны манипуляции с трансфинитными числами.

При глубоком и индивидуальном изучении некоторой выборки становятся возможными некоторые операции, невозможные в типичных классических экспериментах. У меня была выборка около 120 человек, с каждым из которых я провел очень много времени, стараясь лучше узнать его. После этого я мог задавать вопрос и, обращаясь к собранным данным, отвечать на него, причем я мог бы это делать, даже если бы все 120 человек к тому времени умерли. Такой подход противостоит эксперименту, осуществляемому ad hoc для решения одной проблемы; в нем подвергается изменению одна переменная, а относительно прочих предполагается, что они "остаются постоянными". (Мы, конечно, хорошо знаем, что есть тысячи переменных, предположительно контролируемых в классической экспериментальной парадигме, но на деле очень далеких от постоянства).

Если мне будет позволено высказаться резко, я выражу твердое убеждение в том, что причинно-следственный способ мышления, который работает достаточно хорошо применительно к неживому миру, и которым мы научились более или менее успешно пользоваться для решения человеческих проблем, ныне мертв в качестве общей философии науки. Его не следует более использовать, поскольку он приучает нас к ситуативно-конкретному мышлению. Согласно ему одна причина производит одно определенное следствие, а один фактор порождает другой фактор, вместо того чтобы сохранять нашу чувствительность к системным и организмическим изменениям того типа, который я попытался описать. В последнем случае предполагается, что любой одиночный стимул способен изменить весь организм, и затем измененный организм производит поведение, изменившееся по отношению ко всем сторонам жизни. (Это справедливо также для социальных организаций, больших и малых.)

Если, например, задуматься о физическом здоровье и задать вопрос: "Что делать, чтобы зубы были здоровее?", или "Что делать, чтобы ноги были здоровее?", или такие же вопросы в отношении почек, глаз, волос и т. д., то любой врач скажет вам, что важнее всего позаботиться об общем, системном здоровье. Это значит: надо постараться улучшить общий фактор (G). Если вы

можете улучшить свою диету, образ жизни и т. д. и т. п., то эти процедуры разом улучшат ваши зубы, и почки, и волосы, и печень, и кишечник, и все прочее, то есть улучшится система в целом. Подобным же образом общая креативность, понимаемая в целостном смысле, является порождением всей усовершенствованной системы. Любые факторы, способствующие большей креативности личности, делают человека также лучшим отцом или лучшим учителем, лучшим гражданином или лучшим танцором — по меньшей мере, в той степени, в какой укрепляется фактор G. К этому, конечно, затем добавляются специфические факторы, отличающие хорошего отца от хорошего танцора или хорошего композитора.

Ч. Глок и Р. Старк написали весьма неплохую книгу по социологии религии (*Glock, Stark, 1965*). Я бы рекомендовал ее как умную и компетентную картину атомистического, ситуативного мышления. Приверженцы такого ситуативного, стимул-реактивного, причинно-следственного мышления (точнее, мышления, связывающего одну причину с одним следствием), входя в новую область, действуют так же, как эти авторы. Конечно, прежде всего они считают необходимым дать определение религии и стараются сделать это определение возможно более чистым и четким. Затем они продолжают изолировать свой объект, отсекая его от всего прочего. Они связаны аристотелевой логикой, резко противопоставляющей A и не-A. Здесь A — это все A и ничто, кроме A. Это чистое A, так же как все прочее — это чистое не-A, и потому A и не-A не перекрываются и не сливаются. Известная издавна возможность (воспринимаемая очень серьезно всеми глубоко религиозными людьми), состоящая в том, что религиозные установки могут быть аспектом или характеристикой практически любого поведения (по сути, всего поведения), теряется уже на первой странице книги. Благодаря этому авторы попадают в абсолютный и полный хаос — самый прекрасный хаос, какой я когда-либо видел. Они оказываются в тупике, в котором религиозное поведение отделено от всякого другого поведения. На протяжении всей книги они занимаются только внешним поведением. Их интересует, посещают люди церковь или не посещают, хранят или не хранят иконы, отвешивают ли поклоны и в каких именно случаях. И при этом полностью вне рассмотрения остаются религиозные люди, которые могут не иметь ничего общего с религиозными учреждениями, сверхъестественным или идолопоклонством. Это хороший пример атомистического мышления, но я мог бы привести массу других. Можно мыслить атомистически в любой сфере жизни.

Можно подойти таким же образом и к креативности. Можно считать, что креативное поведение осуществляется в определенном помещении, например, в классе, и в определенное время, например, по четвергам. Что именно креативность и ничто иное происходит в этом месте в это время и никогда не бывает в другом месте и в другое время. И что только определенные занятия связаны с креативностью, например, живопись, музыкальная композиция, литература, но не работа повара, или таксиста, или водопроводчика. Но я вновь поднимаю вопрос о креативности как аспекте практически любого поведения, перцептивного или эмоционального, волевого, когнитивного или экспрессивного. Думаю, что при таком подходе появляется возможность задать много интересных вопросов, которые не пришли бы в голову при дихотомическом подходе.

Это несколько напоминает различие способов, которыми можно научиться хорошо танцевать. Большинство людей в нашем ситуативном обществе направятся в танцевальную школу, где вам покажут, как сделать шаг левой ногой, а затем три шага правой, и мало-помалу вы овладеете множеством внешних, произвольных движений. Но, я думаю, мы все согласимся (и я могу даже сказать, что мы это знаем), что среди тысяч эффектов успешной психотерапии вполне может быть способность хорошо танцевать — благодаря более свободному отношению к танцам, большей элегантности, меньшей скованности, заторможенности, застенчивости и т. д. Точно так же я полагаю (и мой опыт это подтверждает), что психотерапия, если она хороша (а мы все знаем, что есть много плохой психотерапии) и успешна, может рассматриваться как развитие креативности, даже если психотерапевт специально не стремится к этому и не произносит этого слова.

Можно упомянуть диссертацию на близкую тему, выполненную одной из наших аспиранток (*Tanzer, 1967*), которая выявила весьма неожиданные вещи. Она начала исследование пиковых переживаний при естественных родах, экстаза материнства и тому подобного. Но тема неожиданно изменилась, потому что автор обнаружила, что, когда роды являются хорошим или даже грандиозным переживанием, происходит масса всевозможных других чудесных изменений. Их можно сравнить отчасти с переживанием религиозного обращения, или с эффектом величайшего просветления, или с переживанием большого успеха, которые радикально меняют образ себя и, соответственно, все поведение женщины.

Я отметил бы также плодотворность этого общего подхода применительно к обсуждению проблем "психологического климата". Так, изучение организационной деятельности компании *Nonlinear Systems* ("Нелинейные системы") показало, что хорошие результаты там были обусловлены именно климатом, творческой атмосферой (см. *Maslow, 1965*). При этом я не мог

выделить какую-либо одну главную причину, противопоставив ее другим. Присутствовала общая свобода, разлитая в атмосфере, целостная, глобальная, а не что-то частное, отдельное, что делается по вторникам. Наилучший климат для стимулирования креативности достигался бы в Утопии, или Эвпсихии², как я предпочитаю называть ее, — обществе, специально спроектированном для содействия самоосуществлению и психическому здоровью всех людей. Это мое общее утверждение, соответствующее фактору G. На этом фоне мы можем затем работать над частной "фигурой" над частными ситуативными задачами, над специфическими (S) факторами, которые делают одного хорошим плотником, а другого — хорошим математиком. Но без общего благоприятного социального фона, в плохом обществе (в общесистемном смысле этого слова) креативность менее вероятна, менее возможна.

Думаю, здесь также поможет параллель с психотерапией. Мы многому можем научиться у людей, чьи исследования и размышления относятся к этой сфере. В частности, мы должны обратиться к занимающей их проблеме идентичности, реального Я, роли психотерапии и воспитания, проблемы помощи людям в их продвижении к идентичности. С другой стороны, мы имеем модель некоего реального Я (по крайней мере некоторых его характеристик — конституциональных, темпераментальных, "инстинктоидных"), обусловленных в определенной степени биологически. Мы образуем биологический вид, отличающийся от других видов. Если это так, если вы принимаете это вместо модели *tabula rasa*, рассматривающей личность как глину, которой может быть произвольно придана любая заданная форма, — то вы должны также принять модель психотерапии как раскрытия, высвобождения, а не лепки и формирования. Базовые модели образования и воспитания, порождаемые этими двумя различными концепциями природы человека, будут различаться.

Но не является ли креативность частью общечеловеческого наследия? Очень часто она оказывается потерянной, скрытой, искаженной или подавленной, и возникает задача раскрытия того, с чем, в принципе, рождаются все дети. Я полагаю, мы затрагиваем здесь очень глубокую и очень общую философскую проблему.

В заключение хотелось бы коснуться одного вопроса, относящегося к категории S, а не G. Я хотел бы спросить: когда мы не желаем креативности? Иногда она может быть страшной помехой, опасной вещью. Я убедился в этом, когда "творческая" лаборантка привела однажды в негодность данные, которые я собирал более года. Она поступила "по творчески" и переделала весь массив данных, даже не сообщив мне об этом. Данные были приведены в негодность, результаты годичной работы — испорчены, утрачены. Как правило, мы хотим, чтобы поезда приходили вовремя, и обычно предпочитаем, чтобы зубные врачи не действовали творчески. Один мой друг пару лет назад перенесший операцию, вспоминает, что испытывал тревогу и страх, пока не встретился со своим хирургом. К счастью, тот оказался исключительно точным и аккуратным человеком с тонкими усиками, где каждый волосок был на своем месте, — человеком правильным, сдержанным и трезвым. У моего друга вырвался вздох облегчения: это был не "творческий" человек. Это был человек, склонный делать нормальные, рутинные, скучные операции, без каких-либо фокусов, новаций или экспериментов, без какой-нибудь новой техники швов или чего-либо в этом роде. Не только в обществе с его разделением труда от нас требуется, чтобы мы были способны исполнять приказы, осуществлять программы, чтобы мы были предсказуемы. Кроме этого, для каждого из нас важно (не только как для лиц, занимающихся творческой деятельностью, но и как для исследователей креативности) расстаться с тенденцией обожествления одной стороны творческого процесса — энтузиазма, инсайта, озарения, момента среди ночи, когда к вам приходит вдохновение, — и недооценки, скажем, двух лет тяжелого, в поте лица, труда, необходимого, чтобы извлечь что-то полезное из яркой идеи.

В действительности на яркие идеи уходит малая доля нашего времени. Его основная часть тратится на тяжелую работу. Складывается впечатление, что наши студенты не знают этого.

Может быть, здесь в чем-то и моя вина, потому что мои студенты часто идентифицируют себя со мной, а я писал о пиковых переживаниях, вдохновении и т. п. И вот студентам кажется, что это единственный способ жизни. Жизнь без ежедневных или ежечасных пиковых переживаний для них не жизнь, и они не могут заниматься скучной работой.

Бывает, студент говорит мне: "Нет, я не хочу этого делать, потому что это не доставляет мне удовольствия". Тогда у меня кровь приливает к лицу, и я гневно приказываю ему сделать то, что требуется, под угрозой отказа от дальнейшей работы с ним. Он тогда считает, что я изменяю своим собственным принципам. Я думаю, что мы, ученые, занимающиеся проблемами творчества, чтобы формировать более взвешенное представление о креативности, должны нести ответственность за впечатление, производимое нами на других людей. А это впечатление, похоже, таково, будто креативность якобы сводится к озарениям. Тот факт, что по-настоящему творческие люди — хорошие труженики, часто упускают из виду.

6. Эмоциональные помехи творчеству.

Когда я начинал исследования по проблеме творчества, это была сугубо академическая и "профессорская" проблема. Но в последнюю пару лет ко мне, к моему изумлению, начали обращаться представители неизвестных мне крупных предприятий или организаций вроде "Инженеров армии США", чья работа мне совсем незнакома, и я, как и многие мои коллеги, в связи с этим испытывал некоторую неловкость. Я не уверен, что проведенная мною работа, выводы, к которым я пришел, и то, что мы вроде бы знаем сегодня о творчестве, — что все это в его нынешней форме применимо в крупных организациях. То, что можно предложить, — это, по существу, парадоксы, проблемы и загадки, и в данный момент я не знаю, как они могут быть решены.

Полагаю, что проблема менеджмента творческих кадров фантастически трудна и важна, и я совсем не знаю, что нам делать с этой проблемой, потому что по существу в своих работах говорю об "одиноким волке". Творческие люди, с которыми я работал, чувствуют себя подавленными в организации, склонны бояться ее и предпочитают трудиться сами где-нибудь в углу или на чердаке. Проблема места "одиноким волка" в большой организации — это, боюсь, проблема организации, а не моя.

Это немного походит на попытку примирить революционера со стабильным обществом. В самом деле, люди, которых я изучал, по существу, революционеры в том смысле, что они поворачиваются спиной к уже существующему, не будучи удовлетворены им. Здесь пролегает новая граница, и, думаю, мне остается просто играть в исследователя, клинициста и психолога, выбросив из головы то, чему я научился и что должен был предлагать людям в надежде, что они смогут как-то этим воспользоваться.

Здесь надо копать очень, очень глубоко. Это новая психологическая граница. Попытаюсь как бы заранее подытожить то, о чем собираюсь сказать. Главный вывод, к которому привела наша работа за последние лет десять, состоит в следующем: источники той креативности, которая нас на самом деле интересует, то есть генерирования по-настоящему новых идей, кроются в глубинах человеческой природы. Для ее описания у нас нет даже достаточно подходящих слов. Если угодно, можно вести разговор во фрейдистских терминах и говорить о бессознательном. Или отдать предпочтение терминам другой психологической школы и говорить о "реальном Я". Но в любом случае речь идет о более глубоком Я. Оно глубже в операциональном смысле, с точки зрения психолога или психотерапевта, которые до него докапываются. Это глубина сродни глубине залегания руды, к которой нужно пробиваться через поверхностные слои грунта.

Большинство людей не знает об этих глубинах, но есть и другая сторона этого незнания: мы не только не знаем об этом, но и боимся узнать, то есть сопротивляемся знанию об этом. Вот что я пытаюсь прояснить. Речь идет о первичной креативности в отличие от вторичной. Первичная креативность проистекает из бессознательного, являющегося источником новых открытий, реальной новизны идей, отклоняющихся от того, что уже существует. От первичной креативности отличается то, что я называю вторичной креативностью. Этот вид продуктивности продемонстрирован в нескольких недавних исследованиях Энн Роу. Она обнаружила его в нескольких группах хорошо известных людей — способных, плодотворных, успешно работающих и пользующихся признанием. Например, в одном из исследований Э. Роу изучила всех биологов, отмеченных в издании "American Men of Science" ("Люди американской науки"). В другом исследовании ей удалось получить данные обо всех палеонтологах страны. В результате был выявлен любопытный парадокс: в определенной степени многие хорошие ученые принадлежат к людям, которых психопатолог или психотерапевт мог бы назвать ригидными, скованными, людям, боящимся своего бессознательного в том смысле, о котором я говорил. Теперь вы можете прийти к тому же любопытному выводу, что и я: к мысли о двух типах науки, о двух типах технологии. Если угодно, науку можно определить как метод, благодаря которому нетворческие люди могут творить и совершать открытия, работая вместе с массой других людей, "стоя на плечах предшественников", будучи аккуратными, внимательными и т. п. Именно это я называю вторичной креативностью и вторичной наукой.

Вместе с тем я полагаю, что можно выделить первичную креативность, проистекающую из бессознательного; я обнаружил ее у особо творческих людей, отобранных для тщательного изучения. Весьма вероятно, что такая первичная креативность — это наследие, имеющееся у каждого человека, общее и универсальное достояние. Она определенно обнаруживается у всех здоровых детей, хотя большинство людей, вырастая, теряют ее. Этот вид креативности универсален также в том смысле, что, если вести психотерапевтические раскопки, то есть докапываться до бессознательных слоев личности, вы там ее обнаружите. Я приведу только один пример, который всем, вероятно, знаком по собственному опыту. Вы знаете, что в наших

сновидениях мы можем быть гораздо более творческими людьми, чем когда бодрствуем, можем быть умнее, остроумнее, смелее, оригинальнее и т. д. и т. п. Когда снимается контроль, устраняются тормоза и защиты, мы обычно обнаруживаем больше креативности, чем это представляется невооруженному глазу. Недавно я обошел своих друзей-психоаналитиков, пытаюсь узнать об их опыте высвобождения креативности. Общий вывод психоаналитиков (а я уверен, что он был бы таким же и у всех других психотерапевтов) таков: от общей психотерапии можно, как правило, ожидать высвобождения креативности, не проявлявшейся до ее начала. Очень трудно доказать это, но именно таково их общее впечатление. Если угодно, назовите это мнением экспертов. Таково впечатление людей, занимающихся, например, помощью тем, кто хотел бы писать, но внутренне заторможен. Психотерапия может помочь им освободиться, избавиться от тормозов и начать писать. Вообще, опыт говорит о том, что психотерапия, спускаясь к глубинным, обычно подавляемым слоям психики, высвобождает наше общее наследие — нечто, что все мы имели, но затем потеряли.

Есть одна форма невроза (сама по себе понятная), которая может многому научить нас применительно к обсуждаемой проблеме. Пожалуй, я впервые говорю об этом. Речь идет о компульсивно-обсессивном неврозе.

Страдающие им люди ригидны и скованны, мало способны к игре. Они стараются контролировать свои эмоции и потому могут выглядеть холодными, "замороженными". Они напряжены и сжаты. В крайних проявлениях это болезнь, которой должны заниматься психиатры и психотерапевты. В нормальном же состоянии интересующие нас люди обычно обнаруживают высокий уровень дисциплинированности, опрятности, пунктуальности, систематичности, самоконтроля. Из них получают, например, отличные бухгалтеры. С психодинамической точки зрения этих людей можно описать как "сильно расщепленных" — сильнее, чем большинство населения. Имеется в виду расщепление на то, что они осознают, знают о себе, и то, что скрыто от них самих, что не осознано или вытеснено. По мере того как мы узнаем больше о таких людях и при этом узнаем кое-что об основаниях вытеснения, о котором идет речь, мы обнаруживаем также, что такие основания, пусть в меньшей степени, существуют у всех нас. Это одна из тех ситуаций, где экстремальный случай позволяет нам узнать нечто о более обычных и более нормальных случаях.

Люди с компульсивно-обсессивным неврозом вынуждены быть такими, каковы они есть. У них нет альтернативы. У них нет выбора. Единственный путь, каким такой человек может достичь безопасности, порядка, отсутствия тревоги, — это путь дисциплинированности, предсказуемости, контроля, мастерства. Желаемые цели достижимы для него именно таким образом. Все "новое" представляет угрозу для такого человека, но ничто происходящее с ним не является новым, если он может найти ему место в своем прошлом опыте, если он способен "заморозить текущий мир", то есть поверить, что ничто не меняется. Если он может продвигаться в будущее на основе "испытанных" законов, правил, навыков, способов приспособления, которые он выработал в прошлом и стремится использовать в будущем, — то он чувствует себя в безопасности и не испытывает тревоги.

Почему он вынужден вести себя так? Чего он боится? С психодинамической точки зрения, ответ — в самом общем виде — состоит в том, что он боится своих эмоций, своих глубочайших инстинктивных побуждений, своего глубочайшего Я, которое он отчаянно подавляет. Он вынужден! Иначе он чувствует, что может сойти с ума. Эта драма страха и защиты находится внутри человека, но он склонен обобщать ее, проецировать вовне на весь мир и затем воспринимать весь мир соответствующим образом. В действительности он сражается с опасностями, находящимся внутри него, и как только видит во внешнем мире что-либо, напоминающее ему эти опасности, то вступает в борьбу. Он борется против собственных импульсов к беспорядку, становясь сверхпунктуальным. Он чувствует угрозу со стороны беспорядка в мире, потому что этот беспорядок напоминает ему об угрозе бунта, исходящей изнутри, со стороны подавленных слоев его психики. Все, что создает опасность для его самоконтроля, все, что усиливает опасные скрытые импульсы или ослабляет защиты, пугает такого человека, несет для него угрозу.

Этот процесс сопряжен со многими потерями. Конечно, человек может достичь некоего равновесия и жить своей жизнью, избегая ее разрушения. Он может держать события под контролем. На контроль затрачиваются отчаянные усилия, значительная часть имеющейся у человека энергии, и он утомляется просто от того, что контролирует себя, справляется с собой и защищается от опасных компонентов своего бессознательного — или же от своего бессознательного реального Я, которое научился считать опасным. Он вынужден изгонять все бессознательное. Это напоминает предание о древнем тиране, разыскивавшем оскорбившего его человека. Тиран знал, что этот человек перебрался в определенный город, и потому приказал убить в этом городе всех мужчин, чтобы быть уверенным, что обидчик не избежал наказания.

Человек, страдающий компульсивно-обсессивным неврозом, действует подобным же образом. Он убивает и изгоняет все бессознательное, чтобы быть уверенным, что опасные компоненты последнего устранены.

Речь идет о том, что из бессознательного, из глубинного Я, из тех частей нашего естества, которых мы боимся и потому стараемся держать под контролем, — из всего этого берет начало способность играть, наслаждаться, фантазировать, смеяться, бездельничать, непосредственно вести себя и, что для нас важнее всего, креативность. Она является видом интеллектуальной игры, позволяет быть собой, фантазировать, быть свободным, по-своему "сходить с ума" (ведь всякая по-настоящему новая идея вначале выглядит безумной). Человек с компульсивно-обсессивным неврозом отказывается от своей первичной креативности, от возможности быть артистичным, от своей поэзии, своего воображения. Он заглушает свою здоровую ребячливость. Это касается также того, что мы называем хорошим приспособлением и что было очень метко описано как способность впрячься в правильную упряжку; речь идет о том, чтобы вписываться в мир, быть реалистичным, здравомыслящим, зрелым, брать на себя ответственность. Боюсь, что определенные аспекты такого хорошего приспособления заставляют человека поворачиваться спиной к тому, что этому приспособлению угрожает. Иначе говоря, прилагаются усилия к согласованию с миром, со здоровым смыслом, с физическими, биологическими и социальными реалиями, причем обычно за это приходится платить отказом от части нашего глубинного Я. Это не столь драматично, как в вышеописанном случае компульсивно-обсессивного невроза. Тем не менее, становится все яснее, что так называемое нормальное взрослое приспособление заставляет человека поворачиваться спиной к тому, что может ему угрожать. А "угрожают" нам мягкость, фантазия, эмоциональность, ребячливость. Одна вещь, о которой я пока не упоминал, но к которой проявлял интерес в своей недавней работе с творческими (а также нетворческими) людьми, состоит в страхе, испытываемом мужчиной перед всем, что он мог бы назвать "женским", "женственным" (и что мы готовы сразу обозначить как "гомосексуальное"). В грубой среде под "женским" понимается практически все творческое; воображение, фантазия, цвет, поэзия, музыка, нежность, грусть, романтика. И это все изгоняется как опасное для имеющегося у человека образа его мужского достоинства. Все обозначаемое как "слабое" так или иначе подавляется в рамках нормального мужского взрослого приспособления. Но мы убедились, что многое из того, что называют "слабым", вовсе таковым не является.

Я думаю, здесь может быть полезно рассмотрение бессознательных процессов, которые психоаналитики называют "первичными" и "вторичными" процессами. Трудно, конечно, вносить порядок в хаос и рационально упорядочивать иррациональное, но приходится. Нижеследующие рассуждения повторяют то, о чем мне уже приходилось писать.

Интересующие нас первичные процессы, эти бессознательные процессы познания, то есть восприятия мира и мышления, весьма отличаются от законов здравого смысла и хорошей логики, от процессов, которые психоаналитик называет "вторичными", и в которых мы логичны, благоразумны и реалистичны. Когда вторичные процессы отделяются стеной от первичных, то страдают и те, и другие. Предельный случай, когда имеет место полное отделение логики, здравого смысла и рациональности от глубинных слоев личности, мы наблюдаем у человека с компульсивно-обсессивным неврозом, человека навязчиво-рационального, который вообще не может жить в мире эмоций. Он не знает, влюблен он или нет (ведь любовь нелогична), он не может даже позволить себе часто смеяться (ведь смех не является чем-то логичным, рациональным и благоразумным). Когда первичные и вторичные процессы разделены, когда личность расщеплена, вы получаете нездоровую рациональность и нездоровые первичные процессы. Вторичные процессы, изолированные от первичных, оказываются во многом обусловлены страхами и фрустрацией, во многом предстают как система защит, подавления и контроля, примирения и хитрых тайных компромиссов с фрустрирующим и опасным физическим и социальным миром, который является единственным источником удовлетворения потребностей и заставляет очень дорого платить за это. Такое нездоровое сознание, или эго, или Я осознает только то и живет только тем, что воспринимает в качестве законов природы и общества. Это означает своего рода слепоту. Человек с компульсивно-обсессивным неврозом не только лишается многих радостей жизни, но и становится слепым ко многому в самом себе, в других людях и даже в природе. Он оказывается слеп ко многому в природе даже будучи ученым. Правда, такие люди могут успешно делать дела, но мы как психологи прежде всего должны спросить: какой ценой? Ведь такой человек несчастлив. И, во-вторых, услышав, что делаются дела, мы спрашиваем: какие дела? Стоит ли их делать?

С наиболее показательным из виденных мною случаев компульсивно-обсессивного невроза мне пришлось столкнуться в лице одного из моих старых профессоров. Это был очень бережливый человек. Он сохранял все прочитанные в свое время газеты, связав их по неделям.

Насколько я помню, газеты за каждую неделю перевязывались красной тесемочкой, а затем все связки месяца складывались вместе и перевязывались желтой тесемочкой. Жена профессора говорила мне, что у него расписано меню завтраков на каждый день. В понедельник полагался апельсиновый сок, во вторник — овсяная каша, в среду — чернослив, и не дай бог, если жена предложит чернослив в понедельник. Профессор хранил использованные бритвенные лезвия, аккуратно упаковывая их и следя за наличием этикеток. И в лаборатории, помнится, он с первого же дня все снабжал этикетками (что такие люди часто делают). Он все привел в порядок и повсюду наклеил этикетки. Я помню, как он в течение нескольких часов пытался пристроить этикетку к маленькому зонду, где для нее вообще не было места. А однажды я поднял крышку пианино в его лаборатории и увидел там наклейку с надписью "Пианино". Такого рода человек всегда обеспокоен и очень несчастен. Что же касается того, что он делает, то я возвращаюсь к поднятому выше вопросу. Эти люди делают дело, но что это за дело? Обладает ли оно ценностью? Иногда обладает, а иногда — нет. К сожалению, многие из наших ученых принадлежат к этому типу. Получается так, что в научной работе занудливый характер может быть очень полезен. Такой человек может, например, на протяжении двенадцати лет корпеть над рассечением ядра одноклеточного организма, проявляя терпение, настойчивость, упрямство и стремление к познанию. Обществу такие люди часто могут быть полезны.

Первичные процессы, изолированные от сознания, наполненные страхами — это болезнь. Но они не обязательно должны быть болезненными. Из глубины мы воспринимаем мир через призму желаний, страхов и удовлетворения. Вероятно, полезно будет подумать о том, как маленький ребенок смотрит на мир, на себя и на других людей. В его логике нет отрицаний, нет противоречий, нет расщепленных идентичностей, нет противоположностей, нет взаимного исключения. Аристотелева логика не существует для первичных процессов. Они независимы от контроля, табу, дисциплины, торможений, отсрочек, планирования, подсчетов, возможности или невозможности. Над ними не властны время и пространство, последовательность, причинность, порядок или законы физического мира. Они протекают в мире, совершенно ином. Когда первичный процесс оказывается перед необходимостью уйти от осознания чего-либо, чтобы сделать ситуацию менее угрожающей, он может соединить несколько объектов в один (как это происходит в сновидениях); может перенести эмоции с их истинных объектов на другие, более безобидные; может затемнять ситуацию посредством символизации; может быть всемогущим, вездесущим, всеведущим. (Снова вспомним о сновидениях. Все, о чем я говорю, применимо к ним.) Ему незачем заботиться о действиях, так как он может достичь требуемого состояния без действий, просто с помощью фантазии. Для большинства людей этот процесс является до-вербальным, очень конкретным, близким к непосредственному переживанию и обычно — визуально-наглядным. Он вне ценностей, вне морали, вне этики, вне культуры. Он предшествует добру и злу. Ныне у большинства цивилизованных людей именно в силу расщепления вторичных и первичных процессов последние обычно выступают как ребяческие, незрелые, безумные, опасные, угрожающие. Как вы помните, я привел пример человека, полностью подавившего первичные процессы, полностью изолировавшего бессознательное. Характер болезни этого человека я описал выше.

Человек, у которого вторичные процессы контроля, рассудка, упорядочения, логики полностью разрушены — болен шизофренией.

Думаю, видно, к чему я веду. Здоровая личность, и особенно здоровая творческая личность, каким-то образом осуществляет слияние и синтез первичных и вторичных процессов, сознательного и бессознательного, глубинного Я и сознательного Я и делает это изящно и эффективно. Определенно можно утверждать, что такой синтез возможен, хотя и не очень распространен. Безусловно, можно содействовать этому процессу с помощью психотерапии; глубокая и продолжительная психотерапия может быть особенно полезна. При описываемом слиянии первичные и вторичные процессы, принимая участие друг в друге, меняют свой характер. Теперь бессознательное не страшно. Такой человек может жить со своим бессознательным, или, можно сказать, со своей ребячливостью, фантазией, воображением, исполнением своих желаний, со своей женственностью, поэтичностью, своим сумасшествием. По меткому выражению одного психоаналитика, такой человек способен на "регрессию, находящуюся на службе Эго". Это произвольная регрессия. Креативность такого человека находится в его распоряжении, доступна ему, и этим он представляет для нас интерес.

Человек с компульсивно-обсессивным неврозом, о котором я говорил раньше, в предельном случае не может играть. Он не может позволить событиям идти своим чередом. Такой человек склонен, например, избегать вечеринок, потому что он очень благоразумен, а на вечеринке полагается немного дурачиться. Такой человек боится расслабиться, потому что тогда его самоконтроль ослабеет, а для него это большая опасность — ему необходимо постоянно

контролировать себя. Такой человек, вероятно, ужасно трудно поддается гипнозу. Его, вероятно, пугает анестезия, как и любая иная потеря полного сознания. Такие люди стараются вести себя достойно, дисциплинированно, сознательно, рационально даже на вечеринке, где это вовсе не требуется. Теперь должно быть ясно, что я имею в виду, когда говорю, что человек, чувствующий себя достаточно комфортно со своим бессознательным, способен позволить событиям идти своим чередом: быть немного сумасшедшим на вечеринке, дурачиться, участвовать в розыгрышах и наслаждаться этим, наслаждаться своим небольшим сумасшествием, находящимся, однако, "на службе Эго", по выражению упомянутого психоаналитика. Это похоже на сознательную, добровольную регрессию — взамен стремления постоянно сохранять достоинство и самоконтроль (о таких говорят: он выступает, даже когда сидит на стуле).

Возможно, я могу еще кое-что добавить об открытости по отношению к бессознательному. Вся психотерапия, в том числе самотерапия, и самопознание трудны именно потому, что для большинства из нас сознательное и бессознательное разделены стеной. Как согласовать эти два мира: психический мир и мир реальный? Вообще, процесс психотерапии — это медленное, осуществляемое шаг за шагом, с помощью специалиста, соприкосновение с верхними слоями бессознательного. Когда они проявляются, выясняется, что человек может их принять и ассимилировать, что они в конечном счете не столь опасны, не столь ужасны. Затем следующие слои один за другим включаются в тот же процесс, человек сталкивается с тем, чего он ужасно боится, и, столкнувшись, обнаруживает, что с самого начала нечего было бояться. Он боялся потому, что смотрел на это глазами ребенка, каким он привык быть. То, чего ребенок боялся, по-своему ошибочно истолковывал и подавлял, было вытеснено за рамки основанного на здравом смысле обучения, опыта и взросления, и оставалось вытесненным, пока его "не вытащили наружу" с помощью специальной процедуры. Сознательное начало должно быть достаточно сильным, чтобы отважиться на дружелюбное отношение к "врагу".

Параллель сказанному можно обнаружить в складывавшихся на протяжении истории отношениях между мужчинами и женщинами. Я полагаю, что мужчины боялись женщин и добивались господства над ними во многом по тем же (неосознаваемым) причинам, по которым они боялись своих первичных процессов. Представители психодинамического направления склонны думать, что многое в отношениях мужчин к женщинам определяется тем, что женщины напоминают мужчинам их собственное бессознательное, собственную женственность, мягкость, нежность и т. п. И потому борьба с женщинами или стремление контролировать их, умалять их достоинство — это часть усилий, направленных на контроль над бессознательными силами, находящимися внутри каждого из нас. Между боязливым хозяином и оскорбленной рабыней невозможна подлинная любовь. Только став достаточно сильными, достаточно уверенными в себе и достаточно цельными, мужчины оказываются способны выносить и, в конечном счете, получать наслаждение от самоактуализирующихся женщин — женщин, являющихся полноценными людьми. Но мужчина в принципе не может самореализоваться без такой женщины. Поэтому сильные мужчины и сильные женщины есть условие друг друга, ибо они не могут существовать друг без друга. Они служат причиной друг друга, ибо женщины растят мужчин, а мужчины растят женщин. И в конечном итоге служат наградой друг для друга. Если ты достаточно хороший мужчина, то именно такую женщину ты получишь и именно такую женщину ты заслуживаешь. А теперь, возвращаясь к нашей параллели, отметим: здоровые первичные процессы и здоровые вторичные процессы, то есть здоровая фантазия и здоровая рациональность, нуждаются в помощи друг друга, с тем чтобы слиться, достигнув подлинной интеграции.

Наши знания о первичных процессах первоначально были получены в исследованиях сновидений, фантазий и невротических процессов, затем — психотических болезненных процессов. Мало-помалу эти знания освобождались от ореола патологии, иррациональности, незрелости и примитивности в дурном смысле слова. Только недавно мы вполне осознали (благодаря исследованиям душевно здоровых людей, творческого процесса, игры, эстетического восприятия, смысла здоровой любви, здорового роста и становления, здорового воспитания), что в каждом человеке заключены поэт и инженер, рациональное и нерациональное, ребенок и взрослый, мужское начало и женское, психический мир и мир природы. Постепенно мы поняли, что теряем, стараясь каждый день быть только и исключительно рациональными, только "научными", только благоразумными, только практичными, только ответственными. Лишь теперь приобретаем мы полную уверенность в том, что цельная, вполне развившаяся, вполне зрелая личность должна открываться себе одновременно на обоих этих уровнях. Подход, согласно которому бессознательная сторона человеческой природы считается больной, а не здоровой, ныне явно — устарел. Так думал в свое время З. Фрейд, но мы теперь учимся другому: тому, что полное здоровье означает открытость себе на всех уровнях. Мы не можем более называть какую-то сторону самих себя "злой" (в противоположность "доброй"), низшей (в противоположность высшей), своекорыстной (в противоположность бескорыстной), животной (в противоположность

человеческой). Тенденция к такой дихотомии сохранялась на протяжении человеческой истории, в частности, истории западной цивилизации и наиболее явственно — истории христианства. Но мы больше не можем разделять себя на пещерного человека и цивилизованного, на дьявола и святого. Мы можем теперь считать это незаконной дихотомией, незаконным "или-или", где сам процесс расщепления и дихотомизации создает, можно сказать, большое сознание и большое бессознательное, большую рациональность и большие побуждения. (Рациональность вполне может быть болезнью, в чем можно убедиться, наблюдая телевизионные викторины. Я слышал об одном бедняге, специалисте по древней истории, который зарабатывал на них большие деньги. Он рассказал кому-то, что добивается этого благодаря тому, что запомнил весь кембриджский учебник древней истории: начал с первой страницы, постепенно продвигался дальше и теперь знает каждую дату и имя в этом учебнике. Бедняга! У О'Генри есть рассказ о человеке, решившем, что раз энциклопедия охватывает все знания, незачем ходить в школу, а надо просто выучить энциклопедию. Он начал с буквы А, потом перешел к буквам В, С и т. д. Вот вам патологическая рациональность.)

Раз мы преодолеваем и разрешаем эту дихотомию, раз можем связать ее противостоящие компоненты в то единство, в каком они изначально находятся, например, в здоровом ребенке, в здоровом взрослом или в наиболее творческих людях, то можно признать, что сама по себе дихотомизация или расщепление является патологическим процессом. И тогда появляется возможность окончания внутренней "гражданской войны", что и происходит у людей, которых я называю самоактуализирующимися. Это именно то, что мы обнаруживаем у психологически здоровых людей. Когда мы отбираем среди населения один процент или долю процента наиболее здоровых людей, оказывается, что эти люди, иногда с помощью психотерапии, иногда без нее, умеют соединить два рассмотренных мира и жить комфортно в обоих. Я описал психологически здорового человека как обладающего здоровой "детскостью". Это трудно выразить словами, потому что "детскость" обычно трактуется как противоположность зрелости. Если утверждать, что наиболее зрелые люди похожи на детей, то это звучит как противоречие, хотя в действительности эта не так. Пожалуй, здесь можно вспомнить пример с вечеринкой, приведенный ранее. Наиболее зрелые люди умеют веселиться лучше других. Думаю, в этом наиболее адекватно выражается то, что я обсуждаю. Эти люди могут осуществлять регрессию по своей воле, становиться похожими на детей, играть с ними, достигать близости с ними. Не случайно дети обычно любят таких людей, способных регрессировать к детскому уровню, и тянутся к ним. Непроизвольная регрессия — это, конечно, очень опасная вещь. Однако регрессия произвольная — примета, видимо, очень здоровых людей.

Какие можно дать практические советы по достижению описанного слияния, я, собственно, не знаю. Единственный известный мне конкретный путь достижения такого внутриличностного слияния — это психотерапия. Это не слишком практичный и не слишком вдохновляющий совет. Есть, правда, возможность самоанализа и самотерапии. Всякий метод, углубляющий знание человека о себе, должен в принципе увеличить его креативность, делая доступными источники фантазии в собственных глубинах, игру идеями, позволяя отрываться от земли, уходить от здравого смысла. Здравый смысл означает жизнь в мире, каков он есть в данный момент, но творческим людям не нравится нынешний мир, и они хотят сотворить другой. А чтобы быть способными сделать это, они должны уметь отрываться от земли, запускать воображение, фантазировать, увлекаться и даже безумствовать. Практический совет, который я могу дать тем, кто занимается работой с творческими кадрами, состоит просто в том, чтобы выявлять таких людей, привлекать их и держаться за них.

Мне кажется, таким советом я сумел оказать услугу одной компании. Я попытался рассказать ее сотрудникам, каковы люди, обладающие первичной креативностью. Обычно это как раз те, кто является источником беспокойства в организации. Я составил список некоторых их характеристик, которые неизбежно вызывают беспокойство. Люди эти склонны вести себя несколько странно и необычно; они нереалистичны; их часто называют недисциплинированными; иногда они неточны, "ненаучны", если исходить из узкого понимания науки. Их более склонные к подчинению коллеги нередко называют их ребячливыми, безответственными, дикими, сумасшедшими, упрекают в умозрительности их подходов, не критичности, непостоянстве, излишней эмоциональности и т. д. Это звучит как описание лодыря, представителя богемы, эксцентричного человека. И следует подчеркнуть, что на ранних стадиях творчества вам надо быть лодырем, вам надо быть богемным, вам надо быть сумасшедшим. Метод "мозговой атаки" способен помочь в поисках рецепта креативности, поскольку обязан своим происхождением людям, уже достигшим успеха в творчестве; они позволяют себе на ранних этапах мышления вести себя так, как это описано выше. Они позволяют себе быть совершенно не критичными, они допускают в свои головы любые дикие идеи. И, благодаря взрыву эмоций и энтузиазма, могут сочинить поэму, придумать формулу или найти математическое решение, выдвинуть теорию или спланировать эксперимент. Тогда, и

только тогда, они становятся "вторичными", более рациональными, в большей мере контролирующими себя, более критичными. Если же вы попытаетесь контролировать себя, вести себя рационально и дисциплинированно уже на первом этапе процесса, то вы никогда не придете ко второму. И метод "мозговой атаки", насколько я помню, состоит именно в этом: в снятии критичности, в том, чтобы позволить себе играть с идеями и, опираясь на свободные ассоциации, щедро выкладывать их на стол — и только потом заняться отбраковкой плохих или бесполезных идей, оставляя хорошие. Если вы боитесь допустить "сумасшедшую" ошибку, тогда к вам никогда не придет яркая идея.

Конечно, нет необходимости, чтобы деятельность в таком богемном стиле осуществлялась постоянно или долго. Я говорю о людях, способных быть такими, когда они хотят этого (регрессия на службе Эго, добровольная регрессия, добровольное "сумасшествие", добровольное вхождение в бессознательное). Эти же люди могут затем надеть свои шляпы и мантии и стать взрослыми, рациональными, благоразумными, дисциплинированными и т. д. — и оценить критическим взглядом то, что они породили в моменты энтузиазма и творческого порыва. При этом они иногда могут сказать:

"Это выглядело замечательно, когда рождалось, но это не годится", — и отбросить такой результат. По-настоящему цельная личность может быть и вторичной и первичной, и ребячливой и зрелой, может регрессировать и затем возвращаться к реальности, достигая при этом большего контроля и критичности в своих реакциях.

Как упоминалось, такого рода рассуждения оказались полезны одной компании или, по меньшей мере, ее сотруднику, отвечавшему за творческие кадры, поскольку до того он увольнял именно таких людей, каких я описал. Особенно он настаивал на правильном выполнении приказов и хорошем приспособлении к организации.

Не знаю, как менеджер должен учитывать то, о чем я рассказал, не знаю, как все это скажется на моральном состоянии людей. Это не моя проблема. Не знаю, как можно было бы использовать людей описанного типа внутри организации, когда она переходит к упорядоченной работе, основанной на принятой идее. Ведь идея стоит лишь в начале очень сложного процесса разработки. Думаю, что здесь заключена проблема, которая будет исследоваться в нашей стране (в большей мере, чем где-либо еще) в течение ближайшего десятилетия или около того. Мы должны быть готовы к этому. Громадные суммы отпускаются ныне на исследования и разработки, и менеджмент творческих кадров становится актуальной проблемой.

Нет сомнений, однако, что стандарты деятельности, выработанные в крупных организациях, нуждаются в модификации и пересмотре. Нам надо найти какой-то способ, позволяющий людям быть индивидуалистами в организации. Не знаю, как это сделать. Думаю, что практический подход состоит здесь попросту в том, чтобы попытаться делать так, и эдак, и еще как-то, и в конце концов эмпирически прийти к некоторому выводу. Я бы сказал, что полезно видеть в перечисленных выше характеристиках признаки не только сумасшествия, но также и креативности. (Впрочем, я бы поостерегся давать хорошую рекомендацию любому, кто ведет себя подобным образом. Некоторые из них в самом деле сумасшедшие.) Теперь мы должны научиться отличать одно от другого. Надо научиться уважать людей этого типа или, по меньшей мере, смотреть на них без предубеждения и стараться как-то вписать их в общество. Сегодня такие люди — это обычно "одинокие волки". Полагаю, вы скорее обнаружите их в университетах, чем в крупных организациях или корпорациях. В университетах они чувствуют себя комфортнее, потому что там им разрешают "сходить с ума" так, как им нравится. Все ожидают от профессоров какой-то ненормальности, и это никого не трогает. Кроме преподавания, у них нет обязанностей по отношению к кому-либо. У профессора обычно достаточно времени, чтобы уединиться на чердаке или в подвале и мечтать там на любую тему — независимо от того, имеет ли она практическое значение. В отличие от этого, в организации ты обычно обязан выдавать какой-то результат.

Все это напоминает анекдот, который я недавно слышал. Два психоаналитика встретились на вечеринке. Один подошел к другому и без предупреждения дал ему пощечину. Пострадавший опешил на мгновение, но затем пожал плечами и сказал: "Это его проблема".

7. Потребность в творческих людях.

Зададим себе вопрос: кто интересуется творчеством? Мой ответ таков: практически все, а отнюдь не только психологи и психиатры. Творчество стало теперь вопросом национальной и международной политики. Люди (в первую очередь военные, политики, мыслящие патриоты) должны вскоре прийти к пониманию того, что в военной области наступил пат, и похоже, что он

будет продолжаться. Функция армии сегодня прежде всего в том, чтобы предотвратить войну, а не в том, чтобы вести ее. Нынешняя борьба между большими политическими системами, то есть холодная война, будет продолжаться, но не вооруженным путем. Преимущество получит та система, которая сумеет привлечь нейтральных людей. Какая из них предложит лучший тип личности, более дружелюбной и миролюбивой, менее жадной, в большей мере заслуживающей любви и уважения? Кто окажется привлекательнее для народов Африки и Азии? И т. д. и т. п.

В общем, психологически более здоровая (или более высоко развитая) личность выступает как политическая необходимость. Надо быть личностью, не вызывающей ненависти, которая способна ладить с людьми и проявлять дружелюбие ко всем, включая африканцев и азиатов, которые мгновенно ощущают пренебрежение к ним, предрассудки или ненависть. Ясно, что гражданин страны, претендующей на лидерство и победу, не должен иметь расовых предрассудков. Он должен испытывать к людям братские чувства, быть готовым прийти к ним на помощь. Он должен быть лидером, заслуживающим доверия, а не вызывающим опасения. В конечном счете он не должен быть авторитарным, склонным к садизму и т. п.

Универсальные потребности.

В дополнение к сказанному, есть другая, возможно, более непосредственная необходимость, с которой сталкивается любая жизнеспособная политическая, социальная или экономическая система, — необходимость иметь больше творческих людей. Соображения, связанные с этим, имеют большой вес в нашей крупной промышленности, где хорошо знают об опасностях, которыми чревато старение производства. Там всем известно, что какими бы богатыми и процветающими ни были вы в данный момент, однажды, проснувшись поутру, можно обнаружить, что кем-то изобретено новое изделие, сделавшее ваше производство устаревшим. Что станет с производителями автомобилей, если кто-либо выйдет на рынок с устройством для личного передвижения, которое будет стоить вдвое дешевле, чем автомобиль? Понимая это, каждая богатая корпорация, которая может себе это позволить, тратит весьма значительную долю своих средств на исследования и разработку новых изделий, так же как и на усовершенствование старых. Аналогом этого на международной арене является гонка вооружений. Верно, что ныне достигнуто равновесие в области средств ядерного сдерживания, бомб, бомбардировщиков и т. п. Но предположим, что в будущем году случится нечто вроде того, что произошло, когда американцы изобрели атомную бомбу. Как быть тогда?

Поэтому сегодня во всех крупных странах идет множество исследований и разработок в рамках оборонных или военных программ. Каждый пытается изобрести новое оружие, которое сделает все существующие вооружения устаревшими. Думаю, что руководители могущественных стран начинают понимать: на такие изобретения способны чудачки, к которым они всегда испытывали неприязнь; иначе говоря — творческие люди. Ныне руководители должны учиться управлению творческими людьми, их раннему выявлению, обучению, воспитанию и т. п.

Вот почему я думаю, что многих наших лидеров интересует сегодня теория креативности. Историческая ситуация, с которой мы столкнулись, способствует становлению интереса к креативности у социальных философов и, вообще, у мыслящих людей. В нашу эпоху общество в большей мере находится в движении, в процессе быстрого изменения, чем в какую-либо из предшествующих. Ускоряющееся накопление новых научных фактов, изобретений, технических достижений, равно как и новых психологических событий, новых проявлений избытка, ставит сегодня каждого человека в ситуацию, отличающуюся от существовавших когда-либо ранее. Помимо прочего, утрата непрерывности и устойчивости в переходе от прошлого через настоящее к будущему делает необходимыми изменения, характер которых многими еще не осознается. Например, весь процесс образования, особенно технического и профессионального, полностью изменился за последние несколько десятилетий. Попросту говоря, сейчас мало пользы в усвоении фактов; они устаревают слишком быстро. Мало пользы в изучении технологий; они устаревают почти мгновенно. Мало пользы, например, в том, что профессора учат студентов всем тем методам, которые они сами учили в свои студенческие годы; сейчас эти методы почти бесполезны. По сути, практически во всех сферах жизни мы сталкиваемся с устареванием прежних фактов, теорий и методов. Мы все — мастера, умения которых никому не нужны.

Новые концепции обучения.

Каков же в этих условиях правильный путь обучения, например подготовки инженеров? Ясно, что мы должны учить их быть творческими людьми, по крайней мере в смысле способности справляться с новизной, импровизировать. Они не должны бояться изменений, напротив, должны чувствовать себя комфортно, встречаясь с изменениями и новшествами и, насколько это возможно, даже быть способными наслаждаться ими. Это означает, что мы должны обучать и

готовить инженеров не в старом стандартном смысле, а в новом — готовить "творческих" инженеров.

Это же, в общем, справедливо и по отношению к функционерам, руководителям и администраторам в бизнесе и промышленности. Они должны уметь приспособиться к тому, что любой новый продукт, любая технология неизбежно и быстро отстают от жизни. Они должны не бороться с переменами, а предвидеть их, вдохновляться и наслаждаться ими. Нам надо вырастить племя импровизаторов, способных творить "здесь-и-теперь". Мы должны определять умелого, или подготовленного, или образованного человека совершенно иначе, чем мы привыкли (то есть не как того, кто имеет богатый прошлый опыт и может при необходимости воспользоваться им в будущем). Многие из того, что мы называли обучением, стало бесполезным. Всякое обучение, сводящееся к простому приложению прошлого к настоящему или использованию прежних приемов в нынешней ситуации, устарело во многих сферах жизни. Образование нельзя более рассматривать просто как процесс обучения; теперь это также процесс воспитания характера, формирования личности. Конечно, это не всегда так, но это так в большой мере, и все больше год от года. (Я полагаю, что наиболее радикально, четко и безошибочно выразил то, что хотел сказать.) В некоторых областях прошлое оказалось почти бесполезным. Люди, слишком зависящие от прошлого, оказались почти беспомощными во многих профессиях. Мы нуждаемся в человеке нового типа, способном отрешиться от прошлого, чувствующем себя достаточно сильным и мужественным, чтобы доверять себе в возникающей ситуации и, если требуется, решать проблемы без предварительной подготовки, импровизируя.

Все это дополняет наш акцент на психологическом здоровье и силе. Это означает и более высокую значимость способности как можно полнее концентрироваться на ситуации, существующей "здесь-и-теперь", хорошо слышать и видеть то, что происходит перед нами в этот конкретный момент. Это означает, что мы нуждаемся в людях, отличающихся от среднего человека, воспринимающего настоящее как повторение прошлого и как период подготовки к будущим угрозам и опасностям, которые он боится встретить неподготовленным. Мы нуждались бы в этом новом типе человека, даже если бы не было холодной войны и человеческий род был объединен в братском содружестве — просто чтобы справиться с тем новым миром, в котором мы живем.

Ситуация холодной войны, о которой я говорил выше, а также новый мир, с которым мы сейчас столкнулись, навязывают нашему анализу креативности новые приоритеты. Поскольку мы, в сущности, говорим о типе личности, типе мировоззрения, типе характера, акцент смещается с творческих продуктов, технических новшеств и эстетических объектов как таковых. Мы должны больше интересоваться творческим процессом, творческой установкой, творческой личностью, а не только творческим продуктом.

Поэтому представляется наилучшей стратегией уделить больше внимания при рассмотрении творчества фазе вдохновения, а не фазе разработки, то есть "первичной" креативности, а не "вторичной".

Нам следует чаще использовать в качестве примера не законченную, социально полезную работу в области искусства или науки; скорее мы должны сосредоточить внимание на импровизации, на гибком и адаптивном, эффективном взаимодействии возникающей "здесь-и-теперь" ситуации, независимо от степени ее значимости. Дело в том, что использование в качестве критерия законченного продукта приводит к слишком большому смещению креативности с хорошими трудовыми навыками, упорством, дисциплиной, терпением, хорошими редакторскими способностями и другими характеристиками, которые прямо не связаны с креативностью или, по меньшей мере, не специфичны для нее.

Все эти соображения делают даже более желательным изучение креативности у детей, а не у взрослых. Здесь мы избегаем многих проблем, смущающих нас и искажающих получаемые нами результаты. Так, например, мы здесь не можем требовать социальных инноваций или социальной полезности творческого продукта. При этом желательно также избежать путаницы, связанной с ориентацией на большой врожденный талант (по-видимому, мало связанный с универсальной креативностью, которая является врожденной у всех нас).

Теперь о некоторых причинах того, почему я считаю столь важным невербальное воспитание, осуществляемое посредством искусства, музыки, танцев и т. п. Меня специально не интересует подготовка профессионалов в области искусства; во всяком случае, ее осуществляют иначе. Я не очень интересуюсь искусством как времяпрепровождением для детей и даже как средством лечения. Художественное образование как таковое не слишком мне интересно. Чем я действительно интересуюсь — это новым типом образования и воспитания, который мы должны разработать и который содействовал бы становлению нужного нам нового типа человека —

находящегося в движении, творческого, импровизирующего, доверяющего себе, мужественного, самостоятельного. Исторически случилось так, что специалисты по художественному воспитанию оказались первыми, кто двинулся в этом направлении. Но столь же легко это могло бы произойти и с математическим образованием, и я надеюсь, что однажды так и случится.

Конечно, математике, или истории, или литературе сегодня большей частью обучают авторитарным, опирающимся на запоминание способом (хотя это уже не так для новейшего метода обучения, ориентированного на импровизацию, догадки, творчество; о таком обучении писал Дж. Брунер, а математики и физики разработали его применительно к средней школе). Вопрос опять в том, как научить детей действовать "здесь-и-теперь", импровизировать и т. д., то есть как стать творческими людьми, приобрести творческую установку.

Новое движение "обучение посредством искусства" с его отказом от диктата объективности намного меньше обычного озабочено правильным и неправильным. В нем эта проблема отодвинута в сторону, и, благодаря этому, ребенок может взаимодействовать с самим собой, со своей смелостью или тревогой, своими стереотипами или своим свежим взглядом и т. д. Это можно хорошо выразить так: там, где реальность убирается, мы получаем ситуацию хорошего проективного теста и, следовательно, хорошую ситуацию для психотерапии или психологического роста. Это именно то, что осуществляется при тестировании проективными методами инсайттерапии: требования реальности, правильности, приспособляемости к миру, психические, химические и биологические детерминанты — все это снимается, так что психика может раскрыть себя более свободно. Я рискнул бы даже сказать, что в этом отношении обучение посредством искусства — разновидность метода терапии и роста, поскольку она дает возможность проявиться более глубоким слоям психики, что позволяет их поощрять, укреплять, тренировать и воспитывать.

Часть III. Ценности.

8. Слияние фактов и ценностей.

Начну с объяснения того, что я назвал пиковыми переживаниями, потому что именно на примере таких переживаний мой тезис можно продемонстрировать наиболее легко и полно. Термин "пиковое переживание" объединяет наилучшие моменты человеческого существования, самые счастливые моменты жизни, переживания экстаза, восторга, блаженства, величайшей радости. Обнаружилось, что пиковые переживания порождаются глубокими эстетическими переживаниями (такими, как творческий экстаз), моментами зрелой любви, совершенными сексуальными переживаниями, родительской любовью, опытом естественных родов и многим другим. Я использую единый термин — "пиковые переживания" — как некое обобщенное и абстрактное понятие, поскольку установил, что все эти экстатические переживания обладают некоторыми общими характеристиками. Более того, можно построить схему или модель, в которой были бы представлены эти общие характеристики. Термин "пиковые переживания" позволяет мне одновременно говорить обо всех видах таких переживаний (*Laski, 1961; Maslow, 1962 a, b*).

Когда я спрашивал своих испытуемых — после того, как они описывали свои пиковые переживания, — каким в эти моменты представал перед ними мир, то получал ответы, которые тоже можно было бы схематизировать и обобщить. В действительности почти необходимо сделать это, так как нет другого способа охватить тысячи слов или описаний, предоставленных мне. "Сухой остаток", выделенный мною из множества этих описаний, полученных примерно от сотни людей во время и после пиковых переживаний, выражается в следующих словах: истина, красота, цельность, единство противоположностей, жизненный процесс, уникальность, совершенство, необходимость, завершенность, справедливость, порядок, простота, богатство, непринужденность, игра, самодостаточность.

Хотя это сгущение и выделение было сделано лишь одним человеком, у меня мало сомнений в том, что кто-либо другой, возмись он за это дело, пришел бы примерно к такому же списку характеристик. Уверен, что список получился бы не слишком отличающимся от приведенного — не более, чем на уровне выбора синонимов или конкретных слов.

Полученные слова очень абстрактны. Но как могло бы получиться иначе? Каждое слово должно объединить много видов непосредственных переживаний под одной рубрикой или одним заголовком. Это неизбежно означает, что такая рубрика будет включать в себя многое, следовательно, будет очень абстрактной.

Таковы способы, которыми люди по-разному характеризуют мир, воспринимаемый в состоянии пикового переживания. Различия могут заключаться в степени или в акцентах, то есть во время пикового переживания мир выглядит более честным и откровенным, более истинным, более прекрасным, чем в другое время.

Я хочу подчеркнуть, что эти характеристики подаются испытываемыми в их отчетах как описательные, как факты о мире. Это описания того, каким предстает перед ними мир, как он выглядит и даже каков он, по их утверждениям. Эти описания попадают в ту же категорию, что и сведения, данные газетным репортером или ученым-наблюдателем после какого-то события, свидетелем которого он был. Это не утверждения о том, что "должно быть", и не простые проекции желаний исследователя, это не галлюцинации и не просто эмоциональные состояния, которым недостает познавательной основы. Эти описания подаются испытываемыми как просветления, как истинные характеристики действительности, которые их прежняя слепота скрывала от них.

Здесь мы сталкиваемся со старой проблемой соответствия мистических просветлений действительности. Мы коснулись корней и источников религии. Но мы должны быть очень осторожны, чтобы не обольщаться абсолютной субъективной уверенностью мистиков и людей, испытывающих пиковые переживания, в своих свидетельствах. Для них несомненно, что им открылась истина. Большинство из нас испытало такую же уверенность в свои моменты просветления.

Однако человечество за три тысячи лет письменной истории научилось тому, что субъективной уверенности недостаточно; должно быть также внешнее подтверждение. Должен существовать какой-то способ проверки истинности утверждений, какой-то измеритель продуктивности, прагматический тест. К высказываемым утверждениям мы должны подходить с определенной сдержанностью, осторожностью, трезвостью. Очень многие мистики, провидцы, пророки оказались неправы, хотя чувствовали абсолютную уверенность в своих утверждениях.

Этот разрушающий иллюзии опыт выступает как один из исторических корней науки — недоверие к свидетельствам личного просветления. Официальная, классическая наука давно отвергла такие просветления, считая, что сами по себе они не являются ценными в научном отношении данными.

Мы — психологи и психиатры — находимся в начале новой эпохи в науке. В своем психотерапевтическом опыте мы встречаемся с внезапными просветлениями, пиковыми переживаниями, с переживаниями опустошенности, инсайтами и экстазами — и у своих пациентов, и у самих себя. Мы привыкли ко всему этому; и мы научились тому, что хотя не все такого рода свидетельства истинны, некоторые из них, безусловно, являются таковыми.

Химик, биолог, инженер будут продолжать испытывать беспокойство в связи с этим старым (или новым) представлением о том, что истина может предстать таким старым (или новым) способом: посредством штурма, эмоционального просветления, своего рода взрыва, через разрушающиеся стены, через сопротивление, через преодоление страхов. Мы специализируемся на работе с опасными истинами, с истинами, угрожающими самооценке.

Безличностный научный скептицизм, даже по отношению к безличностной сфере, не оправдан. История науки (или, по меньшей мере, великих ученых) — это история внезапных и экзотических проникновений в истину, которая затем медленно, тщательно, осторожно проверяется более приземленными работниками, действующими скорее как общественные насекомые, чем как орлы. Я вспоминаю, например, Кекуле, увидевшего во сне бензольное кольцо.

Слишком многие люди с ограниченным видением действительности определяют сущность науки как тщательную проверку, установление истинности гипотез, определение того, верны ли идеи, высказанные другими людьми. Но в той мере, в какой наука является также методикой открытий, ей придется научиться стимулировать связанные с пиковыми переживаниями инсайты и прозрения и затем использовать их в качестве данных. Другие примеры бытийного познания (когда в состоянии пикового переживания человек усматривает ранее не воспринимавшуюся им истину) имеют своими источниками пронизательность, достигаемую посредством бытийной любви, определенный религиозный опыт, определенный опыт групповой психотерапии, ведущий к межличностной интимности, интеллектуальные просветления и глубокие эстетические переживания.

В последние месяцы открылась новая возможность проверки действенности бытийного (сопряженного с просветлением) познания. В трех разных университетах было установлено, что ЛСД может излечивать алкоголизм примерно в 50% случаев (*Abramson, 1961*). Придя в себя после бурной радости, вызванной этим блестящим достижением, этим неожиданным чудом, и будучи ненасытными, мы обязательно спрашиваем: "А как насчет тех, кому ЛСД не помог?". В связи с этим я приведу цитату из письма доктора А. Хоффера от 8 февраля 1963 г.:

"Мы целенаправленно использовали ПП (пиковые переживания) в качестве терапевтического средства. Наши алкоголики, получавшие ЛСД или лекарства, достигали ПП с помощью предоставлявшейся им музыки, визуальных стимулов, слов, внушения — всего, что позволяло им, по их словам, испытать ПП. Мы работали более чем с 500 алкоголиками, так что можно сформулировать некоторые общие правила. Одно из них — это то, что большинство алкоголиков, которые после лечения не пьют, испытали ПП. И наоборот, мало кто из не испытавших ПП реагировал на лечение подобным образом.

У нас есть также данные, убеждающие в том, что главным компонентом ПП является аффект. Когда испытуемым, получавшим ЛСД, вначале в течение двух дней давали пеницилламин, они испытывали переживания, идентичные с теми, которые обычно вызывает ЛСД, но с выраженным ослаблением аффекта. Они наблюдали все визуальные изменения, с ними происходили изменения мышления, но они оставались эмоционально вялыми и скорее являлись сторонними наблюдателями, чем участниками происходящего. Эти лица не испытывают ПП. И оказывается, что только 10% из них ведут себя хорошо после лечения (в сравнении с ожидаемыми нами 60% выздоровления в нескольких крупных выборках с отсроченным контролем)". Теперь мы делаем большой скачок: перечень описываемых характеристик действительности, мира, усматриваемых испытуемыми в моменты пиковых переживаний, примерно соответствует тому, что называют вечными ценностями, вечными истинами. Мы встречаемся здесь со старой знакомой триадой истины, красоты и добра. Иными словами, перечень описываемых характеристик одновременно оказывается перечнем ценностей. Именно эти характеристики ценили великие религиозные деятели и философы, и этот перечень включает практически все то, что наиболее серьезные мыслители согласно считают конечными или высшими жизненными ценностями.

Итак, мое первое утверждение лежит в публичной сфере науки. Любой может сделать то же, что и я; любой может сам проверить получающиеся результаты; любой может использовать ту же процедуру, что и я, и может — объективно, если он того желает, — записать на магнитную ленту то, что ему скажут в ответ на вопросы, которые ставил я, а затем опубликовать полученные данные. Таким образом, то, о чем я сообщаю, носит публичный характер, может быть повторено и при этом подтверждено или нет, может быть даже охарактеризовано количественно, если вы того пожелаете. Результаты оказываются устойчивыми и надежными в том смысле, что если я повторю процедуру, то получу примерно то же самое. Даже с точки зрения наиболее ортодоксальных позитивистских определений науки XIX в. мои утверждения являются научными. Это когнитивные (т. е. основанные на познании) утверждения, описания характеристик действительности, космоса, мира, находящегося вне описывающего и докладывающего субъекта, мира, как он воспринимается. С этими данными можно работать в рамках традиционной модели науки, и степень их истинности или ложности может быть определена⁶.

Однако высказывание о том, как выглядит мир, одновременно оказывается ценностным утверждением. Выделенные характеристики оказываются наиболее вдохновляющими жизненными ценностями, теми, за которые люди готовы платить огромными усилиями, болью и мучениями. Это высшие ценности также в том смысле, что чаще всего они "посещают" лучших людей, в лучшие моменты, в лучших условиях. Это определения более высокой духовной жизни, и я бы добавил, что они же являются дальними целями психотерапии, а также образования и воспитания в самом широком смысле. Это качества, благодаря которым мы восхищаемся великими людьми человеческой истории, качества, характеризующие наших героев, наших святых, даже наших богов.

Таким образом, познавательное суждение оказывается совпадающим с ценностным суждением. "Сущее" совпадает с "должным", факт — с ценностью. Мир, как он есть, который описывается и воспринимается, становится тем же, что и мир, который ценят и которого желают. Мир, который есть, становится миром, который должен быть. То, что должно быть, оказалось реально существующим; иными словами, факты слились с ценностями⁷.

⁶ Дальнейшие исследования доступны каждому, кто в них заинтересован. Некоторые такие исследования выполнены мною совместно с моими студентами. Например, в одном очень простом эксперименте, осуществленном только для того, чтобы показать, что это можно сделать, мы обнаружили, что для студентов колледжа источником пиковых переживаний чаще всего является то, что их любят, а для студентов-мужчин — победы, успехи, преодоления и достижения. Это совпадает как с нашим обыденным знанием, так и с клиническим опытом. Можно осуществить много других исследований того же типа; здесь открывается широкое поле, особенно теперь, когда мы знаем, что пиковые переживания можно целенаправленно вызывать с помощью фармакологических средств.

⁷ С самого начала я хочу избежать смешения слова "должно", как я его здесь использую, с "невротическим долженствованием", рассматриваемым К. Хорни, например, в главе 3 ее книги "Невроз и развитие личности" (Horney, 1950)*. То, чего ожидают от человека, часто является внешним, произвольным, априорным,

Трудности со словом "ценности". То, что я обсуждаю, несомненно, касается ценностей, как бы ни определять это понятие.

Термин "ценности" получает самые разные определения и означает разное для разных людей. Семантическая путаница здесь настолько велика, что я убежден, что мы вскоре откажемся от этого претендующего на всеохватность слова в пользу более точных и более операциональных определений каждого из многих частных смыслов, которые ему придаются.

Если использовать другой образ, мы можем представлять себе понятие ценности в виде большого контейнера, содержащего разнообразные путанные и неясные вещи. Большинство философов, писавших о ценностях, пыталось найти простую формулу или определение, которое связало бы вместе все, находящееся в контейнере, хотя многие вещи попали туда случайно. "Что это слово ("ценность") означает реально?" — задают вопрос философы, забывая, что реально оно ничего не означает, будучи всего лишь ярлыком. Здесь может пригодиться только плюралистическое описание, то есть каталог всевозможных способов фактического употребления слова "ценность" разными людьми.

Ниже следует ряд кратких наблюдений, гипотез и вопросов, касающихся различных граней этой проблемы, различных способов, которыми факты и ценности могут сливаться или приближаться к слиянию, — при различных смыслах как слова "ценности", так и слова "факты". Это похоже на переход от лингвистических дебатов к сосредоточению на операциях и реальных событиях в области психологии и психотерапии, от мира семантики к миру природы. Фактически это был бы первый шаг к внесению этих проблем в сферу науки (определяемой достаточно широко и включающей, наряду с объективными данными, также и данные субъективного опыта).

Психотерапия как проблема должного и сущего. Хочу применить эту логику рассуждений к феномену психотерапии (в том числе самотерапии). Вопросы, задаваемые людьми в ходе поисков идентичности, реального Я и т. д., — это в очень большой степени вопросы долженствования: что мне следует делать? Кем мне следует быть? Как мне следует разрешить эту конфликтную ситуацию? Следует ли мне стремиться к этой карьере или к той? Следует ли мне развестись или нет? Следует ли мне жить или умереть?

Многие неискушенные люди готовы прямо отвечать на эти вопросы. "Будь я на вашем месте...", — говорят они и выступают со своими предложениями и советами. Но методически подготовленные специалисты знают, что такой подход не работает и даже может быть вреден. Мы не говорим, что, по нашему мнению, следует делать другому человеку.

Мы узнали, что в конечном итоге наилучший способ для индивида определить, что ему следует делать, состоит в выяснении, кто же он такой. Ведь путь к этическим и ценностным решениям, к более мудрым актам выбора, к должному, лежит через то, что есть, через открытие фактов, истины, реальности, наконец, природы конкретного индивида. Чем больше он знает о своей собственной природе, о своих глубинных желаниях, о своем темпераменте, о своей конституции, о том, что он ищет, к чему стремится и что в действительности доставляет ему удовлетворение, — тем более непринужденными, автоматическими и эпифеноменальными становятся его ценностные выборы. (Это одно из великих открытий Фрейда, на которое часто не обращают внимания.) Многие проблемы попросту исчезают; многие другие легко решаются благодаря знанию того, что соответствует природе данного индивида, что для него уместно и правильно⁸. (И мы должны также помнить, что знание своей собственной глубинной природы — это одновременно также и знание человеческой природы вообще.)

ориентированным на совершенство — одним словом, нереалистичным. Я же использую здесь слово "должно" для характеристики внутренних качеств организма, реального потенциала, который может быть реализован и которому надо реализоваться под тяжестью причиняемых болезнью страданий.

⁸ Достижение идентичности, аутентичности, самореализации и т. д., разумеется, не решает автоматически все этические проблемы. Даже после того, как постепенно исчезают псевдопроблемы, остается много реальных. Но, конечно, даже эти реальные проблемы лучше поддаются решению, если с ними работать без шор на глазах. Честность по отношению к самому себе и хорошее знание своей собственной природы — это обязательные предпосылки аутентичных нравственных решений. Но я не хочу сказать, что достаточно быть аутентичным и знать себя. Аутентичное знание себя, разумеется, недостаточно для многих решений, хотя абсолютно необходимо. Я также оставляю в стороне здесь несомненные воспитательные функции психотерапии, то есть невольное приобщение пациента к ценностям психотерапевта уже потому, что последний задает образец. Возникают вопросы: что является главным, а что — второстепенным? Что нужно максимизировать, а что — минимизировать? Стремимся ли мы, применяя вскрывающую психотерапию, к чистому самооткрытию пациента? Какие цели являются правильными с прагматической точки зрения? Я хотел бы также отметить, что отказ "навязывать себя" пациенту или приобщать его к своим ценностям может быть достигнут либо посредством фрейдовской "зеркальной отстраненности" от пациента, либо на основе проникнутой бытийной любовью "встречи" в терминах экзистенциальных психотерапевтов.

Иначе говоря, мы помогаем индивиду искать должное через фактическое. Открытие своей действительной природы — это одновременно и поиск должного, и поиск сущего. Эта разновидность ценностного поиска, поскольку он является поиском знаний, фактов, информации — одним словом, истины, — прямо подпадает под юрисдикцию разумно понимаемой науки. Что касается психоаналитического метода, так же как и всех других невмешивающихся, вскрывающих, даосистских психотерапевтических методов, — то я могу с равным правом утверждать, что это, с одной стороны, научные методы, а с другой — методы открытия ценностей. Этот вид психотерапии представляет собой этический, даже религиозный поиск, в натуралистическом смысле слова.

Заметим здесь, что процесс психотерапии и цели психотерапии (еще один случай противопоставления сущего и должного) неразделимы. Попытка их разделения была бы нелепой или трагической. Непосредственная цель психотерапии состоит в выяснении того, что представляет собой данный индивид; процесс психотерапии — это также выяснение того, что этот индивид представляет собой. Вы хотите выяснить, кем вам следует быть? Тогда выясните, кто вы! "Стань тем, кто ты есть!" Описание того, каким индивид должен быть, — это почти то же самое, что и описание того, каким он в глубине является⁹.

Здесь "ценность" в смысле греческого *telos*, конечной цели, к которой вы стремитесь, существует уже сейчас. То Я, за которое борется индивид, уже существует во вполне реальном смысле (точно так же, как реальное образование — это не диплом, который человек получает в конце четырехлетнего пути, а непрерывный процесс учения, восприятия, мышления). Небеса, куда, согласно религиозным представлениям, можно попасть лишь по окончании земной жизни (сама же она бессмысленна), в действительности доступны в принципе на протяжении всей жизни. Они доступны для нас теперь, и они окружают нас.

Бытие и становление существуют, так сказать, бок о бок, одновременно, сейчас. Путешествие может доставлять самоценное удовольствие; оно не обязательно является только средством к достижению некоторой цели. Многие люди слишком поздно открывают для себя, что отдых, ставший возможным в результате долгих лет труда, отнюдь не так сладок, как были сами эти годы труда.

Принятие. Другой вид слияния факта и ценности вытекает из того, что мы называем принятием. Здесь слияние возникает не столько из улучшения актуального сущего, сколько из снижения требований к должному, пересмотра ожиданий, который приближает их к актуальному состоянию и делает тем самым более осуществимыми.

То, о чем идет здесь речь, можно проиллюстрировать на примере ситуаций, с которыми приходится сталкиваться в ходе психотерапии. Я имею в виду случаи, когда вследствие инсайта разрушаются наши слишком высокие требования к себе, наш идеализированный образ себя. Образ себя как сверххраброго мужчины, как сверххорошей матери, как сверхлогичного и разумного человека терпит крушение, как только мы позволяем себе заметить присущие нам черточки трусости, зависти, враждебности или эгоизма.

Очень часто такое понимание приводит в уныние и даже носит разрушительный характер. Мы можем ощутить себя сплошь греховными, или развращенными, или недостойными людьми. Мы видим, что сущее в нас чрезвычайно далеко от должного.

Но, что весьма характерно, при успешной психотерапии мы проходим через процесс принятия. Ужаснувшись вначале при взгляде на себя, мы движемся к смирению, но иногда переходим к такому, например, рассуждению: "В конце концов, это не так уж плохо. На самом деле это очень по-человечески и очень понятно, что любящая мать может иногда обидеться на своего ребенка". А иногда мы идем даже дальше — к полному любящему принятию человеческих свойств и, начав с понимания той или иной слабости, приходим к взгляду на нее как на нечто желательное, красивое, как то, чем можно гордиться. Женщине, испытавшей страх и обиду от проявления мужских черт, они могут в конце концов понравиться, она может прийти даже к религиозному благоговению перед ними вплоть до экстаза. То, что вначале представлялось злом, становится основанием для гордости. Когда она изменила свое представление о мужских качествах, ее муж превратился в ее глазах в того, кем ему следует быть.

Мы все можем пережить это с детьми, если отбросим свою цензуру, свои определения того, какими им следует быть, наши требования к ним. Когда мы иногда это делаем, нам удается увидеть их как совершенных, как уже теперь пронзительно красивых, замечательных, вызывающих любовь. Наши субъективные переживания желания и хотения (т. е. переживания неудовлетворенности) могут тогда слиться с субъективным переживанием удовлетворения, согласия и той завершенности, которую мы ощущаем, когда должное воплощается в реальность. Я

⁹ Реальное Я также частично конструируется и изобретается.

пр процитирую интересное высказывание Алана Уоттса по этому поводу: "... В момент смерти многие люди испытывают странное ощущение, что они не только принимают все, что с ними происходит, но и хотят этого. Это не хотение в повелительном смысле; это неожиданное открытие тождественности желаемого и неизбежного" (*Watts, 1961*).

Здесь мы можем напомнить также о разнообразных экспериментах группы Карла Роджерса (*Rogers, 1961*), показавших, что в ходе успешной психотерапии идеальное Я и реальное Я постепенно становятся все ближе и ближе, вплоть до слияния. В терминологии Карен Хорни, реальное Я и идеализированный образ медленно изменяются и движутся в направлении слияния двух весьма различных вещей в одно (*Horney, 1950*). Сходным является и более ортодоксальное фрейдистское представление о суровом и наказывающем "супер-эго", которое в ходе психотерапии смягчается, становится более благожелательным, более принимающим, более любящим, более одобряющим; это другой способ сказать, что имеющийся у индивида идеал своего Я и актуальное восприятие им своего Я сближаются, делая возможным самоуважение, а значит, и любовь к себе.

Пример, к которому я предпочитаю обращаться, касается расщепленной или множественной личности, в составе которой одна личность, присутствующая обычно, всегда в высшей степени благочестива, чрезмерно строго соблюдает условности и потому отвергает подспудные импульсы вплоть до полного их подавления. Удовлетворение может быть достигнуто только тотальным прорывом на поверхность психопатических, ребяческих, импульсивных, ищущих наслаждения, неконтролируемых аспектов Я. Расщепление искажает обе "личности"; их слияние ведет к реальным изменениям в обеих. Уход от произвольных требований "должного" позволяет принять то, что есть, и радоваться этому.

Некоторые (весьма немногие) психотерапевты, действуя подобно скопофилам, используют вскрывающую психотерапию как средство развенчания пациента, так что он оказывается "не таким важным". Это своего рода маневр для достижения господства. Он становится формой социального восхождения, способом ощутить себя могучим, сильным, господствующим, высшим, даже богоподобным. Для некоторых людей, которые не слишком высоко себя оценивают, это путь достижения близости с другими людьми.

Сказанное в известной мере предполагает что вскрываемое (страхи, тревоги, конфликты) определяется как низменное, дурное, злое. З. Фрейду, например, даже к концу его жизни, по сути, не нравилось бессознательное, и он продолжал большей частью определять его как нечто опасное и злое, что следует держать под контролем.

К счастью, большинство известных мне психотерапевтов занимает в этом отношении иную позицию. В общем, чем больше они знают о глубинах человека, тем больше они его любят и уважают. Им нравится человеческое, и они не отвергают его, исходя из какого-либо заранее принятого определения или платоновой сущности, которой оно не соответствует. Они находят возможным думать о людях как о героях, святых, мудрецах, талантливых или великих, даже когда эти люди — пациенты, разоблачающие себя, свои "слабости" и "грехи".

Иначе говоря, лишиться иллюзий в отношении человека в результате более глубокого знакомства с ним — значит расстаться с иллюзиями или ожиданиями, которые не могли осуществиться или не могли сохраниться при свете дня, то есть были ложными и нереальными. Я вспоминаю испытываемую в одном из моих сексологических исследований около 25 лет назад (я не уверен, что такое могло бы случиться сегодня), которая отказалась от своей религии, потому что просто не могла поверить в Бога, придумавшего столь грязный и отвратительный способ производства детей. Здесь приходят на память сочинения средневековых монахов, которых мучила несовместимость их животной природы (проявлявшейся, например, в дефекации) и их религиозных стремлений. Наш профессиональный опыт вызывает у нас улыбку в ответ на такую самостоятельно измышленную глупость.

Одним словом, базовую человеческую природу называли грязной, злой или варварской на том основании, что некоторые ее характеристики были а priori объявлены таковыми. Если вы определяете мочеиспускание или менструацию как нечто грязное, то человеческое тело предстает как грязное в результате этого семантического трюка. Я знал мужчину, мучившего себя приступами вины и стыда каждый раз, когда он был сексуально возбужден своей женой; он был "семантически" порочен, порочен на основании произвольного определения. Изменение подобного определения, с тем, чтобы оно в большей мере принимало существующую действительность, — один из путей сокращения дистанции между сущим и должным.

Объединяющее сознание. При наиболее благоприятных условиях сущее — ценно, а должное — достигнуто. Я уже указал, что такое слияние может получаться как результат движения в каком-либо из двух направлений: или путем улучшения актуального состояния, с тем чтобы оно ближе

подошло к идеалу, или путем снижения идеала, который, таким образом, оказался бы ближе к тому, что реально существует.

Вероятно, теперь я могу добавить сюда третий путь, а именно объединяющее сознание. Это способность одновременно воспринимать в факте — в том, что есть, — его частность и его универсальность; видеть его одновременно существующим "здесь-и-теперь" — и вечным; или, скорее, — способность видеть универсальное в частном и сквозь частное — вечное, во временном и моментальном и сквозь него. В моей терминологии, это слияние бытийной и дефицитарной реальности: человек знает о первой, будучи погружен во вторую.

В этом нет ничего нового. Всякий, кто читал дзен-буддистскую, даосскую или мистическую литературу, знает, о чем я говорю. Все мистики пытались описать живость и частный характер конкретного объекта и, в то же время, его вечное, священное, символическое качество (подобное платоновым сущностям). А теперь, в дополнение к этому, мы обладаем множеством подобных описаний, собранных экспериментаторами (в том числе О. Хаксли), работавшими с психоделическими препаратами.

В качестве простого примера этого вида восприятия я могу использовать восприятие нами ребенка. В принципе, любой ребенок может стать кем угодно. Он обладает обширным потенциалом и, следовательно, в определенном смысле, есть все что угодно. Если мы хоть сколько-нибудь восприимчивы, то должны быть способны ощутить этот потенциал, глядя на младенца, — и в результате испытать благоговение. В этом конкретном младенце можно увидеть возможного будущего президента, будущего гения, будущего ученого или героя. Младенец фактически в этот момент в реалистическом смысле обладает указанным потенциалом. Частью его фактических свойств являются различные виды присущих ему возможностей. При богатом и полноценном восприятии младенца мы воспринимаем этот потенциал и эти возможности.

Точно так же любое полноценное восприятие любого мужчины или женщины включает восприятие их возможностей как бога или богини, как жреца или жрицы, восприятие тайн, заключенных в них и как бы просвечивающих сквозь реальных, ограниченных человеческих индивидов: что стоит за ними, какими они могли бы быть, о чем они напоминают нам, какие чувства пробуждают. (Может ли чувствительный человек не испытывать благоговения при виде женщины, кормящей грудью младенца или пекущей хлеб, или при виде мужчины, встающего на пути опасности, угрожающей его семье?)

Всякий хороший психотерапевт должен обладать этим типом объединяющего восприятия своего пациента; иначе он никогда не сможет стать настоящим психотерапевтом. Он должен быть способен на "безусловно положительное отношение" (К. Роджерс) к пациенту, отношение к нему как к уникальной и священной личности — и в то же время признавать, что пациенту чего-то недостает, что он несовершенен, что он нуждается в улучшении¹⁰. Некая святость пациента как человеческого индивида необходима; мы приписываем ее любому пациенту, сколь бы ужасные поступки он ни совершил. Именно такого рода философия лежит в основе движения за отмену смертной казни, запрещение подвергать человека унижению (вне четко установленных пределов), запрещение жестоких и необычных наказаний.

Чтобы осуществлять объединяющее восприятие, мы должны быть способны воспринимать личность как в ее сакральных, так и в мирских аспектах. Отсутствие восприятия универсальных, вечных, бесконечных, сущностных символических качеств — это, несомненно, своего рода редукция к конкретному, вещному, тому, что немцы называют "sachlich". Это, следовательно, некая частичная слепота. (См. ниже о "слепоте к должному".)

Значимость этого для нашей темы вытекает из того, что речь идет о способе одновременного восприятия сущего, и должного, непосредственной конкретной действительности и того, что могло бы быть, конечной ценности, которая не только может появиться, но и уже сейчас существует перед нашими глазами. Этому способу я смог кое-кого научить; следовательно, в принципе перед нами возникает возможность сознательного, произвольного слияния фактов и ценностей. Трудно читать К. Юнга, или М. Элиаде, или Дж. Кэмпбелла, или О. Хаксли без того, чтобы наши восприятия были постоянно пронизаны чувствами, без сведения вместе фактов и ценностей. Чтобы достичь их слияния, нет нужды дожидаться пиковых переживаний!

¹⁰ Одновременное принятие и слияние, казалось бы, противоречащих друг другу восприятию находит многие параллели в религиозном языке. Проиллюстрируем это примером из письма религиозной женщины: "Я нахожу параллель между идеей "рост или сохранение" и дихотомической идеей "эгоизм или альтруизм", с одной стороны, и идеей "актуальное или потенциальное", с другой. Бог видит и любит нас в нашем нынешнем состоянии и в то же время видит наш потенциал и требует от нас роста для реализации этого потенциала. По мере того, как мы становимся более богоподобными, не можем ли мы также принимать любого человека в его нынешнем состоянии, одновременно поощряя его к следующему шагу в направлении роста?"

"Онтификация". Ту же идею можно представить иначе, обратившись к другой грани проблемы. Практически любую деятельность, выступающую как средство (и ценную в этом качестве), можно преобразовать в деятельность, служащую целью (в целевую ценность), если мы достаточно мудры, чтобы пожелать этого. Труд, которым человек занялся, чтобы заработать на жизнь, он может полюбить ради самого этого труда. Даже самая скучная, тоскливая работа, если только она в принципе обладает ценностью, может быть освящена, сакрализована, онтифицирована ("обытийствлена"), превращена из простого средства в цель, в самоценность. Японский фильм "Икури" очень хорошо раскрывает эту мысль. Скучнейшая бюрократическая работа онтифицируется, когда приближается смерть от рака и жизнь обретает смысл и ценность, как это и должно быть. Здесь мы сталкиваемся еще с одним путем слияния факта и ценности: можно преобразовать факт в ценность, просто воспринимая его в этом качестве и, следовательно, делая его таковым. (Мне представляется, что сакрализация или объединяющее видение чем-то отличаются от онтификации, хотя частично они пересекаются.)

Векторная природа фактов. Начну с цитаты из статьи М. Вертхаймера "Некоторые проблемы в теории этики" (*Wertbeimer*, 1961):

"Что такое структура? — Ситуация, скажем, "7+ 7=..." — это система с лакуной, с пробелом. Пробел можно заполнить по-разному. Одно заполнение или завершение ситуации ("14") соответствует ей, укладывается в пробел, является тем, что структурно требуется в этой системе, в этом месте, согласно его функции в имеющейся целостности. Другие завершения (например, "15") не соответствуют ситуации. Они неправильны. Они обязаны своим появлением чьей-то прихоти, слепоте или насилию над функцией данного пробела в рассматриваемой структуре.

Мы оперируем здесь понятиями "системы", "пробела", разных видов "заполнения", "требований" ситуации.

С чем-то подобным мы встречаемся и в том случае, когда в хорошей математической кривой имеется разрыв, место, где чего-то недостает. Заполнению разрыва часто служат вытекающие из структуры кривой указания относительно того, что одно из завершений соответствует структуре, имеет смысл, правильно, а другие — нет. Это связано со старым понятием внутренней необходимости. И не только логические операции, выводы и т. д., но также и события, действия, проявления бытия могут быть, с этой точки зрения, осмысленными или бессмысленными, логичными или нелогичными.

Мы приходим к такой формулировке: если дана некоторая ситуация, система с пробелом, с разрывом, то будет ли определенное завершение "правильным", соответствующим структуре, часто определяется самой структурой системы, ситуации. Существуют структурно детерминированные требования; в чистых случаях возможны вполне определенные решения по поводу того, какое завершение соответствует ситуации, а какое не соответствует, нарушает требования ситуации... Здесь сидит голодный ребенок, там — мужчина, который строит дом, но ему не хватает одного кирпича. У меня в одной руке кусок хлеба, а в другой — кирпич. Я даю голодному ребенку кирпич, а кусок хлеба — мужчине. Здесь у нас две ситуации, две системы. И распределение оказалось слепым по отношению к функциям заполнения пробелов".

В подстрочном примечании М. Вертхаймер добавляет:

"Я не могу заниматься здесь этим [разъяснением термина "требования ситуации" и т. п.]. Я могу только сказать, что обычная простая дихотомия сущего и должного нуждается в пересмотре. "Детерминированность", "требования" этого порядка — это объективные качества".

Подобные же утверждения делает и большинство других авторов, чьи работы вошли, наряду со статьей М. Вертхаймера, в сборник "Документы гештальтпсихологии" (Heine, 1961). По сути дела, вся литература по гештальтпсихологии свидетельствует о том, что факты динамичны, а не статичны, что, как в особенности указывал В. Кёлер (*Kohler*, 1938), они не скалярны (обладают только величиной), а векторны (обладают величиной и направлением). Еще более сильные утверждения можно найти в трудах К. Гольдштейна, Ф. Хайдера, К. Левина и С. Аша {*Goldstein*, 1939; *Heider*, 1958; *Lewin*. 1936; 1938; *Asch*, 1952).

Факты не просто лежат, как овсяная крупа в миске; они действуют самым разным образом. Они группируются и дополняют друг друга; их незавершенная последовательность "требует" хорошего завершения. Покосившаяся картина на стене как бы молит, чтобы мы ее выпрямили; нерешенная проблема сохраняется и беспокоит нас, пока мы не разберемся с ней. Плохие гештальты превращаются в лучшие, а излишне сложные образы, существующие в восприятии или в памяти, упрощаются. Музыкальная последовательность требует для своего завершения определенного звука; несовершенное стремится к совершенству. Проблема, работа над которой не окончена, неотвратимо указывает на правильное решение. "Логика ситуации требует..." — говорим мы. Факты обладают авторитетом и могут чего-то требовать от нас; они могут сказать "нет" или "да".

Они увлекают нас, предлагают нам нечто, намекают на то, что нам следует делать в данный момент, ведут нас в одном направлении, а не в другом. Архитекторы говорят о требованиях, предъявляемых определенной территорией. Живописец скажет, что картина "требует" немного больше желтого. Модельер скажет, что к данному платью нужна шляпка определенного вида. С пивом хорош сыр "лимбургер", а не "рокфор" (или, как говорят некоторые, пиво больше "любит" один сыр, чем другой).

В книге К. Гольдштейна "Организм" (Goldstein, 1939) хорошо показана направленность на должное в функционировании организма. Поврежденный организм не удовлетворяется тем, чтобы быть тем, что он есть — просто поврежденным. Он борется, добивается чего-то, продвигается к чему-то, он сражается с самим собой, чтобы вновь превратиться в нечто единое. Перестав быть целостным вследствие утраты некоторых возможностей, он пытается восстановить единство, несмотря на эту утрату. Он управляет собой, делает себя, воссоздает себя. Он, несомненно, активен, а не пассивен. Таким образом, гештальтпсихология и организмическая психология восприимчивы не только к тому, что есть, но и к направлению движения (к должному?) — в отличие от характерной для разных видов бихевиоризма слепоты к должному, когда организмы только пассивно "подвергаются" чему-либо, вместо того чтобы также "действовать" и "требовать". С этой точки зрения Э. Фромма, К. Хорни и А. Адлера можно также назвать восприимчивыми и к сущему, и к должному. Иногда я нахожу полезным видеть в так называемых неофрейдистах тех, кто объединил З. Фрейда (который не был достаточно холистичен, ориентирован на целостность) с К. Юльштейном и гештальтпсихологами, а не просто ушел от З. Фрейда.

Я хотел бы отметить, что многие из этих динамических характеристик фактов, из этих векторных качеств хорошо подпадают под семантическую юрисдикцию слова "ценность". По меньшей мере, они преодолевают дихотомию между фактом и ценностью, привычно и бездумно принимаемую большинством ученых и философов в качестве определяющей характеристики самой науки. Многие определяют науку как морально и этически нейтральную, как ничего не говорящую о целях и о том, что должно быть. Они, таким образом, открывают путь неизбежному выводу: если цели должны прийти откуда-то, а из сферы знания они прийти не могут, то тогда они должны прийти извне.

"Фактичность" порождает "долженствование". От сказанного легко перейти к более объемлющим обобщениям, а именно к тому, что рост качества "фактичности" фактов ведет одновременно к возрастанию "долженствительного" качества этих фактов. Можно сказать, что "фактичность" генерирует "долженствование".

Факты создают долженствование! Чем глубже нечто видно или познано, чем более истинным и свободным от ошибок становится знание о нем, тем в большей мере оно приобретает "долженствительное" качество. Чем более "сущим" что-то становится, тем больше в нем становится и "должного", тем больше требований оно выдвигает, тем громче оно "взывает" к определенному действию. Чем яснее нечто воспринимается, тем больше "долженствительности" оно приобретает, тем лучшим руководством к действию становится.

По сути, это означает следующее: когда нечто является достаточно ясным, определенным, истинным, реальным, несомненным — тогда оно порождает свои собственные требования, свои собственные соответствия. Оно взывает к тем, а не иным действиям. Если мы определяем этику, мораль и ценности как руководства к действию, то следует признать, что легче и лучше всего к наиболее решительным действиям побуждают самые "фактичные" факты; чем они "фактичнее", тем лучшим руководством к действию они являются.

Сказанное можно проиллюстрировать на примере сомнительного диагноза. Мы знаем о неуверенности, метаниях и колебаниях, уступчивости, внушаемости и нерешительности молодого психиатра, который, беседуя с пациентом, не вполне уверен, что к чему. Тогда он знакомится со многими другими мнениями, отражающими результаты клинических наблюдений, а также с поддерживающими друг друга результатами целой батареи тестов и, если эти данные совпадают с его собственными впечатлениями и подтверждаются повторной проверкой, он становится абсолютно уверен, например, в том, что его пациент — психопат. В этом случае его поведение меняется весьма существенно в направлении определенности, решительности и уверенности, в направлении точного знания того, что делать, когда и как. Такое чувство определенности вооружает его против несогласий и противоречий, выражаемых родственниками пациента или кем-либо еще, кто думает иначе, чем наш психиатр. Он может преодолевать сопротивление просто потому, что он уверен; иначе говоря, он воспринимает истинное положение дел без всяких сомнений. Это знание дает ему возможность продвигаться вперед вопреки страданиям, которые он может быть вынужден причинять пациенту, вопреки слезам, протестам или враждебности. Вы не боитесь натолкнуться на сопротивление, если вы уверены в себе. Знание, в котором вы

уверены, означает уверенное этическое решение. Определенность в диагнозе означает определенность в лечении.

Из своего опыта я могу привести пример того, как моральная уверенность проистекает из фактической определенности. Будучи аспирантом, я проводил исследование гипноза. Существовало университетское правило, согласно которому гипноз был запрещен — на том основании, как я полагаю, что он якобы не существует. Но я был настолько уверен, что он существует (потому что я сам осуществлял его), и настолько убежден, что он представляет собой столбовую дорожку к знанию и необходим для исследования, что стал абсолютным фанатиком этих исследований. Меня самого удивляло отсутствие угрызений совести: я не брезговал тем, чтобы солгать, или украсть что-то, или скрыться. Я просто делал то, что должно было быть сделано, потому что был абсолютно уверен, что это правильно. (Заметим, что слово "правильно" имеет одновременно познавательное и нравственное значение.)¹¹ Я просто знал лучше, чем другие, и не думал сердиться на этих людей. Я просто считал их несведущими в деле, которое делал, и не обращал на них внимания. (Оставляю здесь в стороне очень трудную проблему неоправданного чувства уверенности в чем-то — это другая проблема.)

Еще один пример: родители слабы, только когда неуверенны; они решительны, сильны и ясны, когда уверены. Если вы точно знаете, что делаете, то не будете мямлей, даже если ваш ребенок плачет, испытывает боль или протестует. Если вы знаете, что должны вытащить из тела ребенка колючку или стрелу или что вы должны резать его, чтобы спасти ребенку жизнь, — то вы в состоянии действовать уверенно и решительно.

Здесь знание приносит уверенность в решении, действии, выборе и тем самым придает руке твердость. Это очень похоже на ситуацию, в которой оказывается хирург или зубной врач. Хирург вскрыв брюшную полость и обнаружив воспаленный аппендикс, знает, что его лучше удалить, поскольку, если он лопнет, это убьет пациента. Вот пример истины, диктующей, что должно быть сделано, пример того, как то, что есть, диктует то, что должно быть.

Все это соотносится с убеждением Сократа, что никто добровольно не предпочтет ложь правде или зло добру. Речь идет о том, что неправильный выбор возможен как следствие невежества. Не только это, но и теория демократии Джефферсона основана на убеждении, что полное знание ведет к правильному действию и что правильное действие невозможно без полного знания.

Восприятие фактов и ценностей самоактуализирующимися людьми. В книге "Мотивация и личность" (Maslow, 1954) я привел данные о том, что самоактуализирующиеся люди, во-первых, очень хорошо воспринимают действительность и истину и, во-вторых, обычно не путают правильные и неправильные поступки и принимают этические решения быстрее и увереннее, чем обычные люди. С тех пор первый результат достаточно часто получал подтверждение; я думаю, что сегодня мы способны понять его лучше, чем это было возможно двадцать лет назад. Второй же вывод остается в какой-то мере загадочным. Конечно, мы сегодня больше знаем о психодинамике психологического здоровья и потому можем чувствовать себя более комфортно с этим результатом; мы более склонны ожидать, что он будет подтвержден как факт в ходе дальнейших исследований.

Контекст нашего нынешнего обсуждения позволяет мне поделиться сильным впечатлением (которое, конечно, должно быть подтверждено другими наблюдателями), состоящим в том, что два названных результата внутренне связаны. То есть, я думаю, что ясное восприятие ценностей частично является следствием ясного восприятия фактов или даже что это одно и то же.

То, что я назвал бытийным познанием, восприятием Бытия, уникальности, внутренней природы индивида или вещи — все это чаще достигается психологически более здоровыми людьми и, по-видимому, является восприятием не только более глубокой "фактичности", но одновременно также и "долженствительности" объекта. Можно сказать, что "долженствительность" — это внутренний аспект глубоко воспринимаемой "фактичности"; она сама представляет собой факт, который должен быть воспринят.

Эта "долженствительность", "требовательный характер" или В "встроенный призыв к действию", по-видимому, оказывает влияние Только на тех людей, которые способны ясно видеть внутреннюю природу того, что они воспринимают. Бытийное познание может вести к нравственной уверенности и решительности точно в том же смысле, в каком высокий коэффициент интеллекта может вести к ясному восприятию сложной совокупности фактов, или примерно в том же смысле, в каком человек, конституционально эстетически восприимчивый, очень ясно видит то, чего не могут

¹¹ Неверный", "плохой", "точный" — тоже такие познавательно-оценочные слова. Еще одной иллюстрацией может быть рассказ о преподавателе английского языка, назвавшем студентам два некрасивых слова, которых он не хотел бы видеть в их сочинениях. Одно из них — "lousy" ("вшивое"), другое — "swell" ("шикарное"). После выжидательной паузы один студент спросил: "Так что это за слова?"

видеть люди, страдающие цветовой слепотой. Неважно, что миллион людей, страдающих дальтонизмом, не могут увидеть, что этот плед зеленого цвета. Они могут считать его серым, но это не имеет значения для того, кто ясно, живо и безошибочно воспринимает суть.

Поскольку более здоровые психологически, более восприимчивые люди в меньшей мере слепы к должному; поскольку они способны воспринимать, чего хотят факты, к чему призывают, что предлагают или требуют, о чем просят; поскольку, благодаря этому, они могут позволить себе руководствоваться фактами в даосистском духе, постольку у них меньше трудностей, связанных с ценностными решениями, коренящимися в природе реальности или составляющими ее часть.

В той мере, в какой "фактический" аспект перцепта (образа восприятия) можно отделить от "долженствовательного" аспекта того же перцепта, может быть полезно говорить отдельно о восприимчивости или слепоте к сущему и о восприимчивости или слепоте к должному. Я думаю, что средний человек восприимчив к тому, что есть, но слеп к тому, что должно быть. По сравнению с ним психологически здоровый человек более восприимчив к должному. Психотерапия развивает эту восприимчивость к должному. Повышенная нравственная решительность моих самоактуализирующихся испытуемых может непосредственно проистекать из их большей восприимчивости к сущему, большей восприимчивости к должному или из того и другого вместе.

Даже если это усложнит изложение, я не могу не добавить здесь, что слепоту к должному можно частично истолковать как слепоту к потенциалу, к идеальным возможностям. В качестве примера я сошлюсь на слепоту, проявленную Аристотелем в отношении рабства. Изучая рабов, он обнаружил, что у них фактически рабский характер. Этот дескриптивный факт был затем истолкован Аристотелем как истинная, глубинная, инстинктивная природа рабов. Из этого подхода вытекало, что рабы являются таковыми по своей природе и потому должны быть рабами. А. Кинси допустил подобную же ошибку, смешав простое, поверхностное описание с "нормальностью". Он не способен был увидеть, что "могло бы быть". Это же справедливо в отношении З. Фрейда и его слабой психологии женщин. Женщины в его время обычно действительно не достигали многого; но не видеть имеющихся у них потенциальных возможностей дальнейшего развития — это примерно то же, что не видеть возможности ребенка вырасти и стать взрослым. Слепота по отношению к будущим возможностям, изменениям, развитию или потенциалу неизбежно ведет к "философии статус-кво", в соответствии с которой то, что есть (воспринимаемое как все, что есть или может быть), должно приниматься в качестве нормы. Как сказал Л. Сили по адресу дескриптивных (ориентирующихся на описания) социологов, чистое описание — это попросту приглашение вступить в консервативную партию¹². "Чистое", свободное от ценностей описание — это, помимо всего прочего, просто неполное описание.

Даосистское слушание. Человек находит истинное для себя, вслушиваясь, позволяя себе быть формируемым, управляемым, направляемым. Хороший психотерапевт помогает своему пациенту таким же образом — помогая ему услышать свои вытесненные внутренние голоса, слабые команды своей собственной природы — в соответствии с принципом Спинозы, согласно которому подлинная свобода состоит в том, чтобы принять и полюбить неизбежное, саму природу реальности.

Подобно этому, человек узнает, что следует делать с миром, прислушиваясь таким же образом к его природе и голосам, будучи чувствителен к его требованиям и предложениям, затихнув, чтобы можно было услышать его голоса; будучи восприимчивым, невмешивающимся, нетребующим и позволяя событиям идти своим чередом.

Мы все время делаем это в нашей повседневной жизни. Разрезать индейку легче, если знаешь, где находятся связки и как пользоваться ножом и вилок, — иначе говоря, обладаешь полным знанием фактов данной ситуации. Если факты полностью известны, они будут руководить нами и скажут нам, что делать. Но здесь подразумевается еще и то, что факты говорят очень тихо, и их трудно воспринять. Чтобы быть способным услышать голоса фактов, надо вести себя очень тихо, слушать по-даосски, с большим вниманием. То есть, если мы хотим позволить фактам сообщить нам свою "долженствовательность", мы обязаны научиться слушать их очень специфическим (можно сказать: даосистским) образом — молча, тихо, спокойно, полностью отдаваясь слушанию,

¹² Под рубрикой "восприятие должного" я объединяю несколько различных видов восприятия. Один из них — восприятие векторно-гештальтных (динамических, направляющих) аспектов перцептивного поля. Другой — восприятие будущего как существующего теперь (иначе говоря, восприятие потенциалов и возможностей для будущего роста и развития). Третий — это объединяющий тип восприятия, при котором относящиеся к вечности символические аспекты перцепта воспринимаются одновременно с его конкретными, непосредственными и ограниченными аспектами. Я не могу с уверенностью сказать, насколько сходным или отличным от этого является то, что я назвал "онтификацией", — осознанное восприятие деятельности как цели, а не только как средства. Поскольку это все же разные операции, я пока буду рассматривать их отдельно.

не вмешиваясь, будучи восприимчивым, терпеливым, уважая существующую реальность и относясь к ней с почтением.

Это как бы современная версия древней сократовой доктрины, согласно которой тот, кто обладает полным знанием, никогда не сможет совершить зла. Хотя мы не можем полностью под этим подписаться, ибо знаем теперь об иных, помимо невежества, источниках злого поведения, мы все же согласимся с Сократом в том, что незнание фактов — главный источник злого поведения. Это все равно что сказать, что сами факты несут в своей собственной природе предложения по поводу того, что должно делать с ними.

Подгонка ключа к замку — это еще один вид деятельности, которую лучше всего осуществлять по-даосистски, нежно, деликатно, ощущая свой путь. Я думаю, что это также очень хороший (а иногда наилучший) путь решения геометрических задач {Wertheimer, 1959}, терапевтических проблем, проблем, связанных с супружескими отношениями, выбором профессии и пр., а также проблем совести, верных и неверных поступков.

Таков неизбежный результат принятия "долженствовательного" качества фактов. Если это качество присутствует, оно должно быть воспринято. Мы понимаем, что это непростая задача, и мы должны изучать условия, максимизирующие восприимчивость к должному.

9. Заметки по психологии бытия¹³.

I. Определение психологии Бытия с точки зрения ее предмета, проблем, области применения.

(Может быть названа также онтопсихологией, трансцендентальной психологией, психологией совершенства, психологией целей.)

1. Имеет дело с целями (а не со средствами или инструментами); с целевыми состояниями, целевыми переживаниями (внутренним удовлетворением, внутренним наслаждением); с индивидами в той мере, в какой они как таковые выступают в качестве целей (являются священными, уникальными, несравненными, столь же ценными, сколь любой другой индивид, а не инструментами или средствами для достижения каких-то целей); с методами превращения средств в цели, преобразования деятельности-средств в деятельности-цели. Имеет дело с объектами как таковыми, какими они являются по своей собственной природе; в той мере, в какой они выступают как обосновывающие себя, внутренне обоснованные, изначально ценные, ценные как таковые, не нуждающиеся в оправдании. Состояния "здесь-и-теперь", когда настоящее переживается полноценно, как таковое (как самостоятельная цель), а не как повторение прошлого или прелюдия к будущему.

2. Имеет дело с состояниями, обозначаемыми латинским термином *finis* и греческим *telos*, т. е. с состояниями завершения, достижения высшей точки, окончательности, полноты, совершенства (состояниями, когда нет чего-либо недостающего, нечего больше желать, невозможно улучшение). Состояния чистого счастья, радости, блаженства, восторга, экстаза, выполнения, реализации, состояния исполненных надежд, решенных проблем, удовлетворенных желаний и потребностей, достигнутых целей, осуществленных мечтаний. Состояния, когда уже находишься "там", а не стремишься "туда". Пиковые переживания. Состояния чистого успеха (временного исчезновения всех отрицательных моментов).

2 а. Несчастливые, трагические состояния завершенности и окончательности — в той мере, в какой они способствуют бытийному познанию. Состояния поражения, безнадежности, отчаяния, краха защит, крушения ценностных систем, острого столкновения с реальной виной могут — в некоторых случаях, когда сохраняется достаточно силы и мужества, — породить восприятие истины и действительности (как цели, но уже не как средства).

3. Состояния, воспринимаемые как совершенные. Понятия о совершенстве. Идеалы, модели, пределы, образцы, абстрактные определения. Человек в той мере, в какой он потенциально является или может восприниматься как совершенный, идеальный, аутентичный, полностью человеческий, образцовый, богоподобный, или в той мере, в какой он обладает потенциями и

¹³ Эти заметки еще не представлены в окончательном виде и не образуют полной структуры. Они основываются на идеях, изложенных в моих книгах "К психологии Бытия" и "Мотивация и личность" (Maslow, 1954; 1962 b), и развивают эти идеи в направлении их идеального предела. Заметки были написаны в период моей работы в качестве гостя-стипендиата в Западном институте поведенческих наук в Ла Джолла (Калифорния) в 1961 г. Дополнительные соображения по психологии Бытия приводятся в моих статьях (Maslow, 1964 a; 1963 a).

склонностью к движению в этих направлениях (т. е. человек, каким он мог бы быть или каким он потенциально является при наилучших условиях; идеальные пределы человеческого развития, к которым он приближается, но никогда не может постоянно им соответствовать), Его призвание, судьба. Идеальные человеческие потенции, полученные путем экстраполяции из идеальных дальних целей психотерапии, образования, семейного воспитания, целевые продукты психологического роста, саморазвития и т. п. (См. ниже "Операции, определяющие бытийные ценности".) Имеет дело с "определением сути" человека и с его определяющими характеристиками; с его природой; с его "внутренним ядром"; с его сущностью и существующими в настоящее время потенциями; с его обязательными предпосылками (инстинктами, конституцией, биологической природой, врожденной, внутренней человеческой природой). Это делает возможным определение (количественное) "полной человечности", или "степени человечности", или "степени уменьшения человечности". Философская антропология в европейском смысле. Отличать необходимые характеристики, определяющие понятие "человечность", от концептуальных (относящихся к модели, платоновой идее, идеальной возможности, совершенной идее, герою, образцу, матрице). Первые составляют минимум, вторые — максимум. Вторые образуют чистое, статичное Бытие, которым первые стремятся стать. Первые задают очень низкие требования к вхождению в класс, например "человек — это двуногое без перьев". Вместе с тем, членство в классе подчиняется принципу "все или ничего": индивид либо входит в класс, либо не входит.

4. Состояния отсутствия желаний, целей, дефицитарных потребностей; немотивированности, когда человек не должен справляться с чем-либо или стремиться к чему-либо; наслаждения вознаграждениями, удовлетворенности. Получение прибыли. Способность благодаря этому, говоря словами А. Шопенгауэра, "полностью исключить из поля зрения свои интересы, желания и цели; на время полностью отречься от своей собственной личности, так чтобы остаться чистым познающим субъектом... с ясным видением мира".

4 а. Состояния бесстрашия, невозмутимости. Мужество. Не испытывающая помех, свободно проявляющаяся, незаторможенная, неконтролируемая человеческая природа.

5. Метамотивация (динамика деятельности, когда все дефицитарные потребности, хотения удовлетворены, нехватки восполнены). Мотивация психологического роста. "Немотивированное" поведение. Экспрессия. Спонтанность.

5 а. Состояния и процессы чистой (первичной и/или интегрированной) креативности. Чистая активность "здесь-и-теперь" ("свобода" от прошлого и будущего, насколько это возможно). Импровизация. Согласование личности и ситуации (проблемы) друг с другом, движение к их слиянию как к идеальному пределу.

6. Состояния (описанные эмпирически, клинически, персонологически или психометрически) исполнения обещаний (призвания, судьбы, своего Я) — самоактуализация, зрелость, полностью развившаяся личность, психологическое здоровье, аутентичность, достижение "реального Я", индивидуализация, творческая личность, идентичность, реализация или актуализация потенциала.

7. Познание Бытия (бытийное познание). Взаимодействия с внепсихической действительностью, ориентированные на природу этой действительности, а не на природу или интересы познающего субъекта. Проникновение в сущность вещей или людей. Проницательность.

7 а. Условия, при которых происходит бытийное познание. Пиковые переживания. Переживания опустошенности или падения в бездну ("надир-переживания"). Бытийное познание перед смертью. Бытийное познание при острой психотической регрессии. Психотерапевтические инсайты как бытийное познание. Боязнь бытийного познания и уклонение от него; опасности бытийного познания.

(1) Природа перцепта в бытийном познании. Природа действительности — как описываемая и как идеально экстраполируемая при бытийном познании, т. е. в "наилучших" условиях. Действительность, постигаемая как независимая от воспринимающего ее. Неабстрагируемая действительность. (См. заметку о бытийном и дефицитарном познании)

(2) Природа воспринимающего в бытийном познании. Достижение истинности благодаря отстраненности, отказу от желаний, "незаинтересованности", даосистской позиции, бесстрашию, ориентации на "здесь-и-теперь" (см. заметку о "невинном восприятии"), восприимчивости, скромности (отсутствию высокомерия), отсутствию мыслей о собственной выгоде и т. д. Мы сами, воспринимающие действительность наиболее успешно.

8. Трансцендирование времени и пространства. Состояния, когда о них забывают (погруженность, сосредоточенное внимание, очарованность, пиковые переживания, надир-переживания), когда они оказываются неуместны, мешают или вредны. Космос, люди, вещи,

переживания, воспринимаемые в той мере, в какой они не привязаны ко времени и пространству, вечны, универсальны, абсолютно идеальны.

9. Священное; возвышенное, бытийственное, духовное, трансцендентное, вечное, бесконечное, святое, абсолютное; состояния благоговения, поклонения, причащения и т. п. "Религиозные" состояния в той мере, в какой они естественны. Повседневный мир, вещи, люди, рассматриваемые с точки зрения вечности. Объединяющая жизнь, объединяющее сознание. Состояния слияния временного и вечного, местного и универсального, относительного и абсолютного, факта и ценности.

10. Состояния невинности (в качестве образца здесь выступает ребенок или животное, а в случае бытийного познания — зрелая, мудрая, самоактуализирующаяся личность). Невинное восприятие (в идеале отсутствует различие важного и неважного; все в равной мере вероятно; все в равной мере интересно; меньше различие фигуры и фона; только рудиментарное структурирование и дифференциация среды; меньше дифференциация средств и целей, поскольку действует тенденция к тому, чтобы все было в равной мере ценным само по себе; нет будущего, нет прогнозов, нет предчувствий — поэтому нет сюрпризов, разочарований, ожиданий, предсказаний, тревог, репетиций, подготовок, беспокойств; одно так же вероятно, как и другое; невмешательство в сочетании с восприимчивостью; принятие всего, что бы ни случилось; мало выборов, предпочтений, селекции, дискриминации; слабое различие подходящего и неподходящего; мало абстрагирования; готовность к чуду). Невинное поведение — спонтанность, выразительность, импульсивность; нет страха, контроля, заторможенности; нет обмана, нет скрытых мотивов; честность, бесстрашие; бесцельность; нет планирования, предварительного опосредствования, репетиций; скромность (нет высокомерия); нет нетерпения (когда будущее неизвестно); нет порыва к улучшению или перестройке мира. (Невинность в большой мере совпадает с бытийным познанием; возможно, в будущем они окажутся идентичными.)

11. Состояния, ориентированные на высшее единство — космос в целом, всю действительность, воспринимаемую унитарным образом, когда все одновременно является всем другим, все связано со всем и вся действительность — это единая вещь, которую мы воспринимаем под разными углами зрения. Космическое сознание (см. книгу Р. Бёкка под тем же названием — Виске, 1923). Очарованное восприятие части мира, как если бы это был весь мир. Метод видения чего-либо, как если бы оно было всем, например в изобразительном искусстве и фотографии — обрезка, увеличение и т. п. (когда объект отсекается от всех своих связей, контекста, лишается включенности в свое окружение — и оказывается видимым сам по себе, абсолютно, свежо). Видение всех характеристик объекта — взамен абстрагирования под углом зрения полезности, опасности, удобства и т. д. В своем Бытии объект целостен; при абстрагировании он неизбежно воспринимается с точки зрения средств и исключается из мира самоценных объектов.

Трансцендирование отдельности, дискретности, взаимного исключения и закона исключенного среднего.

12. Наблюдаемые или экстраполируемые характеристики (или ценности) Бытия. (См. список бытийных ценностей.) Реальность Бытия. Объединяющее сознание. (См. ниже раздел IV об операциях, определяющих бытийные ценности.)

13. Все состояния, в которых дихотомии (полярности, противоположности, противоречия) преодолены (трансцендированы, комбинированы, слиты, интегрированы). Имеются в виду, например, эгоизм и альтруизм, разум и эмоция, порыв и контроль, доверие и воля, сознательное и бессознательное, противоположные или антагонистические интересы, радость и печаль, слезы и смех, трагическое и комическое, аполоновское и дионисийское начала, романтическое и классическое и т. п. Все интегрирующие процессы, синергически преобразующие противоположности, такие как, например, любовь, искусство, разум, юмор и т. д.

14. Все синергические состояния (в мире, в обществе, в человеке, в природе, в Я и т. д.). Состояния, в которых эгоизм становится тем же, что и альтруизм (когда, преследуя "эгоистичные цели", я неизбежно приношу пользу и другим, а будучи альтруистичным, я приношу пользу себе, то есть, когда дихотомия преодолена). Состояния общества, когда добродетель вознаграждается, то есть поощряется извне, а не только изнутри; когда не слишком дорого стоит быть добродетельным, или интеллектуальным, или Проницательным, или красивым, или честным и т. д. Все состояния, облегчающие и поощряющие актуализацию бытийных ценностей. Состояния, в которых легко быть хорошим. Состояния, в которых преодолеваются обиды, антиценности и антинравственность (ненависть и страх, испытываемые по отношению к совершенству, истине, добру, красоте и т. д.). Все состояния, повышающие корреляцию между истинным, добрым, красивым и т. д. и направляющие их к идеальному единству друг с другом.

15. Состояния, в которых фундаментальная человеческая трудность (экзистенциальная дилемма) оказывается временно разрешенной, включенной в более общие проблемы, преодоленной или забытой. К таким состояниям относятся пиковые переживания, бытийный юмор и смех, "хэппи-энд", триумф бытийной справедливости, "хорошая смерть", бытийная любовь, бытийная трагедия или комедия, все интегративные моменты, акты и восприятия и т. п.

II. Сопоставление разных способов использования слова "Бытие" в книге "К психологии Бытия".

1. Оно использовалось для обозначения космоса в целом, всего существующего, всей действительности. При пиковых переживаниях, в состоянии очарованности или сосредоточенности поле внимания может сузиться до единственного объекта или лица, реакция на которые такова, как если бы они представляли собой все Бытие, т. е. всю действительность. Это предполагает всеобщую холистическую (целостную) взаимосвязь. Единственная полная и целостная вещь — это Космос в целом. Все меньшее является частичным, неполным, вырванным из сети связей и отношений ради преходящего, практического удобства. Это же относится и к космическому сознанию. Оно предполагает также иерархическую интеграцию (в противовес дихотомизации).

2. Это слово обозначает "внутренний стержень", биологическую природу индивида — его базовые потребности, возможности, предпочтения; его неустранимую натуру; его "реальное Я" (согласно К. Хорни); его изначальную сущностную внутреннюю природу; его идентичность. Поскольку "внутренний стержень" присущ и всему человеческому роду (каждый младенец нуждается в том, чтобы его любили), и индивиду (только Моцарт в совершенстве обладал моцартовскими чертами), — Бытие как обладание "внутренним стержнем" может означать и "быть полностью человеческим", и "быть совершенно индивидуальным", сочетая при этом оба смысла.

3. "Бытие" может означать "выражение своей природы (натуры)" — в отличие от того, чтобы справляться с чем-то, напрягаться, проявлять волю, контролировать, вмешиваться, командовать. Бытием в этом смысле обладает кошка, потому что она действительно является кошкой, — в отличие от того смысла, в каком актер-мужчина, играющий женскую роль, является женщиной, или от того, как скупец "старается" быть щедрым. Слово "Бытие" относится к проявляющейся без усилий спонтанности (например, когда интеллектуальный человек проявляет свой интеллект или когда младенец ведет себя по-младенчески). Такая спонтанность позволяет глубинной, внутренней природе индивида проявиться в его поведении. Поскольку спонтанность трудна, большинство людей можно назвать "исполнителями человеческих ролей", то есть они "стараются" обладать чертами, которые они считают "человеческими", — вместо того, чтобы быть просто самими собой. Последнее предполагает честность, открытость, самораскрытие.

Большинство психологов, использующих описанное понимание Бытия, исходят (неявно) из скрытого, до сих пор в достаточной мере не проверенного допущения, что невроз не является частью глубинной природы индивида, его "внутреннего ядра", его реального Бытия, а скорее выступает как более поверхностный слой личности, скрывающий или искажающий реальное Я. Иными словами, невроз служит защитой от реального Бытия, от глубинной биологической природы индивида. "Старание быть" не может быть столь же хорошо, как Бытие (самовыражение), но оно все же лучше, чем отсутствие старания, когда человек отказывается от совладания, теряет надежду, сдается.

4. Понятие "Бытие" (Being), может относиться к понятию "человек", "человеческое существо" (human being), "лошадь" и т. п. Такое понятие обладает определяющими характеристиками, позволяющими, посредством специфических операций, включать объекты в класс подпадающих под данное понятие или исключать их из этого класса. Для людей здесь есть ограничения, связанные с тем, что каждого индивида можно рассматривать либо как члена класса "люди", либо как единственного члена уникального класса (например, "Эдисон Дж. Симс").

Кроме того, мы можем прибегнуть к двум весьма различным способам оперирования понятием класса — "минимальному" и "максимальному". Классу можно дать "минимальное" определение, с тем чтобы практически никто не был исключен. При этом отсутствует основа для градации этого качества или какой-либо дискриминации человеческих существ. Некто либо является членом класса, либо не является. Никакой иной статус невозможен.

Или же класс может быть определен через посредство его совершенных представителей (моделей, героев, идеальных возможностей, платоновых идей, экстраполяции до идеальных пределов и возможностей). У такого способа определения много преимуществ, но надо иметь в виду его абстрактность и статичность. Существует глубокое различие между тщательным описанием наилучших реальных человеческих индивидов (самоактуализирующихся людей), из которых никто не совершенен, и, с другой стороны, описанием идеала, совершенства, чистого

понятия, сконструированного путем экстраполяции тенденций, обнаруженных при изучении реальных, несовершенных людей. Понятие "самоактуализирующиеся люди" описывает не только этих людей, но также и идеальный предел, к которому они приближаются. Это не должно вызывать трудности. Ведь мы привыкли к чертежам и схемам паровой машины как таковой или автомобиля как такового; эти чертежи и схемы, разумеется, никогда не путают, например, с фотографией моего автомобиля или вашей паровой машины.

Такое концептуальное определение дает также возможность отличать существенное от периферического (случайного, поверхностного, несущественного). Оно дает критерии различения реального и нереального, истинного и ложного, необходимого и необязательного, вечного, постоянного и преходящего, неизменного и изменчивого.

5. Бытие может означать "цель" развития, роста, становления. Термин "Бытие" относится здесь скорее к конечному продукту (или пределу, или цели, или "телосу") становления, чем к его процессу, как это имеет место в следующем предложении:

"Таким образом, психология бытия и психология становления могут быть согласованы, и ребенок, попросту будучи собой, может одновременно двигаться вперед и развиваться". Это звучит во многом сходно с аристотелевой "финальной причиной" или "телосом", конечным продуктом в том смысле, в каком в природе желудя уже наличествует дуб, в который превратится этот желудь. (Это хитрый подход, ибо мы склонны к антропоморфизму, говоря, что желудь "стремится" вырасти. Это не так. Это просто бытие младенцем. Подобно тому как Ч. Дарвин не мог использовать слово "стремление" для объяснения эволюции, мы тоже должны избегать подобного словоупотребления. Мы должны объяснять психологический рост ребенка в направлении некоторого предела как эпифеномен его (ребенка) бытия, как совокупность "слепых" побочных продуктов наличествующих механизмов и процессов.)

III. Бытийные ценности (как описания мира, воспринимаемого в пиковых переживаниях).

Характеристики бытия являются также ценностями бытия. (Параллели обнаруживаются в характеристиках полностью человеческих людей, в их предпочтениях; в характеристиках самости (идентичности) в пиковых переживаниях; в характеристиках идеального искусства; в характеристиках идеальных детей; в характеристиках идеальных математических доказательств, идеальных экспериментов и теорий, идеальной науки и идеального знания; в отдаленных целях всякой идеальной (даосистской, невмешивающейся) психотерапии; в отдаленных целях идеального гуманистического образования; в отдаленных целях некоторых видов религии и в присущих им средствах выражения; в характеристиках идеальной среды и идеального общества).

1. **Истина** (честность; реальность; обнаженность; простота; богатство; существенность; должное; красота; чистота; чистая и неподдельная полнота).

2. **Добро** (правильность; желательность; должное; справедливость; благожелательность; честность; мы любим это, привлечены этим, одобряем это).

3. **Красота** (правильность; форма; живость; простота; богатство; цельность; совершенство; завершенность; уникальность; честность).

4. **Цельность** (единство; интегрированность; тенденция к единичности; взаимосвязанность; простота; организация; структура; порядок; отсутствие разделения; синергия; гомономные и интегративные тенденции).

4 а. **Единство противоположностей** (принятие, разрешение, интеграция или трансценденция (преодоление) дихотомий, полярностей, противоположностей, противоречий; синергия, т. е. преобразование противоположностей в единство, антагонистов в сотрудничающих или взаимно усиливающих друг друга партнеров).

5. **Жизненность** (процесс; отсутствие омертвелости; спонтанность; саморегуляция; полноценное функционирование; измениться и при этом остаться тем же; самовыражение).

6. **Уникальность** (индивидуальная специфичность; индивидуальность; несравнимость; новизна; особое качество; отсутствие чего-либо подобного).

7. **Совершенство** (ничего лишнего; ничего недостающего; все на своем месте и не может быть улучшено; точно так; идеальное соответствие; уместность, справедливость, полнота; ничего помимо; должное).

7 а. **Необходимость** (неизбежность; это должно быть именно так; не может быть изменено ни на йоту; хорошо, что именно так).

8. **Завершенность** (окончание; окончательность; справедливость; гештальт больше не меняется; выполнение намеченного; *finis et telos*; ничего недостающего; все целиком; исполнение предназначения; прекращение деятельности; достижение высшей точки; окончание в связи с достижением цели; умереть и вновь родиться; прекращение и завершение роста и развития).

9. **Справедливость** (честность; долженствование; уместность; соразмерность; необходимость; неизбежность; непредубежденность; беспристрастность).

9 а. **Порядок** (законность; правильность; ничего лишнего; совершенство организации).

10. **Простота** (честность; обнаженность; существенность; абстрактная безошибочность; четкая структура; суть дела; прямота; только необходимое; без украшений; ничего чрезмерного или лишнего).

11. **Богатство** (дифференциация; сложность; изошренность; все целиком; ничего недостающего или скрытого; все здесь; все в равной мере важно; нет ничего неважного; всему предоставляется идти своим путем, без улучшения, упрощения, абстрагирования, переустройства).

12. **Непринужденность** (легкость; отсутствие напряжений, стараний, трудностей; изящество; совершенное и красивое функционирование).

13. **Игра** (веселость; радость; юмор; изобилие; непринужденность).

14. **Самодостаточность** (автономия; независимость; не нужно ничего другого, чтобы быть самим собой; самодетерминация; преодоление среды; отдельность; жизнь по своим законам; идентичность).

IV. Операции, определяющие содержание бытийных ценностей (способами, допускающими проверку).

1. То, что первоначально виделось как характеристики самоактуализирующихся (психологически здоровых) людей, описанные ими самими или уловленные исследователем либо людьми, близкими к ним. Таковы почти все ценности, перечисленные в предыдущем параграфе, а также пронизательность, принятие, трансценденция эго, свежесть восприятия, склонность к пиковым переживаниям, чувство общности с другими людьми (нем. *Gemeinschaftsgefühl*), бытийная любовь, отсутствие стремлений, бытийное уважение, креативность¹⁴.

2. То, что видится как предпочтения, выборы, желания, ценности, которые проявляют (разделяют, осуществляют) самоактуализирующиеся люди по отношению к самим себе, к другим людям, к миру (при достаточно хороших условиях среды и достаточно хорошем состоянии субъекта выбора). Вероятно, подобные (хотя и более слабые) предпочтения проявляют и многие другие (не только самоактуализирующиеся) люди, но при этом требуются очень хорошие условия среды и очень хорошее состояние субъекта. Вероятность предпочтения любой из бытийных ценностей или их всех возрастает с возрастанием: (а) психологического здоровья субъекта выбора; (б) синергии среды; (в) проявляемых субъектом силы, энергии, мужества, уверенности в себе и т. д.

Гипотеза. К бытийным ценностям в глубине души стремятся многие люди (большинство? все?), что обнаруживается в ходе глубинной психотерапии.

Гипотеза. Бытийные ценности, независимо от того, являются ли они предметом осознанного поиска, предпочтений или стремлений, доставляют конечное удовлетворение, т. е. порождают чувства совершенства, завершенности, ясности, исполнения предназначения и т. п. Они дают также хорошие эффекты в плане психотерапии и личностного роста¹⁵.

3. То, что называют исследователю в качестве характеристик мира (или сдвига в направлении таких характеристик), воспринимаемых в процессе пиковых переживаний, — иными словами, то, как видится мир при различных пиковых переживаниях. Эти данные в общем поддерживаются сообщениями в литературе о мистических, любовных, эстетических переживаниях, переживаниях творчества, родительских переживаниях, переживаниях продолжения рода, интеллектуальных инсайтов, психотерапевтических инсайтов (не всегда), атлетических видов спорта, телесных переживаниях (иногда). Поддерживающие свидетельства имеются и в религиозной литературе.

4. То, что называют исследователю как свойства Я, проявляющиеся в пиковых переживаниях (при так называемых "острых переживаниях идентичности"). Сюда относятся все перечисленные в предыдущем параграфе ценности (с возможным исключением ценности 9) и, кроме того: самоактуализационная креативность; способность к бытию "здесь-и-теперь"; отсутствие

¹⁴ Здесь и ниже имеется в виду креативность, свойственная самоактуализирующимся людям.

¹⁵ Смори главу 3 моей книги "К психологии Бытия" (*Maslow, 1962*).

стремлений (можно сказать, что в нем находят выражение ценности 5, 7, 12); поэтическое общение.

5. То, что наблюдается исследователем в поведении людей при пиковых переживаниях (те же ценности, что в предыдущем пункте 4).

6. То же для других видов бытийного познания при наличии достаточной силы и мужества. Таковы, например, некоторые "переживания предгорья" и "надир-переживания", переживания отчаяния (психотическая регрессия, встреча со смертью, разрушение психологических защит, иллюзий или ценностных систем, трагедия и трагический опыт, поражения, столкновения с жизненным предназначением или экзистенциальной дилеммой); некоторые интеллектуальные и философские инсайты, построения и проработки; бытийное познание прошлого ("объятия с прошлым"). Эта операция сама по себе недостаточна как источник данных, то есть нуждается в дополнительном подтверждении. Иногда она подтверждает результаты, полученные с помощью других операций, иногда противоречит им.

7. То, что рассматривается как характеристики "хорошего" искусства ("хорошее" в нашем случае означает "предпочитаемое данным исследователем"), в том числе живописи, скульптуры, музыки, танцев, поэзии и других словесных искусств. Сюда относятся все рассмотренные в предыдущем параграфе ценности, кроме ценности 9 (и с некоторыми оговорками в отношении ценностей 7 и 8).

Пилотажный эксперимент. Компетентные в искусстве эксперты оценивают бессюжетные детские рисунки по 10-балльной шкале от "наивысшего эстетического качества" до "низшего эстетического качества". Другая группа экспертов оценивает эти же рисунки по 10-балльной шкале "цельности", третья группа — по шкале "жизненности", четвертая — по шкале "уникальности". Все четыре переменные коррелируют положительно. Пилотажное исследование оставляет впечатление, что путем изучения рисунков или рассказов можно вынести суждение (более достоверное по сравнению со случайным) относительно психологического здоровья автора.

Проверяемая гипотеза. Корреляция между красотой, мудростью и добром, с одной стороны, и психологическим здоровьем, с другой, увеличивается с возрастом. Для проверки гипотезы люди, относящиеся к последовательным возрастным группам, каждая из которых охватывает диапазон в 10 лет, должны оцениваться по критериям психологического здоровья, красоты, добра и мудрости, причем оценивание по каждому критерию осуществляется отдельной группой экспертов. Корреляция везде должна быть положительна, причем для людей от 30 до 40 лет она должна быть выше, чем для более молодых; для людей от 40 до 50 лет — еще выше и т. д. Пока что гипотеза подкрепляется несистематизированными наблюдениями.

Гипотеза. Оценивание романов с точки зрения всех выделенных бытийных ценностей покажет, что "плохие" (по оценке экспертов) романы менее близки к бытийным ценностям, чем "хорошие" романы. То же для "хорошей" и "плохой" музыки. Возможны также ненормативные суждения — относительно того, например, какие художники, какие слова, какие виды танца помогают повышать, или укреплять, или проявлять индивидуальность, честность, самодостаточность или другие бытийные ценности. Можно выяснить также, какие книги или стихи предпочитают более зрелыми людьми. Возникает вопрос: насколько возможно использовать психологически здоровых людей в качестве "биологических дегустаторов" (тех, кто обладает большей восприимчивостью и более чутко воспринимает и выбирает бытийные ценности, подобно канарейке, первой чувствующей угарный газ в угольной шахте, куда ее берут именно с этой целью)?

8. То немногое, что мы знаем о характеристиках и факторах улучшения либо ухудшения психологического здоровья у детей всех возрастов в нашей культуре, в целом свидетельствует о том, что улучшение психологического здоровья предполагает движение к различным и, вероятно, ко всем бытийным ценностям. "Хорошие" внешние условия в школе, семье и т. д. могут тогда быть определены как направляющие к психологическому здоровью или к бытийным ценностям. Если сформулировать это в виде проверяемых гипотез, можно утверждать, например, что психологически более здоровые дети более честны (красивы, добродетельны, цельны и т. д.), чем менее здоровые; при этом предполагается, что психологическое здоровье измеряется с помощью проективных тестов или оценивается на основе примеров поведения или психиатрических интервью, или же выводится из отсутствия классических невротических симптомов.

Гипотеза. Психологически более здоровые учителя обеспечивают у своих учеников движение в направлении бытийных ценностей.

Вопрос в ненормативном ключе. Какие условия повышают, а какие снижают у детей степень психологической интегрированности (цельности)? Аналогичные вопросы можно задать и в отношении честности, красоты, игры, самодостаточности и т. д.

9. "Хорошие" (соответствующие ценности 2 — "доброту") или "элегантные" математические доказательства обладают наилучшими показателями по критериям "простоты" (ценность 10),

"абстрактной истины" (ценность 1), совершенства, завершенности, "порядка" (ценности 7, 8, 9 а). Они могут восприниматься и часто воспринимаются как очень красивые (ценность 3). После того, как они выведены, они выглядят легкими и являются легкими (ценность 12). Приблизительные аналогии этому движению к совершенству, стремлению и любви к нему, восхищению им (а у некоторых людей — даже потребности в нем) могут быть найдены у всех создателей машин и инструментов, у инженеров, у плотников, у специалистов по управлению и организации бизнеса, в армии и т. д. Они также демонстрируют стремление (нем. *Drang nach*) к перечисленным выше бытийным ценностям. Это стремление можно измерять, ориентируясь на выбор, например, между элегантно простой машиной и неоправданно сложной, между хорошо сбалансированным молотком и неуклюжим, не сбалансированным как должно, между "полноценно функционирующим" двигателем и функционирующим только частично (см. ценность 5) и т. п. Психологически более здоровые инженеры, плотники и т. д. должны спонтанно демонстрировать большее предпочтение и большую близость к бытийным ценностям во всех продуктах своего труда, которые должны в большей мере предпочитаться, заслуживать более высокой цены и т. п., чем менее "бытийно-нагруженные" продукты менее развитых инженеров, плотников и т. д. Нечто подобное, вероятно, справедливо также в отношении "хорошего" эксперимента, "хорошей" теории и "хорошей" науки вообще. Возможно, что использование слова "хороший" в этих контекстах во многом определяется "близостью к бытийным ценностям" примерно в том же смысле, в каком это верно для математики.

10. Большинство психотерапевтов (стоящих на позициях инсайтной, вскрывающей, неавторитарной, даосистской терапии), к какой бы школе они ни принадлежали, будут даже сегодня (если вызвать их на беседу о конечных целях психотерапии) говорить о полностью человеческой, аутентичной, самоактуализирующейся, индивидуализированной личности или о некотором приближении к ней — как в описательном смысле, так и в смысле идеального, абстрактного понятия. Если перейти к деталям, за этим обычно стоят некоторые или все бытийные ценности, например честность (ценность 1), хорошее поведение (ценность 2), интегрированность (ценность 4), спонтанность (ценность 5), движение к наиболее полному развитию и зрелости, к гармонизации потенциалов (ценности 7, 8, 9), бытие тем, кем индивид является по сути (ценность 10), бытие всем, чем индивид может быть, и принятие им своего глубинного Я во всех его аспектах (ценность 11), непринужденное, легкое функционирование (ценность 12), способность к игре и наслаждению (ценность 13), независимость, автономия и самодетерминация (ценность 14). Сомневаюсь, что кто-либо из психотерапевтов стал бы серьезно возражать против какой-либо из этих ценностей, хотя некоторые, возможно, захотели бы дополнить список.

Обширные сведения о реальных эффектах успешной и безуспешной психотерапии накоплены группой К. Роджерса, и все эти сведения без исключения, насколько мне известно, подтверждают или совместимы с гипотезой о том, что бытийные ценности составляют конечную цель психотерапии. Возможность проведения замеров до и после психотерапии позволяет проверить до сих пор не проверявшуюся гипотезу, согласно которой психотерапия увеличивает также красоту пациента, равно как и его восприимчивость к красоте, стремление к ней и наслаждение ею. Может быть проверен также параллельный набор гипотез, касающихся юмора (такого, который свойственен самоактуализирующимся людям).

Пилотажный эксперимент. В ходе двухлетних экспериментов по групповой психотерапии было сделано следующее наблюдение: участвовавшие в этих экспериментах студенты и студентки колледжа стали казаться более красивыми и мне, и друг другу (и действительно стали красивее, привлекательнее, о чем свидетельствовали суждения посторонних лиц). Вообще, если мы подчеркиваем вскрывающий аспект психотерапии, значит, то, что вскрывается, уже присутствовало в некотором смысле ранее. Следовательно, весьма вероятно, что то, что возникает или обнаруживается в процессе вскрывающей психотерапии, внутренне присуще организму — конституционально, в плане темперамента или генетически; иными словами, его сущность, его глубинная реальность задана биологически. Соответственно, можно утверждать или по меньшей мере предполагать: то, что разрушается под воздействием вскрывающей психотерапии, является не внутренне присущим организму, а скорее случайным, поверхностным, тем, что организм приобрел или что было на него "наложено". Релевантные данные, свидетельствующие о том, что бытийные ценности укрепляются или актуализируются под воздействием вскрывающей психотерапии, подкрепляют убеждение, что эти ценности выступают атрибутами или определяющими характеристиками наиболее глубинных, наиболее существенных, внутренних пластов человеческой природы. Это общее предположение в принципе вполне может быть подвергнуто проверке. Разработанная К. Роджерсом методика "движения к цели и от нее" в психотерапии (Rogers, 1960) открывает широкий диапазон возможностей исследования того, что способствует движению к бытийным ценностям или отходу от них.

11. Конечные цели "творческого", "гуманистического" или "целостного" образования, особенно невербального (изобразительное искусство, танцы и т. п.), в очень значительной степени совпадают с бытийными ценностями и могут даже оказаться идентичными с ними (если не считать всевозможных психотерапевтических добавлений, которые, вероятно, в большей мере представляют собой средства, чем цели). Таким образом, этот вид образования полуосознанно ориентируется на тот же конечный результат, что и идеальная психотерапия. Все виды исследований, которые были или будут проведены для выяснения эффектов психотерапии, могут в принципе сопровождаться параллельными исследованиями эффектов "творческого" образования. В отношении как психотерапии, так и образования видится возможность прийти к удобному для применения нормативным понятиям. Так, "хорошим" является такое образование, которое в наилучшей мере приобщает учащегося к бытийным ценностям, то есть помогает ему стать более честным, хорошим (в смысле ценности "добро"), красивым, интегрированным и т. д. Это, вероятно, справедливо и для высшего образования, если не учитывать проблему приобретения умений, навыков и других инструментов или же рассматривать это приобретение только как средство достижения конечных бытийных целей.

12. Примерно то же справедливо для определенных версий крупных теистических и нетеистических религий, причем как для догматических, так и для мистических версий каждой из них. В общем, они проповедуют, что (а) Бог является воплощением большинства бытийных ценностей; (б) идеальный, религиозный и преданный Богу человек — это тот, кто наилучшим образом воплощает в себе эти "божественные" бытийные ценности или по меньшей мере стремится к этому; (в) все используемые ими методы, церемонии, ритуалы, догмы можно считать средствами для достижения указанных ценностей как целей; (г) небеса — это место, или состояние, или время достижения таких целей. Спасение, искупление, преображение — это все разновидности принятия вышеприведенных истин. Поскольку эти утверждения подтверждаются отобранными данными, они нуждаются во внешнем по отношению к ним принципе отбора; так, они совместимы с бытийной психологией, но не доказывают ее истинности. Религиозная литература — это полезный источник, если знаешь, что искать и использовать. Подобно другим утверждениям, рассмотренным выше, мы можем обернуть ситуацию и считать, например, теоретической гипотезой, подлежащей проверке, то, что бытийные ценности могут выступить как определяющие признаки "истинной" (функциональной, пригодной для использования, полезной) религии. Вероятно, этому критерию ныне наилучшим образом соответствует сочетание дзен-буддизма и даосизма с гуманизмом.

13. Мое впечатление таково, что большинство людей движется от бытийных ценностей при тяжелых или плохих окружающих условиях, угрожающих удовлетворению дефицитных потребностей, как, например, в концлагерях, лагерях военнопленных, в условиях голода, чумы, террора, враждебной среды, заброшенности, утраты корней, крушения ценностных систем или их отсутствия, безнадежности и т. п. Неизвестно, почему немногие люди при тех же самых "плохих" условиях движутся в направлении бытийных ценностей. Однако существование обоих видов движения может быть проверено.

Гипотеза. Одним из полезных уточнений понятия "хорошие условия" является понятие "синергия", которую Рут Бенедикт определила как "... социально-институциональные условия, которые обеспечивают слияние эгоизма и альтруизма, организуя ситуацию так, что когда я стремлюсь удовлетворить "эгоистические" потребности, то автоматически помогаю другим, а когда стараюсь быть альтруистичным, то автоматически получаю вознаграждение и удовлетворяю также себя; иными словами, дихотомия или полярная противоположность эгоизма и альтруизма преодолевается, и осуществляется выход за ее пределы". Отсюда гипотеза: хорошее общество — это то, где добродетель вознаграждается; чем больше синергии в обществе, или в малой группе, или в паре, или внутри Я, тем ближе мы подходим к бытийным ценностям; плохие социальные условия или условия среды — это те, которые настраивают нас друг против друга, делая наши личные интересы антагонистическими или взаимоисключающими, либо те, при которых источники личного удовлетворения (дефицитных потребностей) ограничены, так что нельзя удовлетворить свои потребности иначе, как за счет других. При хороших условиях мы не должны платить большую цену или вообще что-либо за то, чтобы быть добродетельными, исповедовать бытийные ценности и т. п.; при хороших условиях добродетельный бизнесмен достигает большего финансового успеха; при хороших условиях человека, добившегося успеха, любят, а не ненавидят, боятся или обижаются на него; при хороших условиях более естественно восхищение (не смешанное с эротизацией, господством и т. п.).

14. Имеются некоторые данные, свидетельствующие, что то, что мы называем "хорошей" работой или "хорошими" условиями труда, в целом помогает людям двигаться к бытийным ценностям. Например, люди, занятые менее привлекательной работой, больше ценят

безопасность, в то время как занятые наиболее желательными видами труда чаще всего отдают наибольшее предпочтение возможностям самоактуализации. Это особый случай "хороших" условий среды. Здесь опять-таки заключена возможность движения к ненормативным утверждениям по поводу того, например, какие условия труда ведут к большей цельности, честности, уникальности и т. д. Слово "хороший" заменяется при этом фразой "ведущий к бытийным ценностям".

15. Иерархия базовых потребностей, их насущности была установлена с помощью "реконструктивной биологии", то есть выяснения того, неудовлетворение (фрустрация) каких потребностей вызывает невроз. Возможно, в некотором не столь уж отдаленном будущем мы будем иметь достаточно чувствительные психологические инструменты, чтобы подвергнуть испытанию такую гипотезу: угроза для какой-либо из бытийных ценностей или ее фрустрация ведет к своего рода патологии или экзистенциальному недугу либо к чувству "снижения человечности", то есть они тоже являются "потребностями" в рассмотренном выше смысле (мы стремимся к их удовлетворению, чтобы "завершить" себя или стать "полностью человеческим"). Во всяком случае, теперь можно сформулировать вопросы для исследования (которое пока не проводилось): "К какому результату приводит жизнь в бесчестном мире, в злом мире, в уродливом мире, в расколотом, дезинтегрированном мире, в мертвом, статичном мире клише и стереотипов, в неполном, незавершенном мире, в мире без порядка или справедливости, в усложненном без надобности мире, в чрезмерно упрощенном, чрезмерно абстрактном мире, в мире, полном усилий, в мире без юмора, в мире без частной жизни и независимости?"

16. Я уже отмечал, что одно из пригодных для использования операциональных значений "хорошего общества" определяется той степенью, в какой последнее предлагает всем своим членам удовлетворение их базовых потребностей, а также условия для самоактуализации и осуществления человеческих возможностей. К этой формулировке можно добавить утверждение, что "хорошее общество" (в отличие от "плохого") воплощает бытийные ценности, отдает им должное, борется за них, делает возможным их достижение. Это можно выразить также в ненормативных понятиях, подобно тому как мы это делали выше. Абстрактно-идеальное хорошее общество (Эвпсихия) проявило бы совершенство в достижении бытийных ценностей. Возникает вопрос: в какой мере Эвпсихия совпадает с синергичным обществом?

V. Каким образом бытийная любовь может породить беспристрастность, отстраненность и пронизательность?

В каких случаях любовь ослепляет? Когда она означает большую, а когда — меньшую пронизательность?

Поворот происходит, когда любовь становится такой большой и такой чистой (непротиворечивой) по отношению к самому ее объекту, что именно его блага мы хотим, а не того, что он дает нам; иначе говоря, когда он перестает быть средством и становится целью (с нашего согласия). Возьмем, например, яблоню. Мы можем так любить ее, что для нас немислимо, чтобы она была чем-то другим; мы рады, что она такая, какая есть. Всякое вмешательство может только повредить и сделать ее в меньшей степени яблоней или менее совершенно живущей по своим собственным, внутренне присущим ей законам. Она может выглядеть настолько совершенной, что мы боимся коснуться ее из страха повредить ее совершенству. Естественно, если она воспринимается как совершенная, то ее нельзя улучшить. По сути дела, усилия, направленные на улучшение (украшение и т. п.) некоторого объекта, сами по себе являются доказательством того, что объект видится как не вполне совершенный, что в голове субъекта есть картина "совершенного развития" объекта, которая лучше, чем конечная цель развития самого объекта (яблони). Иными словами, он может сделать лучше, чем яблоня; он лучше знает; он может сформировать ее лучше, чем она сформируется сама. Мы полусознанно чувствуем, что тот, кто занят улучшением породы собак, по-настоящему собак не любит. Тот, кто по-настоящему любит собак, будет возмущен обрубанием хвостов, обрезанием ушей или приданием им особой формы, селекцией, делающей данную собаку похожей на картинку из журнала — ценой того, что она станет нервной, больной, бесплодной, будет страдать эпилепсией и т. п. (и тем не менее, люди, занимающиеся всем этим, утверждают, что любят собак). То же можно сказать по поводу людей, выращивающих карликовые деревья, обучающих медведей ездить на велосипеде или шимпанзе — курить сигареты.

Таким образом, настоящая любовь является (по меньшей мере, иногда) невмешивающейся и нетребующей и способна восхищаться самим своим объектом, пристально глядеть на него без какой-либо хитрости, каких-либо проектов или расчетов эгоистического характера. Это ведет к меньшему абстрагированию (или отбору частей, признаков или отдельных характеристик объекта), ограничивает его нецелостное видение, атомизацию или рассечение на части. Здесь меньше

активного ("прокрустова") структурирования, организации, формирования, подгонки к теории или заранее принятой концепции. Объект остается более целостным, более единым — можно сказать, он в большей мере остается самим собой. Объект в меньшей мере подвергается оценке как подходящий или неподходящий, важный или неважный, принадлежащий к фигуре или к фону, полезный или бесполезный, опасный или безопасный, ценный или лишенный ценности, выгодный или невыгодный, хороший или плохой, равно как и по прочим критериям эгоистического человеческого восприятия. Объект также в меньшей мере подлежит рубрикации, классификации, помещению в историческую последовательность, в меньшей мере рассматривается как просто представитель определенного класса, образчик, пример типа.

Это значит, что все аспекты, или характеристики, или (целостные) части объекта (как важные, так и неважные; как центральные, так и периферические) заслуживают равного внимания или равной заботы, и что любая часть может быть предметом изумления и восхищения. Бытийная любовь — будь то к возлюбленному, младенцу, картине или цветку — почти всегда сопряжена с такого рода распределенным восприятием, проникнутым очарованностью и пристальной заботой.

В этом целостном контексте маленькие недостатки могут восприниматься как привлекательные "изюминки", очаровывающие и способствующие любви, — благодаря тому, что они индивидуально специфичны и придают объекту характер и индивидуальность, делают его тем, что он есть, а не чем-либо еще, и, возможно, также как раз благодаря тому, что они невелики, периферийны и несущественны.

Из сказанного следует, что человек, испытывающий бытийную любовь (и осуществляющий бытийное познание), заметит детали, которые упустит тот, кто испытывает дефицитарную любовь или вообще не любит. Кроме того, человек, испытывающий бытийную любовь, легче увидит природу объекта как такового, с его собственными законами и стилем бытия. Тонкая и гибкая структура объекта скорее может быть охвачена восприимчивым взглядом без вмешательства и высокомерия. Воспринимаемый образ объекта в большей мере определяется его собственными характеристиками в ситуации бытийного познания, чем тогда, когда воспринимающий властно накладывает на него некоторую структуру, и при этом часто оказывается слишком грубым, слишком нетерпеливым, слишком похожим на мясника, который разрубает тушу, руководствуясь своим аппетитом, на завоевателя, требующего безоговорочной капитуляции, на скульптора, лепящего нечто из глины, не имеющей собственной структуры.

VI. При каких условиях и какими людьми выбираются или не выбираются бытийные ценности?

Имеющиеся свидетельства говорят о том, что бытийные ценности чаще выбираются "психологически здоровыми" людьми (самоактуализирующимися, зрелыми, обладающими продуктивным характером и т. д.), а также большинством наиболее "великих" людей, пользовавшихся наибольшей любовью и восхищением на протяжении истории. (Не поэтому ли ими восхищаются, их любят и считают великими?)

Экспериментальное изучение выборов, осуществляемых животными, показывает, что прочные навыки, предварительное научение и т. п. снижают биологическую эффективность, гибкость и адаптивность выбора, направленного на самоисцеление (например, у крыс с удаленными надпочечниками). Эксперименты по привыканию показывают, что люди продолжают выбирать и предпочитать даже то, что является неэффективным, раздражающим и первоначально не предпочиталось — если только предварительно они были вынуждены осуществлять именно такой выбор на протяжении более 10 дней. Общечеловеческий опыт подтверждает эти результаты, например в том, что касается хороших навыков. Клинический опыт показывает, что предпочтения привычного и знакомого сильнее и являются более жесткими, компульсивными и невротичными у людей более тревожных, робких, ригидных, "зжатых" и т. п. Клинические и некоторые экспериментальные данные свидетельствуют о том, что сила Я, мужество, психологическое здоровье и креативность повышают у взрослых и детей тенденцию к выбору нового, незнакомого, непривычного.

Привыкание как проявление адаптации также может ослабить тенденцию к выбору бытийных ценностей. Дурной запах перестает ощущаться. Потрясение имеет тенденцию снижать чувствительность к потрясениям. Люди адаптируются к плохим условиям и перестают замечать их (т. е. перестают осознавать их). При этом отрицательные эффекты могут продолжаться уже без их осознания. Таковы, например, эффекты непрерывного шума, или сплошной безобразности, или хронического плохого питания.

Реальный выбор предполагает одновременное предъявление альтернатив на равных началах. Например, люди, привыкшие к плохо воспроизводящему звук проигрывателю, предпочитают его

проигрывателю высокого класса. Те, кто привык к качественному проигрывателю, предпочитают его. Но когда обеим группам было предъявлено и плохое, и хорошее воспроизведение музыки, обе группы в конечном счете предпочли более качественное воспроизведение на хорошем проигрывателе (данные Эйзенберга).

Преобладающая часть литературных данных, касающихся экспериментов по различению, свидетельствует, что лучше всего предъявлять альтернативы одновременно и близко друг к другу, а не порознь. Можно ожидать, что выбор более красивой из двух картин, более подлинного из двух образцов марочных вин или того из двух людей, кто отличается большей полнотой жизненных сил, будет тем адекватнее, чем ближе друг к другу в пространстве и времени располагаются сравниваемые объекты.

Предлагаемый эксперимент. Если качество, оцениваемое экспертами в баллах, может принимать значения в диапазоне от 1 (плохие сигары, вино, ткань, сыр, кофе и т. д.) до 10 (хорошие сигары, вино и т. д.), то люди, привыкшие к уровню 1, вполне могут выбрать его, если единственной альтернативой является другой край шкалы (10). Но, вероятно, такой человек предпочтет уровень 2 уровню 1, уровень 3 — уровню 2 и т. д., и таким образом его в конечном счете можно привести к выбору уровня 10. Альтернативы должны находиться "в пределах одной зоны", то есть не слишком далеко друг от друга. Если применить ту же методику к тем, кто первоначально предпочел, скажем, очень хорошее вино, то есть предложить им выбор между уровнями 10 и 9, 9 и 8, 5 и 4 и т. д., то они, вероятно, будут продолжать выбирать более высокое качество.

Можно видеть, что вскрывающая, инсайтная психотерапия ведет к процессу "настоящего (подлинного) выбора". Способность к осуществлению такого выбора гораздо выше после успешной терапии, чем до нее, то есть эта способность детерминирована скорее конституционально, чем культурно, скорее самим Я, чем внешними или внутренними "другими". Под влиянием психотерапии альтернативы воспринимаются более осознанно, страх минимизируется и т. д. Успешная терапия усиливает тенденцию к предпочтению бытийных ценностей, а также к их осуществлению.

При этом предполагается, что характерологические качества лиц, осуществляющих выбор, должны оставаться постоянными или приниматься во внимание. Например, чтобы научиться тому, что "лучший" выбор (соответствующий более высокому уровню в иерархии ценностей) "вкуснее", надо реально испробовать его. Научиться этому, однако, труднее для людей травмированных, со сформированными негативными реакциями или вообще невротичных; для людей робких и застенчивых; для людей ограниченных, скучных, "узких"; для людей ригидных, подчиняющихся стереотипам и условностям, и т. д. Все эти люди могут бояться опыта, или испытания своего вкуса, могут отрицать либо подавлять свой опыт и т. п. Учет характерологических особенностей необходим в отношении как конституциональных, так и приобретенных качеств.

Многие эксперименты свидетельствуют о том, что социальное внушение, иррациональная реклама, социальное давление, пропаганда существенно ограничивают свободу выбора и даже свободу восприятия; то есть альтернативы могут неправильно восприниматься, и затем может производиться неправильный выбор. Этот вредный эффект больше проявляется у конформных, чем у независимых, сильных людей. Имеются клинические и социально-психологические основания, чтобы спрогнозировать, что этот эффект будет сильнее у более молодых людей, чем у старших. Однако все эти и подобные им эффекты, начиная с формирования условных рефлексов с помощью подпороговых раздражителей и включая эффекты пропаганды, внушения, использующего авторитет, ложной рекламы, скрытых положительных подкреплений и т. д., — опираются на слепоту, невежество, отсутствие понимания, на сокрытие фактов, ложь и незнание ситуации. Большинство этих эффектов может быть устранено, если осуществляющий выбор несведущий человек осознает способ, с помощью которого им манипулируют.

Возможность по-настоящему свободного выбора, определяемого преимущественно внутренней природой субъекта, расширяют следующие факторы: свобода от социального давления; независимость личности; хронологическая зрелость; сила и мужество (в противоположность слабости и страху); истина и осознание. Удовлетворение любого из этих условий должно повысить процент бытийных выборов.

Иерархия ценностей, в которой бытийные ценности являются "наивысшими", частично обусловлена иерархией базовых потребностей, доминированием дефицитарных потребностей над потребностями роста, гомеостаза — над ростом и т. п. Вообще, если есть две нужды, требующие удовлетворения, то выбирается более насущная, то есть "низшая". Следовательно, ожидаемое весьма вероятное предпочтение бытийных ценностей опирается в принципе на предварительную реализацию низших, более насущных ценностей. Из этого обобщения следует много прогнозов.

Например, человек, у которого не удовлетворена (фрустрирована) потребность в безопасности, предпочтет истинное ложному, красивое — безобразному, доброе — злему реже, чем человек с удовлетворенной потребностью в безопасности.

Отсюда вытекает новая постановка проблемы вековой давности: в каком смысле "высшие" наслаждения (например, Бетховен) превосходят "низшие" (например, Элвиса Пресли)? Как можно доказать их превосходство тому, кто привык к "низким" наслаждениям? Можно ли научить этому? В частности, можно ли научить этому того, кто не хочет учиться?

В чем состоят "сопротивления" более высоким наслаждениям? Общий ответ (в дополнение ко всем приведенным выше соображениям) заключается в следующем. Высшие наслаждения ощущаются как более хорошие по сравнению с низшими ("вкуснее" их) всяким, кто может испытать и те и другие. Но для того чтобы быть способным в полной мере и свободно сравнить два "вкуса", необходимы все те особые условия, о которых шла речь выше. Психологический рост теоретически возможен только благодаря тому, что "вкус" более высоких наслаждений лучше, чем "вкус" более низких, которые надоедают. (См. главу 4 моей книги "К психологии Бытия" — Maslow, 1962, где обсуждается "психологический рост через наслаждение и возможную скуку с последующим поиском новых, более высоких переживаний".)

Конституциональные факторы иного типа также влияют на выборы, а следовательно, и на ценности. Было обнаружено, что цыплята, лабораторные крысы, сельскохозяйственные животные с самого рождения различаются по эффективности осуществляемых ими выборов, в частности, выбора питания; одни животные производят выбор эффективно в биологическом смысле, а другие — неэффективно. Эти последние будут болеть или умрут, если предоставить им возможность осуществлять выбор самим. Об этом же в неформальных контактах сообщают детские психологи, педиатры и т. д. применительно к человеческим младенцам. Организмы различаются также по той энергии, с какой они борются за удовлетворение своих потребностей и преодоление фрустрации. В дополнение к этому, Конституциональные исследования взрослых людей показывают, что различные типы обнаруживают некоторые различия в выборе объектов удовлетворения потребностей. Невроз в значительной степени нарушает эффективность выбора, разрушает предпочтения, оказываемые бытийным ценностям, удовлетворению реальных потребностей и т. п. Можно даже оценивать меру психологического нездоровья по масштабам выбора того, что является "плохим" для здоровья организма, например наркотиков, алкоголя, плохого питания, плохих друзей, плохой работы и т. п.

Культурные условия, в дополнение ко всем очевидным их следствиям, выступают как главный фактор, определяющий диапазон возможных выборов, касающихся, например, карьеры, питания и т. п. В частности, важны также экономические и промышленные условия. Например, крупное, ориентированное на прибыль массовое производство оказывается очень хорошим в плане снабжения нас недорогой и хорошо сделанной одеждой и очень плохим — в плане снабжения хорошей, неотравленной пищей, такой, как свободный от химикатов хлеб, лишенная инсектицидов говядина, свободное от гормонов мясо птицы и т. п.

Итак, можно ожидать, что бытийные ценности будут сильнее предпочитаться: (1) психологически более здоровыми, зрелыми людьми; (2) старшими; (3) более сильными и независимыми; (4) более мужественными; (5) более образованными и т. п. Одним из условий повышения процента выбирающих бытийные ценности является отсутствие сильного социального давления.

Все вышесказанное легко может быть представлено в ненормативной форме для тех, кто испытывает неловкость при употреблении терминов "хороший" и "плохой", "более высокий" и "более низкий" и т. п. (хотя их и можно определить операционально). Марсианин, например, мог бы спросить: когда, кем и при каких условиях истинное выбирается скорее, чем ложное; интегрированное — скорее, чем дезинтегрированное; полное — скорее, чем неполное; упорядоченное — скорее, чем неупорядоченное и т. п.?

Другой старый вопрос — добр человек в своей основе или зол — также можно перефразировать более удобным образом. Как бы мы ни определяли эти слова, оказывается, что у человека есть и добрые и злые побуждения, что в его поведении присутствуют и добро и зло. Конечно, это наблюдение не отвечает на вопрос о том, какие побуждения и типы поведения являются более глубинными, более базовыми, более инстинктоидными. Для целей научного исследования желательно перефразировать вопрос так: при каких условиях и когда человек будет выбирать бытийные ценности, то есть будет "хорошим"? Что минимизирует или максимизирует этот выбор? Какой тип общества максимизирует этот выбор? Какой тип образования, психотерапии, семьи? Эти вопросы, в свою очередь, влекут за собой новые: как сделать людей "лучше"? Как улучшить общество?

10. Комментарии к симпозиуму о человеческих ценностях.

Эти четыре доклада¹⁶ кажутся совсем различными, однако в определенном смысле это не так. Докладчиков объединяет причастность к изменениям представлений о ценностях — революционным изменениям, которые произошли совсем недавно, и которые нам следует осознать.

Ни в одном из представленных докладов нет апелляции к какому-либо источнику ценностей, находящемуся вне человека. Не привлекается ничего сверхъестественного, нет ссылок на священную книгу или окруженную ореолом традицию. Все докладчики согласны в том, что ценности, направляющие человеческие действия, должны быть найдены в самой природе человека и в природном мире в целом.

Не только источник ценностей предполагается естественным, но и процедура открытия этих ценностей. Они должны быть открыты (или раскрыты) с помощью человеческих усилий и человеческого познания, путем обращения к экспериментальному, клиническому и философскому опыту людей. Никакие силы не вовлечены сюда, кроме человеческих.

Следующий вывод состоит в том, что ценности должны быть найдены, то есть открыты или раскрыты, а не изобретены, сконструированы или созданы. Это предполагает, далее, что они существуют в некотором смысле и в некоторой степени и, так сказать, ждут, чтобы мы увидели их. В этом смысле ценности рассматриваются как тайны природы, о которых мы многого не знаем в данный момент, но которые, несомненно, поддадутся нашим исследованиям и поискам.

Все четыре доклада неявно отвергают упрощенное представление о науке, согласно которому она должна быть "объективной" в традиционном смысле, только публичной, только направленной "вовне", а все научные утверждения должны быть выражены в физикалистской форме — если не сейчас, то в будущем.

Признание существования души должно, конечно, разрушить сугубо объективистское представление о науке. Кое-кому покажется, что такой "ментализм" разрушит всю науку, но я считаю подобные опасения глупостью. Напротив, утверждаю, что наука, в которой сохранилась душа, не менее, а намного более могущественна. В частности, полагаю, что более широкое, охватывающее больший диапазон объектов представление о науке определенно позволяет легко иметь дело с проблемами ценностей. Как мы знаем, более узкая наука, стремившаяся быть чисто объективистской и безличной, вовсе не могла найти места для ценностей или целей и потому вынуждена была считать их несуществующими. Реальное существование либо отрицалось, либо выносилось за пределы, доступные для научного познания (что делало их "неважными" и не заслуживающими серьезного изучения). Разговор о ценностях объявлялся "ненаучным" и даже антинаучным, так что их возвращали поэтам, философам, религиозным деятелям и другим подобным людям — добросердечным, но с нечетким типом мышления.

¹⁶ Речь идет о докладах Шарлотты Бюлер, Херберта Фингаретта, Вольфганга Ледерера и Алана Уоттса, представленных 15 декабря 1961 г. на собрании Психологической ассоциации штата Калифорния в Сан-Франциско. Руководитель симпозиума Лоуренс Н. Соломон подытожил позиции этих авторов следующим образом: "В основном докладе д-р Бюлер отходит от психоаналитической ориентации, с тем чтобы рассмотреть основные тенденции жизни в качестве возможного базиса ценностной системы, созвучной с природой. Она представляет некоторые эмпирические подходы к исследованиям в этой области, предлагая свой метод, представляющийся ей в настоящее время наиболее перспективным.

Д-р Фингаретт обсуждает философскую проблему моральной вины и поднимает глубокий вопрос, всегда ли поведение должно отражать внутреннее принятие (на некотором уровне осознания) желания, стоящего за поступком. Положительный ответ автора на этот вопрос ведет к некоторым интересным выводам, касающимся различия между моральной и невротической виной.

Д-р Ледерер делится своим опытом психоаналитика, специально останавливаясь на тех важных событиях, которые привели его к убеждению, что в наше время психотерапия должна быть ценностно-ориентированной. Психотерапевт не может более "... слушать долго и молча, со свободно плавающим вниманием, без критики, не давая советов — не будучи вовлеченным в дела пациента". Ценности входят в психотерапию, когда психотерапевт оказывается в достаточной мере освобожденным, чтобы следовать своему собственному пониманию и совести в терапевтическом взаимодействии с сегодняшним пациентом — молодым человеком, не нашедшим своей идентичности.

Доклад д-ра Уоттса содержит то, что для западного читателя может предстать как новая и в то же время принципиально важная концептуализация человеческой природы. Исходя из даосистских традиций, он описывает человека и окружающий мир, границей между которыми, принадлежащей и тому и другому, является поверхность кожи. Из таких рассуждений вытекает концепция поведения единого поля, и выводы, значимые для любой теории ценностей и нравственности".

Иными словами, рассматриваемые доклады по своей сути научны — но в более старом смысле, более близком к исходному смыслу слова "наука". Я бы сказал, что по своему духу или подходу эти доклады существенно не отличаются от дискуссий о витаминах где-нибудь в 1920 или 1925 году. Их исследователи находились тогда на клиническом, доэкспериментальном этапе, как и мы сегодня.

Если это так, то мы, конечно, должны поддерживать открытую дискуссию и свободное выдвижение разнообразных гипотез. Не следует поспешно отказываться от тех или иных возможностей. Разнообразие подходов на данном симпозиуме — это, видимо, то, что теперь нужно; оно могло бы быть даже больше, если бы хватило времени. Можно сказать также, что сейчас не Время для ортодоксальности; я рад отметить, что жаркие и острые споры представителей разных школ, имевшие место 20 лет назад, уступили место более скромному признанию необходимости сотрудничества и разделения труда.

Полагаю также, что мы проявим скромность, признав, что наш интерес к проблеме ценностей объясняется не только внутренней логикой науки и философии, но также исторической ситуацией, в которой находится ныне наша культура или даже весь человеческий род. На протяжении истории ценности обсуждались, только когда они оказывались, под вопросом. Наша ситуация такова, что все традиционные ценностные системы потерпели крах, по крайней мере в глазах думающих людей. Поскольку нам представляется невозможным жить без ценностей, в которые мы верим и которые одобряем, мы находимся сейчас в процессе выработки нового, а именно научного, подхода к ценностям. Мы предпринимаем новый эксперимент по отделению ценностей-фактов от ценностей-желаний, надеясь при этом обнаружить ценности, в которые мы можем верить потому, что они истинны, а не потому, что они даруют нам иллюзии.

Часть IV. Образование.

11. Познающий и познаваемое.

Мой общий тезис состоит в том, что многие коммуникативные трудности межличностного взаимодействия — это побочный продукт коммуникативных барьеров, существующих внутри личности; что коммуникация между личностью и миром, в ту и другую сторону, существенно зависит от их изоморфизма (т. е. от подобия их структуры или формы); что мир может сообщить личности только то, что она заслуживает, чему она соразмерна, до чего она доросла; что по большому счету личность может получить от мира или дать миру только то, что представляет собой сама. Как заметил Георг Лихтенберг по поводу одной книги: "Такие труды подобны зеркалам: если в него заглядывает обезьяна, не может отразиться апостол".

Поэтому изучение внутреннего мира личности — необходимая основа для понимания того, что она может сообщить миру и что мир может сообщить ей. Эта истина интуитивно известна любому психотерапевту, художнику, учителю, но ее необходимо высказать в более явной форме.

Конечно же, я имею в виду коммуникацию в очень широком смысле. Я включаю сюда все процессы восприятия и обучения, так же как все формы искусства и творчества, рассматриваю как познание на уровне первичных процессов (архаическое, мифологическое, метафорическое, поэтическое), так и вербальную, рациональную коммуникацию, осуществляемую на уровне вторичных процессов. Я хочу говорить о том, к чему мы слепы и глухи, равно как и о том, к чему восприимчивы; о том, что мы выражаем неясно и неосознанно, равно как и о том, что мы способны четко структурировать или выразить словами.

Главное следствие сформулированного выше общего тезиса в том, что трудности взаимодействия с внешним миром параллельны трудностям внутриличностной коммуникации) в том, что следует ожидать улучшения коммуникации с внешним миром как следствия развития личности, повышения ее цельности и освобождения от "гражданской войны" между ее частями. Восприятие действительности в этом случае улучшается. Человек становится более восприимчивым в том смысле, который имел в виду Ницше, говоря, что каждый должен был сам заработать свое своеобразие, необходимое, чтобы понимать его.

Разрывы внутри личности.

Прежде всего, что я понимаю под неудачей внутренней коммуникации? В конце концов, простейший пример — это расщепление личности, наиболее драматичной и наиболее известной

формой которого является множественная личность. Я изучил все подобные случаи, какие смог найти в литературе, а также несколько, с которыми имел возможность познакомиться непосредственно, так же как и с менее драматичными случаями патологического бродяжничества и амнезий. Мне представляется, что все эти случаи складываются в общую картину, которую я мог бы даже назвать наброском общей теории: она может пригодиться в решении задачи, стоящей сейчас перед нами, потому что говорит нечто о разрывах, имеющихся в каждом из нас.

Во всех известных мне случаях "нормальная", характерная для данного человека личность была робкой, тихой (чаще всего — женщиной), соблюдающей принятые нормы и контролирующей себя, покорной и даже пренебрегающей своими интересами, благонаправленной и лишенной агрессивности, стремящейся вести себя как мышка и легко эксплуатируемой другими. Та же "личность", которая временами прорывалась в сознание и брала на Себя управление человеком, во всех случаях обладала противоположными свойствами: она была импульсивной, потакающей своим слабостям, наглой и бесстыдной, пренебрегающей правилами поведения, нетерпимой, агрессивной, требовательной, незрелой.

Это, конечно, разрыв, который в менее экстремальной форме мы можем видеть во всех нас. Это внутренняя борьба между импульсом и контролем, между индивидуальными запросами и требованиями общества, между незрелостью и зрелостью, между безответственным наслаждением и ответственностью. В той мере, в какой нам удастся быть озорным забиякой и одновременно здравомыслящим, ответственным, контролирующим свои импульсы гражданином, мы избегаем внутренней расщепленности и сохраняем большую цельность. Такова, кстати, идеальная цель психотерапии множественных личностей: сохранить обе (или все три) личности, но удачно слитые или интегрированные под контролем сознания или предсознания.

Каждая из составляющих множественную личность осуществляет коммуникацию с миром в том и другом направлении по-разному. Они по-разному говорят, пишут, испытывают удовольствие, по-разному любят, выбирают разных друзей. В одном случае, который мне пришлось наблюдать, личность "своенравного ребенка" обладала крупным, размашистым, детским почерком, соответствующим словарем, делала орфографические ошибки, а "покорная, пренебрегающая собой" личность имела мышиный правильный почерк отличницы. Одна "личность" читала и изучала книги, а другая не могла — вследствие нетерпения и отсутствия интереса. Можно представить, насколько бы различалась их художественная продукция.

У остальных людей — у всех нас — отвергнутые части нашего Я, обреченные на подсознательное существование, тоже могут пробиться и неизбежно пробиваются наружу, влияя на наши коммуникативные процессы, направленные внутрь и наружу, на наше восприятие, так же как и на наши действия. Это достаточно легко демонстрируют проективные тесты с одной стороны, и художественная продукция, с другой.

Проективный тест показывает, каким предстает для нас мир, или, лучше сказать, как мы организуем мир, что мы можем взять из него, что мы можем позволить ему сказать нам, что мы хотим увидеть в нем и что мы решаем не слышать и не видеть.

Нечто подобное справедливо и в отношении того, как мы выражаем себя. Мы выражаем то, что мы есть (*Maslow, 1954*). В той мере, в какой мы расщеплены, наши выразительные и коммуникативные проявления также оказываются разорванными, частичными, односторонними. В той мере, в какой мы являемся интегрированными, цельными, объединенными, спонтанными и полноценно функционирующими, — в той мере наши выразительные и коммуникативные проявления оказываются завершенными и уникальными для каждого из нас, живыми и творческими (а не заторможенными, нормативными и искусственными), честными, а не фальшивыми. Клинический опыт подтверждает это применительно к изобразительной и вербальной художественной продукции, выразительным движениям вообще и, возможно, также применительно к танцам, гимнастике и другим целостным выразительным проявлениям. Это справедливо не только для коммуникативных воздействий, которые мы намереваемся оказать на других людей, но, по-видимому, также для тех, которые мы оказываем ненамеренно.

Те части нашего Я, которые мы отвергаем и подавляем (вследствие страха или стыда), не перестают существовать. Они не умирают, а, скорее, уходят в "подполье". Мы часто склонны либо не замечать влияния, оказываемые этими "подпольными" составляющими нашей человеческой природы на нашу коммуникацию, либо воспринимать их как нечто чуждое нам, например: "Я не знаю, что заставило меня сказать это"; "Я не знаю, что на меня нашло".

Для меня этот феномен означает, что выразительные проявления не имеют чисто культурного происхождения; это также и биологический феномен. Мы должны говорить об инстинктоидных элементах человеческой природы, тех ее внутренних аспектах, которые культура не может убить, но может лишь подавить, и которые продолжают влиять (пусть исподтишка) на наши

выразительные проявления — невзирая на все старания культуры. Культура — всего лишь необходимая причина, обуславливающая природу человека, но не достаточная. Но и наша биология — только необходимая, но не достаточная причина человеческой природы. Правда, что только в культурном окружении мы можем научиться речи. Но верно также и то, что в том же культурном окружении шимпанзе не научится разговаривать. Я говорю об этом, потому что мне кажется, что изучение коммуникации слишком сосредоточено на социологическом уровне и недостаточно осуществляется на биологическом уровне.

Продолжая ту же тему (каким образом расколы внутри личности искажают нашу коммуникацию с миром), я обращусь к нескольким хорошо известным патологическим примерам. Я привожу их также потому, что они представляются исключениями из Общего правила, согласно которому здоровая и цельная личность обладает лучшей восприимчивостью и лучше выражает себя. Имеется много клинических и экспериментальных свидетельств в пользу этого обобщения, например, в работах Г. Айзенка и его Коллег. Тем не менее существуют исключения, призывающие нас к осторожности.

У больного шизофренией психологические средства контроля и защиты рушатся или уже рухнули. Личность при этом как бы проваливается в свой частный внутренний мир, и ее контакты с другими людьми и природным миром нарушаются. Нарушается и коммуникация с миром — в обоих направлениях. Страх перед миром обрывает коммуникацию с ним. При этом внутренние импульсы и голоса могут звучать так громко, что мешают сверяться с действительностью. Но правда и то, что больной шизофренией подчас демонстрирует превосходство в отдельных областях. Он настолько погружен в сферу запретных побуждений и познания на уровне первичных процессов, что иногда оказывается способен чрезвычайно проницательно истолковать сновидения других людей или обнаружить их скрытые побуждения, например гомосексуальные.

Рассматриваемая закономерность может проявляться и по-иному. Некоторые из тех, кто достиг наилучших результатов в психотерапии шизофрении, сами были ею больны. То и дело мы встречаем свидетельства того, что бывшие пациенты могут стать очень хорошими опекунами, способными понимать своих подопечных. Это тот же принцип, по которому работает движение "Анонимные алкоголики". Некоторые из моих друзей-психиатров стремятся теперь достичь понимания своих пациентов, вызывая у себя временные психозы с помощью ЛСД или мескалина. Один из путей улучшения коммуникации с человеком состоит в том, чтобы стать им.

Многому в этой области мы можем научиться также, обратившись к психопатическим личностям, особенно "очаровывающего" типа. Вкратце о последних можно сказать, что у них нет ни совести, ни чувства вины, ни стыда, ни любви к другим людям, ни торможения побуждений; они слабо контролируют себя и делают то, что хотят. Они часто становятся фальшивомонетчиками, мошенниками, проститутками, многоженцами и живут за счет своих проделок, а не упорного труда. Вследствие своих нравственных дефектов такие люди обычно неспособны понять в других угрызения совести, соболезнование, бескорыстную любовь, сочувствие, жалость, чувство вины, стыд или смущение. То, чем ты не являешься, ты не можешь воспринять или понять, это не может передаться тебе. А поскольку то, что ты есть, рано или поздно проявляет себя, психопат временами выглядит как холодное и устрашающее создание, хотя поначалу он казался восхитительно беззаботным, веселым и лишенным невротизма.

Мы снова встречаемся здесь с примером, когда болезнь, хотя и приводит к общему ограничению коммуникации, вместе с тем обеспечивает в отдельных областях повышенную проницательность и умелость. Психопат чрезвычайно чуток в обнаружении психопатического элемента в нас, как бы тщательно мы его ни скрывали. Он легко может пробудить и обыграть кроющегося в нас мошенника, фальшивомонетчика, вора, лжеца, обманщика. Он говорит: "Нельзя управлять честным человеком" — и выглядит очень уверенным в своей способности обнаружить любое "мошенничество в душе". (Конечно, из этого следует, что он может обнаружить отсутствие мошенничества. Это, в свою очередь, означает, что характер заметен в мимике и манере держаться, по меньшей мере, для сильно заинтересованного наблюдателя. Иными словами, он сообщает о себе тем, кто может понять его и идентифицироваться с ним.)

Мужское и женское начало.

Тесная связь внутриличностной и межличностной коммуникации особенно ясно заметна в отношениях между мужским и женским началами. Заметьте, что я не говорю "между полами", поскольку считаю, что отношения между полами в очень большой степени определяются отношением между мужским и женским началами внутри каждой личности, будь то мужчина или женщина.

Крайний пример, который я могу привести здесь, — это мужчина-параноик, часто испытывающий пассивные гомосексуальные стремления, попросту говоря, желающий, чтобы его изнасиловал сильный мужчина. Это побуждение совершенно неприемлемо для него, страшит его, и он стремится его подавить. Главный используемый им прием (проекция) помогает ему отрицать свое стремление, отделить его от себя и в то же время позволяет думать и говорить о нем, быть занятым очаровывающим его предметом. Но ведь другой мужчина хочет изнасиловать его, а вовсе не он хочет быть изнасилованным. Отсюда подозрительность таких пациентов, которая может выражаться весьма патетическим образом. Они, например, не терпят, чтобы кто-либо шел за ними следом, прислоняются спиной к стене и т. п.

Это не просто сумасшествие, как может показаться. Мужчины на протяжении истории считали женщин соблазнительницами, потому что они (мужчины) охотно соблазнялись женщинами. Мужчины, когда они любят женщину, стремятся быть мягкими и нежными, бескорыстными и добрыми. Но если им приходится жить в культуре, где такие черты рассматриваются как несвойственные мужчинам, то они сердятся на женщин за то, что те ослабляют (символически кастрируют) их. И тогда мужчины придумывают миф о Самсоне и Далиле, чтобы показать, как ужасны женщины. Они проецируют на женщин свою недоброжелательность. Они винят зеркало за то, что оно отражает.

Женщины, особенно "передовые" и образованные женщины в США, часто борются против глубоко заложенных в них тенденций к зависимости, пассивности и подчиненности (поскольку следование таким тенденциям означало бы для них бессознательный отказ от своего Я, от своей личности). Такая женщина легко видит в мужчинах порабитителей и насильников и соответствующим образом ведет себя по отношению к мужчинам, часто порабощая их.

По этим и другим причинам мужчины и женщины в большинстве культур и эпох не понимали друг друга и не были по-настоящему дружны. В контексте обсуждаемой темы можно сказать, что коммуникация между ними была и остается плохой. Обычно один пол господствовал над другим. Иногда женский мир резко отделяли от мужского, осуществляли полное разделение труда между полами, разделяли понятия о мужском и женском характерах так, чтобы они не пересекались. Это приводило к своему рода миру но не к дружбе и взаимопониманию. Что же могут предложить психологи для улучшения взаимопонимания между полами? Психологическое решение было сформулировано с особой четкостью школой Юнга и получило общую поддержку. Оно состоит в следующем: антагонизм между полами в большой степени является проекцией бессознательной борьбы, происходящей внутри личности, между ее мужскими и женскими компонентами (независимо от того, идет ли речь о мужчине или о женщине). Чтобы достичь мира между полами, установите мир внутри личности.

Мужчина, который борется внутри себя против всех качеств, которые он и его культура определяют как женские, будет бороться против тех же качеств и во внешнем мире, особенно если его культура, как это часто бывает, оценивает мужское начало выше женского. Идет ли речь об эмоциональности, или нелогичности, или зависимости, или любви к краскам, или нежности по отношению к детям — мужчина будет бояться этого в себе, бороться с этим и стараться обладать противоположными качествами. Он будет склонен к борьбе с "женскими" качествами и во внешнем мире, отвергая их, относя их исключительно к женщинам и т. п. Мужчины-гомосексуалисты, обращающиеся с просьбами и пристающие к другим мужчинам, очень часто оказываются грубо избиты ими. Скорее всего, это объясняется тем, что последние боятся быть соблазненными. Такой вывод определенно подкрепляется тем фактом, что избивание часто происходит после гомосексуального акта.

То, что мы видим здесь, — это крайняя дихотомизация, "или-или", подчиняющееся аристотелевой логике мышления того типа, который К. Гольдштейн, А. Адлер, А. Кожибский и другие считали столь опасным. Я как психолог высказал бы ту же мысль так: дихотомизация означает патологию; патология означает дихотомизацию. Мужчина, считающий, что можно быть либо мужчиной во всем, либо женщиной и ничем, кроме как женщиной, обречен на борьбу с самим собой и на вечное отчуждение от женщин. В той степени, в какой он узнает о фактах психологической "бисексуальности" и начинает понимать произвольность дефиниций, построенных по принципу "или-или", и болезненную природу процесса дихотомизации; в той степени, в какой он обнаруживает, что различающиеся сущности могут сливаться и объединяться в рамках единой структуры, вовсе не обязательно будучи антагонистами и исключая друг друга, — в этой степени он будет становиться более цельной личностью, принимающей в себе женское начало ("Аниму", как его называл К. Юнг) и наслаждающейся им. Если он сможет примириться с женским началом внутри себя, то сумеет сделать это и по отношению к женщинам во внешнем мире, станет лучше их понимать, будет менее противоречив в своем отношении к ним и, более того, станет восхищаться ими, понимая, насколько их женственность превосходит его собственный

гораздо более слабый вариант. Конечно же, легче общаться с другом, которого вы цените и понимаете, чем с таинственным врагом, внушающим страх и возбуждающим негодование. Если хочешь подружиться с какой-то сферой внешнего мира, хорошо бы подружиться с той ее частью, которая находится внутри тебя.

Я не хочу утверждать здесь, что один процесс обязательно предшествует другому. Они параллельны, и потому можно начать с другого конца: принятие чего-то во внешнем мире может помочь достичь принятия его же во внутреннем мире.

Познание посредством первичных и вторичных процессов

Отречение от внутреннего психического мира в пользу внешнего мира с его соответствующей здравому смыслу "реальностью" сильнее у тех, кто должен успешно действовать прежде всего во внешнем мире. Чем жестче среда, тем определеннее должен быть отказ от внутреннего мира, тем опаснее последний для "успешного" приспособления. Так, боязнь поэтических чувств, фантазии, мечтательности, эмоционального мышления сильнее у мужчин, чем у женщин; у взрослых, чем у детей; у инженеров, чем у художников.

Заметим также, что здесь мы встречаемся еще с одним примером глубокой западной (а, возможно, и общечеловеческой) тенденции к дихотомизации, к такому мышлению, когда из различающихся между собой утверждений необходимо выбрать либо одно, либо другое, причем второе отбрасывается, как будто нельзя воспользоваться обоими.

И опять мы видим здесь пример действия общего правила: если мы слепы и глухи к чему-то внутри себя, то мы слепы и глухи к этому и во внешнем мире, будь это склонность к игре, поэтическое чувство, эстетическая чувствительность, первичная креативность или еще что-либо в том же духе.

Этот пример особенно важен еще и по другой причине. Мне кажется, что с преодоления именно этой дихотомии лучше всего начать подведение педагогов к задаче преодоления всех дихотомий. Перестать мыслить дихотомически и начать мыслить интегративно — это может быть хорошим и практичным исходным пунктом обучения человечности.

Это один из аспектов набирающего силу мощного движения, противостоящего самоуверенному и изолированному рационализму, вербализму и сциентизму. Представители общей семантики, экзистенциалисты, феноменологи, фрейдисты, дзен-буддисты, мистики, гештальттерапевты, сторонники гуманистической психологии и концепции самоактуализации, юнгианцы, роджерсианцы, бергсонисты, представители "творческой педагогики" и многие другие — все они помогают указать пределы могущества языка, абстрактного мышления, ортодоксальной науки. Принято считать, что эти последние обеспечивают защиту от темных, опасных и злых глубин человеческой души. Ныне, однако, мы постепенно узнаем, что эти глубины — источники не только неврозов, но также здоровья, радости и творчества. И мы начинаем говорить о здоровом бессознательном, здоровой регрессии, здоровых инстинктах, здоровой иррациональности и здоровой интуиции. Мы начинаем также желать сохранить в себе эти качества.

Общий терапевтический ответ лежит, по-видимому, в направлении интеграции — направлении, противоположном расколу и подавлению. Конечно, все упомянутые мною движения могут легко сами становиться раскалывающей силой. Антирационализм, антиабстракционизм, антинаука, антиинтеллектуализм — все это расщепление. Интеллект же, правильно определяемый и понимаемый, — это одна из наших величайших, наиболее мощных интегрирующих сил.

Автономия и гомономия.

Другой парадокс, с которым мы встречаемся, пытаюсь понять отношения между внутренним и внешним, между Я и миром, касается очень сложных взаимосвязей между автономией и гомономией. Мы можем легко согласиться с А. Энгьялом (Angyal, 1941) в том, что существуют две главные ориентации человеческих потребностей — эгоистическая и альтруистическая. Направленность на автономию как таковую приводит нас к самодостаточности, к силовому противостоянию миру, ко все более полному развитию нашего внутреннего уникального Я по его собственным законам, согласно его внутренней динамике, автохтонным законам психики, а не среды. Эти законы отличны от законов непсихических миров внешней действительности, отделены от них и даже противоположны им. Стремление к самоидентичности, поиск своего Я (индивидуализация, самоактуализация) раскрыли нам работы психологов, занимающихся психологическим ростом и самоактуализацией, не говоря уже об экзистенциалистах и теологах многих школ.

Но мы знаем также о столь же сильной тенденции, казалось бы противоположной, к отказу от своего Я, к его погружению в не-Я, к отказу от своей воли, свободы, самодостаточности, самоуправления, автономии. В своих болезненных формах эта тенденция приводит к дикому

романтизму крови, почвы и инстинкта, к Мазохизму, к презрительному отношению к человеку, к поиску ценностей либо вообще вне человека, либо в его низшей животной природе (и то и другое основывается на презрении к человеку).

Мне уже приходилось проводить различие между высокой и низкой гомономией (*Maslow, 1962*). Здесь я хотел бы провести разграничение между высокой автономией и низкой автономией. Затем я хочу показать, как эти разграничения могут помочь нам понять изоморфизм между внутренним и внешним и заложить тем самым теоретическую основу улучшения коммуникации между личностью и миром.

Автономия и сила, обнаруживаемые в эмоционально устойчивых людях, отличаются от автономии и силы неустойчивых людей. Рассуждая в самом общем виде, но избегая большой неточности, мы можем сказать, что неустойчивые автономия и сила предполагают усиление личности в противовес миру, в соответствии с дихотомией "или-или", стороны которой не просто разделены, но взаимно исключают друг друга как враги. Мы можем назвать это эгоистичными автономией и силой. В мире, где можно быть либо молотом, либо наковальней, те, кто обладает такой автономией, — это молоты. Применительно к обезьянам, на которых я "первоначально изучал различные качества силы, это было названо автократическим или фашистским доминированием. Применительно к изучавшимся позже студентам колледжа это явление получило название "неустойчивое доминирование" (*Maslow, 1954*).

Совсем иначе обстояло дело при устойчивом доминировании. Здесь имели место привязанность к миру и другим людям, ответственность "старшего брата", чувство доверия к миру и идентификации с ним вместо антагонизма и страха. Превосходящая сила таких индивидов находила выражение в радости, любви и помощи другим.

Целый ряд оснований позволяет нам теперь разграничить психологически здоровую и нездоровую автономию и точно так же — психологически здоровую и нездоровую гомономию. Такое разграничение позволяет нам также увидеть, что автономия и гомономия взаимосвязаны, а отнюдь не противоречат друг другу. По мере роста личности в направлении здоровья и большей аутентичности высокая автономия и высокая гомономия растут и проявляются вместе, стремясь в конечном итоге слиться в некоем высшем единстве, охватывающем их обе. Дихотомия между автономией и гомономией, между эгоизмом и альтруизмом, между Я и не-Я, между чистой психикой и внешней действительностью при этом как бы исчезает и может рассматриваться как побочный продукт незрелости и неполного развития.

Это преодоление дихотомии можно считать обычным делом для самоактуализирующихся личностей. Но его можно также наблюдать у большинства остальных людей в наиболее острые моменты интеграции нашего Я и его слияния с миром. В высокой любви мужчины и женщины, родителя и ребенка человек достигает высшего уровня силы, достоинства и индивидуальности и одновременно сливается с другим человеком, теряет застенчивость и более или менее преодолевает свое Я и свой эгоизм. То же может происходить в момент творчества, при глубоких эстетических переживаниях, при переживании инсайта, при родах, в процессе танца, спортивного соревнования и в других случаях, которые я обобщил в понятии пикового переживания (*Maslow, 1962*). Во всех этих переживаниях становится невозможно резко разграничить Я и не-Я. Интегрируется личность, и то же происходит с ее миром. Человек чувствует себя хорошо, и мир выглядит хорошо. И так далее.

Замечу прежде всего, что я привожу здесь эмпирические утверждения, а вовсе не философские или теологические. Каждый может повторно прийти к тем же результатам. Я говорю только о человеческом опыте, а не о чем-либо сверхъестественном.

Во-вторых, я обращаю внимание на расхождение описываемых результатов с различными теологическими утверждениями, согласно которым выход за пределы Я означает его отвержение или потерю своего Я, своей индивидуальности. В пиковых переживаниях обычных людей, как и у самоактуализирующихся людей, это оказывается конечным результатом развития все большей автономии, достижения самоидентичности; это результат выхода за пределы своего Я, а не его уничтожения.

В-третьих, речь идет о преходящих переживаниях, а не постоянных. Если считать их уходом в иной мир, то за этим уходом всегда следует возвращение в мир обычный.

Полноценное функционирование, спонтанность, бытийное познание

Мы понемногу приобретаем научные знания о том, как более интегрированные личности осуществляют коммуникацию. Например, многие исследования К. Роджерса и его сотрудников показывают, что по мере улучшения состояния личности в ходе психотерапии она становится более интегрированной в разных аспектах, более "открытой опыту" (более эффективно воспринимающей) и более "полноценно функционирующей" (честнее выражающей себя). Это наш

главный массив экспериментальных данных, но в трудах многих клиницистов и теоретиков мы находим параллельные утверждения, подкрепляющие полученные общие выводы по всем пунктам.

Мои собственные предварительные изыскания (недостаточно точные, чтобы назвать их исследованиями в современном смысле) привели к тем же выводам с другой исходной позиции, то есть при прямом изучении относительно здоровой личности. Во-первых, подтверждается тезис об интегрированности как определяющем аспекте психологического здоровья. Во-вторых, подтверждается вывод о том, что психологически здоровые люди обладают большей непосредственностью и свободнее выражают Себя, что их поведение разворачивается легче, более целостно, более честно. В-третьих, находит подтверждение и тот вывод, что психологически здоровые люди лучше воспринимают (себя, других людей, вообще действительность), хотя, как я указывал, это превосходство проявляется не во всех случаях. В современном анекдоте психотик говорит: "2 плюс 2 равно 5", а невротик: "2 плюс 2 равно 4, но я не могу вынести это". Я мог бы к этому добавить, что человек, лишенный ценностей (новый вид заболевания), говорит: "2 плюс 2 равно 4. Ну и что?". А более здоровый человек скажет так: "2 плюс 2 равно 4. Как интересно!".

Можно подойти к проблеме иначе. Джозеф Боссом и я недавно опубликовали материалы эксперимента, в котором уверенные и неуверенные люди оценивали выражение лиц, изображенных на фотографиях, по шкале "тепло-холод". Обнаружилось, что уверенные люди проявляют тенденцию к оценке выражения лиц как более теплых, чем неуверенные (Bossom, Maslow, 1957). Остается, однако, открытым для будущего исследования вопрос о том, отражает ли этот результат проекцию доброты перципиента, его наивность или более эффективное восприятие. Требуется эксперимент, в котором воспринимаемые лица обладали бы известными уровнями теплоты или холодности. Тогда мы сможем спросить: правы ли уверенные испытуемые, приписывающие демонстрируемым лицам теплоту? Или они правы для теплых лиц и ошибаются в отношении холодных? Видят ли они то, что хотят видеть? Хотят ли они, чтобы им нравилось то, что они видят?

В заключение несколько слов о бытийном познании. Мне кажется, что это самый чистый и самый эффективный вид восприятия действительности (хотя такое утверждение нуждается в экспериментальной проверке). Восприятие является в этом случае более правильным и истинным благодаря большей отстраненности, объективности и меньшим искажениям под влиянием желаний, страхов и потребностей воспринимающего. Перед нами невмешивающееся, нетребовательное, в максимальной степени принимающее восприятие. В бытийном познании дихотомии проявляют тенденцию к слиянию, категоризация — к исчезновению, и объект видится как уникальный.

Самоактуализирующиеся люди более склонны к этому виду восприятия. Но я имел возможность получить данные о его наличии практически у всех опрошенных мною людей в наивысшие, самые счастливые, самые совершенные моменты их жизни (моменты пиковых переживаний). Тщательный опрос показывает, что по мере того, как перцепт (образ восприятия) становится более индивидуальным, более цельным и интегрированным, более богатым и способным радовать, воспринимающий субъект также приобретает живость, цельность, интегрированность, душевное богатство, становится (пусть временно) психологически более здоровым. Эти процессы происходят одновременно и могут "запускаться" с любой стороны. То есть, чем более целостным становится перцепт (мир личности), тем целостнее оказывается сама личность. И напротив, чем целостнее становится личность, тем более целостным оказывается ее мир. Это динамическая взаимосвязь, взаимная детерминация. Смысл сообщения, несомненно, зависит не только от его содержания, но и от того, в какой степени личность способна ответить на него. Более "высокий" смысл доступен только более "высокой" личности. Чем она выше, тем больше может увидеть.

Как сказал Р. У. Эмерсон, мы можем видеть только то, чем сами являемся. Но мы должны теперь добавить к этому, что, в свою очередь, то, что мы видим, способствует нашему превращению в то, чем оно является и чем являемся мы. Коммуникативная взаимосвязь личности и мира представляет собой динамическое взаимное формирование, возвышение и принижение друг друга — процесс, который можно назвать "взаимным изоморфизмом". Личности высокого уровня способны понять знания соответствующего уровня. Но вместе с тем повышение уровня среды способствует повышению уровня личности (так же как возможно его снижение под влиянием снижения уровня среды). Личность и среда делают друг друга похожими. Эти представления применимы и к отношениям между людьми, способствуя пониманию того, как люди помогают формированию друг друга.

12. Образование и пиковые переживания.

Если обратиться к какому-либо курсу или книге по психологии обучения, то в большинстве случаев окажется, что они не касаются сути дела — я имею в виду "гуманистическую" суть. В большинстве случаев обучение подают как приобретение ассоциаций, навыков и умений, внешних, а не внутренних по отношению к характеру, личности человека, по отношению к самому человеку. Подкрепления и условные рефлекссы приобретаются подобно монетам или ключам, и в некотором глубинном смысле их можно израсходовать. На самом деле неважно, есть ли у меня тот или иной условный рефлекс. Если при звуке зуммера у меня происходит слюноотделение, а затем рефлекс угасает, то, по сути, ничего со мной не происходит, я ничего не теряю. Можно сказать, что объемистые тома по психологии научения не производят никакого эффекта — по крайней мере, для человеческой души, человеческой сущности.

Гуманистическая психология создала новую концепцию обучения, преподавания, воспитания. Попросту говоря, это концепция утверждает, что функция и цель образования и воспитания — сущностная, человеческая, гуманистическая цель — это, в конечном счете, "самоактуализация" личности, достижение полной человечности, овладение наибольшей высотой, доступной для человеческого рода или для данного индивида. Проще говоря, речь идет о том, чтобы помочь человеку стать настолько хорошим, насколько он способен.

Такая цель предполагает очень серьезные изменения всего, чему мы учим в курсе психологии обучения. Предметом перестает быть ассоциативное научение. Вообще-то, ассоциативное научение очень полезно, чрезвычайно полезно для обучения вещам, не имеющим важных последствий, или для обучения средствам, методам, которые в конечном счете взаимозаменяемы. Многие из вещей, которым нам надо научиться, именно таковы. Если кому-то необходимо запомнить словарь неродного для него языка, он станет заучивать его. Здесь способны помочь законы ассоциации. Или, если кто-то хочет научиться всем автоматизированным навыкам вождения автомобиля, включая реагирование на красный свет и т. п., то формирование условных рефлексов оказывается кстати. Оно важно и полезно, особенно в технологическом обществе. Но в том, что касается превращения в более хорошего человека, саморазвития и самоосуществления, того, чтобы "стать полностью человеческим", — основной опыт обучения оказывается совсем иным.

В моей жизни такой опыт оказался гораздо более важным, чем занятия, слушание лекций, запоминание ответвлений 12 черепно-мозговых нервов, мест прикрепления мышц, рассечение человеческого мозга и прочего, чему учат в медицинских школах, что преподают в курсах биологии и других подобных курсах.

Намного более важным для меня оказался опыт отцовства. Наш первый ребенок изменил меня как психолога. Бихевиоризм, горячим приверженцем которого я был до того, оказался такой глупостью, которую я больше не мог выносить. Это стало просто невозможно. Появление второго ребенка и открытие, как глубоко могут различаться люди даже до рождения, сделали невозможным для меня мышление в духе психологии научения, исходящей из того, что кого угодно можно научить чему угодно. Или в духе теории Джона Уотсона: "Дайте мне двух младенцев, и я сделаю из одного это, а из другого — то". Можно подумать, что у него никогда не было детей. Мы слишком хорошо знаем, что родители не могут сделать из своих детей что угодно. Дети сами становятся чем-то. Часто лучшее, что мы можем делать, — это сопротивляться, когда ребенок давит слишком сильно...

Другим глубоким опытом обучения, который я ценю намного больше любого прослушанного мною курса или получения ученой степени, явился мой личный психоанализ — открытие моей собственной идентичности, моего Я. Еще одним базовым опытом — весьма важным — стала для меня женитьба. Здесь я научился гораздо более важным вещам, чем готовясь к получению степени доктора философии. Если задуматься о развитии различных аспектов мудрости, понимания, жизненных умений, которыми мы хотели бы обладать, то мысли будут направлены на то, что я называл бы внутренним образованием, внутренним обучением, то есть обучением тому, чтобы быть, во-первых, человеком и, во-вторых, именно таким человеком. Сейчас я занят тем, что пытаюсь охватить все явления, связанные с понятием внутреннего образования. Определенно я могу сказать одно: наше обычное образование выглядит немощным. Если начать думать в этом направлении, то есть о том, как стать хорошим человеком, а затем задать себе вопрос о предметах, изучаемых в средней школе, например: "Как курс тригонометрии помог мне стать лучше?" — то ответ прозвучит: "Никак, черт возьми!". В определенном смысле тригонометрия была для меня потерей времени. Мое раннее обучение музыке также было не очень успешным: оно научило ребенка с очень глубоким чувством музыки и большой любовью к фортепиано не учиться музыке. Моя учительница фортепиано в действительности научила меня тому, что от

музыки надо держаться подальше. И мне пришлось снова учиться музыке самостоятельно, будучи уже взрослым.

В том, что я говорю о целях, состоит революционное отрицание науки XIX столетия и современной профессиональной философии, которая по сути является технологией, а не философией целей. Таким образом, я отвергаю позитивизм, бихевиоризм и объективизм как теории человеческой природы. Я отвергаю всю модель науки, производную от той исторической случайности, что наука началась с изучения безличных, не касающихся человека вещей, не имеющих целей. Развитие физики, астрономии, механики и химии и в самом деле было невозможно, пока они не стали свободными от ценностей, нейтральными по отношению к ним, так что стала возможна чистая описательность. Большая ошибка, в которой мы теперь убеждаемся, в том, что эта модель, разработанная для изучения объектов и вещей, была использована для изучения человека. Это совершенно неподходящий метод. Он не работает.

Большая часть психологии построена по этой позитивистской, объективистской, ассоцианистской модели, свободной от ценностей и нейтральной по отношению к ним. Такая психология, разрастающаяся подобно коралловому рифу, накапливающая горы и горы фактиков о том и сем, не ложна, она попросту тривиальна. Чтобы не продешевить в отношении своей науки, я хотел бы указать здесь, что, по-моему, мы знаем довольно много важного о человеке. Вместе с тем, я считаю, что все это мы узнали главным образом с помощью нефизикалистских методов, методов гуманистической науки, которые теперь в большей мере нами осознаются.

Выступая на недавней церемонии открытия фестиваля в Линкольн-центре и рассматривая ситуацию в мире, Арчибальд Мак-Лейш, в частности, сказал: "Плохи не великие открытия науки: информация всегда лучше, чем невежество, независимо от того, что это за информация и что за невежество. Плоха вера, стоящая за информацией, вера в то, что информация изменит мир. Это не так. Информация без человеческого понимания подобна ответу без вопроса — она лишена смысла. А человеческое понимание возможно только через искусство. Именно искусство создает человеческую перспективу, в которой информация превращается в истину...". В определенном смысле я не согласен с А. Мак-Лейшем, хотя понимаю его. То, о чем он говорит, — это информация, не учитывающая новой революции, о которой шла речь, не учитывающая гуманистической психологии и, вообще, тех концепций науки, которые не только отвергают принцип свободы от ценностей и ценностной нейтральности, но считают своей обязанностью, долгом, необходимостью открытие ценностей — эмпирическое открытие, демонстрацию и доказательство существования ценностей, присущих самой человеческой природе. Работа в этом направлении сейчас активно ведется.

То, что сказал А. Мак-Лейш, было справедливо для двадцатых годов нашего столетия. Оно справедливо и сегодня, если не знать о новых направлениях психологии. "Человеческое понимание возможно только через искусство" — это было верно. К счастью, это уже не так. Теперь можно собирать информацию, которая способна внести вклад в человеческое понимание, информацию, в которую как бы встроены ценностные ориентиры, — информацию векторную, направленную, ведущую куда-то.

"Именно искусство создает человеческую перспективу, в которой информация превращается в истину", — сказал А. Мак-Лейш. Я не согласен с этим; по крайней мере, об этом можно спорить. У нас должны быть какие-то критерии, чтобы различать хорошее и плохое искусство. Насколько мне известно, в области художественной критики таких критериев пока нет. Но они начинают появляться, и один эмпирический ориентир в этом плане я могу дать. Вроде бы появляется шанс, что у нас будут какие-то объективные критерии, позволяющие отличить хорошее искусство от плохого.

С моей точки зрения, в области искусства налицо полная и всеобщая неразбериха с ценностями. В музыке, например, попробуйте доказать что-либо относительно достоинств Джона Кейджа или Элвиса Пресли по сравнению с Бетховеном. В живописи и архитектуре присутствует подобная же неразбериха. Здесь также нет общепризнанных ценностей. Я не читаю музыкальную критику: она для меня бесполезна. То же касается и художественной критики, от чтения которой я также отказался. Я часто нахожу бесполезными и рецензии на книги. В отношении стандартов здесь царит полный хаос и анархия. Например, недавно газета "Субботнее обозрение" ("Saturday review") опубликовала положительную рецензию на одну из отвратительных книг автор которой — профессор теологии Джин Дженет. Книга полна неразберихи. Автор доказывает, что Зло теперь стало Добром, причем этот парадокс обосновывается с помощью словесной игры: если зло доходит до предела, то оно каким-то образом становится добром. За этим следуют восторги по поводу прелестей педерастии и наркомании. Каково читать это несчастному психологу, тратящему столько времени на помощь людям, стремящимся избавиться от этих бед! Как может взрослый человек рекомендовать эту книгу в качестве пособия по этике и руководства для молодежи?

Когда А. Мак-Лейш говорит, что произведения искусства ведут к истине, он думает об определенных произведениях, отобранных им, Арчибальдом Мак-Лейшем, но, скажем, его сын может и не согласиться с ним. И тогда А. Мак-Лейш мало что сможет сказать в обоснование своего подхода. Здесь нет способа убедить кого-либо. Это может быть символом пути, в поворотной точке которого, я чувствую, мы находимся. Мы как бы сворачиваем за угол. Происходит нечто новое, что явно отличается от того, что было, — и это не отличия во вкусах или произвольно устанавливаемых ценностях. Сделаны эмпирические открытия. Обнаружены новые факты, и именно из них выводятся всевозможные предложения, касающиеся ценностей и воспитания.

Одно из открытий состоит в том, что человек обладает потребностями более высокого порядка, инстинктоподобными потребностями, являющимися частью его биологической организации — например, потребностью в оценке, в уважении, потребностью в свободе саморазвития. Открытие высших потребностей влечет за собой целый ряд революционных следствий.

Во-вторых, момент, о котором я уже упоминал применительно, в частности, к социальным наукам. Многие люди начинают понимать, что физикалистская, механистическая модель была ошибочна, и что она привела нас... куда? К атомным бомбам. К превосходной технологии убийства, как в концлагерях. К Эйхману. Эйхмана нельзя опровергнуть с помощью позитивистской философии или науки. И его действительно не удалось опровергнуть, пока он был жив. Он не знал, что такое плохо. Что касается его лично, он хорошо делал свою работу. И это в самом деле так, если забыть о целях и ценностях. Я обращаю внимание на то, что профессиональная наука и профессиональная философия стремятся забыть о ценностях, исключить их. Но это должно привести к эйхманам, к атомным бомбам, Бог знает к чему!

Я боюсь, что тенденция отделять хороший стиль или талант от содержания и целей может приводить к такого рода опасностям.

К великим открытиям З. Фрейда мы можем теперь кое-что добавить. Его большая ошибка, которую мы теперь исправляем, состояла в том, что он думал о бессознательном просто как о нежелательном зле. Но бессознательное содержит в себе также корни творчества, радости, счастья, доброты, человеческой этики и ценностей. Мы знаем, что существует здоровое бессознательное, так же как нездоровое. И новые направления психологии изучают его в полной мере. Экзистенциальные психиатры и психотерапевты вводят его в практику. Получают распространение новые виды психотерапии.

Итак, существует хорошее сознание и дурное сознание, хорошее бессознательное и дурное бессознательное. Далее, добро реально — в нефрейдистском смысле. З. Фрейд подвел его позитивизм. Вспомним, что он вышел из физикалистской, химикалистской науки, он был невролог; и дал печатную клятву развивать психологию, которую можно было бы полностью свести к физическим и химическим утверждениям. Вот чему он посвятил себя. Конечно, он сам опроверг эту свою точку зрения.

Что касается той высшей человеческой природы, на открытие которой мы претендуем, вопрос в том, как ее объяснить? Фрейдистское объяснение основано на сведении добра ко злу. Если я добр, это лишь реактивное образование против моего стремления убивать. Каким-то образом склонность к убийству оказывается здесь более фундаментальным качеством, чем доброта. А доброта — это способ скрыть и вытеснить это качество, защититься от осознания того факта, что на самом деле я убийца. Если я щедр, то это реактивное образование в противовес скупости, потому что в глубине, на самом деле, я скуп. Когда знакомишься с этими забавными рассуждениями, напрашивается вопрос, представляющийся ныне очевидным: почему не предположить, например, что убийство людей — это реактивное образование в противовес испытываемой к ним любви? Это столь же законный вывод, и, судя по фактам, для многих людей он ближе к истине.

Но вернемся к главной идее, к волнующему меня новому развитию в науке, новому моменту в истории. У меня очень сильное ощущение того, что я нахожусь в центре исторической волны. Что скажут историки о нашем времени через полтора столетия? Что было действительно важно? Что происходило? Что завершилось? Я полагаю, что многое из находившегося ранее в центре внимания действительно исчерпало себя, и что "растущая верхушка" человечества будет расцветать в течение ближайших ста или двухсот лет, если только нам удастся выжить. Историки будут говорить об этом как о повороте истории, когда, как указывал А. Н. Уайтхед, вы получаете новую модель, новую парадигму, новый способ восприятия, новые определения старых слов, приобретающих дополнительные смыслы. Внезапно к вам приходит озарение, инсайт, и вы становитесь способны видеть вещи иначе, чем прежде.

Одним из следствий поворота, о котором я говорю, является отказ — категорический, но обоснованный при этом эмпирически (а не религиозно, произвольно или априорно), от

фрейдистского представления о неизбежном, внутреннем, сущностном противоречии между потребностями индивида, с одной стороны, и нуждами общества и цивилизации, с другой. Мы теперь знаем кое-что о том, как создать условия, при которых потребности индивида будут не противостоять потребностям общества, а синергично согласовываться с ними, так что и те и другие будут работать на общие цели. Я подчеркиваю, что это эмпирическое утверждение.

Другое эмпирическое утверждение касается пиковых переживаний. Изучая их, мы задавали группам людей и индивидам вопросы такого рода: "Каков был момент наибольшего экстаза в вашей жизни?". Или, как спрашивал один из исследователей:

"Приходилось ли вам переживать трансцендентный экстаз?". Можно было предположить, применительно к общей популяции, что такие вопросы заставят всего лишь вытаращить глаза. Но было получено много ответов. Конечно, моменты трансцендентного экстаза носят сугубо личный характер, о них не говорят публично. Они вызывают смущение, стыд, они не "научны" (а это для многих людей — страшный грех).

Исследуя пиковые переживания, мы обнаружили очень много "спусковых крючков" — видов опыта, "запускающих" такие переживания. По всей видимости, большинство людей (или даже почти все люди) имеют пиковые переживания, испытывают экстаз. Чтобы узнать о них, можно задать вопрос о "наиболее радостном, самом счастливым, блаженном моменте всей вашей жизни". Можно задавать вопросы, подобные тем, какие задавал я: "Каковы были особенности вашего самочувствия в такой момент? Чем отличалось от обычного ваше видение мира? Что вы ощущали? Каковы были ваши побуждения? Как вы изменились (если это произошло)?" Я могу сообщить, что, как следует из статистики эмпирических отчетов, два наиболее легких пути достижения пиковых переживаний — это музыка и секс. Я оставляю в стороне сексуальное воспитание, поскольку обсуждение этого вопроса преждевременно. Но я уверен, что придет время, когда мы не будем хихикать по этому поводу, а отнесемся к вопросу серьезно и будем учить детей, что есть много путей к блаженству, таких, как музыка, любовь, инсайт, прекрасный луг, умный ребенок и т. д. Секс — один из этих путей, и музыка — один из них. Эти пути являются наиболее легкими, наиболее распространенными, и их легче всего познать.

Для нашей цели выявления и изучения пиковых переживаний было бы полезно составить список разновидностей вышеупомянутых "спусковых крючков". Но список получается настолько длинным, что оказываются необходимыми определенные обобщения. Похоже на то, что любой опыт встречи с подлинным совершенством, любое движение к высшей справедливости или высшим ценностям должно вести к пиковым переживаниям. В действительности это не всегда так, но все же именно такое обобщение я бы сделал в отношении многих вещей, о которых мы говорили. Напомню, я говорю здесь как ученый. Моя речь не похожа на научную, но это новый вид науки. Скоро будет опубликована диссертация, которая продемонстрирует, что эта гуманистическая наука привела, я бы сказал, к одному из немногих реальных улучшений в области беременности и родов со времен Адама и Евы. Это диссертация о пиковых переживаниях при естественных родах (Tanzer, 1967). В них действительно заключен мощный источник пиковых переживаний. Мы знаем, как поощрять такие переживания; мы знаем наилучший путь, позволяющий беременным испытывать мистические (если угодно — религиозные) переживания, просветление, откровение, инсайт. Так женщины сами говорят в интервью. Они говорят, что становятся другими людьми. Ряд пиковых переживаний приводит их к тому, что я называю "бытийным познанием".

Мы должны создать новый словарь для всех этих неразработанных проблем. "Бытийное познание" — это в действительности то познание, о котором говорили Платон и Сократ; я бы сказал, это почти что технология счастья, чистого совершенства, чистой истины, чистого добра и т. п. В самом деле, почему не создать технологию радости, счастья? Я должен добавить, что это единственный известный способ индуцирования пиковых переживаний у отцов. Когда моя жена и я впервые начинали такие исследования среди студентов колледжа, мы обнаружили, что только женщины говорят о пиковых переживаниях, связанных с появлением на свет детей, но не мужчины. Теперь, однако, у нас есть способ научить и мужчин испытывать пиковые переживания в связи с рождением ребенка. В некотором смысле речь идет о том, чтобы измениться, увидеть вещи иначе, начать жить в ином мире, по-иному познавать его и как бы двигаться к тому, чтобы в дальнейшем всегда жить счастливо. Имеющиеся данные говорят о различных путях к мистическим переживаниям. Они настолько многочисленны, что, по-видимому, лучше сейчас обойтись без их рассмотрения.

Я обнаружил, что о пиковых переживаниях сообщают в связи с впечатлениями от классической музыки. Мне не встретилось пиковых переживаний, вызванных Джоном Кейджем или фильмами Энди Уорхола, или абстрактно-экспрессионистской живописью, или еще чем-либо в этом роде. Пиковые переживания, рождающие большую радость, экстаз, видение другого мира или другого

уровня бытия приходят благодаря классической музыке — творениям великих классиков. Я должен отметить также, что музыка сливается здесь с танцами или ритмикой. В контексте данной области исследований между ними нет больших различий; они проникают друг в друга. Я могу добавить даже, что когда я говорил о музыке как пути к пиковым переживаниям, я включал в нее танцы. Для меня музыка и танец всегда слиты. Ритмический опыт, даже очень простой (будь то хорошее исполнение румбы или то, что дети проделывают с барабаном), — я не знаю, назовете ли вы это музыкой, танцем, ритмикой, физическими упражнениями или чем-либо еще. Но так или иначе, любовь к телу, его понимание, благоговение перед ним — это, несомненно, хорошие пути к пиковым переживаниям. Последние же в свою очередь выступают как хорошие пути (не гарантированные, но, как показывает статистика, обнадеживающие) к "бытийному познанию", к восприятию платоновых сущностей, внутренних ценностей, конечных ценностей бытия. А такое восприятие обладает своего рода терапевтическим эффектом, как в плане исцеления от недугов, так и в плане роста в направлении самоактуализации и полной человечности.

Другими словами, у пиковых переживаний часто бывают последствия. Они могут быть очень важны. В определенном смысле такие последствия может вызывать музыка, искусство. Они могут действовать подобно психотерапии, если человек стремится к определенным целям, знает свое нынешнее состояние и осознает направление своего движения. Мы явно можем говорить, с одной стороны, о разрушении симптомов по аналогии с разрушением шаблонов поведения, тревожности и т. п.; с другой стороны, о развитии спонтанности, смелости, олимпийского или божественного юмора, сенсорного и телесного осознания и т. д.

Далеко не последнее значение имеет то, что музыка, ритмика, танцы — это прекрасные пути движения к выявлению своей идентичности. Мы построены таким образом, что этот вид "спускового крючка", этот вид стимуляции оказывает существенное влияние на нашу автономную нервную систему, железы внутренней секреции, на наши чувства и эмоции. Наши знания в области физиологии недостаточны для понимания того, почему это происходит. Но это происходит, и переживания, о которых идет речь, носят безошибочный характер. В этом они подобны боли, также представляющей собой безошибочное переживание. Для людей с вакуумом переживаний (которые составляют трагически большую долю населения), людей, не знающих, что происходит внутри них, и живущих по часам, расписаниям, правилам, законам, советам соседей, — короче говоря, для людей, управляемых другими, — музыка, ритмика и танцы представляют собой путь открытия своего Я. При этом возникают сигналы изнутри, голоса, вопиющие: "Черт побери, это хорошо! Никогда не сомневайся в этом!". Таков путь, точнее, один из путей, которым мы пытаемся учить самоактуализации и открытию своего Я. Открытие идентичности приходит через голоса внутренних побуждений, через способность слушать их, через реакцию на них и вообще через все, что происходит внутри нас. Одновременно в этом можно увидеть опытный тип образования, который (если бы мы нашли время рассказать о нем) мог бы привести к созданию параллельных образовательных учреждений, к школе другого типа.

Математика может быть столь же прекрасна, в такой же мере вызывать пиковые переживания, как и музыка; но, конечно, есть учителя математики, посвятившие себя тому, чтобы не допустить этого. Я никак не воспринимал математику с эстетической стороны, пока не прочел в возрасте тридцати лет несколько книг на эту тему. Пиковые переживания могут вызывать и история, и антропология (если понимать под ней обучение иным культурам), и социальная антропология, и палеонтология, и науковедение. Здесь я опять хочу обратиться к данным. Работая с людьми, отмеченными большими творческими достижениями, с крупными творческими учеными, обнаруживаешь, что они говорят на языке пиковых переживаний. Образ ученого должен измениться, он уступает место образу творческого ученого, живущего пиковыми переживаниями. Он живет ради тех славных моментов, когда проблема оказывается решенной, когда внезапно он начинает видеть в микроскоп вещи совершенно иначе, чем раньше. Это моменты откровения, озарения, инсайта, понимания, экстаза. Они жизненно необходимы ученому. Ученые очень смущаются и стесняются говорить на эту тему, отказываются обсуждать ее публично. Необходима очень деликатная "акушерская" работа, чтобы извлечь наружу эти вещи, но я извлек их. Они существуют, и если вам удастся убедить творческого ученого, что над ним не будут смеяться по этому поводу, то он стыдливо признается в том, какие высокие эмоции испытывал, например, в момент, когда критическая корреляция оказалась верной. Но вообще-то об этом не говорят, и, с точки зрения обычного учебника по методологии научных исследований, все это — сущий вздор.

Моя точка зрения иная. Если мы в достаточной степени осознаем то, что мы делаем, если мы достаточно философичны и склонны к прозрениям, то мы сможем использовать опыт, который легче всего ведет к экстазу, к откровению, к просветлению, блаженству и восторгу. Мы сможем использовать этот опыт как модель для обучения, например, истории или любой другой области человеческой деятельности.

Наконец, впечатление, которое я хотел бы положить в основу дальнейших разработок (и полагаю, что здесь кроется проблема для любого, интересующегося художественным воспитанием), состоит в том, что эффективное образование в таких областях, как музыка, изобразительное искусство, танцы и ритмика, по своей сущности гораздо ближе, чем обычная "базовая учебная программа", к "внутреннему образованию" рассматриваемого здесь типа, предполагающему в качестве своей существенной части обучение каждого собственной идентичности. Если образование не делает этого, оно бесполезно. Образование должно учить тому, как расти и в каком направлении, что хорошо и что плохо, что желательно и что нежелательно, что выбирать и чего не выбирать. Применительно к этой области внутреннего обучения, внутреннего преподавания и внутреннего образования я полагаю, что искусства, особенно упомянутые мною выше, так близки нашей психологической и биологической сущности, нашей идентичности, что, вместо того, чтобы относиться к соответствующим курсам как к украшению или роскоши, мы должны сделать их основой образования. Я имею в виду, что в таком образовании могут содержаться проблески бесконечного, высших ценностей. Сердцевиной такого внутреннего образования вполне может быть обучение изобразительному искусству, музыке и танцам. (Для детей я бы поставил на первое место танцы. В форме простой ритмики они наиболее доступны детям двух, трех или четырех лет). Опыт такого обучения вполне мог бы служить в качестве модели, с помощью которой мы могли бы попытаться спасти остальную часть школьной программы от угнетающих ее бесцельности и бессмысленности, порожденных "свободой от ценностей" или "ценностной нейтральностью".

13. Цели и результаты гуманистического образования.

Перед своей смертью Олдос Хаксли был на пороге большого прорыва, создания великого синтеза науки, религии и искусства. Многие из этих идей отражены в его последнем романе "Остров" (*Huxley*, 1962). Хотя этот роман как произведение искусства не очень значителен, он весьма интересен для понимания того, чем способен стать человек. Наиболее революционные идеи романа касаются образования: образовательная система в утопии О. Хаксли руководствуется совершенно иными целями, чем та, что существует в нашем обществе.

В образовании сегодня явно видны два в корне отличающихся подхода к обучению. Сторонники одного из них — это подавляющее большинство учителей, директоров школ, авторов программ, чиновников, ведающих школами. Они работают для того, чтобы передать детям знания, необходимые для жизни в индустриальном обществе. Не отличаясь особым воображением или творческими способностями, они не склонны задавать себе вопрос, почему они учат тому, чему учат. Их главная забота — об эффективности, то есть о том, чтобы вложить как можно больше фактов в головы как можно большего количества детей, израсходовав на это минимум времени, денег и усилий. Сторонники другого подхода — гуманистически ориентированное меньшинство педагогов, ставящих своей целью самоактуализацию и самотрансценденцию своих учеников.

Неявная цель занятий в классе часто состоит в том, чтобы доставить удовольствие учителю. Дети в обычной школе очень быстро усваивают, что творчество наказывается, в то время как повторение вы зубренного ответа вознаграждается, и сосредотачиваются на словах, которых ждет от них учитель, а не на понимании проблемы. Поскольку школьное обучение сосредотачивается на поведении, а не на мышлении, ребенок учится тому, как себя вести, держа свои мысли при себе.

Мышление часто мешает внешнему научению. Эффекты пропаганды, внушения и оперантного обусловливания исчезают при инсайте. Возьмем, например, рекламу. Самое простое средство здесь — узнать правду. В рекламе могут быть использованы подпороговые воздействия и тому подобное, но, в конечном счете, если знать, что зубная паста определенной марки обладает дурным запахом, — то ни одна реклама не заставит Вас ее купить. Вот еще пример разрушающего влияния правды на внешнее научение. Студенты-психологи подшутили над своим профессором, сформировав у него условный рефлекс, когда он читал им лекцию об условных рефлексах¹⁷. Профессор, не осознавая этого, стал все чаще кивать и к концу лекции кивал непрерывно. Однако как только студенты сообщили профессору, что происходит, он перестал кивать и, конечно, после этого уже никакие улыбки студентов не могли заставить его кивать снова. Правда заставила научение исчезнуть. Обобщая это наблюдение, мы должны задуматься над тем, как много научения в действительности поддерживается невежеством и может быть разрушено инсайтом.

¹⁷ Как можно понять, студенты подкрепляли своими улыбками случайные кивки профессора. — Ред.

У студентов, конечно, формируется мощная установка на внешнее научение, и они реагируют на оценки и экзамены, как азартные игроки — на выигрываемые фишки. В одном из лучших университетов страны юноша, сидя в парке, читал книгу. Его приятель, проходя мимо, спросил: зачем он читает эту книгу, ведь ее нет в списке рекомендованных. Получается, что единственным основанием для чтения книги может быть внешнее вознаграждение. В университетской среде, живущей как бы по законам игры в покер, такой вопрос был логичен.

Различие между внутренней и внешней сторонами учебы в колледже иллюстрирует история, случившаяся с Эптоном Синклером. В молодости он был слишком беден, чтобы оплатить обучение в колледже. Тщательно изучив каталог колледжа, он обнаружил, что если студент не справляется с курсом, то не получает зачета и должен вместо проваленного изучить другой курс. При этом колледж не брал со студента платы за второй курс, считая, что тот уже уплатил за один зачет. Э. Синклер воспользовался этой практикой и бесплатно получил образование, намеренно завалив все зачеты.

Во фразе "получить степень" сосредоточены пороки внешне ориентированного образования. Студент автоматически получает степень, проведя в университете определенное число часов, что засвидетельствовано зачетами. Всем знаниям, которым обучают в университете, приписывается некоторая стоимость в зачетных баллах, причем почти или вообще не делается различия между изучаемыми предметами. Так, например, работа на протяжении семестра баскетбольным тренером приносит студенту столько же зачетных баллов, что и семестр французской филологии. Поскольку реальную ценность видят только в получаемой степени, уход со старшего курса колледжа до его окончания воспринимается обществом как потеря времени, а родителями — как маленькая трагедия. Все мы слышали о матери, оплакивающей глупость своей дочери, которая, выйдя замуж, ушла со старшего курса: дескать, она напрасно училась. При этом о ценности знаний, приобретенных за три года учебы в университете, полностью забывают.

В идеальном колледже не было бы ни зачетов, ни степеней, ни обязательных курсов. Человек изучал бы то, что он хочет изучить. Мы с другом попытались воплотить этот идеал в жизнь, начав в Брэндейском университете серию семинаров под названием "Семинары первокурсника — введение в интеллектуальную жизнь". Было объявлено, что курс не предусматривает ни списка литературы, которая должна быть прочитана, ни обязательных письменных работ, что он не дает зачетных баллов и что будут обсуждаться темы по выбору самих студентов. Мы указали также, кто мы такие — профессор психологии и практикующий психиатр, рассчитывая, что описание семинара и наших собственных интересов даст студентам понять, кому стоит прийти, а кому — нет. Те, кто пришли на семинар, сделали это по своей воле и по меньшей мере частично взяли на себя ответственность за его успех или неудачу. В традиционном образовании дело обстоит противоположным образом: так или иначе людей принуждают к нему.

В идеальном колледже внутреннее образование было бы доступно каждому, кто заинтересован в нем, — поскольку каждый может учиться и совершенствоваться. В числе обучаемых могли бы быть интеллектуальные, креативные дети, наравне со взрослыми; умственно отсталые — наравне с гениями (ведь даже умственно отсталые способны к эмоциональному и духовному развитию). Этот колледж был бы "вездесущим" в том смысле, что не ограничивался бы определенным помещением и временем занятий; учителем мог бы быть всякий, у кого есть нечто, чем он хотел бы поделиться с другими. Учеба в колледже продолжалась бы всю жизнь, ибо учиться никогда не поздно. Даже умирание может быть философски просветляющим, в высшей степени поучительным опытом.

Идеальный колледж был бы неким образовательным пристанищем, где вы могли бы попытаться найти себя, узнать, что вам нравится и чего вы хотите, к чему вы пригодны, а к чему — нет. Слушатели изучали бы разные предметы, посещали разные семинары, не будучи вполне уверены в том, куда они движутся, но двигаясь при этом к открытию своего призвания; открыв его, они смогли бы лучше воспользоваться технологическим образованием. Иными словами, главные цели идеального колледжа состояли бы в открытии идентичности и, на этой основе, открытии призвания.

Что мы понимаем под открытием идентичности? Обнаружение ваших истинных желаний и характеристик, а также способность жить так, чтобы они находили свое выражение. Вы учитесь быть аутентичным, быть честным в том смысле, чтобы ваше поведение и ваша речь правдиво и непосредственно выражали ваши внутренние чувства. Большинство из нас научилось избегать аутентичности: вы можете быть вне себя от гнева, но звонит телефон — вы снимаете трубку и сладким голосом говорите "Алло". Аутентичность — это приведение фальши к нулевому уровню.

Есть много методик обучения аутентичности. В тренинговой группе целенаправленные усилия ведут к пониманию вами, кто вы есть в действительности, как вы на самом деле реагируете на

других людей. Это достигается благодаря тому, что каждому предоставляется возможность быть честным, рассказать, что происходит внутри него, вместо того, чтобы ограничиться демонстрацией фасада и вежливыми отговорками.

Люди, которых мы называем душевно здоровыми, сильными и уверенными, способны, по-видимому, яснее, чем большинство, слышать голос своих внутренних чувств. Они знают, чего хотят, и столь же хорошо знают, чего не хотят. Их внутренние предпочтения говорят им, что один цвет не идет к другому, что им не подходит шерстяная одежда, потому что она вызывает у них зуд, и что им претят поверхностные сексуальные отношения. В противоположность им, многие люди кажутся "пустыми" в том смысле, что они лишены контакта с их собственными внутренними сигналами. Они едят, отправляют естественные нужды и ложатся спать по часам, а не по сигналам своего тела. Они используют внешние критерии для всего, что они выбирают, начиная с еды ("это вам полезно") и одежды ("это модно") до вопросов ценностей и этики ("мой папа велел мне это").

Мы сильно мешаем нашим маленьким детям слышать их внутренние голоса. Ребенок может сказать: "Я не хочу молока", а мать отвечает: "Ну, ты знаешь, что ты хочешь немного молока". Или он может сказать: "Мне не нравится шпинат", а мать говорит ему: "Мы любим шпинат". Важная часть знания себя — это способность ясно слышать поступающие изнутри сигналы, так что мать отнюдь не помогает своему ребенку, когда мешает ему ясно воспринимать их. А ведь ей ничуть не труднее было бы сказать: "Я знаю, что тебе не нравится шпинат, но все-таки тебе надо его съесть потому-то и потому-то".

Эстетически развитые люди, по-видимому, обладают более четкими, чем большинство, внутренними голосами в том, что касается цветов, внешних пропорций предметов, гармоничности образов и т. п. Люди с высоким коэффициентом интеллекта подобным же образом обладают, по-видимому, сильным внутренним голосом, когда речь идет о восприятии истины: они видят, что одно соотношение правильно, а другое — нет, точно так же, как эстетически одаренные люди видят, что этот галстук подходит к этому жакету, но никак не к тому. К настоящему времени выполнено множество исследований, посвященных соотношению между творчеством и коэффициентом интеллекта у детей. Творческие дети — это, по-видимому, те, у кого есть сильный внутренний голос, говорящий, что правильно, а что ошибочно. Что касается нетворческих детей с высоким коэффициентом интеллекта, то похоже, что они утратили свой внутренний голос и оказались "прирученными", ожидая инструктажа или стимулирования от родителей или учителя.

Психологически здоровые люди, по-видимому, обладают внутренними голосами, громко звучащими в вопросах этики и ценностей. Самоактуализирующиеся люди значительно выходят за границы ценностей их культуры. Они не столько "просто американцы", сколько граждане мира, прежде всего представители человеческого рода. Они способны объективно относиться к обществу, к которому принадлежат, одобряя одни его стороны и не одобряя другие. Если конечная цель образования — это самоактуализация, то образование должно помочь людям выйти за пределы своей культуры и стать гражданами мира. Здесь встает вопрос о методах преодоления культурных ограничений. Как пробудить в маленьком ребенке братские чувства по отношению ко всему человечеству, чтобы, став взрослым, он ненавидел войну и делал все, что в его силах, чтобы избежать ее? Церкви и воскресные школы всячески уклоняются от решения этой задачи, предпочитая предлагать детям разукрашенные сказки на библейские темы.

Другая цель, которую должны были бы преследовать наши школы и учителя, состоит в открытии призвания, судьбы каждого. Открытие того, что вы хотите сделать с вашей жизнью — часть понимания того, кто вы такой, часть способности слышать свой внутренний голос. Обретение своей идентичности почти тождественно выявлению своего призвания, того алтаря, на который человек возложит себя. Нахождение дела своей жизни в чем-то подобно выбору супруга. У молодых людей вошло в привычку, прежде чем вступить в брак, "проиграть" его, иметь множество контактов с людьми, одно-два любовных приключения и, возможно, серьезный пробный брак. Все больше узнавая о себе, все полнее осознавая свои потребности и стремления, молодые люди оказываются способны найти и узнать друг друга. Нечто похожее происходит, когда вы находите свою область деятельности, дело своей жизни. Вы внезапно обнаруживаете, что двадцати четырех часов в сутках мало, и начинаете оплакивать быстротечность человеческой жизни. В наших школах, однако, многие профконсультанты не имеют представления о важнейших целях человеческого существования или хотя бы о том, что необходимо для счастья. Все, что учитывает такой консультант, — это потребность общества в авиационных инженерах или зубных врачах. Никто даже не упоминает, что если вы несчастливы в своей работе, то тем самым утратили одно из важнейших средств самоосуществления.

Подытоживая сказанное, можно заметить, что школам следовало бы помогать детям заглядывать внутрь себя и из познания себя выводить набор ценностей. Однако в наших школах сегодня не учат ценностям. Возможно, это пережиток эпохи религиозных войн, когда церковь и

государство отделились друг от друга, и правители решили, что обсуждение ценностей — забота церкви, в то время как у светских школ иные проблемы. Может быть, следует радоваться тому, что наши школы, которым удручающим образом недостает подлинной философии и правильно подготовленных учителей, не учат ценностям, по той же причине, по которой хорошо, что в них не занимают половым воспитанием.

Одним из многих педагогических следствий гуманистической философии образования является новое представление о личности (self). Это очень сложное представление, которое трудно описать коротко, поскольку оно впервые за многие столетия говорит о сущности, о внутренней природе, о качествах, изначально присущих человеческому роду. Такой подход резко противостоит европейскому экзистенциализму, особенно Ж. П. Сартру, для которого человек — это полностью его собственный проект, полностью и всецело продукт его собственной, независимой воли. Для Сартра и всех тех, на кого он оказал влияние, собственная личность становится произвольным выбором, произвольным решением, чем быть или что делать без каких-либо руководящих установок, что лучше и что хуже, что хорошо и что плохо. По существу отрицая биологический фактор, Ж. П. Сартр полностью отказался от какой-либо абсолютной или хотя бы распространяющейся на человеческий род концепции ценностей. Это очень походит на создание жизненной философии обсессивно-компульсивного невроза, в котором мы находим то, что я назвал "пустым переживанием", — отсутствие побуждающих внутренних голосов.

Представители гуманистической психологии и экзистенциальной психиатрии в Америке гораздо ближе к приверженцам психодинамики, чем к Сартру. Клинический опыт привел американских психологов и психиатров к пониманию человека как обладающего сущностью, биологической природой, определяемой принадлежностью к человеческому роду, к биологическому виду "человек". Очень легко интерпретировать "вскрывающую" терапию как помогающую человеку открыть свою идентичность, свое реальное Я, одним словом, свою собственную субъективную биологию, чтобы затем попытаться актуализировать ее, "сделать себя", осуществить выбор.

Трудность состоит в том, что человек — это единственный биологический вид, которому оказывается трудно быть таковым. Для кошки, по-видимому, нет проблемы в том, чтобы быть кошкой. У кошек, по-видимому, нет в этом отношении комплексов, противоречий или конфликтов, и они не обнаруживают признаков стремления стать собаками. Кошачьи инстинкты очень ясны. Но у нас нет таких непротиворечивых животных инстинктов. Наша биологическая сущность, остатки наших инстинктов слабы и неуловимы, и их трудно разглядеть. Научение внешнего типа намного мощнее наших глубочайших внутренних побуждений. Там, где инстинкты почти полностью утрачены, где они чрезвычайно слабы, нежны и деликатны, где вам приходится откапывать их (интроспективная биология, биологическая феноменология) один из необходимых методов поиска идентичности, своего Я, спонтанности и естественности заключается в том, чтобы закрыть глаза, убрать шум, отвести все мысли и все дела, расслабиться в даосистской созерцательной манере (во многом подобно тому, как это вы делаете на кушетке психоаналитика). Метод здесь состоит просто в том, чтобы ждать — и слышать, что случайно приходит на ум. Это то, что З. Фрейд называл свободными ассоциациями, свободно плавающим вниманием в отличие от ориентации на задачу. Если вы достигаете успеха в этом усилии, то забываете о внешнем мире и его шумах и начинаете слышать те слабые, тонкие голоса изнутри, сигналы, что исходят из вашей биологической природы — не только из того, что является общим для человеческого рода, но также и из вашей собственной уникальности.

Здесь, однако, имеет место очень интересный парадокс. С одной стороны, я говорил об открытии вашей идиосинкразии, неповторимости, того, что отличает вас от любого другого человека в мире, а с другой стороны, и об открытии вашей человеческой природы, принадлежности к человеческому роду. Как выразил это Карл Роджерс: "Каким образом получается, что чем глубже мы проникаем в свою особенность и уникальность в поисках своей индивидуальной идентичности, тем больше мы приобщаемся ко всему человеческому роду?". Не напоминает ли это вам Ральфа Уолда Эмерсона и трансценденталистов Новой Англии? Открытие вашей принадлежности к человеческому роду на достаточно глубоком уровне сливается с открытием вашего Я. Становление (обучение тому, как быть) полностью человеческим означает одновременное достижение обеих целей. Вы узнаете (посредством субъективного опыта), что вы собой представляете, в чем ваше своеобразие, каким образом вы являетесь тем, чем являетесь, каковы ваши потенции, стиль, темп, ваши вкусы, ценности, в каком направлении изменяется ваше Тело, в чем ваша личная биология ограничивает вас, — одним словом, чем вы отличаетесь от других. И в то же время это означает обучение тому, что значит быть человеком, подобным другим людям, то есть тому, в чем вы сходны с другими.

Одной из целей образования должно быть обучение тому, что жизнь представляет ценность. Если бы в жизни не было радостей, не стоило бы жить. К сожалению, многие люди никогда не

испытывают радости, тех редких моментов полной удовлетворенности жизнью, которые мы называем пиковыми переживаниями. Э. Фромм в книге "Здоровое общество" (Fromm, 1955) говорил о людях, желающих жизни и часто испытывающих радость, и людях, желающих смерти, которые, похоже, никогда не испытывают радости и очень слабо держатся за жизнь. Представители этого типа затевают разнообразные рискованные игры со своей жизнью, как бы надеясь, что случай избавит их от хлопот по совершению самоубийства. В невыносимых условиях, например в концлагерях, люди, ценившие каждый момент жизни, боролись, чтобы выжить, в то время как другие позволяли себе умереть без сопротивления. Благодаря таким организациям, как "Синанон", мы узнаем, что наркоманы (т. е. люди, совершающие частичное самоубийство) легко отказываются от наркотиков, если вы предлагаете им взамен какой-то смысл жизни. Психологи характеризуют алкоголиков как людей, существующих с помощью свойствами которых являются подавленность и усталость от жизни, а их существование — как бесконечную плоскую равнину без подъемов и впадин. Колин Уилсон в книге "Введение в новый экзистенциализм" (Wilson, 1967) указывает, что жизнь должна иметь смысл, должна быть наполнена моментами высокой интенсивности, дающими ей оправдание и придающими ценность. В противном случае приобретает смысл желание умереть, ибо кому захочется продлевать нескончаемую боль или нескончаемую скуку?

Мы знаем, что дети способны на пиковые переживания, и таковые часто имеют место в детские годы. Однако существующая школьная система — чрезвычайно эффективный инструмент, позволяющий разрушать пиковые переживания и не допускать их возникновения. Естественно ведущий себя учитель, который уважает детей и не боится, когда они радуются, — редкий гость в школе. Конечно, при традиционной модели, когда в классе находится 35 детей, а программа должна быть пройдена за установленный период времени, учительница вынуждена больше внимания уделять порядку и отсутствию шума, чем приобретению детьми опыта радостных переживаний. Но тогда получается, что наша официальная философия образования, исповедуемая в учительских колледжах, неявно предполагает, что детям опасно испытывать удовольствие. Между тем, даже трудные задачи обучения чтению, вычитанию, умножению — умениям, необходимым в индустриальном обществе, — могут решаться так, чтобы приносить радость.

Что могут делать педагоги, дабы противодействовать желанию смерти в детских садах, укреплять волю к жизни в первых классах? Вероятно, самое важное, что они могут сделать, — это дать ребенку ощущение достижения. Дети получают большое удовлетворение, помогая в чем-то тому, кто моложе или слабее их. Избегая регламентации поведения детей, можно поощрять их творчество. Учитывая, что дети подражают установкам учителя, можно побуждать его стать более радостным и самоактуализирующимся. Бывает, что родители передают детям свои искаженные образцы поведения, но если образцы, предлагаемые учителем, окажутся здоровее и сильнее, дети станут подражать им.

Прежде всего отмечу, что в противовес нынешней модели учителя вещающего, формирующего, подкрепляющего и командующего, даосистский учитель больше воспринимает, чем воздействует. Мне рассказывали, как происходит обучение в мире бокса. Парень, чувствующий себя уверенно и желающий стать боксером-профессионалом, идет в спортивный зал, выбирает тренера и говорит: "Я хочу стать профессионалом, хочу быть в твоей команде. Научи меня". Хороший тренер поручает одному из своих профессионалов: "Возьми парня на ринг посмотри, что он может. Пусть покажет лучшее, на что способен". Если окажется, что новичок подает надежды, что он "прирожденный боксер", то тренер берет парня к себе, принимает его стиль как данность и строит остальное на этой основе. Если боксера, скажем, зовут Джо Доукс, он становится лучшим Джо Доуксом. Тренер не начинает работу со слов: "Забудь все, чему ты научился и делай это по-новому" (что означало бы: "Забудь, какое у тебя тело" или "Забудь, что у тебя хорошо получалось"). Тренер, приняв новичка, на фундаменте его собственных талантов выстраивает из него лучшего боксера "типа Джо Доукса", каким он только может стать.

Я убежден, что таким образом могло бы функционировать многое в сфере образования. Если мы хотим быть помощниками, консультантами, учителями, руководителями или психотерапевтами, необходимо принимать человека таким, каков он есть, помогая ему узнавать, каким человеком он уже является. Какими потенциями он обладает, каким "сырьем", каков его стиль, способности, к чему он пригоден, к чему — нет, что можно "надстроить" над тем, что у него есть. Нам следует не подавлять ребенка, а создавать вокруг него атмосферу принятия, что приведет к уменьшению страха, тревожности и защитных реакций до возможного минимума. Прежде всего следовало бы заботиться о ребенке, а это значит — испытывать удовольствие от него, его роста и самоактуализации (Moustakas, 1966). Это во многом походит на "безусловное положительное отношение" к клиенту, конгруэнтность, открытость и заботливость, свойственные психотерапевту,

действующему по принципам К. Роджерса. И есть свидетельства того, что такой подход "раскрывает" ребенка, позволяет ему выражать себя и действовать, экспериментировать и даже делать ошибки — и при этом Проявлять себя. Имеющая место при этом адекватная обратная связь (подобная действующей в тренинговых группах, или в "группах встречи", или в недирективном консультировании) помогает ребенку открыть, кто он и что он. Мы должны научиться ценить "вершины", достигаемые каждым школьником, испытываемое им Очарование, погружение в любимое занятие, его постоянно удивленные широко раскрытые глаза, его дионисийский энтузиазм. Мы способны, по меньшей мере, оценить более привычные формы его увлечений, его интересы, хобби и т. п. Они могут вести ко Многому, прежде всего — к тяжелой работе, упорной, захватывающей, плодотворной, поучительной.

И вместе с тем мне представляется возможным думать о пиковых переживаниях, о переживаниях благоговения, тайны, изумления или же полного совершенства как о цели обучения и вознаграждении за него, его конце — так же как начале. Если это справедливо для великих историков, математиков, естествоиспытателей, музыкантов и т. д., почему нам не попытаться найти здесь источники пиковых переживаний и у ребенка?

Я должен заметить, что имеющийся у меня некоторый объем знаний и опыта в поддержку высказанных предположений опирается на познание интеллектуальных и творческих детей, а не отсталых, лишенных заботы или больных. Однако в то же время опыт, приобретенный с отнюдь не внушавшими надежд взрослыми, в том числе в "Синаноне", в тренинговых группах (Sohl, 1961), в индустрии (Maslow, 1965), в образовательных центрах типа Эсаленского института, в работе с психоделическими препаратами по образцу С. Грофа (Grof, 1970), не говоря уже о работе с психотиками в духе Р. Лэйнга (Laing, 1960), — этот опыт научил меня никогда не ставить заранее крест ни на ком.

Другая важная цель внутреннего образования состоит в том, чтобы увидеть, что базовые психологические потребности ребенка удовлетворены. Ребенок не может достичь самоактуализации, пока не удовлетворены все его потребности в безопасности, социальной принадлежности, достоинстве, любви, уважении и оценке. Ребенок свободен от тревожности, когда чувствует себя достойным любви и знает, что принадлежит миру, что кто-то уважает его и хочет иметь с ним дело. Большинство наркоманов, приходящих в "Синанон", были ранее лишены удовлетворения почти всех своих потребностей. "Синанон" создает атмосферу, где с ними обращаются, как если бы им было по четыре года, постепенно позволяя затем психологически расти в атмосфере, дающей возможность удовлетворить одну за другой их фундаментальные потребности.

Еще одна цель образования — освежить сознание, с тем, чтобы мы постоянно осознавали красоту и удивительность жизни. Слишком часто в нашей культуре мы оказываемся лишенными чувствительности, так что никогда по-настоящему не видим вещей, на которые смотрим, и не слышим вещей, которые слушаем. У Лауры Хаксли был кубик из увеличительных стекол, в который можно было вставить маленький цветок и смотреть на него, в то время как он освещался лампочками, расположенными на ребрах кубика. Сосредоточив внимание на кубике, наблюдатель как бы терял себя, и из этого возникало психоделическое переживание, сочетающее видение абсолютной конкретности вещи и удивление, что она существует. Хороший способ освежить качество повседневного опыта — вообразить, что ты скоро умрешь или что скоро умрет человек, находящийся рядом с тобой. Если тебе в самом деле угрожает смерть, ты воспринимаешь вещи иначе, чем обычно; твоё внимание оказывается более пристальным. Если ты знаешь, что какой-то человек скоро умрет, ты видишь его интенсивнее, более лично, без той небрежной категоризации, которой столь сильно пронизано наше восприятие. Нужно бороться со стереотипизацией, никогда не позволяя себе привыкнуть к чему-либо. В конечном счете лучший способ обучения, будь то математика, история или философия, — это сделать так, чтобы учащиеся почувствовали красоту предмета. Нам нужно обучать наших детей объединяющему восприятию, характерной для дзен-буддизма способности одновременно видеть временное и вечное, мирское и священное в одном и том же объекте.

Мы снова должны учиться контролировать свои побуждения. Те дни, когда З. Фрейд имел дело со сверхзаторможенными людьми, давно прошли, и теперь мы столкнулись с противоположной проблемой, когда каждое побуждение немедленно выражается вовне. Можно учить людей тому, что контроль не обязательно подавляет. Самоактуализирующиеся люди обладают системой контролей аполлоновского типа, когда контроль и удовлетворение потребностей действуют вместе, чтобы сделать последнее более приятным. Такие люди знают, например, что процесс еды приятнее, если вы сидите за хорошо сервированным столом с хорошо приготовленными блюдами (несмотря на дополнительный контроль, необходимый для приготовления стола и блюд). Нечто подобное справедливо в отношении секса.

Одна из задач реального образования — уйти от псевдопроблем и обратиться к серьезным экзистенциальным проблемам жизни. Все проблемы невротиков — это псевдопроблемы. Но проблемы зла и страдания реальны, и каждому раньше или позже приходится столкнуться с ними. Можно ли достичь пикового переживания через страдание? Мы обнаружили, что пиковое переживание содержит два компонента: эмоциональный (экстаз) и интеллектуальный (озарение, просветление). Не обязательно, чтобы оба присутствовали одновременно. Например, сексуальный оргазм может приносить очень большое эмоциональное удовлетворение, но не обладать ни малейшим просветляющим эффектом. При столкновении со страданиями и смертью может происходить неэкстатическое просветление; об этом пишет Марганита Ласки в своей книге "Экстаз" (*Laski*, 1961). Сейчас есть много литературы по психологии смерти, где показано, что некоторые люди, приближаясь к смерти, испытывают просветление и достигают философского инсайта. Олдос Хаксли в упоминавшейся уже книге "Остров" показывает, как человек может уходить из жизни умиротворенным, вместо того чтобы быть выброшенным из нее недостойным образом.

Еще один аспект внутреннего образования состоит в обучении хорошему выбору. Вы можете научиться выбирать. Поставьте перед собой две рюмки шерри — дешевого и дорогого, и разберитесь, какой вам больше нравится. Разберитесь, можете ли вы с закрытыми глазами различить две марки сигарет. Если вы не можете указать различие, значит, его нет. Я для себя выяснил, что могу различить хороший и дешевый шерри, и теперь покупаю тот, что дороже. С другой стороны, я не обнаруживаю различий между хорошим и дешевым джином, так что теперь покупаю самый дешевый джин. Если я не могу их различить, зачем беспокоиться?

Что мы в действительности понимаем под самоактуализацией? Какие психологические характеристики мы надеемся сформировать в нашей идеальной образовательной системе? Самоактуализирующийся человек достиг хорошего психологического здоровья; его базовые потребности удовлетворены. Что же побуждая его становится таким деловитым и умелым? Одним словом можно ответить так: у всех самоактуализирующихся людей есть дело, в которое они верят, призвание, которому они служат. Когда они говорят "моя работа", то имеют в виду свою жизненную миссию.

Если вы спросите самоактуализирующегося юриста, почему он избрал область права, какую компенсацию он получает за всю ту рутину, с которой приходится иметь дело, он, возможно, ответит:

"Меня бесит, когда кто-то наживается за счет другого. Это несправедливо". Справедливость — это для него высшая ценность; он не может сказать вам, почему ценит справедливость, так же как художник не скажет, почему ценит красоту. Другими словами, само актуализирующиеся люди, по-видимому, делают то, что они делают, ради высших конечных ценностей, ради принципов, которые ценны сами по себе. Они защищают и любят эти ценности. Если же последние оказываются под угрозой, то таких людей охватывает возмущение, они готовы к действию, а часто и к самопожертвованию. Эти ценности не являются для самоактуализирующегося человека абстракцией; они в такой же мере часть его, как его кости и артерии. Самоактуализирующиеся люди мотивируются вечными истинами, бытийными ценностями, чистой правдой и совершенной красотой. Они преодолевают противоположности и пытаются увидеть за ними глубинное единство, стремятся к интеграции различных сторон действительности.

Следующий вопрос состоит в том, являются ли эти ценности инстинктоидными, присущи ли они организму так же, как потребность в любви или в витамине D. Если вы исключите из своего рациона витамин D, то заболеете. По той же причине мы можем говорить о потребности в любви. Если вы полностью лишите ваших детей любви, вы можете убить их. Медики знают, что младенцы, которых никто не любит, быстро погибают от простуд. Нуждаемся ли мы подобным же образом в истине? Я замечаю, что если я лишен истины, то оказываюсь жертвой особого заболевания — становлюсь подобен параноику, перестаю доверять кому-либо, начинаю подозрительно относиться ко всему вокруг и искать в каждом событии скрытый смысл. Такая хроническая недоверчивость, конечно, представляет собой психологическую болезнь. Я бы сказал, что нехватка истины приводит к патологии, точнее к метапатологии. Метапатология — это болезнь, связанная с лишением какой-либо бытийной ценности.

И нехватка красоты может вызвать болезнь. Люди, эстетически очень чувствительные, испытывают в уродливом окружении депрессию и дискомфорт. Такое окружение может влиять на менструацию, вызывать головную боль и т. п.

Чтобы доказать кое-что, я провел серию экспериментов с красивым и уродливым окружением. Когда изображения человеческих лиц предъявлялись испытуемым для оценки в уродливой комнате, те воспринимали изображенных людей как психотиков, параноиков, опасных субъектов.

Это показывает, что лица и, как можно предположить, люди вообще выглядят плохо в уродливом окружении. В какой мере оно влияет на вас, зависит от вашей чувствительности и от того, насколько легко вы можете отвлечься от неприятных стимулов. Развивая тему, можно сказать, что жизнь в неприятном окружении со скверными людьми — это патогенный фактор. Если же вы предпочтете проводить время с красивыми и достойными людьми, то обнаружите, что чувствуете себя лучше и возвышеннее.

Справедливость — еще одна бытийная ценность, и история дала нам множество примеров того, что происходит с людьми, когда они лишаются ее на длительный период времени. На Гаити, например, научились ничему не доверять, цинично относиться ко всем другим людям, полагая, что всюду, если копнуть, обнаружишь скверну и продажность.

Меня очень интересует метапатологическое состояние, когда человек не находит себе применения. Я встречал многих юношей, вроде бы соответствующих всем критериям самоактуализации; их базовые потребности удовлетворены, и они не обнаруживают явных психологических симптомов, которые вызывали бы тревогу. Тем не менее они обеспокоены и расстроены. Они не доверяют никаким бытийным ценностям, никаким ценностям, исповедуемым людьми старше тридцати. Такие слова, как "истина", "добро", "любовь", они считают пустым звуком. Они даже потеряли веру в свою способность сделать мир лучше, и все, что они могут делать, — это протестовать бессмысленным и деструктивным образом. Если нет ценностей, руководящих жизнью, то можно не быть невротиком, но тем не менее страдать от когнитивных и духовных расстройств, поскольку в определенной степени связь с действительностью искажена и нарушена.

Если бытийные ценности столь же необходимы, как витамины и любовь, а их отсутствие может сделать вас больным, то оказывается, что та благочестивая, духовная, разумная жизнь, о которой говорили на протяжении тысячелетий, составляет очень существенную часть человеческой природы. Человек — это иерархия потребностей, в основании которой лежат биологические потребности, а на вершине — духовные. Однако, в отличие от биологических потребностей, бытийные ценности не образуют иерархии. Одна из них столь же важна, как и другая, и каждая может быть определена через все другие. Истина, например, может быть полной, эстетические прекрасной, многосторонней и, что может показаться странным, вызывающей смех и веселье в духе олимпийских богов. Красота может быть истинной, доброй, многообразной и т. д. Итак, если все бытийные ценности определяются друг через друга, то, как мы знаем из факторного анализа, в их основе лежит общий фактор — G-фактор, если использовать статистический термин. Бытийные ценности — это не отдельные кучки палочек, а скорее грани одного драгоценного камня. И ученый, преданный истине, и юрист, преданный справедливости, в действительности преданы одному и тому же. Каждый нашел тот аспект общей ценности, который лучше всего подходит ему и который он использует в деле своей жизни.

Интересный аспект бытийных ценностей заключается в том, что они преодолевают многие традиционные дихотомии, такие как эгоизм и альтруизм, плоть и дух, религиозное и светское. Занимаясь делом, которое любите, и будучи преданным ценностям, которые считаете высшими, вы эгоистичны, насколько это возможно, и в то же время бескорыстны и альтруистичны. Если вы прониклись ценностью истины настолько, что она стала такой же частью вас, как ваша кровь, то ложь, сказанная где бы то ни было в мире, задевает вас, как только вы ее обнаруживаете. Ваши границы в этом смысле распространяются далеко за пределы личной сферы интересов, охватывая весь мир. Если несправедливость совершается против кого-либо в Болгарии или Китае, то она совершается и против вас. Хотя вы, возможно, никогда не встречали пострадавшего человека, предательство по отношению к нему вы можете воспринимать так, как если бы сами стали жертвой.

Возьмем дихотомию "религиозного" и "светского". Форма религии, предложенная мне в детстве, казалась столь нелепой, что я утратил всякий интерес к религии и не испытывал желания "найти Бога". Но мои религиозно настроенные друзья, во всяком случае те, кто отказался от крестьянского взгляда на Бога как длиннородного старца, говорят о Боге так же, как я говорю о бытийных ценностях. Ныне теологи придают первостепенную важность вопросам о смысле Вселенной, наличии или отсутствии у нее направленности. Поиск совершенства, открытие путей приобщения к ценностям составляют суть религиозной традиции. И многие религиозные группы начинают открыто утверждать, что внешние правила религии, как, например, запрещение есть мясо по пятницам, несущественны и даже вредны, поскольку вносят путаницу в Представления людей о том, чем в действительности является религия. Как в теории, так и на практике эти группы отдадут предпочтение бытийным ценностям.

Люди, которые преданы бытийным ценностям и наслаждаются ими, способны испытывать большее наслаждение и от удовлетворения своих потребностей, поскольку и в них вносятся

святость. Для любовников, видящих друг друга в свете бытийных ценностей, а не только удовлетворения потребностей, половой акт становится священным ритуалом. Чтобы жить духовной жизнью, нет необходимости сидеть десять лет на столпе. Способность жить в мире бытийных ценностей каким-то образом придает святость телу и всем его желаниям.

Если бы мы приняли в качестве главной цели образования пробуждение и реализацию бытийных ценностей (что является попросту другим аспектом самоактуализации), мы бы пришли к колоссальному расцвету нового типа цивилизации. Люди стали бы сильнее, здоровее и в большей мере взяли бы свою жизнь в собственные руки. Благодаря повышенной личной ответственности за свою жизнь и рациональному набору ценностей, управляющих производимыми выборами, люди начали бы активно изменять общество, в котором живут. Движение к психологическому здоровью является тем самым движением к духовному миру и социальной гармонии.

Часть V. Общество.

14. Синергия в обществе и в индивиде.

Я посвящаю эту главу памяти Рут Бенедикт¹⁸, выдвинувшей и развившей концепцию синергии в цикле лекций, прочитанных ею в колледже Брин Мор в 1941 г. Эта концепция осталась неизвестной только потому, что рукопись была утеряна. Когда я впервые читал материалы этих лекций, то с ужасом обнаружил, что экземпляр, который Бенедикт дала мне, — единственный. Я боялся, что она не опубликует эти лекции: похоже было на то, что она не очень об этом заботилась. Я боялся также, что материал может быть утерян. Это опасение оказалось обоснованным. Маргарет Мид, душеприказчица Рут Бенедикт, перерыла все ее папки и бумаги, но не сумела отыскать рукопись. К счастью, я в свое время постарался перепечатать как можно больше фрагментов. Эти фрагменты должны быть вскоре опубликованы (*Benedict, 1970; Harris, 1970*), так что здесь я воспользуюсь только некоторыми из них.

Становление и определение понятия синергии.

В свои последние годы Рут Бенедикт старалась преодолеть доктрину культурной относительности, с которой некорректно связывалось ее имя. Насколько я помню, такое отождествление очень раздражало ее. Свою книгу "Паттерны культуры" (*Benedict, 1934*) Она рассматривала, по существу, как очерк холистического подхода. Это была именно холистическая, а не атомистическая попытка описать общества как унитарные, целостные организмы, каждый со своим вкусом, ароматом, звучанием, которые она старалась описать в присущей ей поэтической манере.

Когда я изучал антропологию в 1933-1937 гг., культуры рассматривались как уникальные, специфические образования. Не существовало научного метода их анализа, нельзя было произвести никаких обобщений. Каждая культура виделась отличной от любой другой. Нельзя было ничего сказать о какой-либо из них иначе, как глядя изнутри нее. Между тем, Р. Бенедикт упорно боролась за создание сравнительной социологии. Это пришло к ней, как к поэтессе, через интуицию. Она продвигалась к цели, прибегая к словам, которые не осмелилась бы произнести публично, выступая в качестве ученого, из-за их оценочного, пристрастного (а не отстраненно-холодного) характера, к словам, уместным в беседе за рюмкой мартини, а не в печати.

Развитие концепции. Как рассказывала Р. Бенедикт, у нее были громадные листы газетной бумаги, на которых она записывала все, что было известно о четырех парах культур, отобранных на основании ощущавшихся ею различий между ними. Интуитивное впечатление о таких различиях фиксировалось ею разными способами, что я и отразил в своих старых заметках.

Одна культура в каждой паре была тревожной, а другая — нет. Одна была сердитой (это, конечно, ненаучное слово) — там были сердитые люди, а Бенедикт не любила сердитых людей. Четыре культуры в одной половине списка составляли сердитые и противные люди, а четыре культуры в другой половине — милые, славные люди. Иногда, в преддверии войны, Р. Бенедикт

¹⁸ Рут Бенедикт (1887-1948) была профессором антропологии в Колумбийском университете и поэтом (под псевдонимом Энн Синглтон). Главной областью ее интересов были американские индейцы. Во время Второй мировой войны она была экспертом по японской культуре, обеспечивая пропаганду союзников против Японии. В числе ее книг: "Паттерны культуры", "Раса, наука и политика", "Хризантема и меч". (Примечание Х. Ансбахвра, редактора американского издания.)

говорила о культурах с низкой моралью и с высокой моралью. Она говорила о ненависти и агрессии, описывая одни культуры, и о привязанности, описывая другие. Что же общее существовало в четырех культурах, которые ей не нравились, в противоположность тому, что объединяло те четыре, которые ей нравились? В качестве предварительных Р. Бенедикт использовала термины "неуверенная культура" и "уверенная культура".

Хорошими, уверенными культурами, которые нравились ей, привлекали ее, были индейские племена зуни, арапеша, дакота и одна из эскимосских народностей (я забыл, которая именно). Мое собственное полевое исследование (неопубликованное) добавил к списку уверенных культур индейское племя "норсерн блэкфут" ("северные черноногие"). Скверными, сердитыми культурами, при упоминании которых Р. Бенедикт слегка передергивало, были чукчи, оджибуэи, добу и квакиутл.

Р. Бенедикт примеряла одно за другим все обобщения, которые могла сделать применительно к этим культурам, все, если можно так выразиться, стандартные ключи, которые были доступны в то время. Она сравнивала культуры на основе расы, географии, климата, размера, богатства, сложности. Но эти критерии не работали, то есть не получалось так, чтобы какой-либо из них присутствовал в четырех уверенных культурах и отсутствовал в четырех не уверенных. Доступные критерии не позволяли осуществить какую-либо интеграцию, логическое упорядочение, таксономию. Р. Бенедикт интересовалась, в каких культурах совершают самоубийства а в каких — нет; в каких есть полигамия, а в каких нет? Какие ведут род по материнской линии, а какие — по отцовской? Кто строит большие дома, а кто — малые? Ни один из этих принципов классификации не работал.

Наконец, выяснилось, что работает то, что я мог бы назвать функцией поведения в отличие от внешнего поведения как такового. Р. Бенедикт поняла, что ответ не во внешнем поведении, что надо искать функцию поведения, его смысл, то, что пытаются сказать посредством его, то, какую структуру характера оно выражает. Именно этот скачок, как я полагаю, явился революцией в антропологической и социологической теории, создав основу для сравнительной социологии, метод сравнения обществ и расположения их на некотором континууме, вместо того чтобы рассматривать каждое из них само по себе как нечто уникальное. Цитирую рукопись Рут Бенедикт:

"Возьмем, к примеру, самоубийство. Неоднократно было показано, что оно связано с социальной средой; в определенных условиях число самоубийств возрастает, в других — снижается. В Америке самоубийство свидетельствует о психологической катастрофе: этим актом разрушается гордиев узел ситуации, с которой человек более не может или не желает справляться. Но самоубийство, рассматриваемое как характеристика культуры, в особенности такой, где оно является распространенным явлением, может быть актом с совершенно иным смыслом. В Японии в старину это был акт чести воина, проигравшего сражение; это был акт, подтверждавший, что честь превыше жизни: следовать этому принципу было долгом мужчины, верного кодексу самурая.

В примитивном обществе самоубийство — это иногда высший долг любви со стороны жены, сестры или матери, оплакивающей покойного; это подтверждение того, что любовь к нему превыше всего в жизни и после его смерти жизнь не представляет более ценности. В обществе, где моральный кодекс таков, самоубийство — это высшее утверждение идеалов. С другой стороны, некоторые племена ближе к китайской идее самоубийства, совершаемого "на пороге" другого человека: оно является здесь принятым способом осуществления мести обидчику или тому, на кого зол самоубийца. Такое самоубийство в примитивных племенах, где оно существует, служит наиболее эффективным (а иногда единственным) действием, которое один человек может предпринять против другого, и в этом отношении оно ближе к юридическим актам других культур, чем к видам самоубийств, о которых мы говорили выше".

Определение. Вместо "уверенных" и "неуверенных" культур Р. Бенедикт в конце концов остановилась на понятиях "высокая синергия" и "низкая синергия", исходя из того, что они в меньшей мере оценочны, более объективны и создают меньше оснований для подозрений в проекции чьих-то собственных идеалов и вкусов. Эти термины она определяла так:

"Существует ли какой-нибудь социологический фактор, коррелирующий с высокой агрессивностью, и такой, который коррелирует с низкой агрессивностью? Наши исходные планы ведут к одному или другому в зависимости от того, в какой мере социальные формы их реализации создают области взаимной выгоды и исключают акты и результаты, осуществляющиеся за счет других членов группы. Весь сравнительный материал позволяет сделать вывод, что общества, где не обнаруживается агрессивности, обладают социальным порядком, при котором индивид одним и тем же действием и в одно и то же время достигает выгоды и для себя и для группы... Отсутствие агрессивности имеет место (в этих обществах) не

потому, что люди бескорыстны и ставят социальный долг выше личных желаний, а потому, что социальные установления обеспечивают тождественность того и другого. Рассуждая чисто логически, производство (будь то выращивание бататов или ловля рыбы) служит общей пользе, и если только установленные людьми порядки не искажают тот факт, что всякий урожай, всякая добыча увеличивает запас пищи в деревне, — то человек может быть хорошим садовником и одновременно благодетелем общества. Он в выгоде, и его соплеменники в выгоде.

Я буду говорить о культурах с низкой синергией, где социальная структура порождает действия, направленные людьми друг против друга, и о культурах с высокой синергией, порождающих действия, взаимно подкрепляющие друг друга... Я говорила об обществах с высокой социальной синергией, институты которых обеспечивают взаимную выгоду от предпринимаемых действий, и об обществах с низкой социальной синергией, где выгода одного индивида оборачивается победой над другим, и побежденное большинство вынуждено изворачиваться на свой страх и риск". (Выделено мною — А. М.)

Высокой синергией обладают те общества, где социальные институты ориентированы на преодоление противоположности между эгоизмом и бескорыстием, между собственной выгодой и альтуизмом, где человек, думающий о себе одном, неизбежно получает вознаграждение. В обществе с высокой синергией добродетель вознаграждается.

Я хотел бы рассмотреть некоторые проявления и аспекты высокой и низкой синергии. Я использую свои заметки двадцатипятилетней давности и должен извиниться за то, что не помню точно, какие мысли принадлежат Рут Бенедикт, а какие мне самому. Я уже многие годы пользуюсь концепцией синергии, и произошло своего рода их слияние.

Высокая и низкая синергия в примитивных обществах.

"Сифонный" и "вороночный" механизмы распределения богатства. В отношении экономических институтов Р. Бенедикт обнаружила, что внешние, поверхностные, очевидные обстоятельства (является ли общество богатым или бедным и т. п.) не имеют значения. Существенно, что общества уверенные, с высокой синергией обладают тем, что она назвала "сифонной" системой распределения богатства, в то время как культуры неуверенные, с низкой синергией — так называемыми "вороночными" механизмами распределения. Я могу охарактеризовать последние очень коротко, метафорически: это социальные установления, гарантирующие, что богатство притягивает богатство, что "кому дано, у того не убудет", что бедные становятся беднее, а богатые — богаче. Напротив, в уверенных, высокосинергичных обществах богатство имеет тенденцию к распространению, растеканию с высоких мест на низкие. Оно так или иначе переходит от богатых к бедным, а не наоборот.

Примером сифонного механизма может служить "раздача", которую я наблюдал во время церемонии "солнечной пляски" у индейцев племени черноногих (норсерн блэкфут). Жители всех вигвамов собрались в большой круг. Богатые люди племени (т. е. те, кто упорно трудился и много накопил) разложили горы одеял, продовольствия, всевозможные узлы, а то и весьма любопытные вещи — ящики пепси-колы, как я помню. Все, что человек смог накопить за год, было выставлено.

Вспоминаю одного мужчину. Он важно выступал, по обычаю равнинных индейцев, и, как мы бы сказали, хвастался своими достижениями: "Все вы знаете, что я сделал то-то и то-то. Все вы знаете, какой я умный, какой я заправливый, какой я хороший фермер и как много добра я благодаря этому накопил". И затем, производя достойные лорда жесты, исполненные гордости, но никого не унижающие, он раздал гору добра вдовам, детям-сиротам, слепым и больным. К концу церемонии солнечной пляски он лишился всего своего богатства и не владел уже ничем, кроме одежды, которая была на нем. Он синергичным образом (я не могу сказать "эгоистично" или "альтруистично", поскольку противоположность этих позиций явно была преодолена) отказался от всего, что имел, но при этом продемонстрировал, какой он замечательный человек, способный, умный, сильный, трудолюбивый, щедрый — и потому богатый.

Помню свое смущение, когда, попытавшись выяснить, кто в этом обществе самый богатый человек, я обнаружил, что у "богача" ничего нет. Когда я спросил белого секретаря резервации, кто самый богатый человек в племени, он назвал того, кого не упомянул ни один из индейцев; это был человек, имевший наибольшую сумму на своем счете, больше всего скота и лошадей. Когда я вновь обратился к своим индейским информаторам и спросил их об этом человеке, Джимми Мак-Хью, обо всех его лошадях, они лишь презрительно пожали плечами. "Он держится за это", — сказали они, и, следовательно, они не допускают даже мысли о том, что его можно считать богатым. А вот Седой Вождь был "богат", хотя не владел ничем. Каким же образом вознаграждалась добродетель? Люди, проявлявшие очевидную щедрость, были самыми

почитаемыми, самыми уважаемыми и самыми любимыми людьми в племени. Это были люди, приносившие племени пользу, те, кем стоило гордиться, кто согревал сердца.

Выразим это иначе. Если бы этот щедрый человек, Седой Вождь, открыл золотое месторождение или наткнулся бы на кучу всякого добра, то благодаря его щедрости любой в племени был бы счастлив. Если же он не был бы щедр, как это столь часто бывает в нашем обществе, то действовала бы та же тенденция, что и у наших друзей, внезапно приобретших большое состояние; похоже, что оно настраивает их против нас. В подобных ситуациях наши институты поощряют развитие ревности, зависти, обиды, дистанцирования и в конечном итоге создают реальную вероятность вражды.

Раздача описанного типа — это одна из упомянутых Рут Бенедикт сифонных систем распределения богатства. Другой такой системой служит ритуальное гостеприимство, принятое во многих племенах, где к человеку, прослывшему богатым, немедленно стекаются все его родственники, и он берет на себя заботу о них. К сифонным механизмам Р. Бенедикт относил также щедрость, отношения взаимности, сотрудничества в дележе пищи и т. д. В нашем обществе, как я полагаю, шкала налогов на доходы и собственность служит примером сифонного механизма. По идее, если богач становится вдвое богаче, то это хорошо для меня и вас, потому что соответствующим образом вырастает общее достояние. Будем надеяться, что оно пойдет на общее благо.

Что касается вороночных механизмов, то примером их служат непомерная арендная плата, ростовщический процент (в отношении его у нас нет сравнительных данных; насколько я помню, в племени квакиутл ставка составляла 1200% в год), рабский и принудительный труд, эксплуатация труда, сверхприбыль, большее налогообложение бедных по сравнению с богатыми и т. п.

Я думаю, вы улавливаете точку зрения Р. Бенедикт по поводу смысла, эффекта, атмосферы социальных институтов. Отдавать свои деньги — бессмысленный акт, если рассматривается только его внешнее выражение. Я думаю, этот подход правилен и на психологическом уровне. Очень многие психологи не учитывают, что поведение столь же часто является защитой от психической реальности, как и прямым ее выражением. Оно служит тому, чтобы скрывать мотивы и эмоции, намерения и цели, а не только тому, чтобы открывать их, и поэтому не должно оцениваться по своим внешним признакам.

Использование или владение. Рассмотрим соотношение между владением некоторой собственностью и ее фактическим использованием. Мой переводчик хорошо говорил по-английски, в свое время посещал канадские школы, даже учился в колледже и потому был богат, поскольку в племени этого типа интеллект очень тесно коррелировал с богатством, даже в нашем понимании. У него одного в племени был свой автомобиль. Мы находились вместе большую часть времени, так что я мог убедиться, что он едва ли когда-либо пользовался своим автомобилем. Люди подходили к нему и спрашивали: "Тедди, как насчет ключей от твоей машины?". И он давал ключи. Насколько я мог судить, владение машиной означало для него платить за бензин, латать шины, приходить на помощь людям в центральной части резервации, не зная, как обращаться с автомобилем, и т. п. Машина принадлежала любому, кто нуждался в ней и мог обратиться к Тедди с просьбой. Разумеется, тот факт, что он был единственным владельцем автомобиля в племени, являлся источником гордости, удовольствия и удовлетворения и не возбуждал к нему зависти, злобы или вражды. Другие были рады, что у него есть машина, и были бы рады, если бы машины были у пятерых, а не у одного.

Поддерживающая или устрашающая религия. Различия в уровне синергии касаются и религиозных институтов. Вы обнаружите, что бог, или боги, или духи, или иные сверхъестественные существа в уверенных высокосинергичных обществах проявляют постоянную тенденцию к щедрости, оказанию помощи, дружелюбию — иногда так, что в нашем обществе это могли бы счесть кощунством. Например, у индейцев племени черноногих личный дух, имевшийся у каждого человека и являвшийся к нему в видениях, мог быть вовлечен в игру в покер. С этими личными богами было так удобно иметь дело, что игрок, попавший в затруднительное положение, вполне мог объявить перерыв в игре и отойти в угол, чтобы посоветоваться со своим духом, тянуть карту или нет. С другой стороны, в обществах неуверенных, обладающих низкой синергией, боги, духи, сверхъестественные существа, как правило, безжалостны, внушают ужас и т. п.

Я весьма неформальным образом проверил это соотношение на некоторых студентах Бруклинского колледжа (дело было примерно в 1940 г.). С помощью составленного мною опросника я проверил двадцать с лишним юношей на психологическую устойчивость или неустойчивость¹⁹. Тем из них, кто принадлежал к какой-либо церкви, я задал один вопрос:

¹⁹ В оригинале употреблены те же термины "secure" и "insecure", которые применительно к обществам и культуре мы переводим как "уверенный" и "неуверенный". — Ред.

"Предположим, вы, проснувшись, каким-то образом ощутили, что Бог находится в вашей комнате или смотрит на вас. Как вы будете себя чувствовать?" Тенденция для психологически устойчивых людей состояла в том, что они почувствуют поддержку и защиту; неустойчивые же испытывали страх.

В гораздо большем масштабе подобное положение вещей обнаруживается в уверенных и неуверенных обществах. Западные понятия бога мщения и гнева, с одной стороны, и бога любви, с другой, свидетельствуют о том, что наши религиозные тексты представляют собой своего рода смесь того, что можно было бы назвать "уверенной" и "неуверенной" религией. В неуверенных обществах лица, обладающие религиозной властью, обычно пользуются ею ради личной выгоды того или иного рода, ради эгоистических целей, в то время как в уверенных обществах религиозная власть стремится к тому (как, например, в индейском племени зуни), чтобы добиться выпадения дождя, улучшить урожай и вообще принести пользу всему обществу.

Эти противоположные типы психологического настроя можно различить в стиле молитв, стиле руководства, семейных отношениях, отношениях между мужчинами и женщинами, проявлениях сексуальности, стиле эмоциональных связей, родственных и дружеских отношений и т. д. Если вы почувствовали это различие, вы сможете предсказать, чего следует ожидать в том или ином отношении в этих двух видах обществ. Я только добавлю еще одну вещь, несколько неожиданную, как мне думается, для нашего западного ума. Все общества с высокой синергией обладают приемами преодоления унижения людей, а общества с низкой синергией — не обладают. В последних жизнь унижительна, тяжела, болезненна, и так и должно быть. В четырех неуверенных обществах, изученных Рут Бенедикт, унижение терзало людей, длилось и никак не кончалось; в то же время в уверенных обществах существовал способ положить ему конец, заплатить свой долг и покончить с ним.

Высокая и низкая синергия в нашем обществе.

Итак, наше общество — это общество со смешанной синергией. У нас есть институты высокой синергии и низкой синергии.

Широкое проникновение высокой синергии выражается, например, в благотворительности, которая во многих других культурах вообще отсутствует. Наше общество проявляет большую щедрость и часто — в сочетании с добротой и надежностью.

С другой стороны, в нашем обществе есть, конечно, институты, настраивающие нас друг против друга, неминуемо превращающие нас в соперников, ставящие нас в ситуацию, когда мы вынуждены драться за ограниченное количество благ. Это похоже на игру с нулевой суммой, где один должен выиграть, а другой поэтому проиграть.

Вероятно, я могу привести в качестве иллюстрации простой и знакомый всем пример — систему оценок, основанную на кривой распределения, используемую в большинстве колледжей. Я бывал в подобных ситуациях и в полной мере ощутил, что значит быть поставленным в положение, когда ты против своих братьев, когда то, что хорошо для них, причиняет зло тебе. Предположим, моя фамилия начинается с буквы Z, а оценки Объявляются по алфавиту, и мы знаем, что есть только шесть высших оценок "А". Конечно, я должен сидеть и надеяться, что студенты, фамилии которых объявляют до моей, получают низкие оценки. Каждый раз, когда кто-то получает плохую оценку, это хорошо для меня. Каждый раз, когда кто-то получает "А", это плохо для меня, поскольку снижает мои шансы получить "А". И тогда очень легко сказать: "Я надеюсь, что он провалится".

Принцип синергии очень важен не только для построения сравнительной социологии на объективных началах; не только в связи с заманчивой перспективой открыть путь к надкультурной системе ценностей (с помощью которой можно будет оценивать культуру и все внутри нее), не только потому, что таким образом создается научная основа для теории Утопии, — но также для применения к более конкретным социальным явлениям в других областях.

Вот одна из них. Мне кажется, что психологи, в особенности социальные психологи, недостаточно осознают то большое и важное, что происходит в области, даже не получившей еще удачного названия, но которую можно назвать теорией организации, или, может быть, социальной психологией промышленности, или теорией предприятий, или теорией бизнеса. Начальным пособием для большинства людей, интересующихся этой областью, может быть книга Д. Мак-Грегора "Человеческая сторона предприятия" (*McGregor, 1960*). Я полагаю, что в том, что он называет уровнем социальной организации, соответствующим "теории Y", вы увидите пример высокой синергии. Он иллюстрирует возможность формирования социальных институтов, будь то бизнес, армия или университет, таким образом, чтобы люди в организации сотрудничали друг с другом и становились коллегами и товарищами по команде, а не соперниками. Я изучал такой

бизнес на протяжении нескольких последних лет и уверяю вас, что его можно описать (по крайней мере в какой-то степени), с помощью понятия высокой синергии, или уверенной социальной организации. Я надеюсь, что эти новые социальные психологи постараются использовать понятия, введенные Рут Бенедикт, чтобы последовательно противопоставить такую организацию той, что основана на доктрине ограниченного количества благ, когда "если я получу что-то, то ты получишь меньше".

Рекомендую также ознакомиться с книгой Б. Лайкерта "Новые образцы менеджмента" (*Likert*, 1961), где собраны обстоятельные и тщательные исследования разных аспектов синергии в промышленных организациях. В одном месте Б. Лайкерт обсуждает то, что он называет "пирогом влияния", пытаясь разобраться с парадоксом, который он считает трудным. Речь вот о чем: хорошие мастера на производстве, вообще — хорошие лидеры, оцениваемые высоко по реальным результатам, отдают больше власти, чем другие. Что вы скажете по поводу того факта, что чем больше власти вы отдаете, тем больше вы ее имеете? Обсуждение Б. Лайкертом этого парадокса любопытно с точки зрения того, как западный ум разбирается с не очень западным понятием.

Я бы сказал, что никакая Утопия не может быть построена, даже знающим человеком, если он не воспользуется концепцией синергии. Мне представляется теперь, что любая Утопия, или Эвпсихия (более предпочтительное, на мой взгляд, название) должна иметь в качестве одной из своих основ набор высокосинергичных институтов.

Синергия в индивиде.

Идентификация. Концепция синергии может быть применена также на индивидуальном уровне межличностных отношений между двумя людьми. Она позволяет дать хорошее определение высоких любовных отношений, которые я описал под названием бытийной любви (*Maslow*, 1962, с. 39-41). В разных определениях любви указывали на то, что твои интересы становятся моими интересами, что две иерархии базовых потребностей сливаются воедино, что моя нога болит, когда на твоей мозоль, и что мое счастье зависит от твоего счастья. Большинство предлагавшихся определений любви предполагает такого рода идентификацию. Но здесь видится хорошая параллель с понятием высокой синергии: двое людей как-то устанавливают свои взаимоотношения таким образом, что то, что хорошо одному, хорошо и другому (вместо того, чтобы полезное одному вредило другому).

Некоторые недавние исследования половой и семейной жизни представителей низших классов в нашей стране (*Kirkendall*, 1961) и в Англии (*Spinley*, 1953) описывают то, что авторы называют отношениями эксплуатации; это, конечно, отношения с низкой синергией. Здесь всегда возникает вопрос, кто хозяин в семье, кто кого больше любит, и делается вывод, что тот, кто любит больше, — протак и понесет ущерб, и т. п. Во всех этих утверждениях проявляется низкая синергия и предполагается ограниченное количество благ.

Я думаю, что понятие идентификации, пришедшее не только от З. Фрейда и А. Адлера, но и из других источников, может быть расширено на этой новой основе. Вероятно, мы могли бы определить любовь как расширение своего Я, своей личности, своей идентичности. Думается, мы все испытывали это — с детьми, с женами или мужьями, с людьми, очень близкими нам. Есть такое чувство, Особенно по отношению к беззащитным детям, что вы предпочли бы кашлять сами, чем если бы ваш ребенок кашлял всю ночь. Вы сильнее; значит, если бы вы только смогли забрать кашель себе, в целом стало бы лучше. Единая "психологическая кожа" как бы охватывает здесь два существа. В этом я вижу еще одно возможное направление развития понятия идентификации. Преодоление дихотомии эгоизма и альтруизма. Здесь хотелось бы выйти за рамки положений, выдвинутых Рут Бенедикт. Мне кажется, что она слишком часто излагала материал, исходя из существования континуума, на краях которого располагаются эгоизм и альтруизм, исходя из их противоположности, из образуемой ими дихотомии. Но вместе с тем мне представляется очевидным, что она подразумевала преодоление, трансценденцию этой дихотомии в строгом гештальтистском смысле создания единства более высокого уровня. Единства, кажущаяся двойственность которого выглядит так только потому, что еще не развилась достаточно, чтобы превратиться в единство. Изучая высокоразвитых, психологически здоровых, самоактуализирующихся людей (как бы вы их ни называли), вы обнаружите, что они чрезвычайно альтруистичны в одних отношениях и в то же время чрезвычайно эгоистичны в других. Те, кто знаком с работами Э. Фромма, касающимися здорового и нездорового эгоизма, или со взглядами А. Адлера на "чувство общности" (нем. *Gemeinschaftsgefühl*), поймут, что я имею в виду. Противоположность, дихотомия, предположение, что чем больше чего-то у одного, тем меньше у другого, — все это как-то исчезает. Противоположности проникают друг в друга, и вы получаете единое понятие, для которого еще нет подходящего слова. Высокая синергия с этой точки зрения

может представлять собой преодоление дихотомизации, слияние противоположностей в едином понятии.

Интеграция когнитивного и конативного. Наконец, я обнаружил, что концепция синергии полезна для понимания внутриличностной психодинамики. Иногда эта польза очевидна. Например, когда, цельность личности трактуется как высокая синергия, а интрапсихические диссоциации обычного патологического типа (личность как бы разрывается на конфликтующие части) — как низкая синергия.

Применительно к исследованиям свободного выбора, проводимым с животными разных видов и человеческими младенцами, я полагаю, что дальнейшее развитие их теоретического осмысления может быть достигнуто с помощью теории синергии. Мы можем сказать, что эти эксперименты демонстрируют синергическое действие или слияние познания и делания, когнитивного и конативного факторов. Это ситуации, где, так сказать, голова и сердце, рациональное и иррациональное говорят одним языком, где наши неосознаваемые побуждения мудро направляют нас. Это согласуется также с выдвинутой У. Кэнноном концепцией гомеостаза, который он назвал "мудростью тела".

Есть ситуации, где люди, в особенности тревожные, неуверенные в себе, склонны считать, что то, чего они хотят, должно обязательно обернуться для них чем-то плохим; то, что выглядит хорошо, привлекательно, может быть опасно. Делать же разумное правильное, то, что надлежит делать, часто приходится себя заставлять. Приходится заставлять себя делать это, ибо у многих из нас существует глубокое убеждение, будто то, чего мы желаем, к чему стремимся, что нам нравится, что выглядит привлекательно, — это, по всей вероятности, неразумно, нехорошо, неправильно. Но эксперименты по проявлению аппетита и другим ситуациям свободного выбора показывают, напротив, что с большей вероятностью мы наслаждаемся тем, что хорошо для нас (это справедливо, по меньшей мере, для достаточно хороших субъектов выбора и достаточно хороших условий).

Я закончу высказыванием Эриха Фромма, всегда производившим на меня большое впечатление: "Болезнь состоит, по существу, в желании того, что нехорошо для нас".

15. Вопросы для нормативного социального психолога²⁰.

Заметьте, что описание семинара предполагает его практическую направленность, доступность, а не настраивает на мечтание, фантазирование или выполнение желаний. Чтобы подчеркнуть это, ваша итоговая письменная работа должна содержать не только описание совершенного общества в вашем представлении, но и некоторые указания по поводу способов его осуществления, то есть политики. В следующем году семинар предполагается назвать "Нормативная социальная психология" — для того, чтобы подчеркнуть, что эмпирическая направленность будет главенствовать в этой аудитории. Это означает, что мы будем вести разговор в терминах долей, процентов, надежности доказательств, недостающей информации, необходимых исследований, в терминах возможного. Мы не станем терять времени на построение дихотомий, на разделение вещей на черное и белое, на выделение противоположностей, на размышления о совершенстве, о недостижимом или о неизбежном (нет ничего неизбежного). Мы будем исходить из того, что реформы возможны, как возможен прогресс или улучшение. Но неизбежный прогресс в направлении к достижению совершенного идеала в некотором неопределенном будущем маловероятен, так что мы не будем тратить время на болтовню о нем. (Следует помнить, что возможны также ухудшения и катастрофы.) В общем, недостаточно лишь выступать против чего-то — одновременно следует предлагать лучшие альтернативы. Мы воспользуемся холистическим подходом к проблеме реформирования, революционизирования или усовершенствования отдельного человека или всего общества в целом. Далее, мы предполагаем, что нет необходимости предварительно изменить одно, чтобы начать менять другое. Будем исходить из того, что можно работать одновременно и над тем и над другим.

²⁰ Эта глава основана на заметках, сделанных весной 1967 г. в начале семестрового семинара для старшекурсников и аспирантов в Брэндейском университете. В дополнение к стандартному комплексу гипотез, правил и проблем для изучения в рекомендуемых источниках и написания работ по ним, я составил эти заметки, которые, как надеялся, помогут группе держаться в рамках эмпирических и научных изысканий.

Формальное описание семинара в проспекте гласило: "Утопическая социальная психология: семинар для дипломников по специальностям "Психология", "Социология", "Философия" и любым социальным дисциплинам. Обсуждение избранных утопических или эвпсихических сочинений. Семинар будет посвящен эмпирическим и реалистическим вопросам: насколько хорошее общество допускает человеческая природа? Насколько хорошую человеческую природу допускает общество? Что возможно и осуществимо, а что нет?"

Исходите из общего предположения о том, что никакое нормативное социальное мышление не будет возможным до тех пор, пока у нас не сложится некоторое представление об индивидуальной цели, то есть о типе человека, к которому следует стремиться и на основании которого можно судить об адекватности любого общества. Развивая эту мысль дальше, я утверждаю, что хорошее, совершенное общество, а значит и непосредственная цель любого общества, стремящегося усовершенствовать себя, предполагает самоактуализацию всех индивидов, либо некоторую норму или цель, приближающуюся к этому идеалу. (Предполагается, что трансценденция Я, то есть жизнь на уровне Бытия, наиболее достижима для человека с сильной и свободной идентичностью, то есть для самоактуализирующейся личности. При этом обязательно следует учитывать социальную организацию, образование и т. д., повышающие вероятность самотрансценденции.) Вопрос стоит так: есть ли у нас достоверная и надежная концепция здорового, трансцендирующего или идеального человека? Более того, сама эта нормативная идея является спорной и неоднозначной. Возможно ли усовершенствовать общество, не обладая некоторым представлением о том, что мы считаем усовершенствованным человеком?

Я полагаю, что мы также должны иметь представление об автономных социальных требованиях (независимых от интрапсихического или индивидуального психологического здоровья или зрелости). Я считаю, что идея личного совершенствования отдельных людей одного за другим не является эффективным решением проблемы усовершенствования общества. Даже самые совершенные индивиды, оказавшись в неблагоприятных социальных или институциональных обстоятельствах, будут вести себя не самым лучшим образом. Можно организовать социальные институты, которые бы с неизбежностью гарантировали, что люди вцепятся друг другу в глотку, однако можно создать социальные институты, поощряющие синергию между людьми. Иными словами, можно создать социальные условия, в которых благо одного человека приводило бы к благу, а не ущербу для других. Это наиболее общее предположение, которое является спорным и нуждается в демонстрации (Maslow, 1965, с. 88-107).

1. Должна ли норма быть универсальной (для всего человечества), национальной (при политическом и военном суверенитете), субкультурной (для ограниченной группы в рамках нации или государства), семейной или индивидуальной? Я допускаю, что всеобщий мир невозможен, пока существуют отдельные суверенные государства. Войны того типа, что возможны на сегодняшний день (и которые, как я думаю, неизбежны, пока существует государственный суверенитет), заставляют любого нормативного социального философа предположить в отдаленном будущем ограничение суверенитета наций, например, наподобие варианта, предлагаемого федералистами Объединенного Мира и т. д. Я допускаю, что нормативный социальный мыслитель будет автоматически всегда стремиться к этой цели. Но если сделать это предположение, возникает проблема усовершенствования отдельных наций-государств в той форме, в какой они существуют на сегодняшний день, местных государственных подразделений наподобие штатов в составе США, или субкультурных групп в США, например еврейской или китайской общин, или, наконец, проблема создания оазиса из отдельной семьи. Это не исключает и вопроса о том, как отдельный человек может сделать свою жизнь и свое окружение более эвпсихичными. Я допускаю, что все это возможно реализовать одновременно — ни в теории, ни в практике все эти вопросы не являются взаимоисключающими. (В качестве основы для обсуждения я предлагаю статью "Теория социального усовершенствования: Теория медленной революции" в моей книге "Эвпсихическое управление" — Maslow, 1965, с. 247-260).

2. Избранные сообщества или любые. Моя концепция Эвпсихии описана на с. 350 книги "Мотивация и личность" (Maslow, 1954). См. также "Эвпсихия, совершенное общество" в "Журнале гуманистической психологии" (Journal of Humanistic Psychology — Maslow, 1961) и отдельные места в моей книге "Эвпсихическое управление" (Maslow, 1965). Согласно моему определению, Эвпсихия однозначно является избранной субкультурой, то есть она состоит исключительно из психологически здоровых, зрелых или самоактуализирующихся людей и их семей. В течение всей истории утопизма этот вопрос то возникал, то пропадал из виду. Я считаю, что он всегда должен решаться сознательно. В своих работах вы должны определить, говорите ли вы обо всем человеческом роде или об избранной ограниченной группе с определенными требованиями к отбираемым членам. Вы также должны рассмотреть проблему изгнания или ассимиляции подрывных элементов, если речь идет об избранной утопической группе. Нужно ли удерживать индивидов в обществе после того, как они были в него приняты или родились в нем? Или вы считаете, что понадобятся законы для изгнания или заключения преступников, злоумышленников и т. п. ? (Я полагаю, что на основании ваших знаний в области психопатологии, психотерапии, социальной патологии и истории утопистских попыток вы осознаете, что любая специально не отобранная группа может быть разрушена больными или незрелыми индивидами. Но поскольку наши методы отбора пока весьма несовершенны, я считаю, что любая группа, пытающаяся быть

утопической или эвпсихической, должна быть также в состоянии изгонять антиутопических индивидов, проскользнувших сквозь сито отбора.)

3. Плюрализм. Принятие и использование индивидуальных конституциональных и характерологических различий. Многие утопии строятся так, как будто все люди взаимозаменяемы и равны друг другу. Мы же должны принять тот факт, что существуют очень широкие пределы вариаций интеллекта, характера, конституции и т. д. Если допускаются проявления индивидуальности, особенностей характера и личной свободы, то необходимо уточнить диапазон индивидуальных различий, требующих учета. В вымышленных утопиях не было слабоумных, не было сумасшедших, сенильных и т. п. Более того, зачастую в них неявно присутствует некоторый стандарт желательного типа человека, стандарт, который кажется мне слишком узким в свете наших сегодняшних знаний о диапазоне вариаций человеческих существ. Как подогнать самых разных людей под одну систему правил или законов? Намереваетесь ли вы допустить широкий плюрализм, например стилей или фасонов одежды, обуви и т. д. ? В Соединенных Штатах сегодня допускается широчайший, хотя и не полный, диапазон выбора продуктов питания, однако очень узкие рамки выбора фасонов одежды. Фурье, например, основывал всю свою Утопию на полном принятии и использовании очень широкого спектра конституциональных различий. У Платона же, напротив, различались только три типа людей. Сколько типов нужно вам? Может ли быть общество без отклонений? Снимает ли концепция самоактуализации этот вопрос? Если вы принимаете широту спектра индивидуальных различий и множественность характеров и талантов, тогда получится общество, действительно приемлющее большую часть человеческой природы, если не всю ее. Подразумевает ли самоактуализация принятие уникальных особенностей или отклонений? До какой степени?

4. Проиндустриальное или антииндустриальное? Пронаучное или антинаучное? Проинтеллектуальное или антиинтеллектуальное? Многие утопии задумывались в духе Торо — пасторальными, по большей части сельскохозяйственными (например, "Школа жизни" Борсоди). Многие из них олицетворяли уход от городов, машин, денежной экономики, разделения труда и т. д. Согласны ли вы с этим? Насколько реальна децентрализованная сельская экономика? Насколько возможна даосистская гармония с природой? Города-сады? Фабрики-сады? С примыкающими жилыми зданиями, чтобы свести на нет уличное движение? Неизбежно ли порабощение людей современной техникой? Конечно же, в разных странах существуют небольшие группы людей, возвращающиеся к сельскому хозяйству, и очевидно, что такой вариант вполне подходит для небольших групп. Осуществим ли он для всего человечества? С другой стороны, некоторые искусственные сообщества строились и строятся вокруг производства, а не сельского хозяйства или ручного труда.

Во многих антитехнических, антигородских философских концепциях часто сквозит антиинтеллектуализм, антисциентизм, антиабстрактное мышление. Интеллект, наука и абстрактное мышление рассматриваются некоторыми как что-то низменное, оторванное от конкретной действительности, неживое, противостоящее красоте и чувствам, неестественное и т. д. (Maslow, 1966 b, p. 126).

5. Централизованное, социалистически-плановое или децентрализованно-анархистское общество? До какой степени реально планирование? Должно ли оно быть централизованным? Должно ли оно быть принудительным? Большинство интеллектуалов знают очень мало или вообще ничего не знают о философском анархизме. (Я рекомендую периодическое издание "Manas".) Один из базовых аспектов философии Манас — это философский анархизм. Он подчеркивает децентрализацию, в противовес централизации, локальную автономию, личную ответственность, недоверие к крупным организациям любого рода или к крупной концентрации любой власти. Он не доверяет силе как социальному методу. Это экологическая и даосистская философия в своем отношении к природе, действительности и т. п. В какой степени сообществу, например кибуцу, фроммовской фабрике, фермерскому или фабричному кооперативу и т. д., нужна иерархия? Необходимо ли руководство? Власть над другими людьми? Власть навязывать волю большинства? Власть наказывать? Научное сообщество можно рассматривать как пример эвпсихической "субкультуры", не имеющей лидера, децентрализованной, добровольной и при этом скоординированной, продуктивной и обладающей эффективным этическим кодексом (который действительно работает). Ему можно противопоставить субкультуру Синанона (высокоорганизованную, иерархически структурированную).

6. Проблема зла. Во многих утопиях этот вопрос попросту опускается. Либо надеются на его автоматическое решение, либо просто его игнорируют. В утопиях нет тюрем, никого не наказывают. Никто никому не причиняет зла. Преступность отсутствует. Я же исхожу из базового предположения о том, что проблема зла, или психопатологического поведения, порока, насилия, зависти, жадности, эксплуатации, лени, разврата, злости и т. п. должна рассматриваться и

решаться осознанно. ("Кратчайший и вернейший путь к отчаянию и капитуляции — это вера в то, что где-то существует такой порядок вещей, при котором невозможны конфликты, борьба за выживание, глупость, алчность, личная зависть", — говорил Дэвид Лилиенталь.) Проблема зла должна обсуждаться и во внутриличностном аспекте, и в терминах социальной организации, то есть и на психологическом уровне, и на социальном (что также подразумевает и исторический аспект).

7. Опасность нереалистичного перфекционизма. Я полагаю, что перфекционизм как убеждение в необходимости идеальных или совершенных решений опасен. История утопий полна подобных нереалистичных, недостижимых фантазий (например: "Давайте все возлюбим ближнего своего", "Давайте всё разделим поровну", "Со всеми людьми всегда нужно обращаться как с равными", "Ни у кого не должно быть никакой власти ни над кем", "Применение силы — всегда зло", "Нет плохих людей, есть только люди, которых не любят"). Обычно это приводит к перфекционизму или нереалистичным ожиданиям, что приводит к неизбежной неудаче, что приводит к утрате иллюзий, что в свою очередь приводит к апатии, разочарованию или активной враждебности ко всем идеалам и всем нормативным надеждам и попыткам. То есть, перфекционизм очень часто (а может и всегда) не приводит ни к чему кроме враждебности по отношению к нормативным надеждам. Часто, когда перфекционизм оказывался нереалистичным, нереальной начинали считать и любую возможность улучшения.

8. Что делать с агрессией, враждебностью, борьбой, конфликтами? Можно ли их устранить? Являются ли агрессивность или враждебность в некотором смысле инстинктивными? Какие социальные институты разжигают конфликты? Какие сводят их к минимуму? Если войны неизбежны, пока человечество разделено на суверенные государства, то может ли отпасть необходимость в применении силы в грядущем едином мире? Нужна ли будет правительству такого мира полиция или армия? В качестве основания для обсуждения предлагаю главу 10 "Инстинктивна ли деструктивность?" в моей книге "Мотивация и личность" (Maslow, 1954) и Приложение Б²¹. Мои общие выводы таковы: очевидно, что агрессивность, враждебность, борьба, конфликт, жестокость и садизм проявляются очень часто (возможно, повсеместно) на кушетке психоаналитика, то есть в фантазиях, снах и т. д. Я допускаю, что агрессивное поведение присутствует у всех либо в актуальной, либо в потенциальной форме. Когда я вижу полное отсутствие агрессивности, то подозреваю действие вытеснения, подавления или самоконтроля. Я считаю, что с переходом от психологической незрелости или невроза к самоактуализации или зрелости существенно меняется характер агрессии, что садистическое или жестокое поведение является характеристикой агрессии, типичной для неразвитых, невротичных или незрелых людей, но с переходом к личной зрелости и свободе характер этой агрессии меняется в сторону реактивного или справедливого негодования, в сторону здорового самоутверждения, сопротивления эксплуатации и доминированию, стремления к справедливости и т. д. Я также считаю, что успешная психотерапия изменяет характер агрессии именно в этом направлении, то есть от жестокости к здоровому самоутверждению. Я также считаю, что словесное выражение агрессии снижает вероятность собственно агрессивного поведения. Я полагаю, что социальные институты могут быть организованы таким образом, чтобы соответственно снижать или повышать вероятность определенного типа агрессии. Я считаю, что некоторый выход для агрессии более необходим для юношей, чем для девушек. Существуют ли методы обучения молодых людей разумному управлению и выражению своей агрессии, так, чтобы достигалось удовлетворение без причинения вреда другим?

9. Насколько простой должна быть жизнь? Каковы желаемые пределы сложности жизни?

10. В какой степени общество должно допускать приватность отдельного человека, ребенка, семьи? Какова должна быть доля общественной жизни, мероприятий, коллективизма? Какова должна быть доля приватности, самостоятельности, невмешательства?

11. Насколько терпимым может быть общество? Можно ли все прощать? Что должно караться? Насколько терпимо должно быть общество по отношению к глупости, неискренности, жестокости, психопатии, преступности и т. д. ? Какова должна быть степень защиты, предусмотренной в системе социальной организации, скажем, для слабоумных, престарелых, невежественных, убогих и т. п. ? Этот вопрос также важен, поскольку он поднимает проблему излишней опеки и притеснения тех, кто в ней не нуждается, что приведет к ограничению свободы мысли, обсуждения, экспериментирования, проявлений личных особенностей и т. п. Он также поднимает

²¹ Приложение Б — в качестве этого приложения в оригинальном издании книги Маслоу помещена статья Маслоу А., Рэнд Х., Ньюмэн С. // Некоторые параллели между сексуальным и доминантным поведением приматов и фантазиями пациентов в психотерапии (с. 351-368 издания 1971 г). В настоящее издание это и другие приложения не включены.

проблему опасностей стерильной атмосферы, тенденции писателей-утопистов каким-либо образом устранить все угрозы и все зло.

12. Насколько широк должен быть диапазон допустимых общественных вкусов? Насколько нужно быть терпимым к тому, что вы не одобряете? Насколько терпимым к деградации, уничтожению ценностей, низменным вкусам? А как насчет наркомании, алкоголя, ЛСД, сигарет? Насчет вкусов телевидения, кино, прессы? Обычно говорят, что этого публика и хочет, и, скорее всего, это в некоторой степени соответствует статистической истине. Насколько нужно вмешиваться во вкусы среднего человека? Предусматриваете ли вы равное право голоса для одаренных, для гениев, для талантливых, творческих и способных, с одной стороны, и для слабоумных, с другой? Что бы вы сделали с Би-Би-Си? Должна ли она всегда поучать? Насколько она должна отражать рейтинг Нильсена? Должно ли существовать три канала для различных типов зрителей? Пять каналов? Несут ли создатели фильмов, телепрограмм и т. д. какую-либо ответственность за воспитание публики и развитие ее вкусов? Чья это обязанность? Или вообще ничья? Что делать, скажем, с гомосексуалистами, педофилами, эксгибиционистами, садистами и мазохистами? Можно ли подпускать гомосексуалистов к детям? Предположим, что пара гомосексуалистов ведет свою половую жизнь в полной уединенности — должно ли вмешиваться общество? Если садист и мазохист тайком доставляют друг другу удовольствие, есть ли до этого дело публике? Могут ли они давать публичные объявления о поиске партнера? Могут ли трансвеститы показываться в таком виде на улицах? Следует ли эксгибиционистов наказывать, ограничивать или держать в заключении?

13. Проблема лидера (и последователя), способного, сильного, превосходного босса, предпринимателя. Возможно ли полностью восхищаться теми, кто (фактически) превосходит нас, любить их? Можно ли преодолеть амбивалентность в отношении к ним? Как защитить их от зависти, затаенной обиды, "дурного глаза"? Даже если бы всем новорожденным предоставили равные возможности, разнообразные индивидуальные различия в способностях, одаренности, интеллекте, силе и т. д. все равно проявились бы на протяжении жизни. Что делать с ними? Следует ли давать большие награды, большую плату, большие привилегии тем, кто более талантлив, более полезен, кто наиболее производителен? Где могла бы работать концепция "серых кардиналов", то есть меньшей (денежной) оплаты более сильных, с вознаграждением их, возможно, в нематериальной форме, то есть в форме удовлетворения их высших потребностей и метапотребностей, например, предоставлением им свободы, автономии, возможностей самоактуализации? Насколько реален обет бедности (или, по крайней мере, скромности) для руководителей, боссов и т. п. ? Сколько свободы давать предпринимателю, человеку с сильной потребностью достижения, организатору, инициатору, тому, кому нравится управлять вещами и людьми, кому нравится обладать властью? Как обеспечить добровольное подчинение? Кто будет убирать мусор? Как будут строиться отношения между сильными и слабыми? Между более и менее способными? Как добиться любви, уважения и благодарности по отношению к представителям власти (полицейским, судьям, законодателям, отцу, капитану)?

14. Возможна ли постоянная удовлетворенность? Возможно ли немедленное удовлетворение? В качестве основы для обсуждения я рекомендую главу 18 этой книги, а также некоторые работы К. Уилсона (*Wilson, 1967*) и книгу "Труд и природа человека" Ф. Херцберга (*Herzberg, 1966*). Можно считать, что удовлетворенность практически для всех людей является состоянием преходящим независимо от социальных условий и что искать вечного удовлетворения бессмысленно. Сравните блага, ожидаемые от богатства, свободного времени, выхода на пенсию с концепциями рая и нирваны. С этим перекликается тезис о том, что решение "низших" проблем приносит не столько удовлетворенность, сколько проблемы и желания "высшего" порядка.

15. Как должны мужчины и женщины приспосабливаться друг к другу, получать удовольствие друг от друга, уважать друг друга? Большинство утопий было написано мужчинами. Будут ли представления женщин о совершенном обществе иными? Большинство утопий были патриархальными в явной или скрытой форме. В любом случае, на протяжении всей истории женщины считались ниже мужчин по интеллекту, лидерским способностям, креативности и т. д. Теперь, когда женщины, по крайней мере в развитых странах, добились эмансипации и получили возможность самоактуализироваться, как это скажется на взаимоотношениях между полами? Как должен измениться мужчина для того, чтобы приспособиться к новому типу женщины? Реально ли трансцендировать элементарную иерархию "доминантность-подчинение"? Каким был бы эвпсихический брак, то есть союз между самоактуализирующимся мужчиной и самоактуализирующейся женщиной? Какими были бы функции и обязанности женщины и какую работу она бы выполняла в Эвпсихии? Как бы изменилась половая жизнь? Как бы определялись мужественность и женственность?

16. Проблема институционализированных религий, личных религий, "духовной жизни", жизни ценностей, метамотивированной жизни. Все известные нам культуры обладают и, скорее всего, всегда обладали той или иной религией. Впервые стали возможны не-религия, гуманизм, неинституционализированная личная религия. Какая религиозная, духовная или ценностная жизнь была бы в Эвпсихии или в небольшом эвпсихическом сообществе? Если групповые религии, религиозные институты, исторические религии продолжали бы существовать, как бы они изменились? Чем бы они отличались от религий прошлого? Как следует строить воспитание и образование детей в направлении к самоактуализации и ценностной жизни (духовной, религиозной и т. д.)? Как воспитывать хороших членов Эвпсихии? Можем ли мы научиться чему-либо у других культур, в том числе высоко синергичных, из этнографической литературы?

17. Проблема интимных групп, семей, братств, товариществ, союзов. Похоже, что существует инстинктоидная потребность в принадлежности, корнях, контактных группах, в которых свободно распространяется привязанность и интимность. Достаточно очевидно, что это должны быть малые группы, несомненно не более чем с пятьюдесятью или ста членами. В любом случае маловероятно, чтобы интимность и привязанность существовали между миллионами людей, поэтому любое общество должно организовывать себя снизу вверх, начиная с уровня интимных групп какого-либо вида. В нашем обществе, по крайней мере в городах, это семья. Есть религиозные союзы, женские и мужские общины. В Т-группах и группах встреч практикуются искренность, обратная связь, честность перед другими, стремление к дружбе, выражению чувств и интимности. Возможно ли институционализировать что-либо в этом роде? Индустриальное общество склонно к высокой мобильности — люди в нем очень много перемещаются. Должно ли это обрывать корни и связи между людьми? Должны ли в группы входить представители разных поколений? Или это могут быть группы ровесников? Похоже, что дети и подростки не способны к полному самоуправлению (если только их специально не воспитывают в этом духе). Возможно ли, чтобы группы молодых сверстников жили бы по своим собственным ценностям, то есть без отцов, матерей, без старших?

Вопрос: возможна ли интимность без секса?

18. Эффективный помощник; помощник вредящий. Эффективная не-помощь (даосистское невмешательство). Бодхисатва. Исходя из предположения о том, что в любом обществе более сильный желает или, по крайней мере, должен помочь более слабому, каков наилучший способ оказать помощь другим (более слабым или бедным, менее способным или умным)? Каков лучший способ помочь им стать сильнее? Какую меру их автономии и ответственности за самих себя было бы разумно принять на себя, будь вы более сильным или зрелым человеком? Как вы можете помочь другим людям, если они бедны, а вы богаты? Как могут богатые страны помогать бедным? В целях обсуждения, я произвольно определяю Бодхисатву как человека, который: (а) желает помочь другим; (б) осознает, что он может помогать лучше по мере того, как становится более зрелым, здоровым, более полноценным человеком; (в) знает, когда следует действовать в духе даосизма и невмешательства, то есть не помогать; (г) предлагает свою помощь, а воспользоваться ли ею — оставляет на усмотрение другого человека; (д) считает, что верный путь к личному росту лежит через помощь другим. Иными словами, если кто-то желает помочь другим людям, наилучшим способом это сделать будет стать более совершенным человеком самому.

Вопрос: какое количество людей, не помогающих другим (т. е. ищущих собственное спасение, отшельников, набожных нищих, людей, оставляющих общество ради уединения, медитирующих в одиночестве в какой-нибудь пещере и т. д.) может ассимилировать общество.

19. Институционализация секса и любви. Мне кажется, что развитые общества сейчас движутся по направлению к совпадению начала половой жизни с возрастом полового созревания, без брака или каких-либо иных уз. Существуют "примитивные" общества, в которых практикуется нечто подобное, то есть довольно широкий добрачный промискуитет вкупе с более или менее строгой моногамией в браке. В этих обществах брачный партнер выбирается скорее не по сексуальным соображениям, поскольку секс легко доступен, а по личному вкусу, как партнер по культуре, например, для продолжения рода, для экономического разделения труда и т. д. Правильно ли это предположение? Каковы следствия из него? Уже возник исключительный диапазон разброса в сексуальном влечении или половой потребности, особенно среди женщин (в нашей культуре). Было бы неразумным считать, что все наделены половой потребностью в одинаковой степени. Как в совершенном обществе принять широкий спектр различий в сексуальном аппетите?

Сексуальность, любовь и семейный уклад сейчас претерпевают быстрые изменения во многих странах, в том числе и во многих утопистских сообществах, где возникают, например, группы промискуитета, группового брака, клубы "обмена партнерами", незаконные браки и т. д. (см., например, романы Роберта Риммера). Предлагаются все новые варианты отношений и многие из

них реализуются на практике. Данные о результатах этих "экспериментов" пока отсутствуют, но когда-нибудь они станут доступными, и тогда их будет необходимо изучить.

20. Проблема выбора наилучших лидеров. В нашем обществе существует множество групп, например подростковых, которые зачастую предпочитают плохих лидеров хорошим. То есть они выбирают людей, ведущих их к саморазрушению и поражению — неудачников, а не победителей — параноидальных, психопатичных личностей, хвастунов. Любое совершенное общество, которое стремится к росту, должно быть способным выбрать в качестве лидеров людей, наиболее соответствующих этой роли по своим действительным качествам и способностям. Как стимулировать подобные верные выборы? При какой политической структуре будет наиболее возможен приход к власти, скажем, параноидальной личности? Какие типы политической организации снизят или совсем устранят такую вероятность?

21. Каковы наилучшие социальные условия для того, чтобы человеческая природа развилась до полной человечности? Это нормативный способ исследования проблемы личности и культуры. Сюда относится новая литература по социальной психиатрии и умственной гигиене, а также движение социальной гигиены и различные формы групповой терапии, с которыми экспериментируют в эвпсихических образовательных сообществах наподобие Эсаленского института. Здесь следует рассмотреть вопрос о том, как сделать более эвпсихичными школы, университеты и все образование вообще, распространив это далее на все социальные институты. Примером подобной нормативной социальной психологии является эвпсихический менеджмент (в соответствии с "теорией Y"). При этом общество и каждый из его институтов определяются как "хорошие" в той мере, в какой они способны помочь людям развиваться в направлении большей человечности, и как "плохие", или психопатогенные, в той мере, в какой они подавляют человечность. Здесь, равно как и в других местах, безусловно необходимо обсудить проблемы социальной и индивидуальной патологии.

22. Может ли оздоравливающая группа сама по себе являться путем к самоактуализации? (См. материалы по эвпсихической фабрике, по Синанону, интенциональному сообществу и т. д.) Некоторые люди убеждены, что интересы индивида должны противопоставляться интересам группы, института, организации, всего общества — самой цивилизации. В истории религии было немало мистиков-одинок, чьи личные прозрения противопоставляли их церкви. Может ли церковь способствовать индивидуальному развитию? Могут ли это делать школы? Заводы?

23. Как "идеализм" соотносится с практичностью, "материализмом", "реализмом"? Я считаю, что базовые потребности более низкого уровня доминируют над потребностями более высокого уровня, которые в свою очередь доминируют над метапотребностями (внутренними ценностями). Из этого следует, что материализм доминирует над "идеализмом", но это также означает, что и то и другое существует и является психологической реальностью, с которой следует считаться при построении любых эвпсихических или утопических концепций.

24. Многие утописты представляли себе мир, состоящий исключительно из вменяемых, здоровых и дееспособных граждан. Даже если общество изначально отберет таких индивидов, некоторые из них со временем станут больными, престарелыми, слабыми или ущербными. Кто будет о них заботиться?

25. Я считаю, что уничтожение социальной несправедливости неизбежно выведет на первый план биологическую несправедливость, генетическое, пренатальное и нахальное неравенство. Например, некоторые дети рождаются с пороком сердца, что, конечно, несправедливо. Несправедливо и то, что один одареннее, интеллектуальнее, сильнее или красивее, чем другой. Биологическую несправедливость может быть труднее вынести, чем несправедливость социальную, для которой можно привести больше оправданий. Что можно сделать с этим в совершенном обществе?

26. Нужны ли обществу или какой-либо его части невежество, неинформированность, сокрытие правды, цензура, слепота? Предназначены ли некоторые истины только для правящей группы? Диктатура, будь она самой благожелательной, всегда требует некоторого сокрытия информации. Какая правда может считаться опасной, скажем, для молодежи и т. д.? В джефферсоновской демократии правда должна быть общедоступна.

27. Многие реализованные или вымышленные утопии полагались на мудрого, благожелательного, проницательного, сильного и эффективного лидера, царя-философа. Но можно ли на это рассчитывать? (См. например, современную версию в лице Фрейзера в книге "Уолден Два" Б. Скиннера — Skinner, 1948). Кто выберет этого идеального лидера? Как гарантировать, что его власть не попадет в руки тирана? Возможны ли вообще такие гарантии? Что будет, если хороший лидер умрет? Насколько реальны отсутствие руководителя, децентрализация власти и ее удержание каждым человеком и группами без лидера?

28. По меньшей мере некоторые успешные утопистские сообщества прошлого и настоящего, например Брудерхоф, встроили в свою культуру механизмы чистосердечной и искренней публичной или приватной исповеди, обсуждения друг друга, взаимной честности, правдивости и обратной связи. На данный момент это относится к Т-группам (группам встреч), к Синанону и аналогичным группам эвпсихических (в духе "теории Y") заводов и производств, к различным типам терапевтических групп и т. д. См. брошюры "Эсален" (Esalen Institute, 1965-1969), "Туннель назад: Синанон" (Yablonsky, 1965), с. 154-187 в моей книге "Эвпсихическое управление" (Maslow, 1965), "Поедатели лимонов" (Sohl, 1967) и старые выпуски "Журнала прикладных наук о поведении" (Isherwood, 1964) и "Журнала гуманистической психологии" (Journal of Humanistic Psychology) и т. д.

29. Как интегрировать энтузиазм со скептическим реализмом? Мистицизм с практической смекалкой и хорошей проверкой реальностью? Идеалистичные и перфекционистские, а значит недостижимые, цели (необходимые чтобы задать общее направление) с благодушным принятием неизбежного несовершенства средств?

16. Синанон и Эвпсихия.

Прежде всего, чтобы заранее предупредить какое-либо неверное толкование моих слов, должен признаться, что я жил весьма а замкнутой и уединенной жизнью. Я не знал вообще ничего о многом из того, что происходит здесь, и одна из причин моего приезда заключается в моем желании с новой для меня точки зрения посмотреть на жизнь людей, живших не так изолированно, как я. Хотелось посмотреть, что нового я могу узнать. Вам я могу быть полезен как наивный с вашей точки зрения человек, тот, кто новыми Глазами смотрит на привычные для вас вещи и, может быть, видит что-то, для вас привычное и потому незаметное. Возможно, я смогу вам помочь, рассказав о своей реакции на то, что я узнал, и о вопросах, которые у меня возникли.

По профессии я психолог — теоретик и исследователь. В прошлом я занимался клинической психотерапией, но в ситуации, которая очень сильно отличается от здешней, использовал иные методы и работал с другими типами людей — со студентами колледжей в частности и представителями привилегированных групп вообще. Всю жизнь я учился быть осторожным с людьми, быть мягким и деликатным по отношению к ним, обращаться с ними, как с хрупким фарфором. Из происходящего здесь меня в первую очередь заинтересовали свидетельства того, что такой подход, возможно, в целом неверен. Из того, что я читал о Синаноне, и того, что я увидел здесь, напрашивается вывод о том, что представления о человеке как о хрупком сосуде, о том, что нельзя говорить с людьми резко, поскольку это может их травмировать или им повредить. идея о том, что люди с легкостью разрыдаются, сломаются или покончат с собой, стоит лишь на них накричать, — все эти представления, возможно, устарели.

Основное положение, на котором основывается работа ваших групп, заключается в том, что люди крепки, а не хрупки. Они могут вынести многое. Лучше всего обращаться с ними прямо, а не ходить вокруг да около, или излишне деликатничать с ними, или пытаться обойти их с тыла. Необходимо сразу бить в суть. Я предложил называть это "терапией без соплей" ("no crap therapy"). Она служит тому, чтобы снять механизмы защиты, отключить рационализацию, убрать камуфляж, прорваться за обтекаемость и вежливость, принятые в этом мире. Можно сказать, что мир наполовину ослеп, а то, что я видел здесь, является восстановлением зрения. В ваших группах люди не желают терпеть обычный камуфляж. Они попросту срывают его и отказываются выслушивать всякую ерунду, какие-либо оправдания или уклончивые ответы.

Поинтересовавшись, я узнал, что такой подход работает прекрасно. Совершил ли кто-нибудь самоубийство или как-нибудь иначе сломался? Нет. Сошел ли кто-нибудь с ума от столь жесткого обращения? Нет. Я наблюдал за этим: разговор шел напрямую, и все было прекрасно. Это противоречит всему, чему нас учили, и это очень важно для меня как для психолога-теоретика, пытающегося понять суть человеческой природы. Встает реальный вопрос о природе людей. Насколько люди сильны? Насколько они выносливы? Очень важный вопрос заключается в том, сколько правды люди могут вынести. Насколько она для них полезна, а насколько вредна? Здесь мне на ум приходит строка из Т. С. Элиота: "Слишком много действительности для человечества губительно". Он хочет сказать, что люди не могут посмотреть в глаза реальности. С другой стороны, тот опыт, который вы получаете здесь, свидетельствует не только о том, что люди могут принять правду, но также и о том, что она может быть весьма полезна или терапевтична. Она убыстряет процесс. И это так даже тогда, когда правда причиняет боль.

От своего друга, очень интересующегося Синаномом, я услышал о наркомане, прошедшем через это и впервые в жизни испытывавшем настоящую интимность, истинную дружбу, подлинное уважение. Это был его первый опыт честности и прямоты, и впервые в жизни он почувствовал, что может быть самим собой и что люди его за это не убьют. Это было приятно: чем больше он был самим собой, тем больше его за это любили. И он сказал то, что произвело на меня сильнейшее впечатление. Он думал о своем друге, которого любил и которому, по его мнению, все это могло сильно помочь. Он сказал нечто, на первый взгляд совершенно безумное: "Очень жаль, что он не наркоман, потому что будь он наркоманом, он смог бы попасть в это прекрасное место". В своем роде это маленькая Утопия, место, отделенное от остального мира, в котором вы можете испытать подлинную прямоту, истинную дружбу и уважение, создаваемые честностью, и стать частью настоящей группы, работающей совместно как единое целое.

Здесь я понял еще одно: может быть, именно здесь существуют элементы совершенного общества, а безумие остается снаружи. Довольно давно я работал с индейцами племени блэкфут. Они замечательные люди. Меня интересовал этот тип личности, так что я провел с ними некоторое время и узнал их гораздо лучше. И все равно я испытал довольно странное чувство. Я приехал в резервацию, считая, что индейцы — музейный экспонат, наподобие коллекции бабочек. Затем постепенно мое мнение стало меняться. Индейцы в резервации были порядочными людьми, а белые, жившие в деревне, представляли собой сборище самых отпетых негодяев и подонков, каких я только встречал, и чем больше я узнавал их, тем более парадоксальным все начинало казаться. Где же здесь был истинный приют для убогих? Кто же здесь был надсмотрщиком, а кто находился под присмотром? Все перемешалось и стало таким, каким и должно быть в небольшом совершенном обществе. Там была создана не богадельня, а скорее оазис в пустыне.

Еще одна мысль пришла мне в голову в ходе беседы за обедом. Происходящий здесь процесс, по сути, ставит вопрос о том, что вообще нужно людям. Мне кажется, существует достаточное количество доказательств, что то, в чем люди как человеческие существа действительно нуждаются, можно перечислить по пальцам. Это довольно простые вещи. Люди нуждаются в чувстве защищенности и безопасности, в том, чтобы о них заботились, пока они малы, так, чтобы они чувствовали себя в безопасности. Это во-первых. Во-вторых, они нуждаются в чувстве принадлежности, к семье, клану или группе, к которой они будут ощущать себя по праву причастными или принадлежащими. В-третьих, им нужно ощущать, что их любят, что они заслуживают любви. И, в-четвертых, им необходимо чувство уважения и положительной самооценки. Вот практически и все. Можно говорить о психологическом здоровье, о том, что для того, чтобы быть зрелым и сильным, взрослым и креативным, по большей части необходимо, чтобы требования этой психологической медицины выполнялись — это похоже на роль витаминов. Но если это так, значит большинство населения Америки страдает от недостатка этих "витаминов". С помощью множества различных уловок пытаются скрыть правду, но правда заключается в том, что средний американский гражданин не имеет настоящего друга в этом мире. Очень немногие обладают тем, что психолог мог бы назвать настоящей дружбой. Браки также далеки от этого идеала. Можно сказать, что наши проблемы, явные проблемы — неспособность сопротивляться алкоголю, неспособность сопротивляться наркотикам, неспособность сопротивляться преступности, неспособность сопротивляться ничему — все они обусловлены неудовлетворенностью этих психологических потребностей. Вопрос заключается в том, предоставляет ли Дейтоп эти психологические "витамины". Как мне показалось, пока я бродил по этому месту, — предоставляет. Напомню, в чем они заключаются: во-первых — безопасность, свобода от тревоги, свобода от страха; во-вторых — принадлежность (необходимо принадлежать к группе); в-третьих — любовь (должны быть люди, которые вас любят); и, наконец, уважение (необходимо получать уважение от других людей). Возможно, Дейтоп потому и эффективен, что предоставляет среду, в которой люди могут все это получать.

У меня возникло множество новых впечатлений и идей. Я задавал тысячи вопросов и проверял тысячи гипотез, но похоже, что все они — часть одного целого. Позвольте мне объяснить это следующим образом: считаете ли вы, что эта искренняя честность, эта прямота, которая временами выглядит жестокой, обеспечивает основу для безопасности, любви и уважения? Она причиняет боль, и это неизбежно. Каждый из вас прошел через это. Считаете ли вы это верным путем? Накануне я присутствовал на интервью с новым кандидатом в коммуну. Шпаги были обнажены, ни в какой деликатности не было и речи. Разговор шел напрямую, в лоб. Итак, кажется ли вам, что это то, что вам помогает? Это один из вопросов, на который я очень хотел бы услышать ответ. Другой вопрос заключается в том, обеспечивает ли этот тип группового функционирования, где все делается сообща и о всех заботится группа, чувство принадлежности, было ли это чувство прежде? Вполне возможно, что эта жестокая честность не является оскорбительной, а скорее служит основой для уважения и дружбы.

Я помню, как довольно давно, еще до появления групповой терапии, слушал одного аналитика. Он также говорил о честности. То, что он говорил, в то время казалось странным, может быть даже бессердечным или жестоким: "Я возлагаю на своих пациентов самый большой груз тревоги, который только они могут вынести". Понимаете ли вы, что это значит? Он выкладывает им столько, сколько они могут вынести, поскольку чем больше они смогут выдержать, тем быстрее все пойдет. Это выглядит не так уж и странно в свете того, что происходит здесь.

Это подводит нас к идее воспитания и пониманию Дейтопа в качестве воспитательного учреждения. Это оазис, небольшое совершенное общество, которое обеспечивает то необходимое, что другие общества не обеспечивают, хотя должны бы. Дейтоп поднимает вопрос о воспитании в целом и о том, как различные культуры его используют. Воспитание — это не только книги и слова. Уроки Дейтопа важны для воспитания в более широком смысле — они важны для понимания того, как стать хорошим взрослым человеком.

[Примечание. С этого момента завязалась дискуссия, представлявшая собой оживленный обмен мнениями между д-ром Маслоу и жителями Дейтопа. К сожалению, многие интересные замечания членов коммуны не сохранились на пленке, поэтому оставшаяся часть этой стенограммы содержит лишь высказывания д-ра Маслоу, которые были достаточно полными и самодостаточными для того, чтобы быть понятными вне контекста дискуссии.]

О Дейтопе и теории самоактуализации. В принципе, каждый может достичь самоактуализации. Если кому-то это не удастся, то лишь потому, что произошло что-то, блокировавшее процесс. Здесь к этому пониманию добавилось, что стремление к зрелости, ответственности, хорошей жизни настолько сильно, что люди в гораздо большей степени, чем я предполагал, могут выдержать все то жесткое обращение, которому вы их подвергаете. По меньшей мере, это верно для некоторых людей. Людям как бы приходится пробиваться сюда через боль, стыд и тому подобное. Это произвело на меня сильное впечатление, так как свидетельствует о том, что потребность в самоактуализации на самом деле сильнее, чем я предполагал. Конечно же, те люди, которые здесь собрались, изначально могли это выдержать. Кто же не мог? Скольких людей эта честность отпугнула, оказавшись для них чересчур болезненной?

О развитии ответственности. Похоже, что один из способов воспитания зрелости заключается в том, чтобы предоставить людям ответственность, исходя из того, что они способны нести ее, позволить им бороться и работать в поте лица. Позволить им самим добиваться всего вместо того, чтобы всячески их оберегать, потакать им или делать все за них. Конечно, с другой стороны существует вообще полное отсутствие заботы, но это другая крайность. Мне кажется, то, что здесь происходит, как раз является развитием чувства ответственности. Вы не слушаете всякую ерунду, которую вам говорят, и все, что вам надо сделать, вы делаете сами. Никакие оправдания и отговорки не принимаются.

Я могу проиллюстрировать это примером из жизни индейцев блэкфут. Это люди сильного характера, с чувством собственного достоинства, и они были самыми бесстрашными воинами. Они были сильны духом, они могли выстоять. Если бы можно было пронаблюдать за тем, как они становятся такими, думаю, причина оказалась бы в огромном уважении, с которым блэкфут относятся к своим детям. Могу привести пример. Я помню маленького ребенка, толком еще не умевшего ходить, который пытался открыть дверь хижины — у него не получалось. Это была большая, тяжелая дверь, и, как он ни давил на нее, она не открывалась. Американцы бы встали и открыли для него дверь. Индейцы блэкфут же сидели битых полчаса и смотрели, как ребенок пытается открыть дверь, пока он не смог это сделать сам. Ему пришлось попотеть, зато потом все хвалили его за то, что он смог это сделать сам. Я хочу сказать, что индейцы блэкфут уважают ребенка больше, чем американцы.

Другой пример. Мне очень нравился маленький мальчик, которому было где-то семь-восемь лет. Когда я к нему присмотрелся, оказалось, что он был довольно богатым парнем по меркам индейцев блэкфут. Ему принадлежало несколько лошадей и коров, и он владел узелком лекарств, обладавших особой ценностью. Один взрослый хотел купить этот узелок, бывший самой ценной вещью у мальчика. Его отец рассказал мне, что сделал маленький Тедди, когда получил это предложение (не забывайте, что ему было семь лет). Он ушел далеко от поселения, чтобы поразмыслить в одиночестве. Он ушел на двое или трое суток, жил бивачной жизнью и думал. Он не спросил совета у отца или матери, и они сами ему ничего не сказали. Он вернулся и объявил свое решение. Не могу себе представить, чтобы мы позволили такое семилетнему ребенку.

О новой социальной терапии. Это мысль, которая может оказаться интересной для вас по профессиональным соображениям. Появились новые вакансии на должность активиста — должность, для которой требуется скорее личный опыт, чем книжное образование. Это что-то среднее между сельским священником и учителем. Вы должны заботиться о людях. Вы должны

работать с ними в непосредственном контакте, а не на расстоянии; вы должны обладать наиболее полным знанием человеческой природы, которое только возможно. Я предложил называть это "социальной терапией". Похоже, что последние пару лет это направление развивается довольно активно. Наиболее успешно работают люди без всяких ученых степеней — те, кто на своем опыте знает жизнь улицы. Они знают, с чем имеют дело, знают, например, когда надо надавить, а когда стоит обращаться помягче.

Когда одну треть населения Америки и около 98% остального мира составляют люди, которых можно охарактеризовать как "непривилегированные слои", когда вдруг возникло стремление обучить грамоте безграмотных, а в психиатрии — стремление помочь людям достигнуть зрелости и ответственности, возникает острая нехватка людей для этой работы. У меня сложилось впечатление, что обычное академическое образование может здесь в чем-то помочь, но его недостаточно. В настоящее время многое из этого ложится на плечи социальных работников, а типичный социальный работник, насколько я знаком с их подготовкой, мало понимает, что же происходит на самом деле. То есть ему не хватает личного опыта. Так что, возможно, стоит укомплектовать все эти службы, по меньшей мере частично, людьми, умудренными опытом, а не напичканными лекциями. Одна из интересных сторон коммуны Дейтоп заключается в том, что ею управляют люди, прошедшие сквозь все переделки реальной жизни. Вы знаете, как обращаться с людьми, находящимися с вами в одной лодке. И это настоящая работа, возможно — новая профессия.

О происходящей социальной революции. Я могу в течение получаса приводить примеры того, как она происходит в разных областях жизни. Изменяются церкви, изменяется религия. Происходит революция. В некоторых областях она происходит быстрее, чем в других, но все они развиваются в одном эвпсихическом направлении, то есть в направлении более полноценно человеческих людей. Это путь людей настолько сильных, творческих и исполненных радости, насколько люди вообще способны жить, радоваться жизни, быть психологически и физически здоровыми. Можно упомянуть эвпсихическую религию, возникающую сейчас. У меня есть книга "Эвпсихическое управление" (Maslow, 1965) о положении на производстве, заводах и т. д. Там также происходит революция. В некоторых местах вся организация труда строится так, чтобы быть благоприятной, а не губительной для человеческой природы. Такие порядки способствуют развитию человеческой природы, а не подавляют ее.

Существуют книги и статьи, с тех же позиций рассматривающие супружество, любовь и секс. Все они направлены к некоторому идеалу, указывающему нам направление, в котором мы идем, дорогу, по которой человек шагает прямо и смело, как настоящий человек, достигший максимального развития.

Конечно же, основная масса общества все еще играет роль балласта. Но существует столько точек роста, столько разнообразных областей, что можно смело назвать это движением будущего. Это не единственное место на земле, где обсуждаются подобные вещи, будьте в этом уверены. Существуют десятки других.

О большинстве из них мы не слышим, потому что они развиваются самостоятельно и независимо. Я знаю, что если у меня возникла хорошая идея, какое-то открытие, какая-нибудь прекрасная задумка, значит, коль скоро я смог до нее дойти, то одновременно еще несколько человек работает над ней. Это всегда реакция на то, что происходит вокруг, и наиболее чуткие люди восприимчивы к этому.

Все это происходит и в сфере образования. Мне кажется, что, если бы мы собрались и объединили весь свой опыт, позитивный или негативный, вместе мы смогли бы содрать шкуру с чертовой системы образования. Да, это сказано резко, но нужно считаться с реальной действительностью, реальными человеческими потребностями и человеческим развитием, а не с устаревшими традициями тысячелетней давности.

Говорить об эвпсихическом образовании непросто. Мне кажется, что вы также могли бы в этом помочь, отнесясь ко всему так, как я уже предлагал, то есть как к пилотажному эксперименту. Представьте, что весь мир стоит за вашей спиной и смотрит, к чему приведет вся ваша работа — что сработает, а что нет, что хорошо, а что плохо, что получится, а что потерпит неудачу.

Отчасти мы можем добиться успеха потому, что США — самая богатая страна в мире. Мы можем позволить себе посиживать здесь вместо того, чтобы вкалывать в поле за щепотку риса просто ради выживания. Нельзя назвать это роскошью, однако мы можем сидеть и говорить при этом, что на Земле совсем немного таких обществ, где вы могли бы потратить столько времени на разговоры и при этом не умереть с голоду. В этом смысле мы и представляем собой пилотажный эксперимент, где идеи проходят обкатку. Вы можете рассматривать свой опыт как практический урок или так, как биологи рассматривают растущую верхушку растения. Это не полностью иной

мир, а точка роста, как все это можно оптимистично назвать. Когда же вы настроены пессимистически, остальная часть общества, конечно же, представляется мертвым грузом. Она традиционна, консервативна, старорежимна. Нам преподают всякие уроки морального воспитания, которые, может быть, были хороши в 1850 году. В определенной степени это зависит от вашего настроения. Но я считаю, что справедливо говорить о том, что это не просто тихая заводь. Возможно, это точка роста человечества.

О группах встреч. Позвольте мне кое-что вам рассказать. Я был только в одной группе встреч — вчера вечером — и не знаю, как бы я повел себя, будь я в ней подольше. За всю мою жизнь со мной ни разу не обращались с такой прямоотой. Это разительный контраст по сравнению с обычным миром, миром университетской профессуры. Заседания кафедр, конечно же, не имеют ничего общего с этими встречами. Заседания эти практически бессмысленны, и я стараюсь по возможности их избегать — сплошная вежливость, никто слова поперек не скажет. Вспоминаю об одном профессоре, который не смог бы сказать "дерьмо", будь он в нем хоть по самые уши. Здесь же все по-другому, меня это вчера даже несколько выбило из колеи. В моем мире все так вежливы потому, что стараются избежать конфронтации. Вокруг полно благочестивых старых дев — я имею в виду "старых дев" мужского пола. Мне кажется, было бы здорово, если бы вы попали на одно из наших заседаний и по-настоящему в нем участвовали. Это бы просто все перевернуло. И мне кажется, так-то оно было бы лучше.

Важнейший вопрос для исследования. Здесь вновь возникает вопрос, который я уже несколько раз задавал. Это очень важный вопрос, и как я полагаю, ответ вам на самом деле неизвестен: почему одни остаются здесь, а другие — нет. Или иначе: если рассматривать Дейтоп как нечто вроде образовательного учреждения, то для какой доли населения и в какой степени оно может принести пользу? Сколько клиентов вы предполагаете принять? Для скольких людей это не подойдет? Нужно помнить, что люди, которые вообще сюда не обращаются, не учитываются при подсчете процента неудач.

Вы преодолели препятствия, вы преодолели страх. Что же вы думаете о тех людях, которые не смогли этого? В чем разница между ними и вами? Это практический вопрос, поскольку вы будете "выпускниками", вам в будущем предстоит управлять местами наподобие этого. Тогда вы столкнетесь с вопросом, как сделать так, чтобы больше людей оставалось у вас.

О психотерапии. Подобная проблема стоит и перед психоанализом, перед индивидуальной терапией. Теория, выведенная психоаналитиками и психотерапевтами на основании опыта, заключается в том, что именно прямота отпугивает людей от терапии. Так что они работают с людьми очень осторожно и выжидают по несколько месяцев, прежде чем взяться за истинную проблему. Сначала пытаются установить взаимоотношения, а потом — приложить немного давления. Здесь же все наоборот, никто не ждет по полгода, интенсивная терапия начинается сразу. Это вопрос о том, что наиболее эффективно и для кого, для скольких людей. По сравнению с обычной психоаналитической процедурой, похоже, что здесь все происходит гораздо быстрее.

Это напоминает мне кое о чем еще. Теория, которой меня учили и которой я руководствовался в психотерапии, заключалась в том, что, если дать людям правду, особой пользы это не принесет. Надо помочь им самостоятельно открыть правду о себе. И считается, что на это требуется немало времени, поскольку правда — это не самая приятная вещь. К ней надо подходить постепенно. Хочу вам сказать, что по сравнению с этой картиной, этой процедурой, правду здесь просто выкладывают прямо вам в лицо. Никто не сидит и не ждет по восемь месяцев, пока вы дойдете до нее самостоятельно. По крайней мере те, кто остается, принимают эту правду, и похоже, что она идет им на пользу. Это противоречит всей психологической теории.

О самопознании и группах. Так или иначе, группа помогает. Никто, кстати, не знает — почему. Известно только, что каким-то образом она помогает. У меня накопилась масса впечатлений, которые я еще не переработал. Я еще не знаю, что из всего этого можно вывести, потому что требуется время на то, чтобы все обдумать. На основании того, что мы говорили накануне, у меня складывается впечатление, что обратная связь от группы дает вам то, что вы не получили бы и за сто лет индивидуального психоанализа. Разговор о том, как кто-то выглядит, и о том, как вас видят другие, когда еще шесть человек подтверждает, что вы производите именно такое впечатление, на деле может открыть глаза. Вероятно, сформировать собственную идентичность или истинный образ самого себя невозможно, если вам неизвестно, как вас воспринимает остальной мир. Это новая идея. В психоанализе ее нет. То, как вас воспринимают другие, не учитывается. Важно лишь то, что вы сами, своими ощущениями сможете открыть в себе, в своей натуре, в своих снах и фантазиях.

Мне кажется, что, если бы я пробыл подольше с этой группой, я бы услышал вещи, ранее мной никогда не слышанные, как если бы здесь была кинокамера, которая могла бы мгновенно

показывать мне, как меня видят другие. Тогда бы я мог все взвесить и обдумать, задать себе вопрос: правы они или нет? Какова доля правды во всем этом? Мне кажется, таким образом я узнал бы больше о самом себе. Это знание самого себя помогло бы в поисках идентичности.

Когда преодолеешь боль, самопознание становится довольно приятной вещью. Приятно знать что-то, а не теряться в догадках по поводу этого. "Может быть, он не заговорил со мной, потому что я плохой, может быть, они так вели себя, потому что я плохой?" Для среднего человека жизнь — это лишь смена разных "может быть". Он не знает, почему люди улыбаются ему, а почему нет. Очень приятно, когда не надо гадать. Хорошо иметь возможность знать это.

17. Об эвпсихическом управлении.

Одним из основных вопросов является то, какие условия труда, какие виды труда, какие типы управления и какое вознаграждение или плата будут способствовать здоровому развитию человеческой природы до ее самой высшей точки. То есть, какие условия труда оптимальны для самореализации? Этот вопрос можно перевернуть и спросить: при условии сравнительного процветания общества и наличия здоровых или нормальных людей, чьи базовые потребности — в питании, жилище, одежде и т. д. — получают удовлетворение, как оптимально использовать таких людей для достижения целей и ценностей организации? Как лучше всего с ними обращаться? При каких условиях они будут лучше всего работать? Какие вознаграждения, материальные или нематериальные, будут наиболее эффективны?

Эвпсихические условия труда зачастую благоприятны не только для личной самореализации, но и для повышения производительности организации, ее "здоровья" и процветания.

Тогда можно по-новому подойти к проблеме управления (в любой организации или любом обществе): как организовать социальные условия в каком-либо сообществе таким образом, чтобы цели индивида совпали с целями организации? Когда это возможно? Когда это невозможно? Или опасно? Каковы силы, благоприятствующие социальной и индивидуальной синергии? Каковы, с другой стороны, силы, обостряющие антагонизм между обществом и индивидом?

Очевидно, что эти вопросы затрагивают глубочайшие проблемы личной и общественной жизни, социальной, политической и экономической теории и даже философии вообще. Например, моя книга "Психология науки" (Maslow, 1966) демонстрирует необходимость и возможность для гуманистических наук выйти за пределы созданных ими же рамок свободной от ценностей, механоморфической науки.

Можно также считать, что классическая экономическая теория, основывающаяся на неадекватной теории человеческой мотивации, также может быть революционизирована, если принять реальность высших человеческих потребностей, включая стремление к самоактуализации и любовь к высшим ценностям. Я уверен, что нечто аналогичное должно быть верным и для политических наук, для социологии, для всех наук о человеке и обществе и связанных с ними профессий.

Все это подчеркивает, что речь идет не о каких-либо новых приемах управления, о каких-то "уловках" или поверхностных методах, с помощью которых можно было бы более эффективно манипулировать людьми вопреки их собственным интересам. Это не руководство по эксплуатации.

Нет, это скорее четкое противопоставление одной базовой системе ортодоксальных ценностей другой, более современной системы ценностей, претендующей не только на большую эффективность, но и на большую близость к истине. Она основывается на некоторых поистине революционных последствиях открытия того, что человеческая природа недооценивалась, что человек имеет природу более высокого порядка, которая так же "инстинктоидна", как и его низшее естество, и что эта высшая природа включает в себя потребность в осмысленном труде, в ответственности, в творчестве, в справедливости, в том, чтобы делать то, что приносит пользу, и в том, чтобы делать это хорошо.

В рамках такой новой системы рассматривать "плату" исключительно в ее денежном выражении уже невозможно. Удовлетворение потребностей низшего уровня действительно может быть обеспечено с помощью денег но когда эти потребности уже удовлетворены, людей будут мотивировать только высшие формы "платы", то есть чувство принадлежности, любви, достоинства, уважения, благодарности, чести, а также возможность самоактуализации и развития высших ценностей — истины, красоты, эффективности, справедливости, совершенства, порядка, законности и т. д.

Здесь о многом может поразмыслить не только марксист или фрейдист, но и политический или военный функционер, жесткий начальник или либерал.

18. О низких жалобах, высоких жалобах и метажалобах.

Основной принцип, на котором базируется вся концепция, можно сформулировать в следующем виде: люди могут жить на разных уровнях мотивационной иерархии, то есть "высокой" жизнью или жизнью "низкой", ограничиваться борьбой за существование или счастливо жить в эвпсихическом обществе, когда все базовые потребности удовлетворены и можно предаваться размышлениям о сути поэзии, или математики, или о чем-нибудь еще в этом роде.

Определить мотивационный уровень жизни человека можно несколькими способами. Например, о нем можно судить по тому, над какими шутками человек смеется. Для человека, живущего на низшем потребностном уровне, наиболее смешным будет самый жестокий и грубый юмор, вроде зрелища старушки, которую кусает собака, или городского дурачка, над которым издеваются дети. Юмор же в духе Авраама Линкольна — юмор философского, познавательного типа — вызывает скорее улыбку, а не животный хохот, в нем нет ничего, связанного с жестокостью или насилием. Этот юмор более высокого порядка совершенно непонятен человеку, живущему на низших потребностных уровнях.

Еще одним примером проявления различий мотивационного уровня нашей жизни в разных симптомах и поведенческих актах могут служить проективные тесты. С помощью теста Роршаха можно определить, к чему человек стремится наиболее активно, чего он желает, в чем нуждается. Все полностью удовлетворенные базовые потребности обычно забываются человеком и исчезают из сферы сознания. Удовлетворенные базовые потребности в определенном смысле просто перестают существовать, по крайней мере — в сознании. Таким образом, то, чего человек хочет, желает и к чему стремится, обычно находится на более высоком уровне мотивационной иерархии по сравнению с тем, на котором находится он сам. Концентрация на данной конкретной потребности означает, с одной стороны, что потребности более низкого порядка уже удовлетворены, а с другой — что потребности, более высокие по отношению к текущим желаниям человека, еще не вошли в сферу потенциальных потребностей данного человека, так что он о них даже и не думает. Об этом можно судить с помощью тестов Роршаха. Об этом можно также судить на основании сновидений и их анализа.

Я также считаю, что, сходным образом, уровень жалоб или, другими словами, уровень желаний человека, может служить индикатором мотивационного уровня его жизни, и, если уровень жалоб изучить в контексте производственной обстановки, он может служить критерием уровня здоровья всей организации, особенно при наличии достаточно обширной выборки.

Возьмем к примеру, рабочих, живущих в условиях авторитаризма и жестокой борьбы за выживание, когда страх, нужда и даже голод вполне возможны и определяют выбор работы, стиль поведения начальства, степень покорности, с которой рабочие будут принимать жестокость, и т. д. У таких рабочих, высказывающих соответствующие жалобы и ворчащих на жизнь, неудовлетворенными скорее всего будут оставаться потребности низших уровней иерархии. К самому низшему уровню относятся жалобы на холод и сырость, опасность для жизни и усталость, плохое жилье и неудовлетворенность разнообразных биологических нужд.

Конечно же, наличие таких жалоб в современной производственной ситуации будет свидетельствовать о чрезвычайно плохом управлении и чрезвычайно низком уровне жизни в организации. В обычной производственной ситуации такой род неудовлетворенности, такие низкие по своей сути жалобы возникают редко. В своем позитивном аспекте — в отражении желаний или нужд, опережающих то, что доступно в данный момент, — эти жалобы находятся примерно на том же низком уровне. Так, мексиканский рабочий, к примеру, может высказывать позитивные жалобы в отношении безопасности и охраны труда, жаловаться на произвольные увольнения, на то, что он не может планировать семейный бюджет, поскольку не знает, как долго еще продержится на этой работе. Он может жаловаться на полное отсутствие охраны труда на производственной бригаде, на унижения, которые ему приходится сносить, чтобы не потерять работу и т. д. Я считаю, что низкими жалобами мы можем называть те, которые относятся к биологическому уровню и уровню безопасности, а, возможно, также и к уровню потребности в общении и принадлежности к неформальной группе.

Более высокие потребностные уровни по большей части связаны с оценкой и самооценкой, где встают проблемы достоинства, автономии, самоуважения, уважения со стороны других, чувства собственной ценности, получения похвалы, вознаграждения за Свои достижения. Жалобы на этом

уровне скорее всего будут относиться к чему-либо, связанному с потерей достоинства или угрозой самооценке и репутации. Что же касается метажалоб, то я связываю их с метамотивами, свойственными самоактуализирующейся жизни. Более точно эти последние можно в совокупности охарактеризовать как бытийные ценности. Эти метапотребности в совершенстве, справедливости, красоте, истине и подобных вещах проявляются и в производственной ситуации, где предметом жалоб может быть недостаток эффективности (даже если это и не влияет на заработок данного конкретного человека). Тем самым человек заявляет о несовершенстве мира, в котором он живет (опять же, это не эгоистическая, а, как ее можно охарактеризовать, альтруистическая философская жалоба не-личного порядка). Он может также жаловаться на то, что от него скрывают часть правды и фактов, или же его жалоба может касаться других препятствий на пути свободного общения.

Это желание правды, честности, полноты фактов является не базовой, а одной из метапотребностей, и люди, которые могут позволить себе предъявлять жалобы такого порядка, несомненно живут на очень высоком метамотивационном уровне. В циничном обществе, управляемом ворами, тиранами или нечестоплотными людьми, таких жалоб не услышишь — жалобы будут более низкого уровня. Претензии в отношении справедливости — это также метажалобы, и я встречаю множество их в протоколах исследования жизни рабочих в организациях с хорошим управлением. Такие люди могут жаловаться на несправедливость, даже если она лично им приносит финансовую выгоду. Другим примером метажалобы является жалоба на то, что добродетель осталась не вознагражденной, на то, что вознаграждение получили недостойные, — то есть на отсутствие справедливости.

Другими словами, из всего вышесказанного можно сделать вполне достоверный вывод о том, что люди будут жаловаться при любых условиях. Эдема не существует, обрести рай на Земле невозможно, разве только на несколько мгновений. Какие бы блага Люди ни получали, невозможно представить, чтобы они остались полностью удовлетворены ими. Это само по себе являлось бы отрицанием высших ступеней развития человеческой природы, поскольку это означало бы, что в подобной точке любое дальнейшее совершенствование было бы невозможным — а это, конечно же, абсурдная мысль. Невозможно себе представить, чтобы даже миллионы лет дальнейшего развития привели к подобному абсолютному совершенству. Люди всегда смогут принять любые возможные блага, любую возможную удачу и вознаграждение. На некоторое время они останутся полностью удовлетворены этими благами. Затем же, как только они к ним привыкнут, эти блага позабудутся, и люди начнут развиваться дальше в поиске все более высоких благ, не переставая стремиться к еще большему совершенству. Мне это представляется вечным, продолжающимся бесконечно процессом (*Wilson, 1965*).

Считаю нужным подчеркнуть эту мысль, поскольку в литературе по управлению я встречаю существенные признаки разочарования и утраты иллюзий, а порой и вообще отказ от самой идеи просвещенного управления и возврат к авторитарному типу управления, поскольку те, кто наделен полномочиями управления, сильно разочарованы отсутствием благодарности и продолжением жалоб при улучшении условий. Но, согласно теории мотивации, не следует ожидать прекращения жалоб — следует ожидать лишь того, что эти жалобы по своей природе будут становиться все более высокими. В принципе это соответствует моему описанию человеческой мотивации как бесконечного процесса, переходящего на все более высокие уровни по мере улучшения условий. Это также перекликается с моей концепцией уровней фрустрации. В ней я отверг понимание фрустрации как чего-то неизменно плохого и взял за основу положение о том, что существуют иерархии фрустрации и что переход от низшего фрустрационного уровня к высшему является признаком благополучия, хороших социальных условий, личной зрелости и т. д. Наличие жалоб на состояние программ озеленения города, негодование женских комитетов по поводу того, что за розариями в парке недостаточно ухаживают, само по себе прекрасно, поскольку это свидетельствует о высоком уровне жизни этих людей. Когда кто-то жалуется на состояние розариев, это означает, что он сыт, что у него хороший кров, что его жилище отапливается, что ему не приходится бояться бубонной чумы или убийства, что телефонная связь и пожарная охрана работают эффективно, что правительство, система образования и местное руководство хороши и что удовлетворены многие другие требования. Вот что важно: не надо рассматривать жалобу высшего уровня точно так же, как любую иную жалобу; ее следует использовать в качестве индикатора всех тех требований, которые были удовлетворены для того, чтобы сделать подобную жалобу теоретически возможной.

Если просвещенные и умные руководители достаточно глубоко проникнутся этой идеей, они будут ожидать, что улучшение условий повлечет за собой описанное выше повышение уровня жалоб и фрустрации, а не того, что улучшение условий приведет к исчезновению всех жалоб. Существует определенная опасность, что они могут разочароваться и обозлиться после того, как

столько усилий и средств будет затрачено на улучшение условий труда, а жалобы не прекратятся. Необходимо научиться обращать внимание на то, вырос ли сам уровень этих жалоб. Это и является настоящей проверкой, и именно этого следует ожидать. Более того, я считаю, что мы должны научиться этому радоваться, а не просто оставаться удовлетворенными этим.

Однако здесь возникают некоторые проблемы особого рода. Одной из них является вопрос о том, что считать справедливостью, а что — несправедливостью. Конечно же, будет множество мелких жалоб, возникающих при сравнении себя с другими — может быть, у кого-то лучше освещение, более удобное кресло, повышенный оклад или еще что-нибудь в этом роде. Все это может привести к исключительной мелочности, когда люди сравнивают, у кого больше стол в кабинете, у кого больше цветов в вазе и т. д. Зачастую нам придется делать конкретное, применимое лишь для данного единичного случая суждение о том, выражает ли жалоба стремление к справедливости на уровне метапотребностей либо это лишь поверхностное проявление иерархии доминантности, борьбы за место в этой иерархии, попытки подняться по лестнице престижа. Или может статься (несколько подобных примеров приведено в книге Дальтона), что по контексту можно будет четко отнести жалобу к проявлению потребности в безопасности. Я запомнил один пример, когда стали замечать, что, когда секретарша начальника проявляла дружелюбие к одному человеку, а с другим была нелюбезна, это означало, что последнего скоро должны были уволить. Другими словами, нужно делать предположение об уровне мотивации, сообразуясь с каждой конкретной ситуацией.

Более сложным будет попытаться проанализировать, какой смысл имеют деньги в мотивационном аспекте. В мотивационной иерархии деньги могут играть практически какую угодно роль. Они могут относиться к низшим, средним, высшим ценностям и даже метацинностям. Конечно же, при попытке определить конкретный уровень потребностей я в некоторых случаях попросту терпел неудачу. Тогда я просто признавал такой случай неопределимым и больше не пытался вычислить его место в мотивационной иерархии.

Естественно, будут и другие случаи, плохо поддающиеся определению. Возможно, наиболее спокойным было бы вообще не пытаться определить их. Разумеется, если проводить огромное и тщательное индивидуализированное исследование, можно дополнительно проинтервьюировать людей для того, чтобы выяснить действительную мотивацию жалобы, скажем, по поводу денег. Но в настоящем исследовании это не представляется возможным, а равно и необходимым. Это особенно верно в том случае, когда мы применяем какой-либо критерий для сравнения двух выборок, используемых в экспериментальных целях, например работников хорошо управляемого завода и завода с плохим управлением.

Что принимать за действительно плохие условия. Следует помнить, каковы действительно предельно плохие условия. В литературе по менеджменту не приводится ни одного примера действительно плохих условий, являющихся привычными для временного или неквалифицированного рабочего, порождающих ситуацию почти гражданской войны. За полюс шкалы можно принять что-либо наподобие лагеря военнопленных, тюрьмы или концентрационного лагеря. В рамках США это может быть мелкое предприятие с одним или двумя работниками, действующее в условиях жесткой конкуренции и борьбы за выживание, когда важен каждый цент и босс может продержаться, лишь выжимая из своих подчиненных все до последней капли, доводя их до отчаяния, так что они просто вынуждены уволиться, поскольку он пытается заработать на жизнь, вцепившись в них и высасывая из них максимально возможную прибыль. Не стоит разделять заблуждения насчет того, что крупная корпорация с относительно плохим управлением является образцом "плохих условий" — условия там далеко не так плохи. Следует помнить о том, что 99% человечества отдало бы несколько лет своей жизни за то, чтобы получить работу в наиболее плохо управляемой крупной корпорации нашей страны. Нужна более широкая шкала для сравнения. Я думаю, что в исследовательских целях было бы желательным начать составлять коллекцию действительно плохих случаев, встречающихся в нашей практике.

Еще одна проблема. В последнее время начало обнаруживаться еще одно обстоятельство, которое удивило меня, когда я впервые с ним столкнулся. Хорошие условия, оказывающие благоприятное влияние на развитие большей части популяции, могут оказать на некоторое число людей негативное, порой даже катастрофическое воздействие. Если авторитарным личностям предоставить свободу и оказать доверие, это лишь усугубит их плохое поведение. Свобода действий и ответственность могут привести к тому, что человека зависимого и пассивного охватят тревога и страх. Я знаю об этом пока еще не так много, поскольку начал замечать подобные примеры лишь несколько лет назад. Но следует учитывать эту возможность. Необходимо накопить большое количество реальных примеров, прежде чем мы начнем формулировать какие-либо теории по этому поводу и, конечно же, прежде чем приступим к каким-либо экспериментам. Все это можно сформулировать следующим образом: существует достаточное количество людей,

близких к психопатологии, которые готовы легко поддаться на соблазн украсть, но никогда этого не осознают, поскольку работают в условиях постоянного контроля, когда этот соблазн практически не проявляется в их сознании. Предположим, к примеру, что в каком-либо банке будет введен "либеральный" уклад, будут сняты все способы контроля, уволены детективы и т. д. и сотрудникам будет оказано полное доверие. В такой ситуации, конечно же, найдется один служащий из десяти или двадцати — я в действительности не знаю, каков этот процент, — который впервые в своей сознательной жизни окажется лицом к лицу с соблазном украсть. И некоторые из них поддадутся ему, если будут думать, что это им сойдет с рук.

Очень важным моментом здесь является то, что хорошие условия отнюдь не обязательно сделают всех людей растущими самоактуализирующимися личностями. Реакция на это в случае определенных невротиков будет совсем иной. Люди с определенной конституцией или темпераментом гораздо менее склонны реагировать именно таким образом. И, наконец, та незначительная доля клептомании и садизма, которая присуща каждому человеку на Земле, в этих "хороших условиях", когда человеку полностью доверяют и предоставляют свободу действовать в соответствии с собственными представлениями о чести, может проявиться со всей силой. Я вспоминаю, как работала подобная система доверия в мою бытность студентом Корнельского университета в 1926 и 1927 г. Поразительно то, что где-то 95% (или больше) студентов гордились тем, что им предоставлена такая свобода, и эта система прекрасно для них работала. Но всегда находилось 1-2-3%, для которых она не подходила, которые использовали этот уклад для того, чтобы списывать, лгать, пользоваться шпаргалками. Система доверия не может применяться в тех ситуациях, где слишком велик соблазн, слишком высоки ставки.

Все описанные выше идеи и методы в принципе могут использоваться во многих социально-психологических ситуациях. В колледжах, например, об уровне просвещенности всего сообщества можно судить по уровню жалоб преподавателей, администрации и студентов. В подобной ситуации может существовать целая иерархия жалоб и актуальных потребностей. То же самое верно и для брака, а может даже и оказаться индикатором совершенства брака, его здоровья, о котором можно будет судить по уровню жалоб супругов. Жена, которая жалуется на то, что ее муж однажды забыл подарить ей цветы или на то, что он кладет слишком много сахара в кофе, несомненно находится на совершенно ином уровне, чем женщина, жалующаяся на то, что муж разбил ей нос, выбил ей зубы или пырнул ее ножом. То же самое может распространяться и на жалобы детей в отношении родителей. Или на жалобы детей в отношении школы или учителей.

Я думаю, что смогу обобщить все это, сказав, что теоретически о здоровье или уровне развития любой человеческой межличностной организации можно судить с помощью того же метода оценки уровня жалоб в иерархии. При этом следует помнить, что насколько совершенными бы ни были брак, школа, колледж или родители, люди постоянно будут видеть пути их улучшения, то есть жалобы будут присутствовать всегда. Следует также исходить из того, что жалобы следует подразделять на негативные и позитивные: если сделать невозможным в какой-либо момент удовлетворение базовых нужд или поставить его под угрозу, мгновенно будут возникать острые жалобы, хотя пока такие нужды удовлетворяются, человек обычно не обращает на это внимания или принимает как должное. То есть, если спросить человека, чем хорошо его жилье, ему вряд ли придет в голову указать на то, что его ноги не промокают, поскольку полы не затоплены, или на то, что в своем офисе ему не приходится беспокоиться о клопах и тараканах. Он просто примет это все как должное и не отметит в качестве плюсов. Но если эти принимаемые как должное условия исчезнут, конечно же, поднимется большой шум. Другими словами, удовлетворение этих потребностей не вызывает радости или благодарности, хотя его отсутствие вызывает яростные жалобы. С другой стороны, противоположностью этому являются позитивные жалобы или предложения по улучшению. Сюда в целом относятся замечания в отношении вещей, находящихся на более высоком уровне мотивационной иерархии, того, что лежит как бы перед нами и является следующим предметом наших желаний.

В принципе, исследование жалоб можно довольно просто продолжить в первую очередь сбором реальных примеров исключительно плохих начальников и исключительно плохих условий. Например, одного знакомого мне обойщика, лютой ненавистью ненавидящего своего босса, но не имеющего возможности найти лучшее место работы, поскольку в этой отрасли их просто нет, постоянно доводит до белого каления то, что начальник подзывает его свистом, а не зовет по имени. Это оскорбление повторяется постоянно и намеренно и приводит моего знакомого во все большее и большее бешенство. Другой пример встретился мне во времена моей учебы в колледже, когда я работал в гостиничных столовых и ресторанах. Я был зачислен официантом на летнюю работу в курортном отеле (где-то около 1925 г), оплатил свой проезд до курорта, а в результате меня поставили работать уборщиком с гораздо меньшим жалованием и без возможности получать чаевые. В этом случае меня попросту обжулили — у меня не было денег на

обратную дорогу, а искать другую летнюю работу было уже поздно. Начальник обещал вскорости назначить меня официантом, и я поверил ему на слово. Будучи уборщиком без чаевых, я получал где-то порядка десяти или двадцати долларов в месяц. Работать нужно было семь дней в неделю по четырнадцать часов, без выходных. Этот человек также дал нам дополнительное задание готовить все салаты, потому что работник, в чьи непосредственные обязанности это входило, задерживался на пару дней. Через несколько дней мы спросили, где же этот "салатчик", на что начальник пообещал, что тот прибудет на следующий день. Все это продолжалось еще две недели, пока не стало ясно, что нас просто обманывают и стараются на нас заработать лишнюю пару долларов.

Наконец, 4 июля, в День независимости, в гостиницу съехалось триста-четыреста гостей, и нас попросили проработать большую часть ночи, готовя шикарный десерт, красивый на вид и очень сложный в приготовлении. Все сотрудники собрались и решили сделать это без лишних жалоб, но затем, после того, как мы подали первое блюдо праздничного ужина, мы все ушли с работы и уволились из отеля. Для работников это, конечно же, была большая материальная жертва, поскольку было уже поздно искать другую хорошую работу, а может, и любую работу вообще, однако ненависть и жажда мести были столь сильны, что наслаждение от этого я испытываю и по сей день, тридцать пять лет спустя. Вот что я называю действительно плохими условиями, и вот что я имею в виду под гражданской войной.

В любом случае, сбор примеров подобного обращения может послужить основой для составления списка, с помощью которого люди, работающие в хороших условиях, смогут лучше осознать все свои преимущества и блага (которые они обычно не замечают и принимают как должное, как норму). То есть, вместо того, чтобы просить их высказать свои жалобы, возможно стоит предложить им список действительно плохих условий и спросить, происходят ли эти вещи с ними. Например, водятся ли там насекомые, или помещение не отапливается, либо оно напротив слишком жаркое или слишком шумное и опасное, проливаются ли на них опасные химикаты и причиняются ли им увечья, терпят ли они побои или им приходится работать на опасном оборудовании без средств безопасности и т. д. Каждый, кому предложат такой список из двухсот подобных пунктов, сможет осознать, что отсутствие этих двух сотен негативных факторов само по себе является благом.

Часть VI. Бытийное познание.

19. Заметки о невинном познании.

Понятие "сущность" (suchness) является синонимом японского слова соно-мама, которое рассматривается подробнее в книге Д. Судзуки "Мистицизм: христианство и буддизм" (*Suzuki, 1957*), в особенности на с. 99 и 102. Буквально оно означает "таковость" (as-it-isness) вещей. Это и некоторые другие понятия указывают на ту особенную и характерную целостность, или гештальт, которая и делает предмет тем, что он есть, придает ему конкретную идеографическую сущность, отличающую его от всего остального.

Старый психологический термин "кволе" (quale) в применении к ощущениям имеет то же значение, что и слово "сущность". Кволе является тем не поддающимся описанию или определению качеством, которое и отличает красный цвет от синего. Различие между красным цветом и синим состоит именно в "красноте" первого, т. е. в его сущности.

Мы имеем в виду примерно то же самое, когда говорим о ком-то: "В этом он весь!". Для нас это означает, что то, что он сделал, было вполне ожидаемо, вполне соответствует его натуре, характерно для него.

Впервые определяя слово "соно-мама" на с. 99 своей книги, Д. Судзуки пишет, что оно подобно понятию "единое сознание", оно означает то же, что и "жизнь в свете вечности". Д. Судзуки цитирует Уильяма Блейка, утверждая, что поэт говорил о соно-мама, когда писал: "Держать бесконечность в ладони и вечность вместить в один час". Здесь Д. Судзуки явно подразумевает, что сущность, или соно-мама, есть, по сути, то же самое, что бытийное познание (*Maslow, 1962*), однако он также пишет, что "видение вещей соно-мама", то есть видение вещей в их сущности, идентично конкретному восприятию.

Описание в работе К. Гольдштейна (*Goldstein, 1939*) пациентов с повреждениями головного мозга, чье видение мира редуцировалось исключительно до конкретного (например, редуцированность цветового зрения этих пациентов, сопровождающаяся потерей способности к

абстракции), во многом подобно пониманию сущности по Судзуки. Люди с повреждениями мозга видят не обобщенную категорию зеленых или синих цветов, но каждый отдельный цвет в его сущности, независимым от других, не лежащем на каком-либо континууме, не хуже и не лучше, не зеленее или синее другого, но просто так, как если бы этот цвет один только и существовал во всем мире, и его не с чем бы было сравнить. Это качество — несопоставимость — я считаю одним из элементов сущности. Если я прав в таком понимании, тогда нам нужно проявить чрезвычайную осторожность, чтобы не допустить возможного смешения между редуцированностью до конкретного по Голдштейну и способностью здорового, не редуцированного, человека к свежему видению и конкретному восприятию. Мы также должны уметь отличать все это от бытийного познания в целом, поскольку последнее может быть по своему существу не только конкретным, но и являться абстракцией в различных значениях этого слова, не говоря о том, что оно может объять весь космос.

Также желательно отличать все вышеупомянутое от пикового переживания как такового (*Maslow*, 1962), близкого к описываемому Д. Судзуки переживанию сатори. Так, в моменты пиковых переживаний всегда возникает бытийное познание, но оно может проявиться и независимо от них, или даже при переживаниях трагических. Затем мы должны провести грань между двумя типами пиковых переживаний, а также двумя типами бытийного познания. В первом случае осуществляется описанное Р. Бёкком (*Bucke*, 1923) и разными мистиками космическое сознание, в котором отражается весь космос и все представляется связанным со всем, включая и самого воспринимающего. Мои испытуемые описывали это так: "Я чувствовал свою принадлежность ко Вселенной, и я видел свое место в ней. Я ощущал свою важность, но одновременно и свою незначительность, так что, хотя это и заставляло меня быть смиренным, одновременно я чувствовал себя важным и нужным". "Я определенно был очень важной частью мира, я был, так сказать, в семье и при этом находился не снаружи, заглядывая вовнутрь, не отдельно от всего мира, не на скале, глядя через пропасть на другую скалу, но в самом сердце вещей, в семье, в огромной семье, к которой я принадлежал, вместо того, чтобы быть сиротой или приемышем или чужаком, который через окно заглядывает в дом с улицы." Это лишь один из типов пикового переживания, один из типов бытийного познания. Его следует отличать от другого типа, при котором возникает очарованность и сознание предельно сужается до одного перцепта — например, лица или картины, ребенка или дерева — и при котором полностью забывается весь остальной мир, как забывается и свое Я. Поглощенность и очарованность перцептом здесь настолько сильны, весь остальной мир забывается настолько полно, что начинает ощущаться трансценденция или, по крайней мере, пропадает самосознание, исчезает самость, исчезает мир, и перцепт заполняет собой весь космос. Этот перцепт воспринимается так, как если бы он являлся целым миром. В этот момент он единственное, что вообще существует. Таким образом, все законы, действующие при восприятии целого мира, теперь распространяются на восприятие этого отдельного перцепта, которым мы очарованы и который стал для нас всем миром. Это и есть два различных типа пиковых переживаний и два различных типа бытийного познания. Д. Судзуки же говорит одновременно об обоих, не проводя различия между ними. В некоторых местах он говорит о том, как можно увидеть весь мир в маленьком полевым цветке. В других — рассматривает сатори с точки зрения религии и мистики как момент идентификации с Богом, или с небом, или со всей Вселенной.

Эта сконцентрированная и изолированная зачарованность во многом подобна японскому понятию муга. Это состояние, в котором вы делаете что-то от всей души, не думая ни о чем другом, без всяких сомнений, без какой-либо критичности или сдержанности. Это чистое, идеальное и абсолютное спонтанное действие без каких-либо внутренних ограничений. Оно возможно только тогда, когда самость трансцендирована или забыта.

О состоянии муга часто говорят так, как если бы оно было тем же самым, что и состояние сатори. В значительной части литературы по дзен-буддизму муга рассматривается как полная поглощенность тем, что человек делает в данный момент — например рубкой дров, которой он отдает всю душу и силу. Однако последователи дзен-буддизма также говорят о муга как о мистическом единении с космосом. Между тем, эти два аспекта во многом различны.

Мы также должны критически относиться к нападкам дзен-буддизма на абстрактное мышление, исходящим из того, что будто только конкретная сущность имеет какую-либо ценность, а абстракция представляет лишь опасность. С этим, конечно же, мы не можем согласиться. Это было бы добровольной саморедукцией к конкретному, способной привести к неблагоприятным последствиям, столь точно описанным К. Гольдштейном.

Из вышесказанного становится ясно, что мы, психологи, не можем считать конкретное восприятие единственной истиной или единственным благом, а абстракцию — исключительно опасностью. Мы должны помнить определение самоактуализирующейся личности как

обладающей способностью и к конкретному и к абстрактному восприятию в зависимости от ситуации; мы также не должны забывать, что такой человек способен получать удовольствие и от того и от другого. В книге Д. Судзуки на с. 100 приведен прекрасный пример, обосновывающий этот взгляд. Маленький цветок видится в своей сущности и одновременно воспринимается как единый с Богом, полный божественного великолепия, стоящий в лучах света вечности. Здесь цветок видится не просто исключительно конкретной сущностью, но воспринимается либо как совпадающий со всем миром, исключаящий все остальные вещи, либо воспринимается в рамках бытийного познания как символизирующий весь мир, то есть как "бытийный цветок", а не "дефицитарный цветок". Когда цветок воспринимается как бытийный, все сказанное о вечности и таинстве бытия, божественном великолепии и т. д. остается справедливым, и все видится в бытийном мире — то есть, видя цветок, мы через него как бы охватываем одним взглядом весь бытийный мир.

Д. Судзуки критикует Теннисона за то, что герой его стихотворения сорвал цветок, а затем предался над ним рефлексии и абстракции, возможно, даже и препарировал его. Д. Судзуки представляет это нехорошим поступком. Он противопоставляет ему то, как поступил в сходной ситуации японский поэт: не сорвал цветок, не искалечил его. Он оставил цветок расти на том же месте. Цитируя Д. Судзуки: "Он не отделяет цветок от единства его окружения, он созерцает его в его состоянии соно-мама не только сам по себе, но и во всей ситуации, в которой тот находится — ситуации в самом широком и глубоком смысле этого слова" (с. 102).

Далее Д. Судзуки цитирует Томаса Трагерна (с. 104). Первая цитата очень удачно иллюстрирует единое сознание как слияние бытийного и дефицитарного миров, такова и вторая цитата на той же странице. Сложности возникают, когда Д. Судзуки обсуждает состояние невинности так, как будто единое сознание, слияние преходящего и вечного в чем-то подобно состоянию ребенка, который, согласно словам Т. Трагерна (с. 105), обладает первобытной невинностью. Д. Судзуки говорит, что необходимо вернуться в Эдем, вновь обрести рай, где древо познания еще не начало плодоносить. Вкусив запретный плод познания, мы тем самым обрели нашу неизменную привычку интеллектуализации. Но, если быть последовательным, мы никогда не забудем нашу изначальную обитель невинности". Д. Судзуки связывает эту библейскую невинность, это христианское понимание невинности, с "бытием соно-мама", то есть с видением сущности. Это, по моему мнению, весьма грубая ошибка. Христианский страх знания, отраженный в притче о Эдеме, в которой именно знание приводит к грехопадению Адама и Евы, навсегда сохранился в христианстве в виде некоторого антиинтеллектуализма, боязни знающего, ученого и т. п., наряду с уверенностью в том, что вера, набожность или простота в духе невинности Св. Франциска Ассизского в определенном смысле лучше, чем интеллектуальное знание. И в некоторых областях христианской традиции существует даже убежденность, что эти два типа познания взаимоисключающие: если вы знаете слишком много, то не можете обладать простой, невинной верой, а поскольку вера, конечно же, лучше, чем знание, не стоит слишком усердно учиться или заниматься, или быть ученым, или кем-то еще в этом роде. Также абсолютно достоверно, что все известные мне "примитивные" секты однозначно антиинтеллектуальны и не доверяют учению и знанию, поскольку это исключительно "свойство Господне, а не человеческое"²².

Но невинность невежественная — это не то же самое, что невинность мудрая и искушенная. Более того, конкретное восприятие ребенка и его способность воспринимать сущность есть определенно нечто иное, чем восприятие конкретности и сущности, присущее самоактуализирующемуся взрослому. Они сильно различаются хотя бы по следующему признаку. Ребенок не был редуцирован до конкретного, он даже еще не дорос до абстрактного. Он невинен, поскольку он невежествен. Это очень сильно отличается от "второй невинности", или, как я ее называю, "второй наивности" умудренного, самоактуализирующегося взрослого, познавшего весь дефицитарный мир со всеми его пороками, раздорами, слезами и нищетой, но способного, тем не менее, встать над ними и обрести интуитивное сознание, в котором он может увидеть бытийный мир, увидеть красоту космоса среди всех пороков, раздоров и слез. Через поражения, или в поражениях, он способен увидеть совершенство. Это нечто абсолютно отличное от невежественной детской невинности, рассматриваемой Т. Трагерном. Описываемое им состояние невинности определенно отличается от невинности, достигаемой святыми или мудрецами, людьми, прошедшими через дефицитарный мир, имевшими с ним дело и боровшимися с ним,

²² Я размышлял над возможностью того, что "познание" в этой легенде также означает "познание" в старом значении этого слова — совокупление, то есть, съев яблоко, люди открыли запретную сексуальность, потеряв невинность именно в этом смысле, а не согласно традиционной интерпретации. Отсюда, возможно, и проистекает традиционная христианская антисексуальность.

испытывавшими в столкновении с ним многие несчастья, но все же способными трансцендировать его.

Эта взрослая невинность, или невинность самоактуализирующихся людей, вероятно, во многом подобна и, может быть, даже синонимична объединяющему сознанию, в котором бытийный мир сливается и объединяется с дефицитарным. Таким образом, можно выделить здоровое, реалистичное, опирающееся на знание, человеческое совершенство, более или менее достижимое для сильных, самоактуализирующихся людей и прочно основывающееся на наиболее полном знании дефицитарного мира. Оно в достаточной степени отличается от бытийного познания ребенка, который еще ничего не знает о мире и о котором можно сказать, что он обладает невежественной невинностью. Отличается это и от воображаемого мира некоторых религиозных людей, например Т. Трагерна, в котором весь дефицитарный мир отрицается (во фрейдистском значении этого слова). Они смотрят на него, но не видят. Они отказываются признать его существование. Эта нездоровая фантазия подобна восприятию исключительно бытийного мира без какой-либо доли дефицитарного. Это нездоровое заблуждение, поскольку основывается на отвержении, или на детском невежестве, или недостатке знаний и опыта.

Все это позволяет различать высшую нирвану и нирвану низшую, единение восходящее и единение нисходящее (*Maslow, 1959*), высокую регрессию и регрессию низкую, здоровую регрессию и нездоровую. Многие религиозные люди поддаются искушению отождествлять восприятие неба, или восприятие бытийного мира, с регрессией к детству или к невежественной невинности, или, другими словами, с возвратом в Эдем до момента вкушения запретного плода, что практически одно и то же. Это то же самое, что утверждать: только знание делает человека несчастным. Далее из этого делается вывод: "Будь тогда глупым и невежественным, и ты никогда не будешь несчастным". "Тогда ты будешь в раю, тогда ты будешь в Эдеме, тогда ты никогда не узнаешь ничего о мире слез и раздоров."

Но существует общий принцип — в одну реку дважды не войти. По-настоящему регрессировать невозможно, взрослый в действительности не может стать ребенком. Нельзя полностью устранить знание, нельзя вновь обрести невинность — раз узнав что-то, невозможно обратить вспять этот акт познания. Познание необратимо, восприятие необратимо, необратимо и знание — поэтому невозможно войти в одну реку дважды. Даже если полностью отказаться от своего разума или силы, все равно невозможно по-настоящему регрессировать. Нельзя стремиться к некоему мифическому Эдему, и взрослый не должен стремиться вернуться в детство, поскольку он никогда не сможет вновь его обрести. Единственная реальная альтернатива для человека — это осознать возможность движения вперед, взросления, достижения второй наивности, умудренной невинности, объединяющего сознания, такого понимания бытийного познания, которое бы делало его возможным посреди дефицитарного мира. Только таким образом, только посредством развития, реального знания, только наивысшей зрелостью можно трансцендировать дефицитарный мир.

В связи с этим необходимо подчеркнуть разницу между сущностью (а) людей, редуцировавшихся к конкретному, в том числе пациентов с повреждениями головного мозга; (б) конкретного восприятия ребенка, еще не доросшего до абстракции; (в) конкретного восприятия здорового взрослого, восприятия, вполне совместимого со способностью к абстракции.

Такое возражение распространяется также и на натур-мистицизм в духе У. Вордсворта. Ребенок далеко не лучшая модель самоактуализации, он не лучшая модель бытийного познания, не лучшая модель конкретного восприятия, или соно-мама, или восприятия сущности. Ведь он не трансцендирует абстрактное, он еще даже до него не дошел.

Также стоит указать в связи с высказываниями М. Экхарта, Д. Судзуки и многих других религиозных мыслителей на то, что их определение объединяющего сознания как слияния вечного с временным основывается на полном отрицании временного. (Например, вспомним слова М. Экхарта о "настоящем моменте".) Эти люди балансируют на грани отрицания реальности мира ради того, чтобы считать реальным только священное, вечное или Божественное. Но все это следует видеть во временном, священное можно и нужно видеть через мирское. Бытийный мир нужно видеть через дефицитарный мир. Я также добавлю, что только так и можно его увидеть, поскольку нет никакого бытийного мира в топографическом смысле как некой области на противоположном берегу или как чего-то кардинально отличного от мира реального, лежащего в какой-то другой плоскости, как чего-то неземного в аристотелевском смысле. Есть только один мир, только один, и задача слияния бытийного и дефицитарного миров состоит на самом деле в способности сохранения одновременно и бытийного и дефицитарного отношений к одному миру. Признать что-то иное означает попасть в западню потусторонности, которая рано или поздно порождает мифы о рае над облаками, о каком-то месте, подобном другому дому или другому

пространству, которое мы можем видеть, ощущать и чувствовать и в котором религия становится потусторонней и сверхъестественной, а не земной, человеческой и естественной.

Поскольку разговор о бытийном мире и дефицитарном мире может быть неправильно истолкован как разговор о двух различных мирах, существующих в физическом пространстве и физическом времени и являющихся отделенными и оторванными друг от друга, мне стоит подчеркнуть, что когда я говорю о бытийном и дефицитарном мирах, я на самом деле имею в виду два типа восприятия, два типа познания, два отношения к одному миру. Возможно, лучше говорить об объединяющем отношении, а не объединяющем сознании. Примером ошибки, которую можно избежать, рассматривая бытийное и дефицитарное познание просто как два отношения или типа восприятия, является место в книге Д. Судзуки, где он говорит о переселении душ, воплощении, реинкарнации и других подобных вещах. Это результат рассмотрения этих двух типов отношения как реальных объективных вещей. Если говорить об этих двух типах познания как об отношениях, тогда все переселения душ и т. п. становятся просто неуместными, как были бы они неуместны при объяснении возникновения нового восприятия симфонии Бетховена у человека, прошедшего курс теории и структуры музыки. Это также означает, что структура и смысл симфонии Бетховена существовали до того, как был прослушан этот курс, — просто с глаз человека сняли определенные шторы. Теперь, когда он обрел новое отношение, узнал, что ему следует искать и как это найти, он может воспринимать и понимать структуру музыки, ее смысл и то, что Бетховен хотел ею выразить, о чем он хотел поведать людям.

20. Новые заметки о познании.

Характеристики бытийного познания (Б-познания) и дефицитарного познания (Д-познания) мир²³.

Б-познание	Д-познание
<p>1. Объект воспринимается как единое, целое, самодостаточное, объединяющее. Либо действует космическое сознание (в понимании Р. Бёкка), когда весь космос воспринимается единой вещью, к которой принадлежит сам воспринимающий, либо же человек, предмет или часть мира воспринимаются так, будто они и есть весь мир, то есть остальной мир забывается. Мир и каждый объект воспринимаются целостно.</p>	<p>1. Объект воспринимается как часть, как нечто незавершенное, не самодостаточное, зависящее от других вещей.</p>
<p>2. На познаваемом объекте сосредотачиваются все ресурсы восприятия; имеет место поглощенность, очарованность, сфокусированное внимание; полное внимание. Тенденция к неразличению фигуры и фона. Богатство деталей; многосторонность восприятия. Объект воспринимается заботливо, полностью, интенсивно, с максимальной самоотдачей, полностью катектировано. Относительная важность теряет свое значение; все аспекты обладают одинаковой важностью.</p>	<p>2. Внимание уделяется объекту, но одновременно и всему, что имеет к нему отношение. Четкая дифференциация фигуры и фона. Объект воспринимается как включенный в отношения со всем миром, как часть мира. Объект классифицируется; воспринимается только в некоторых аспектах; имеет место избирательное внимание и избирательное невнимание к определенным аспектам; объект воспринимается ситуативно, лишь с определенной точки зрения.</p>
<p>3. Отсутствие сравнений (в понимании Д. Ли). Восприятие объектов <i>per se</i>, самими собой, такими, как они есть, не в соревновании ни с чем. Объект — единственный представитель своего класса</p>	<p>3. Объекты располагаются на некотором континууме или в рамках некоторого ряда; по отношению к ним производятся сравнения, высказываются суждения, выносятся оценки. Объект воспринимается</p>

²³ Перечень, усовершенствованный по сравнению с главой 6 книги "К психологии Бытия" (Maslow, 1962). В главе 7 названной книги приводятся характеристики личности, осуществляющей Б-познание (своего Я) в пиковых переживаниях.

(в понимании Р. Хартмана).	как представитель какого-либо класса, как пример, как образец.
4. Объект воспринимается безотносительно к человеку.	4. Объект воспринимается по отношению к человеку — выясняется, например, какую пользу он приносит, как его можно использовать, представляет ли он благо или опасность для людей и т. п.
5. Познание обогащается при повторении опыта. Воспринимается все больше и больше. Достигается «внутриобъектное богатство».	5. Повторение опыта обедняет, уменьшает богатство восприятия, делает объект менее интересным и привлекательным, уменьшает его «требовательный характер». То, что становится знакомым, становится скучным.
6. Объект представляется не требующимся, не соответствующим какой-либо цели, не желаемым, его восприятие — немотивированным. Воспринимается как не имеющий отношения к нуждам воспринимающего. Поэтому может рассматриваться как независимый, существующий сам по себе.	6. Мотивированное восприятие. Объект воспринимается с точки зрения некоторой потребности, как полезный или бесполезный.
7. Познание центрировано на объекте. Осуществляется самозабвенно, с трансценденцией своего Я, бескорыстно, незаинтересованно. Воспринимающий и воспринимаемое отождествляются и сливаются. Имеет место такая поглощенность объектом и включенность в его переживание, что исчезает Я воспринимающего и все переживание строится вокруг самого объекта как центрирующей или организующей точки. Воспринимающий субъект как бы самоустраняется.	7. Познание организуется вокруг Я как центрирующей точки, что означает проекцию Я на перцепт. Восприятие не объекта самого по себе, но объекта, смешанного с Я воспринимающего субъекта.
8. Объекту позволяется быть самим собой. Смирение, принятие, пассивность, отсутствие осуществления выбора, нетребовательность. Даоистичность, невмешательство в объект или перцепт. Принятие всего таким, как оно есть.	8. Активное формирование, организация и селекция со стороны воспринимающего субъекта. Он все меняет и реорганизует. Он работает над этим. Это должно быть более утомительно, чем Б-познание, которое скорее, всего, снимает усталость. Стремление, усилия. Воля, контроль.
9. Объект воспринимается как самодостаточная вещь, как нечто, оправдывающее и обосновывающее само себя, изначально представляющее интерес само по себе, имеющее внутренне присущую ему ценность.	9. Воспринимаемый объект — средство, орудие, не имеющее самостоятельной ценности (а имеющие лишь меновую) или заменяющее нечто другое или служащее пропуском куда-то.
10. Объект воспринимается вне времени и пространства. Видится вечным, вселенским. «В минуте день, во дне минута. » Воспринимающий субъект дезориентирован во времени и пространстве, отключен от внешнего окружения. Перцепт не связан с окружением, внеисторичен.	10. Объект воспринимается во времени и пространстве, <i>внутри</i> истории и в физическом мире.
11. Характеристики Бытия	11. Д-ценности являются

<p>воспринимаются как ценности Бытия.</p>	<p>инструментальными, то есть характеризуют полезность, желательность (или нежелательность), приемлемость для каких-либо целей. Производятся оценки, сравнения, осуществляется осуждение, одобрение или порицание того, что воспринимается.</p>
<p>12. Объект воспринимается как абсолютный (поскольку существует вне времени, пространства, поскольку отделен от своих оснований, поскольку берется <i>per se</i>, поскольку остальной мир и остальная история забыты). Это совместимо с восприятием процесса и изменений, с живой организацией <i>внутри</i> восприятия — но лишь строго <i>внутри</i> него.</p>	<p>12. Объект соотносится с историей, культурой, характерологией, локальными ценностями, интересами и нуждами человека. Ощущается как <i>преходящий</i>. В своей реальности воспринимаемое зависит от человека: исчезнет человек, исчезнет и оно. Перемещение воспринимаемого как целого из одного синдрома в другой: то оно часть одного синдрома, то другого.</p>
<p>13. Преодоление дихотомий, противоположностей, конфликтов. Несовместимые вещи воспринимаются существующими одновременно, имеющими смысл и необходимыми, то есть как компоненты некоторого высшего единства, как принадлежащие некоторому высшему целому.</p>	<p>13. Действует аристотелева логика, то есть отдельные вещи воспринимаются разделенными, отсеченными, существенно отличающимися друг от друга, взаимоисключающими, зачастую с антагонистическими интересами.</p>
<p>14. Объект воспринимается конкретно (и в то же время абстрактно). Одновременно воспринимаются все его аспекты. Поэтому результат восприятия невыразим (на обычном языке); если и поддается описанию, то лишь посредством поэзии, искусства и т. п., но и в таком виде доступен осмыслению только тех, кто уже имел подобный опыт. По сути эстетическое переживание (в понимании Нортропа). Ничто не предпочитается и не выбирается. Объекты воспринимаются в их сущности (это отличается от конкретного восприятия детей, примитивных взрослых <i>или</i> людей с повреждениями мозга тем, что совмещается со способностью к абстракции).</p>	<p>14. Восприятие — лишь абстрактное, категоризированное, схематичное, классифицирующее. Имеет место «редукция к абстрактному».</p>
<p>15. Объект является идеографическим — конкретным, уникальным явлением. Его нельзя классифицировать (разве что в отношении его абстрагированных аспектов), поскольку он является единственным представителем своего класса.</p>	<p>15. Действует номотетический подход, выявляются общие, статистические закономерности.</p>
<p>16. Увеличение динамического изоморфизма между внутренним и внешним миром. По мере восприятия человеком сущностного Бытия мира, он приближается к своему собственному Бытию, и наоборот.</p>	<p>16. Уменьшение изоморфизма.</p>

17. Объект зачастую воспринимается сакральным, священным, «особенным». Он «требуется» трепета, поклонения, пиетета, готовности видеть в нем чудо.	17. Объект «нормален», обычен, знаком, ничем особенным не выделяется, он даже «набил оскомину».
18. Мир и Я зачастую (но не всегда) воспринимаются забавными, потешными, комичными, веселыми, абсурдными, но при этом они и драматичны. Смех сквозь слезы, философский юмор, свойственный самоактуализирующимся людям. Мир, человек, ребенок видятся милыми, абсурдными, обаятельными, вызывающими любовь. Происходит слияние комического и трагического, преодолевается их дихотомия.	18. Более низкие (и жестокие) формы юмора или последний отсутствует вообще. Серьезные вещи существенно отличаются от вещей забавных. Господствуют серьезность и важность.
19. Объекты не являются взаимозаменяемыми. Ничто не будет таким, как данный объект.	19. Все взаимозаменяемо.

Невинное познание (как аспект Б-познания).

В невинности, то есть для невинного, все идет к тому, чтобы стать в равной степени вероятным, все одинаково важно, все одинаково интересно. Лучше всего это можно понять, взглянув на мир глазами ребенка. Например, вначале понятие важности для ребенка не имеет никакого значения. То, что привлечет глаз, все, что блестит или на что случайно упал взгляд, так же важно, как и все остальное. Есть как будто лишь одно рудиментарное структурирование и дифференциация среды (одно выступает вперед как фигура, а другое остается сзади как фон).

Если человек ничего не ожидает, если он ничего не предвидит и не предвосхищает, если, в определенном смысле, никакого будущего нет (как в случае ребенка, существующего исключительно "здесь-и-теперь"), то не может быть и никаких неожиданностей, никаких разочарований. Может произойти одно, но с таким же успехом может произойти и другое. Это "идеальное ожидание", наблюдение без каких-либо требований по отношению к тому, что произойдет. Прогнозирование отсутствует. А отсутствие предсказаний означает отсутствие беспокойства, тревоги, опасений или дурных предчувствий. Каждый ребенок реагирует, к примеру, на боль всем своим существом, не сдерживаясь, без какого-либо контроля. Весь организм включается в крик и протест. Отчасти это можно рассматривать как конкретную реакцию на конкретное "здесь-и-теперь" событие. Это возможно, поскольку не существует никаких ожиданий в отношении будущего, а значит, и какой-либо подготовки к будущему, никаких репетиций, никакого предвосхищения. Когда будущее неизвестно, исключена и нетерпеливость ("Скорее бы...").

Ребенок полностью и безусловно принимает все, что происходит. Поскольку память его незначительна и опыт скуден, слаба и тенденция переносить прошлое на настоящее или на будущее. Это приводит к тому, что ребенок существует исключительно "здесь-и-теперь", или, можно сказать, в абсолютной невинности, без прошлого и без будущего. Все это определяет дальнейшее конкретное восприятие, Б-познание (ребенка), а равно и возникающее время от времени Б-познание взрослого, достигшего "второй наивности".

Вышесказанное согласуется с моим пониманием творческой личности как существующей исключительно "здесь-и-теперь", живущей без прошлого и будущего. Другими словами это можно передать так: "Творческий человек — это человек невинный". Невинным является тот взрослый человек, кто все еще сохраняет способность воспринимать, мыслить или вести себя как ребенок. Именно такая невинность достигается во "второй наивности", и ее можно охарактеризовать как "вторую невинность" мудреца, сумевшего вновь обрести способность быть ребенком.

Невинность может также рассматриваться как непосредственное восприятие Б-ценностей, наподобие того, как в сказке Андерсена ребенок увидел, что король голый, в то время как взрослые были введены в заблуждение (очень похоже на эксперимент С. Аша — Asch, 1952).

Невинность в поведенческом аспекте проявляется как спонтанность при увлеченности или очарованности, то есть как отсутствие самосознания, что означает потерю Я или его трансценденцию. Организующим началом поведения тогда становится очарованность интереснейшим миром, лежащим вне Я, что подразумевает "отсутствие какого-либо желания произвести впечатление на внешнего наблюдателя", непосредственность и бесхитрость,

отсутствие осознания того факта, что ты являешься объектом наблюдения. Поведение выступает как чистый опыт, а не как средство какого-либо межличностного воздействия.

Часть VII. Трансценденция и психология бытия ЗДЕСЬ.

21. Различные смыслы трансценденции.

1. Трансценденция в смысле утраты самоосознания, самонаблюдения, как при подростковой деперсонализации. Это тот же вид самозабвения, как и то, что приходит при поглощенности чем-то, очарованности, сосредоточенности. Медитация или сосредоточение на чем-либо вне собственной психики может порождать самозабвение и, следовательно, утрату самоосознания и в этом конкретном смысле — (трансцендирование) сознательного Я.

2. Трансценденция в метапсихологическом смысле преодоления своей телесности, в частности, при идентификации с бытийными ценностями, так что они становятся внутренними по отношению к Я.

3. Трансценденция времени. Например, мне наскучила академическая церемония, в которой я участвую, и я чувствую себя несколько смешным в шляпе и мантии. Но внезапно я начинаю ощущать себя не утомленным и раздраженным человеком, находящимся в данный момент в определенном месте, а неким символом, действующим под знаком вечности. В моем воображении возникает академическая процессия, протянувшаяся из прошлого в будущее далеко-далеко, гораздо дальше, чем я могу видеть. Во главе ее находится Сократ, и многие люди предшествовавших поколений участвуют в ней, а я — последователь и продолжатель всех великих академиков, профессоров и интеллектуалов. И я вижу также процессию, продолжающуюся за мной в неясную, туманную бесконечность, где места в процессии займут еще не родившиеся пока люди, которые станут интеллектуалами, учеными и философами. И я ощущаю приятную дрожь, испытываю большую гордость, что участвую в этой процессии, горжусь своим одеянием и собой как человеком, причастным к великому делу. То есть я стал символом; я нечто вне своей телесности. Я стал не просто индивидом, но "ролью" вечного учителя, платоновской идеей учителя.

Трансценденция времени имеет место и в другом смысле, а именно, я могу дружески общаться, очень лично и эмоционально, со Спинозой, Авраамом Линкольном, Томасом Джефферсоном, Уильямом Джеймсом, Альфредом Н. Уайтхедом и т. д., как если бы они были живы. Тем самым можно сказать, что в определенном смысле они действительно живы.

И еще в одном смысле можно преодолеть время, а именно — трудясь ради еще не родившихся правнуков и других потомков. Именно в этом смысле А. Уилис в романе "Искатель" (*Wheelis*, 1960) заставил своего героя на пороге смерти думать о том, что лучшее, что он мог сделать, было бы посадить деревья для будущих поколений.

4. Трансценденция культуры. В некотором смысле самоактуализирующийся человек, и тем более трансцендирующий самоактуализирующийся человек, — это универсальный человек. Он представитель человеческого рода. Его корни в определенной культуре, но он поднимается над ней; о нем можно сказать, что он в разных отношениях независим от нее и смотрит на нее с высоты, может быть, подобно дереву, корни которого в почве, а ветви простерлись ввысь и неспособны взглянуть на почву, в которую углубились корни. Я писал о сопротивлении самоактуализирующейся личности ее поглощению культурой. Такая личность может исследовать свою культуру, в которой находятся ее корни, отстраненным и объективным образом. Это аналогично процессу, имеющему место в психотерапии, когда человек одновременно переживает нечто и наблюдает за собственным переживанием своего рода критическим, или редакторским, или отстраненным, или удаленным взглядом; при этом он может критиковать такое переживание, одобрять или не одобрять его, устанавливать над ним контроль и, следовательно, сохранять возможность его изменения. Сознательно принятая установка по отношению к своей культуре и ее частям резко отличается от бездумной и слепой, неосознаваемой и недискриминирующей полной идентификацией с ней.

5. Трансценденция своего прошлого. Возможны две установки по отношению к своему прошлому. Одну из них можно назвать трансцендентной. Следующий ей человек способен к бытийному познанию своего собственного прошлого. Это прошлое может быть охвачено и принято в нынешнее Я человека. Это означает полное принятие. Это означает прощение своего Я,

достигнутое благодаря его пониманию. Это означает преодоление раскаяния, сожаления, вины, стыда, смущения и т. п.

Такая установка отличается от взгляда на прошлое как на нечто, произошедшее с человеком, перед чем он был бессилён, как на набор ситуаций, где он был лишь пассивен и целиком зависел от внешних факторов.

В некотором смысле речь идет о том, чтобы взять на себя ответственность за свое прошлое. Это означает "стать субъектом и быть субъектом".

6. Трансценденция своего Я, эгоизма, эгоцентризма и т. п., когда мы отвечаем на требования внешних задач, причин, обязанностей, проявляем ответственность перед другими и перед реальным миром. Когда некто исполняет свой долг, это тоже можно увидеть с точки зрения вечности и утверждать, что здесь имеет место преодоление своего Я, своих низших потребностей. В самом деле, это в конечном счете форма метамотивации и идентификации с тем, что "зовет" к действию. Это чувствительность к внепсихическим требованиям. А последнее в свою очередь означает разновидность даосистской установки, фраза "быть в гармонии с природой" предполагает эту способность поддаваться внепсихической реальности, быть восприимчивым к ней, реагировать на нее, жить с ней, как если бы ты принадлежал к ней, а значит — быть в гармонии с ней.

7. Трансценденция как мистический опыт. Мистическое слияние, будь то с другой личностью, с целым космосом, с чем-то промежуточным. Я имею в виду здесь мистический опыт, как он классически описан религиозными мистиками в разнообразной религиозной литературе.

8. Трансценденция смерти, боли, болезни, зла и т. д., когда человек находится на достаточно высоком уровне, чтобы примириться со смертью, болью и т. д. С божественной, олимпийской точки зрения, все это необходимо и может быть понято как необходимое. Если такая установка достигается, как это может быть, например, при бытийном познании, то горечь, надрыв, гнев, обида способны исчезнуть или хотя бы намного ослабнуть.

9. (Пересекается со сказанным выше.) Трансценденция означает принятие естественного мира, разрешение ему, в даосистском духе, быть самим собой, преодоление своих низших, эгоистичных потребностей, своих эгоцентрических суждений, когда внепсихические вещи рассматриваются как опасные или безопасные, съедобные или несъедобные, полезные или бесполезные и т. п. В этом конечный смысл фразы "воспринимать мир объективно". В этом также один из необходимых аспектов бытийного познания, предполагающего преодоление своего Я, низших потребностей, эгоизма и т. д.

10. Трансценденция противоположности "Мы-они". Трансценденция подхода к межличностным отношениям как к игре с нулевой суммой. Это означает подъем на уровень синергии (как межличностной, так и синергии социальных институтов или культур).

11. Трансценденция базовых потребностей (либо путем их удовлетворения, так что они нормальным образом исчезают из поля сознания, либо благодаря способности отказаться от их удовлетворения и победить их в себе). Иначе это можно выразить словами: стать в основном метамотивированным. Данный вид трансценденции предполагает идентификацию с бытийными ценностями.

12. Любовь-идентификация как вид трансценденции. Имеется в виду альтруистическая любовь (например, к своему ребенку, к другу), преодолевающая эгоистичное Я. Здесь возможна и более широкая идентификация со все большим количеством людей — вплоть до идентификации со всем человечеством. Это можно также описать как все большее расширение границ Я, вплоть до человеческого рода в целом. Это можно выразить также интрапсихически, феноменологически, как переживание того, что ты один из братьев, что ты принадлежишь к человеческому роду.

13. Все примеры гомономии в смысле А. Энгяла (*Angyal*, 1965) — будь то высокой или низкой.

14. Сойти с карусели, на которой все кружатся. Пройти по скотобойне, не замаравшись кровью. Быть чистым, даже если вокруг грязь. Трансцендировать рекламу, то есть быть выше ее, не испытывать ее воздействия, не быть затронутым ею. В этом смысле человек может преодолеть все виды зависимости, рабства и т. п., подобно тому как В. Франкл, Б. Беттельхайм и другие смогли преодолеть даже ситуацию концлагеря. Вот еще пример. На первой полосе одного из номеров "Нью-Йорк таймс" за 1933 г. был помещен снимок бородатого старика-еврея, которого везли в тележке для мусора перед глумящейся берлинской толпой, У меня было такое впечатление, что старик испытывал к толпе сострадание, смотрел на этих людей с жалостью и, вероятно, прощал их, считая несчастными, больными и не достигшими человеческого уровня. Быть независимым от человеческой злобы, невежества, глупости или незрелости, даже когда они направлены против тебя, можно, хотя и очень трудно. Однако человек способен в такой ситуации

посмотреть на нее в целом (в том числе и на себя внутри нее), как если бы он видел ее объективно, отстраненно, с безличностной или надличностной высоты.

15. Трансцендирование воздействующих на личность чужих мнений, то есть отраженных оценок. Это означает самодетерминацию Я. Это означает способность быть непопулярным, когда именно так надлежит поступать, способность самому решать за себя, держаться своей линии, быть самостоятельным человеком, а не объектом манипуляции или соблазна. В экспериментах типа проведенного С. Ашем такие люди оказывают сопротивление социальному давлению, а не ведут себя конформно. Они сопротивляются тому, чтобы их относили к какой-либо рубрике, они способны быть свободными от роли, то есть преодолевать свою роль и быть личностью, а не ролью. Это включает сопротивление внушению, пропаганде, социальному давлению, бойкоту и т. п.

16. Трансцендирование фрейдистского суперэго и переход на уровень внутренней совести, внутренней вины, заслуженного и уместного раскаяния, сожаления, стыда.

17. Трансценденция собственной слабости и зависимости. Трансцендировать свою роль ребенка, стать как бы собственной матерью и отцом, вести себя по-родительски, а не только по-детски, быть способным проявлять силу и ответственность, а не только зависимость, преодолевать свою слабость и возвышаться до силы. Поскольку мы всегда имеем внутри себя одновременно и силу и слабость, важно в основном их соотношение. Но в конечном счете некоторых людей по праву можно назвать в основном слабыми, относящимися к другим людям как слабые к сильным и утверждать, что используемые ими механизмы адаптации, совладания, защиты — это все защита слабости от силы. То же для зависимости и независимости. То же для безответственности и ответственности. То же имеет место для капитана судна или водителя автомобиля, с одной стороны, и для простого пассажира, с другой.

18. Трансцендирование наличной ситуации. Как говорит К. Гольдштейн в своей книге "Организм" (Goldstein, 1939): "... относиться к существованию с точки зрения возможного, а не только актуального". Имеется в виду: подняться над привязкой к стимулу и существующей "здесь-и-теперь" ситуации. Впрочем, ограниченность рассмотрением конкретной ситуации, как у К. Гольдштейна, может быть преодолена. Пожалуй, лучше всего здесь будет такая формулировка: подняться в царство возможного, а не только актуального.

19. Трансценденция дихотомий (полярностей, противоположности черного и белого, или-или и т. п.). Подняться от дихотомий к охватывающему их целому. Преодолеть атомизм, предпочтя ему иерархическую интеграцию. Связать, интегрировать то, что существовало отдельно. Конечным пределом является холистическое восприятие космоса как единства. Это конечная трансценденция, но каждый шаг на пути к ней сам по себе также представляет собой трансценденцию. Примером здесь может служить любая дихотомия, например, эгоизма и альтруизма, мужского и женского начал, родителя и ребенка, учителя и ученика и т. д. Все эти дихотомии могут быть трансцендированы, так, чтобы преодолеть взаимоисключение и противоположность их составляющих (как в игре с нулевой суммой) и подняться к более высокой точке зрения, откуда видно, что эти как бы взаимоисключающие противоположности могут быть сведены в единство, более реалистичное, более истинное и находящееся в большей согласии с действительностью.

20. Трансценденция "дефицитарной реальности" в "бытийную реальность". (Конечно, это пересекается с любым другим видом трансценденции. Впрочем, каждый из них пересекается с любым другим.)

21. Трансценденция своей воли (в духе изречения: "Да сбудется не моя воля, а Твоя, Господи!"). Уступить своей судьбе и слиться с ней, любить ее в духе Спинозы или в даосистском духе. Как бы обнять свою судьбу, любя ее. Возвыситься над своей личной волей, над стремлением командовать, контролировать, над потребностью в таком контроле и т. п.

22. "Трансцендировать" означает также "превзойти" в простом смысле сделать больше, чем, как ты думал, ты мог сделать, или больше, чем ты делал в прошлом, например, пробежать дистанцию быстрее, чем обычно, или стать лучшим танцором или пианистом, или лучшим плотником, или еще кем-то.

23. Трансценденция означает также стать Божественным или богоподобным, выйти за пределы чисто человеческого. Но здесь надо быть осторожным в том смысле, чтобы не вкладывать в это утверждение какого-либо сверхчеловеческого или сверхъестественного содержания. Я подумываю об использовании слов "метачеловеческий" или "бытийно-человеческий", чтобы подчеркнуть, что достижение очень высокого уровня, Божественного или богоподобного, — это часть человеческой природы, хотя ее не часто можно видеть в действии. Это потенциал человеческой природы.

Подняться над разобщающим национализмом, патриотизмом или этноцентризмом в смысле "Мы и они", "они против нас" или комплекса вражды-дружбы Р. Ардри (см. его книгу "Территориальный императив" — Ardrey, 1966). Вспомним описанного Ж. Пиаже маленького женевского мальчика, который не мог вообразить себя одновременно и женевцем и швейцарцем. Он мог представить себя либо только женевцем, либо швейцарцем. Требуется больший уровень развития для овладения способностью к включению и подчинению понятий, их интеграции. Моя идентификация с национализмом, патриотизмом или с моей культурой не обязательно ослабляет более широкий и высокий патриотизм, идентификацию со всем человеческим родом или с Объединенными Нациями. По сути дела, такой высший патриотизм не только шире, но в связи с этим и здоровее, человечнее, чем строгий локализм, сопряженный с антагонизмом или исключением чужаков. При этом я могу быть хорошим американцем и, конечно, должен быть американцем (в этой культуре я вырос, и я никогда не отброшу ее и не хочу отбрасывать, ради того, чтобы стать гражданином мира). Подчеркну, что гражданин мира, не имеющий корней, не принадлежащий к какому-либо месту, являющийся только и просто космополитом, — не такой хороший гражданин мира, как тот, кто вырос в семье, в определенном месте, в доме с определенным языком, в определенной культуре и потому обладает чувством принадлежности, над которым можно надстраивать более высокие уровни потребностей и метапотребностей. Быть в полной мере представителем человеческого рода не означает отречения от более низких уровней; это означает скорее их включение в иерархическую интеграцию, что предполагает, например, культурный плюрализм, удовольствие от восприятия различий, от разных ресторанов, где подают блюда разных видов, от путешествий в другие страны, от этнологического изучения других культур и т. п.

24. Трансценденция может означать жизнь в реальности Бытия, беседу на языке Бытия, бытийное познание. Такое познание может быть как спокойным, так и острым — типа пикового переживания. После инсайта, или большого потрясения, или масштабного мистического опыта, или озарения, или полного пробуждения, когда уходит эффект новизны, человек может успокоиться, привыкнув к хорошим или даже великим вещам, и жить как бы в небесах, быть на коротке с вечным и бесконечным. Не удивляться и не пугаться, а спокойно жить среди сущностей Платона или бытийных ценностей. По контрасту с эмоционально острым инсайтом и таким же бытийным познанием здесь можно говорить о "плато-познании". Пиковые переживания должны проходить и, как я понимаю, проходят. Однако озарение или инсайт остается с человеком. Он не может опять стать наивным или ничего не ведающим, каким он был ранее. Он не может "не видеть", опять стать слепым. Однако должен существовать язык, чтобы описать приспособление к свершившемуся превращению, или озарению, или жизни в раю. Для такой пробужденной личности нормальным является объединяющее бытийное познание, к которому она всегда по желанию может перейти. Это спокойное бытийное познание (или плато-познание) приходит под контролем личности. Она может выключить или включить его, когда пожелает.

Достижение (преходящее) полной человечности, или завершенности, или окончательности — это примеры трансценденции.

25. Достижение даосистской (бытийной) объективности на основе трансценденции невовлеченной, нейтральной, беззаботной объективности наблюдателя (которая в свою очередь трансцендирует чисто эгоцентрический и незрелый недостаток объективности).

26. Трансцендирование разрыва между фактами и ценностями. Слияние фактов и ценностей воедино (см. главу 8).

27. Трансценденция отрицательных сторон действительности (в том числе зла, боли, смерти и многого другого) находится в отчетах о пиковых переживаниях, когда мир принимается как благо, и человек примиряется с воспринимаемым им злом. Это является также трансценденцией торможений, преград, отрицаний, отказов.

28. Трансценденция пространства. Это может быть попросту такая поглощенность чем-либо, когда человек забывает, где он находится. Но это может быть также возвышение, приводящее к идентификации со всем человеческим родом, когда твои братья на другой стороне Земли — это как бы часть тебя самого, так что в некотором смысле ты находишься на другой стороне Земли, так же, как и на своем действительном месте. То же справедливо для приобщения к бытийным ценностям: ведь они присутствуют всюду, так что если они оказываются определяющими характеристиками чьего-то Я, то это Я также находится всюду.

29. С некоторыми из рассмотренных выше смыслов пересекается трансценденция усилий и стремлений, желаний и надежд, любых характеристик направленности и намерений. В простейшем случае это, конечно, простое удовольствие от удовлетворения желаний и исполнения надежд, от того, что ты уже находишься где-то вместо того, чтобы стремиться туда, уже достиг

чего-то вместо того, чтобы приближаться к нему. Трансценденция этого вида имеет место также, когда испытываешь чувство, которое называют "высокой беззаботностью". Это даосистское ощущение того, что ты позволяешь событиям идти своим чередом вместо того, чтобы заставлять их происходить как-то иначе, ощущение полного счастья и принятия этого состояния, когда отсутствуют стремления и желания, и ты отказываешься от вмешательства, контроля, волевых усилий. Это трансценденция амбиций и эффективности. Это состояние обладания, когда ты не ощущаешь недостатка чего-либо. Итак, можно перейти к состоянию счастья и удовлетворенности тем, что есть. К его высокой оценке. К благодарности за него. К состоянию и ощущению удачи и успеха. К ощущению безвозмездно оказанной тебе милости.

Пребывание в конечном состоянии означает трансценденцию средств в разных смыслах. Но здесь надо быть очень осторожным в формулировках.

30. Особого внимания с точки зрения исследовательских целей (как и терапевтических) заслуживают особые виды трансценденции, когда страх трансцендируется в состояние отсутствия страха или мужества (это не совсем одно и то же).

31. Полезно было бы также использовать идеи Р. Бёкка, изложенные в его книге "Космическое сознание" (Виске, 1923). Речь идет об особом феноменологическом состоянии, когда человек каким-то образом воспринимает весь космос или, по меньшей мере, единство и интеграцию его и всего в нем, включая собственное Я. При этом он чувствует, что по праву принадлежит космосу. Он становится членом космической семьи, а не сиротой. Он входит внутрь, а не наблюдает извне. Он одновременно чувствует свою малость перед лицом обширности Вселенной и свою важность — благодаря абсолютному праву находиться в ее составе. Он часть Вселенной, а не незнакомец или пришелец. Чувство принадлежности сказывается здесь очень сильно — в противовес чувству остракизма, изоляции, одиночества, отверженности, отсутствия корней и своего места. Тот, кто пережил это, сможет, видимо, постоянно испытывать чувство принадлежности, наличия своего места, пребывания там по праву и т. п. (Я говорю об этом типе космического сознания при бытийном познании в пиковых переживаниях по контрасту с другим типом, когда имеет место максимальное сужение поля сознания в интенсивной и полной поглощенности и очарованности одним человеком, или одной вещью, или одним событием, которое каким-то образом замещает весь мир, весь космос. Я назвал это сужающим видом пикового переживания и бытийного познания.)

32. Вероятно, особо и отдельно надо выделить трансценденцию в смысле приобщения к бытийным ценностям и идентификации с ними, в результате чего личность в дальнейшем мотивируется, главным образом ими.

33. Индивидуальные особенности можно трансцендировать в очень специфическом смысле. Наиболее высокая установка по отношению к индивидуальным особенностям состоит в том, чтобы не только знать и принимать их, но и радоваться им и, в конечном итоге, быть глубоко благодарным за них как за прекрасный пример изобретательности космоса — признавать тем самым их ценность и изумляться им. Это, конечно, высокая установка, а значит, как я полагаю, — вид трансценденции. Но в то же время, в отличие от такого рода благодарности за индивидуальные особенности, существует другая установка, когда личность возвышается над ними в признании сущностной общности, взаимозависимости и идентификации со всеми людьми в составе человечества в том смысле, что каждый человек — твой брат или сестра, так что индивидуальные особенности и даже различия полов могут быть определенным образом трансцендированы. Таким образом, на каких-то отрезках времени человек может полностью осознавать различия между индивидами; но в других случаях он может отметить их как относительно несущественные по сравнению с универсальной человеческой природой и сходством человеческих существ.

34. Определенный вид трансценденции, интересный в теоретическом плане, — это трансценденция человеческих пределов, несовершенств, недостатков, человеческой ограниченности. Такая трансценденция достигается в форме переживания совершенства, причем это переживание может быть либо острым, либо более спокойным, по типу плато. В обоих случаях человек может быть чем-то священным, окончательным, Богом, совершенством, сущностью, воплощать в себе Бытие (а не только становление). Это можно выразить как трансценденцию обычной, повседневной человечности в пользу чрезвычайной человечности или, можно сказать, метачеловечности. То, о чем идет речь, может быть актуальным феноменологическим состоянием; может быть видом познания; может также быть постигаемым философским пределом или идеалом — наподобие платоновых сущностей или идей. В острые моменты, а в какой-то мере и в "плато-познании", человек становится совершенным или может видеть себя как совершенного. В такой момент я могу любить всех и принимать всех, прощать всех, примириться даже с задевающим меня злом. Я могу понять порядок вещей и радоваться ему, и я могу даже

почувствовать какой-то субъективный эквивалент того, что присуще только богам, то есть всеведения, всемогущества, вездесущности (это значит, что в определенном смысле человек может стать в такие моменты Богом, мудрецом, святым, мистиком). Вероятно, то обстоятельство, что это все — часть человеческой природы, хотя соответствующая лишь ее высшим возможностям, лучше всего передается словом "метачеловечность".

35. Трансценденция своего собственного кредо, своей системы ценностей или верований. Это стоило бы обсудить отдельно в связи с особой ситуацией в психологии, где "первая сила", "вторая сила" и "третья сила" рассматриваются многими как взаимоисключающие. Конечно, такой взгляд ошибочен. Гуманистическая психология является в большей степени включающей, чем исключающей. Это эпифрейдистская и эпипозитивистская наука. Две исходные точки зрения — не столько ложные или неправильные, сколько ограниченные и частичные. Их сущность очень хорошо укладывается в более обширную структуру. Конечно, их интеграция в такую структуру изменяет их в некоторых отношениях, корректирует их, указывает на определенные ошибки, но в то же время сохраняются их наиболее существенные, хотя и частичные, характеристики. Среди интеллектуалов может существовать комплекс вражды-дружбы, когда лояльность к Зигмунду Фрейдю, или Кларку Халлу, или, скажем, к Галилею, Эйнштейну, Дарвину выступает как разновидность локального, исключающего чужаков патриотизма, как своего рода братство, куда одни допускаются, а другие — нет. То, о чем идет речь, — это особый случай включаемости, или иерархической интеграции, или холизма, но здесь полезно выделить аспект, касающийся психологов, а также философов, естествоиспытателей и, вообще, тех интеллектуальных областей, где существует тенденция подразделения на так называемые научные школы. В связи с этим надо сказать, что к научным школам возможен как дихотомический, так и интегративный подход.

Краткий вывод. Трансценденция относится к высшим и в максимальной степени включающим, или холистическим, уровням человеческого сознания, поведения и отношения — как к цели, а не средству — к себе, к значимым другим, к людям вообще, к другим видам, к природе и к космосу. (Здесь имеется в виду холизм в смысле иерархической интеграции. Предполагается также изоморфизм познавательного и ценностного.)

22. Теория Z.

С недавнего времени я нахожу все более полезным различать два вида (или, лучше сказать, два уровня) самоактуализирующихся людей: тех, кто явно здоров психологически, но обладает малым или вообще не обладает опытом трансценденции, и тех, для кого такой опыт является важным и даже центральным. Примерами людей первого вида могли бы служить г-жа Элеонора Рузвельт и, вероятно, Трумэн и Эйзенхауэр. В качестве примеров второго я мог бы назвать О. Хаксли и, вероятно, А. Швейцера, М. Бубера и А. Эйнштейна.

К сожалению, на этом уровне не удается сохранить достаточную теоретическую четкость. Я обнаружил не только самоактуализирующихся людей, способных к трансценденции, но также и людей, которых нельзя назвать психологически здоровыми или самоактуализирующимися, но которые тем не менее обладают важным опытом трансцендирования. Мне кажется, что я обнаружил некоторую степень трансценденции у многих людей, не являющихся самоактуализирующимися в смысле моего определения этого термина. Вероятно, ее можно будет обнаружить даже в более широких масштабах, если мы разработаем лучшие методики исследования и приемы анализа их результатов. Я излагаю здесь лишь свои впечатления от предварительного этапа исследований. Согласно этим впечатлениям, осознание трансценденции имеет место не только у самоактуализирующихся людей, но также у высоко творческих или талантливых, высоко интеллектуальных, у людей с сильным характером, сильных и ответственных лидеров и менеджеров, у особенно хороших (добродетельных) людей, у "героических" людей, способных преодолевать несчастья, которые укрепляют их, вместо того, чтобы ослаблять.

В некоторой, хотя еще не вполне ясной степени второй вид самоактуализирующихся людей — это те, кого называют "пикерами" в отличие от "не-пикеров" (см. Maslow, 1964), говорящими "да" в отличие от говорящих "нет" (Wilson, 1967), жизнеутверждающих в отличие от жизнеотрицающих (в понимании В. Райха), любящими жизнь в отличие от ожесточенных ею и испытывающих к ней отвращение.

К первому виду относятся люди, в большей мере практичные, реалистичные, мирские, умелые, светские, в большей мере живущие "здесь-и-теперь", то есть в мире, который я коротко назвал "дефицитарной реальностью", мире дефицитарных потребностей и дефицитарного познания. При таком мировоззрении люди и вещи воспринимаются главным образом практически, конкретно,

прагматически, "здесь-и-теперь", как средства удовлетворения либо, напротив, фрустрации дефицитарных потребностей; иначе говоря, как полезные или бесполезные, оказывающие помощь или опасные, важные или неважные для данного человека.

"Полезный" в этом контексте означает как "полезный для выживания", так и "полезный для роста в направлении самоактуализации и свободы от базовых дефицитарных потребностей". Конкретнее это означает образ жизни и взгляд на мир, обусловленный не только иерархией базовых потребностей (в простом физическом выживании, в безопасности, в принадлежности к некой общности, в дружбе и любви, в уважении и оценке, в самооценке и чувстве собственного достоинства), но также и потребностью в актуализации своих личных, специфических возможностей (своей идентичности, реального Я, индивидуальности, уникальности), то есть в самоактуализации. Иными словами, имеется в виду реализация не только заключенных в индивиде общечеловеческих способностей, но также и его собственных специфических возможностей. Такие люди не просто живут в мире, но осуществляют себя в нем. Они овладевают им, ведут его за собой, используют его ради хороших целей, как это делают политики или другие практики (если они психологически здоровы). Эти люди предпочитают действие размышлению и созерцанию, эффективность и прагматизм — эстетике, познание действительности — эмоциям и переживаниям.

О людях другого типа (не назвать ли их трансцендерами?) можно сказать, что они гораздо чаще оказываются знакомы с реальностью Бытия, с жизнью на уровне Бытия; иначе говоря, с конечными целями, с внутренними ценностями (Maslow, 1964). Они с большей очевидностью метамотивированы, более или менее часто обладают объединяющим сознанием и "плато-переживаниями" (Ашрани). Они имеют либо имели в прошлом пиковые переживания (мистические, сакральные, экстатические), сопровождавшиеся озарениями или инсайтами, изменившими их взгляд на мир и на себя. Возможно, такие переживания посещают их изредка, а возможно, представляют для них обычное явление.

О "просто здоровых" самоактуализирующихся людях вполне можно сказать, что они в общем соответствуют предсказаниям "теории Y" Д. Мак-Грегора. Но об индивидах, которые трансцендировали самоактуализацию, мы должны сказать, что они не только выполнили требования "теории Y", но и превзошли их. Они живут на уровне, который я для удобства назову здесь "теорией Z", исходя из того, что она находится на том же континууме, что теории X и Y, образуя вместе с ними некоторую иерархию.

Конечно, мы сталкиваемся здесь с чрезвычайно сложными, запутанными вопросами; по сути дела — с философией жизни вообще. Достаточно полное и последовательное рассмотрение этих вопросов потребовало бы многих томов.

Мне представляется, однако, что исходные позиции можно сжато выразить с помощью таблицы 1. Взяв в качестве основы очень удобную итоговую таблицу Кейта Дэвиса (Davis, 1967), я расширил ее (мои добавления набраны курсивом). Это, конечно, не легкое чтение, но я думаю, что всякий любознательный или интересующийся проблемой читатель сумеет ухватить нечто из того, что я пытаюсь сообщить.

Одно предупреждение напоследок. Надо заметить, что предлагаемая иерархическая система уровней оставляет открытой трудную и пока не решенную проблему, в какой мере пересекаются или совпадают последовательности или иерархии, перечисленные ниже.

1. Иерархия потребностей (которая может рассматриваться либо как приходящая к кризисам в хронологической последовательности — в духе концепции Э. Эриксона, — либо как не изменяющаяся с возрастом).

2. Последовательность удовлетворения базовых потребностей в любом возрасте (начиная с младенчества, через детство, молодость, зрелость — вплоть до старости).

3. Биологическая, филогенетическая эволюция.

4. Шкала от болезни (снижения, задержки) к здоровью и полной человечности.

5. Шкала от жизни в плохих окружающих условиях к жизни в хороших условиях.

6. Континуум от "плохого экземпляра" (в конституциональном или общебиологическом смысле) к "хорошему экземпляру" (в понимании владельца зоопарка).

Таблица 1

Уровни организации в отношении к другим иерархическим переменным

	Автократический	Сохраняющий	Поддерживающий (мотивационный)	Коллегиальный (коллегиально)	<i>Организация в соответствии с теорией Z;</i>
--	------------------------	--------------------	--	--	--

)	сть семейного типа)	транцендирующие организации
Зависимость от:	Силы, власти	Экономических ресурсов	Руководства	Взаимных вкладов	Преданности бытию и бытийным ценностям
Ориентация менеджера	Власть. Авторитет	Материальное вознаграждение	Поддержка	Интеграция	Допущение, что все преданы делу. Подача сигналов. Сотрудничество
Ориентация работника	Послушание	Безопасность	Успешность	Ответственность	Восхищение; любовь; признание фактического превосходства
Психологический результат для работника	Личная зависимость	Организационная зависимость	Участие	Самодисциплина	Жертвенность; самопожертвование
Потребности работника	Поддержание существования	Сохранение статуса-кво	Более высокого порядка	Самореализация	Метапотребности: бытийные ценности
Моральный критерий	Согласие с требованиями	Удовлетворение	Мотивированность	Преданность делу и команде	Преданность бытийным ценностям
Отношение к другим идеям:					
Теория Мак-Грегора	Теория X	-	Теория Y	-	Теория Z
Приоритетные потребности, согласно модели Маслоу	физиологическое	В безопасности	Среднего уровня	Высшего уровня	Метапотребности; бытийные ценности
Факторы Херцберга	Сохранение	Сохранение	Мотивационный	Мотивационный	
Тезис У. Уайта	-	Организационный человек	-	-	-
Решетка менеджера по Блейку и Моултону	9, 1	3, 5	6, 6	8, 8	-
Мотивационная среда	Внешняя	Внешняя	Внутренняя	Внутренняя	Сплав
Мотивационный стиль	Негативный	В основном нейтральный на работе	Позитивный	Позитивный	
Стиль власти менеджера	Автократический		Предполагающий участие работников		На высшем уровне — величностный, сверхличностный (трансперсональный), включающий добровольный отказ от власти

<i>Модальный уровень личностного развития</i>	<i>Хозяин</i>	<i>Босс; отец; патриарх</i>	<i>Равенство незрелых</i>	<i>Здоровье; зрелость</i>	<i>Трансцендентный; бытийный уровень за пределами "эго"; трансперсональный</i>
<i>Образ человека</i>	<i>Вещь для использования (взаимозаменяемые, лишённые индивидуальности). Хозяин</i>	<i>Щенок; ребенок; кукла; милостивый диктатор</i>	<i>Партнерство для взаимной выгоды и взаимного удовлетворения потребностей. Дефицитарная любовь</i>	<i>Каждый человек — "генерал" Сильная идентичность. Союзы между суверенными личностями. Реальное Я. Самоактуализация</i>	<i>Святой-мудрец-политик-прагматик. Мистик. Бодхисатва. Цадик. Бытийная личность. Личность зеркалитова типа.</i>
<i>Объективность</i>	<i>Отчужденная; без идентификации; объективность обладания; объективность наблюдателя</i>			<i>Объективность, "сплавленная" с понятийной любовью</i>	<i>Даосистская объективность; трансцендентная объективность; объективность невмешательства. Объективность любви.</i>
<i>Политика</i>	<i>Рабы; вещи</i>	<i>Патриарх</i>	<i>Союзники, ищущие взаимную выгоду</i>	<i>Сенаторы; каждый человек — "генерал"; полная суверенность</i>	<i>Бытийная политика; анархизм; бытийное смирение: децентрализация. Безличность: трансперсональность</i>
<i>Религия</i>	<i>Бог страха и гнева</i>	<i>Бог-отец</i>	<i>Доброта, обусловленная любовью</i>	<i>Гуманизм</i>	<i>Трансгуманизм (центрация на космосе, а не на человеке)</i>
<i>Отношения мужчин и женщин</i>	<i>Господство; эксплуатация</i>	<i>Господство, сочетающееся с ответственностью и привязанностью</i>	<i>Доброта, обусловленная любовью: взаимное удовлетворение потребностей</i>	<i>Взаимное уважение; равенство; бытийная любовь (?): полная суверенность</i>	<i>Бытийная любовь: духовное слияние; непринужденность</i>
<i>Экономика</i>	<i>Выживание. Материализм. Экономика низших потребностей</i>	<i>Щедрый собственник: "честь обязывает"</i>	<i>Демократичность: партнерство: экономика потребностей высокого уровня</i>	<i>Этическая экономика; моральная экономика: социальные показатели, включенные в систему учета</i>	<i>Анархизм; децентрализация; бытийные ценности как наиболее ценная плата. Духовная экономика. Экономика метапотребностей. Трансперсональная экономика</i>

Уровень науки	Наука о вещах	Дочеловеческая наука	—> Гуманистическая наука —>		Трансгуманная наука; космоцентрическая наука, разрабатываемая трансперсональными учеными
Уровень ценностей	Свобода от ценностей	Дочеловеческая "ценность"	—> Гуманистические ценности —>		Трансгуманные ценности. Бытийные ценности. Космические ценности
Метод	Атомистический-дихотомизирующий-редуцирующий-анализирующий		Иерархическая интеграция. Синергия. Интегативность		
Страх или мужество	Страх &dt;—	Мужество —>	Трансценденция мужества и страха; по ту сторону мужества и страха		
Степень человечности	Снижение или задержка человечности —>		Полная человечность		Трансчеловечность, трансперсональность
Направленность	Регресс <—	Становление — Прогресс — Рост — Бытие —>			
Совершенство	—> Возрастающие степени совершенства —>				
Психологическое здоровье	—> Полная человечность —>		—> Возрастающие степени здоровья и человечности —>		
Образование	Тренировка	Образование с четким доминированием педагога	Взаимное обучение	Внутреннее образование. Тренировка импровизации. Уверенные действия в новой ситуации без предварительной подготовки	Трансгуманное образование. Воспитание личностного, даосистского. Гераклитов человек. "Да сбудется воля Твоя". Жертвенность. Готовность принять свою судьбу. Долг. Ответственность
← Внешнее образование →					
Уровни психотерапевта и психотерапии; Уровни помощи	Механик; хирург	Ветеринар; патриарх; авторитарный начальник (которого боятся, но которому верят); Отдающий приказы	Щедрый, могущественный и добрый отец (которого можно любить и который воспринимается как любящий, заботливый, но при этом способный обучать). Зеркало	Экзистенциальный; Я-Ты; коллеги; старший брат; обретение идентичности; обретение судьбы; обретение ценностей	Даосистский руководитель, консультант. Гуру. Мудрец. Позволяющий быть. Приверженный бытийным ценностям. Бодхисатва. Цадик. Грустный — любящий — сострадающий
Секс	Грязный; пагубный; односторонний;	Естественный; десакрализованный	Наполненный любовью. Экстаз.	Сакрализованный; путь на небеса;	Небесный — бытийное состояние. Транссексуальна

	<i>переходящий (на другой объект); эксплуатирую щий</i>	<i>анный</i>	<i>Радость</i>	<i>тантрический</i>	<i>я эротика</i>
<i>Стиль или уровень общения</i>	<i>Приказы</i>	<i>Приказы</i>	-	<i>Взаимность</i>	<i>Бытийный язык</i>
<i>Уровень жалоб</i>	<i>Низкий</i>	<i>Средний</i>	-	<i>Высокий</i>	<i>Метажалобы</i>
<i>Плата: вознагражден ие</i>	<i>Материальны е блага и собственност ь</i>	<i>Безопасность сейчас и в будущем</i>	<i>Дружба. Привязанность. Принадлежност ь к группе</i>	<i>Достоинство. Статус. Хвала. Честь. Свобода. Самоактуализ ация</i>	<i>Бытийные ценности. Справедливость . Красота. Добро; совершенство; истина и т. д. Пиковые переживания. Плато- переживания</i>

Конечно, все эти сложности делают понятие "психологическое здоровье" еще более спорным по сравнению с тем, каким оно выступает обычно. Соответственно, укрепляются основания для использования вместо него понятия "полная человечность", которое без труда можно приложить ко всем рассмотренным вариациям. Точно так же мы можем воспользоваться противоположным понятием "задержка или снижение человечности" вместо того, чтобы говорить о незрелом, неудачливом, имеющем врожденные дефекты, находящемся в неблагоприятных социальных условиях. Понятие "снижение человечности" охватывает все перечисленные.

Различия между трансцендерами и "просто здоровыми" самоактуализирующимися людьми

Нетрансцендирующие и трансцендирующие самоактуализирующиеся люди (или, можно сказать, "примеры теории Y" и "примеры теории Z") обладают всеми характеристиками самоактуализации (см. их описание в моей книге "Мотивация и личность" — Maslow, 1954), но различаются наличием или отсутствием (или, скорее, большим или меньшим количеством и важностью) пиковых переживаний, опытов бытийного познания и того, что Ашрани назвал "плато-переживанием" (спокойное созерцательное бытийное познание в отличие от острого).

Однако я почти убежден, что, кроме того, нетрансцендирующие самоактуализирующиеся люди не обладают также перечисленными ниже характеристиками или обладают ими в меньшей степени, чем трансцендеры.

1. Для трансцендеров пиковые переживания и "плато-переживания" становятся чем-то самым важным в жизни, ее вершинами, критериями ее оценки, наиболее ценными ее элементами.

2. Трансцендеры легко, нормально, естественно и бессознательно говорят на языке Бытия, языке поэтов, мистиков, провидцев, глубоко религиозных людей, тех, кто живет на уровне платоновых идей или на уровне Спинозы, под знаком вечности. Поэтому они, вероятно, лучше понимают иносказания, метафоры, парадоксы, музыку, искусство, невербальные сигналы и т. п. (это предположение легко проверить).

3. Они способны к объединяющему или сакральному познанию (то есть видению священного внутри мирского). Они видят священное во всем, одновременно видя его на практическом повседневном дефицитарном уровне. Они могут произвольно сакрализировать все, что угодно, то есть воспринять это с точки зрения вечности. Данная способность дополняет (а не исключает) успешное познание действительности в рамках "дефицитарной реальности". (Это хорошо описывается дзенским понятием "ничего особенного".)

4. Они гораздо более осознанно и намеренно метамотивированы. Это значит, что ценности Бытия (или, можно сказать, Бытие как таковое, воспринимаемое как факт и как ценность), то есть совершенство, истина, красота, добро, единство, преодоление дихотомий, наслаждение Бытием и т. п., — их главные или важнейшие мотивы.

5. Они каким-то образом узнают друг друга и почти мгновенно, уже при первой встрече достигают близости и взаимопонимания. После этого они могут общаться не только вербально, но и невербально.

6. Они более чувствительны к красоте. Они вносят красоту во все, включая все бытийные ценности, или видят красоту легче, чем это удастся другим, или быстрее откликаются на прекрасное, или считают красоту самым важным в мире, или понимают красоту того, что обычно не признается красивым. (Объяснение путаное, но лучшего я сейчас не могу дать.)

7. Они более холистичны (целостны) в своем отношении к миру, чем "просто здоровые" или практичные самоактуализирующиеся люди (которые также холистичны в этом смысле). Для них существуют единое человечество и единый космос, а такие понятия, как "национальный интерес", или "религия моих отцов", или "различные уровни людей или их интеллекта" для них либо не существуют, либо легко преодолеваются. Если мы примем в качестве политической необходимости (весьма настоящей сегодня) отношение ко всем людям как к братьям, а к национальному суверенитету (дающему право вести войну) как к глупости или незрелости, то трансцендеры мыслят таким образом более легко, более естественно. Чтобы думать нашим "нормальным", то есть глупым или незрелым образом, они должны приложить усилие, хотя и способны на такое мышление.

8. С этой склонностью к холистическому восприятию частично совпадает усиление естественной для всех самоактуализирующихся людей тенденции к синергии — внутриспсихической, межличностной, внутрикультурной и международной. Это нельзя раскрыть здесь достаточно полно, потому что объяснение было бы слишком длинным. Краткое (и, может быть, пока не очень осмысленное) утверждение состоит в том, что синергия преодолевает дихотомию эгоизма и альтруизма, включая их в единое обобщающее понятие. Это преодоление соперничества, игры с нулевой суммой, где одни побеждают, а другие проигрывают. Интересующийся читатель может обратиться к публикациям по этому вопросу (например, Maslow, 1965).

9. Конечно, трансцендеры в большей мере и легче, чем другие, трансцендируют свое Я, свою идентичность.

10. Трансцендеры не только возбуждают к себе любовь, как и большинство самоактуализирующихся людей вообще, но они, кроме того, в большей степени вызывают чувство благоговения, они в большей мере "неземные" и богоподобные, более "святые" в средневековом смысле, к ним легче испытывать почтение. О них чаще думаешь: "Это великий человек".

11. Одним из следствий всех этих характеристик является то, что трансцендеры намного более склонны быть новаторами, открывать нечто новое, чем "просто здоровые" самоактуализирующиеся люди, которые скорее склонны очень хорошо делать ту работу, которая должна делаться "в мире". Трансцендентный опыт и озарения позволяют видеть бытийные ценности, идеал, совершенство, то, что должно быть, что могло бы быть, что существует в потенции — и к чему, следовательно, можно было бы перейти.

12. У меня есть не совсем ясное впечатление, что трансцендеры менее "счастливы", чем "просто здоровые" самоактуализирующиеся люди. Они могут испытывать большой экстаз, большой восторг, достигать больших высот "счастья" (здесь это слишком слабое слово), чем счастливые и здоровые люди. Но у меня иногда складывается впечатление, что они в такой же, а может быть, и в большей степени склонны испытывать космическую или бытийную грусть из-за глупости людей, вреда, причиняемого ими самим себе, их слепоты, их жестокости по отношению друг к другу, их близорукости. Вероятно, это происходит из контраста между тем, что существует в действительности, и идеальным миром, который трансцендеры могут видеть так легко и живо и который в принципе столь легко достижим. Вероятно, такова цена, которую этим людям приходится платить за то, что они в состоянии непосредственно видеть красоту мира, возможности святости в человеческой природе, отсутствие необходимости в столь большом количестве человеческого зла, явную потребность в хорошем мироустройстве (например, всемирное правительство, синергичные социальные институты, образование, ориентированное на добро, а не на более высокий коэффициент интеллекта или большую осведомленность в какой-то отдельной работе). Всякий трансцендер может сесть и за пять минут написать рецепт мира, братства и счастья — рецепт, полностью лежащий в рамках практичности, абсолютно достижимый. Однако он видит, что все это не делается; а если где-то и делается, то так медленно, что катастрофы наступают раньше. Неудивительно, что он грустен, или зол, или нетерпелив; и в то же время он оптимистичен в своих долгосрочных прогнозах.

13. Глубокое противоречие, связанное с элитарностью и присущее любой доктрине самоактуализации (ведь, как бы то ни было, при всяком сравнении оказывается, что это люди высшего уровня), легче разрешается (или хотя бы регулируется) трансцендерами, чем "просто здоровыми" самоактуализирующимися людьми. Это становится возможным потому, что трансцендеры легче могут жить одновременно в дефицитарной и в бытийной реальности, им

гораздо легче сакрализировать любого человека. Это значит, что им легче примириться с абсолютной необходимостью какой-то формы испытания действительности, сравнения, элитарности в дефи-цитарном мире (вы должны взять на работу хорошего плотника, а не плохого, вы должны проводить какое-то различие между преступником и полицейским, больным и врачом, честным человеком и мошенником, умным человеком и глупым) и в то же время признавать бесконечную и равную для всех, не поддающуюся сравнениям сакральность, святость любого человека. В очень эмпирическом и обязательном смысле Карл Роджерс говорит о "безусловном положительном отношении" к пациенту как априорно необходимом для эффективной психотерапии. Наши законы запрещают "жестокие и необычные" наказания: какое бы преступление ни совершил человек, с ним надо обращаться так, чтобы уважение его достоинства не опускалось ниже определенной точки. По-настоящему религиозные теисты говорят, что "каждый и всякий человек — дитя Божие".

Эта святость каждого человека, и даже каждого живого существа, и даже неживых вещей, если они прекрасны, настолько легко и непосредственно воспринимается в своей реальности любым трансцендером, что он едва ли способен хотя бы на миг забыть о ней. Сочетание этого свойства с превосходной способностью трансцендера осуществлять проверку реальности он может осуществлять наказание богоподобным образом, не испытывая презрения к наказываемому, никогда не эксплуатируя его слабость, глупость или неспособность (хотя и признает наличие этих качеств разной степени выраженности в дефицитарном мире). Путь разрешения этого парадокса, который я нашел полезным для себя, таков: фактически более высокий по своим качествам трансцендер всегда действует по отношению к человеку, находящемуся фактически на более низком уровне, как к брату, как к члену своей семьи, которого надо любить и о котором надо заботиться, что бы он ни сделал: ведь в конце концов он все-таки член семьи. Но при этом трансцендер может действовать как строгий отец или старший брат, а не только как мать, которая все прощает, или похожий на нее нежный отец. Наказание при этом вполне совместимо с богоподобной бесконечной любовью. С трансцендентной точки зрения легко видеть, что даже для блага провинившегося может быть лучше наказать его, огорчить его, сказать ему "нет", чем удовлетворить его сиюминутное желание или доставить ему удовольствие.

14. У меня сильное впечатление, что трансцендеры обнаруживают явную положительную корреляцию (в отличие от более типичной отрицательной) между возрастанием знания, с одной стороны, и ощущением тайны и благоговения, с другой. Конечно, большинство людей воспринимает научное знание как то, что уменьшает тайну, а значит, и страх, поскольку у большинства тайна вызывает страх. И человек стремится к знанию как средству снизить тревожность (*Maslow, 1962 a*).

Но для людей, испытывающих пиковые переживания, и особенно для трансцендеров, тайна притягательна: она бросает вызов, а не страшит. Самоактуализирующемуся человеку в какой-то мере скучно то, что хорошо известно, сколь бы полезно ни было это знание. Причем это особенно типично для "пикера" (человека, склонного к пиковым переживаниям): для него в тайне и благоговении заключена награда, а не наказание.

Как бы то ни было, я обнаружил у большинства творческих ученых, с которыми беседовал, что чем больше они знают, тем более они склонны войти в экстаз, включающий в себя смирение, ощущение своего невежества, своей малости, благоговение перед грандиозностью Вселенной, великолепием колибри или тайной младенца — все это субъективно воспринимается положительным образом, как награда.

Отсюда смирение, свое смутно признаваемое "невежество" и одновременно счастье большого ученого-трансцендера. Возможно, я думаю, у нас всех был такой опыт, особенно в наши детские годы. Но трансцендер, по-видимому, встречается с ним чаще, переживает глубже и ценит больше в качестве высших моментов своей жизни. Это касается ученых и мистиков, но также и поэтов, художников, промышленников, политиков, матерей и многих других людей. Я выдвигаю теорию познания и науки (нуждающуюся, конечно, в проверке), согласно которой на высших уровнях развития человечности знание положительно, а не отрицательно коррелирует с чувством тайны, благоговения, смирения, по большому счету невежества, а также с чувством жертвенности.

15. Трансцендеры, я думаю, должны меньше бояться чудачеств, чем другие самоактуализирующиеся люди, и потому более способны к отбору творческих людей (некоторые из которых выглядят, как чудаки). Я бы сказал, что самоактуализирующиеся люди вообще более других ценят творчество и потому успешнее отбирают тех, кто склонен к нему (а значит, могут лучше других вести менеджмент и отбор кадров, давать соответствующие консультации). Однако чтобы оценить человека типа Уильяма Блейка, нужен большой опыт трансценденции и, соответственно, более высокая ее оценка. Нечто в этом духе справедливо, видимо, и в

противоположном плане: трансцендер должен быть более способен к выявлению чудачеств, не являющихся творческими, а таковых, я думаю, большинство.

У меня нет опыта, подтверждающего выдвинутые предположения. Они вытекают из теории и представлены здесь в качестве легко проверяемых гипотез.

16. Из теории следует, что трансцендеры должны в большей степени "смиряться со злом", понимая, что оно в тех или иных случаях неизбежно и необходимо в масштабном холистическом смысле, то есть при взгляде "сверху", с божественной или олимпийской высоты. Поскольку это предполагает лучшее понимание зла, отсюда следует одновременно и большее сострадание ему, и более последовательная и непреклонная борьба с ним. Это звучит как парадокс, но, если вдуматься, здесь нет противоречия. Глубже понимать означает, на этом уровне, быть сильнее (а не слабее), решительнее, испытывать меньше внутренних противоречий, реже сомневаться и раскаиваться, а потому действовать быстрее, увереннее и эффективнее. Можно, испытывая сострадание к злодею, сокрушить его, если это необходимо.

17. Я предполагаю, что у трансцендеров можно обнаружить еще один парадокс: они более склонны рассматривать себя в качестве носителей таланта, инструментов надличностного начала, так сказать, временных хранителей высокого разума, мастерства, лидерства или эффективности. Здесь имеет место особый вид объективности или самоотречения, который для не-трансцендеров может выглядеть как высокомерие, претенциозность или даже паранойя. Аналогия, которую я нахожу здесь наиболее полезной, — это отношение беременной женщины к себе и своему еще не родившемуся ребенку. Где она сама, а где уже не она? Насколько требовательной, самовлюбленной, высокомерной она имеет право быть?

Я думаю, нас в равной мере озадачит и утверждение: "Я лучше всех подхожу для этой работы и потому требую отдать ее мне", и столь же вероятное: "Ты лучше всех подходишь для этой работы, и потому твой долг — забрать ее у меня". Трансценденция влечет за собой "трансперсональную" потерю своего Я.

18. Трансцендеры в принципе (я не располагаю данными) более склонны к глубокой религиозности или духовности — будь то в теистическом или в нетеистическом смысле. В пиковых переживаниях и другом трансцендентном опыте можно видеть также религиозный или духовный опыт, если только переопределить последние термины так, чтобы исключить исторические, конвенциональные, поверхностные, институциональные приращения их смысла. Этот опыт можно также считать "антирелигиозным" (если придерживаться сугубо конвенциональной точки зрения), или суррогатом религии, или ее заменой, или "новым вариантом того, что принято называть религией или духовностью". Парадокс, состоящий в том, что некоторые атеисты гораздо более религиозны (в широком смысле слова), чем некоторые священники, можно достаточно легко проверить, придав ему тем самым операциональный смысл.

19. Возможно (хотя я не вполне уверен в этом), что еще одно количественное различие между двумя видами самоактуализирующихся людей состоит в следующем: трансцендерам легче трансцендировать свое Я, свою идентичность, выйти за пределы самоактуализации. Заостряя свою мысль, скажу так: возможно, описание "просто здоровых" самоактуализирующихся людей в большей мере исчерпывается их характеристикой прежде всего как людей, знающих, кто они, куда идут, чего хотят, к чему пригодны, — одним словом, как сильных личностей, использующих себя хорошо, правильно, в согласии со своей действительной природой. Но этого, конечно, недостаточно для описания трансцендеров. Они, безусловно, соответствуют приведенному описанию, но они также нечто большее.

20. Я бы предположил (это опять-таки впечатление, не опирающееся на конкретные данные), что трансцендеры, благодаря более легкому восприятию бытийной реальности, имеют больше пиковых переживаний, чем их более практичные братья, чаще испытывают очарование, которое мы наблюдаем у детей, замороженно разглядывающих окраску пуделя, капли дождя, бьющие по оконному стеклу, гладкость кожи или движения гусеницы.

21. Теоретически, трансцендеры должны быть несколько более даосистски настроены, а "просто здоровые" самоактуализирующиеся люди — несколько более прагматичны. Бытийное познание заставляет все выглядеть более таинственным, более совершенным, таким, каким оно должно быть. А отсюда меньшее побуждение к тому, чтобы делать что-либо с объектом, который хорош сам по себе и меньше нуждается в улучшении или вмешательстве. Сильным оказывается побуждение к тому, чтобы просто смотреть на него и испытывать его, вместо того чтобы что-то делать с ним или по поводу его.

22. Понятие, не добавляющее ничего нового к сказанному выше, но привязывающее его ко всей богатой структуре фрейдистской теории, выражается словом "постамбивалентность", которое, на мой взгляд, характеризует всех самоактуализирующихся людей и, может быть, в несколько

большей степени — некоторых трансцендеров. Это означает бесконфликтную любовь "от всего сердца", принятие партнера, свободное выражение чувств в отличие от более обычной смеси любви и ненависти, характерной и для "любви", и для дружбы, и для сексуальности, и для авторитета, и для власти.

23. Наконец, я хочу привлечь внимание к "уровням оплаты" и "видам оплаты", хотя и не уверен, что две мои группы существенно различаются (если вообще различаются) в этом отношении. Важен сам факт, что есть много видов оплаты, кроме денег, что значение денег как таковых непрерывно уменьшается с увеличением богатства и достижением большей зрелости характера, в то время как значение более высоких форм оплаты и "метаоплаты" устойчиво возрастает. И если даже денежная оплата внешне остается важной, она часто выступает не в своем буквальном, конкретном значении, но скорее как символ статуса, успеха, самооценки, как то, что позволяет завоевать любовь, восхищение и уважение.

Это легко проверить. В течение некоторого времени я собираю рекламные объявления, имеющие целью привлечь специалистов и администраторов, кадры для Корпуса мира и организаций типа VISTA. При этом иногда даже менее квалифицированных работников, "синих воротничков" привлекают не только деньгами, но также возможностями удовлетворения потребностей более высокого уровня и метапотребностей — дружеским сотрудничеством с коллегами, хорошим окружением, надежными перспективами, возможностями для проявления способностей, личностного роста, реализации своих идей и идеальных стремлений, ответственностью, свободой, важностью продукции, состраданием к другим людям, оказанием помощи человечеству и своей стране, хорошей школьной системой, даже хорошей рыбалкой, прекрасными горами для восхождения на них и т. п. Корпус мира идет так далеко, что подчеркивает в качестве привлекательных сторон низкую оплату и большие трудности, самопожертвование ради помощи другим.

Я полагаю, что большее психологическое здоровье делает эти виды оплаты более ценными, особенно когда денег хватает и денежная оплата сохраняется. Конечно, для большей части самоактуализирующихся людей работа и игра уже, вероятно, слились, то есть они любят свою работу. О них можно сказать, что им платят за то, что они и так бы делали в качестве хобби, поскольку работа сама по себе приносит им удовлетворение.

Единственное различие между двумя группами, которое, как я думаю, будет установлено в результате дальнейших исследований, состоит в том, что трансцендеры более склонны искать работу, приносящую пиковые переживания и бытийное познание.

Одно из оснований для упоминания об этом в данном контексте состоит в моем убеждении в теоретической необходимости того, чтобы проектируя хорошее общество, Эвпсихию, отделить руководство от привилегий, эксплуатации других, собственности, роскоши, статуса, власти над другими людьми и т. п. Единственный путь, который я вижу, для того чтобы защитить более способных, лидеров и менеджеров, от ненависти и бессильной зависти слабых, лишенных привилегий, менее способных, нуждающихся в помощи, короче говоря, от "дурного глаза" или от реванша побежденных, состоит в том, чтобы платить им не больше денег а меньше, предложить им вместо этого оплату более высокого типа и "метаоплату". Из принципов, изложенных здесь, а также в моей книге "Эвпсихическое управление" (*Maslow, 1965*), следует, что это удовлетворило бы как самоактуализирующихся людей, так и менее развитых психологически и прервало бы развитие взаимоисключающих и антагонистических классов и каст, которые мы наблюдаем на протяжении человеческой истории. Все, что требуется, чтобы сделать практически достижимой эту постмарксистскую, "постисторическую" возможность, — это научиться не слишком высоко ценить деньги, больше ценить высшее, чем низшее. Кроме того, было бы необходимо десимволизировать деньги: они не должны символизировать успех, выступать как основание для уважения и любви.

Эти изменения в принципе возможны, поскольку уже согласуются с предсознательными или не вполне осознаваемыми жизненными ценностями самоактуализирующихся людей. В большей ли мере это мировоззрение характеризует трансцендеров, еще предстоит выяснить. Я подозреваю, что это так, исходя, главным образом, из того, что мистики и трансцендеры на протяжении истории, по-видимому, спонтанно предпочитали простоту и избегали роскоши, привилегий, почестей и собственности. У меня такое впечатление, что поэтому "простые люди" обычно любили и почитали их, вместо того чтобы бояться и ненавидеть. Может быть, учет этого будет полезен в проектировании мира, где наиболее способных, "наиболее пробудившихся", наиболее идеалистичных избирали бы и любили как лидеров, как учителей, как людей, чей авторитет неотделим от неизменной доброжелательности и альтруизма.

24. Я не могу не выразить того, что выступает лишь как неясное предчувствие. Речь идет о том, что для моих трансцендеров наиболее вероятной представляется эктоморфная конституция, по

Шелдону, в то время как реже трансцендирующие самоактуализирующиеся люди чаще бывают, по-видимому, мезоморфными. (Я упоминаю об этом только потому, что выдвинутые предположения легко проверить.)

Эпилог.

Поскольку многим в это трудно будет поверить, необходимо ясно сказать, что я обнаружил примерно столько же трансцендеров среди бизнесменов, промышленников, менеджеров, педагогов, политиков, как и среди людей, профессионально связанных с религией, поэтов, интеллектуалов, музыкантов и других, кто по предположению должен являться трансцендером, кому дан такой официальный ярлык. Я должен сказать, что у каждой профессии свои обычаи, свой жаргон, своя униформа. Любой священник будет говорить на языке трансценденции, даже если у него нет ни малейшего представления о том, на что это похоже. А большинство промышленников будет тщательно скрывать свой идеализм, свою метамотивацию, свой трансцендентный опыт под маской "жесткости", "реализма", "эгоизма" и других качеств, которые также надо будет взять в кавычки, чтобы показать, что они носят поверхностный и защитный характер. Их более реальная метамотивация часто не подавляется, а только сдерживается, и мне иногда легко удавалось "пробить" защитную поверхность прямыми вопросами и сопоставлениями.

Я должен быть также осторожен, чтобы не создавать ложного впечатления о количестве изученных людей (примерно с сорока были проведены тщательные беседы и наблюдения, и еще с сотней или двумя не столь тщательные и глубокие), или о надежности моей информации (все это поиск, рекогносцировка, первое приближение, а не претендующее на завершенность и подлежащее нормальной проверке научное исследование, которое предстоит позже), или о репрезентативности моей выборки (я привлек тех, кого сумел, но сосредоточился, главным образом, на наилучших образцах интеллекта, креативности, характера, силы духа, успеха и т. д.).

В то же время я настаиваю на эмпирическом характере своей работы. Я сообщаю о том, что я воспринимал, а не о чем мечтал. Чтобы снять научную неловкость по поводу моих весьма вольных утверждений и гипотез, я предпочитаю называть их преднаучными, а не научными (слово, означающее для очень многих скорее проверку, верификацию, чем открытие). В любом случае все утверждения в этой главе в принципе подлежат проверке и могут быть доказаны или опровергнуты.

Часть VIII. Метамотивация.

23. Теория метамотивации.

I.

Самоактуализирующиеся личности (то есть более зрелые, более человеческие), по определению, уже достигли достаточного удовлетворения своих базовых потребностей, и теперь ими движет мотивация более высокого порядка, которую мы будем называть "метамотивация".

По определению, самоактуализирующиеся люди достигли удовлетворения своих базовых потребностей (в принадлежности, привязанности, уважении и самооценке). Они обладают чувством принадлежности и укорененности, их потребность в любви удовлетворена, у них есть друзья, они чувствуют себя любимыми и достойными любви, у них есть статус и место в жизни, они пользуются уважением других и в достаточной степени ощущают собственную ценность и самоуважение. Если сформулировать то же самое от противного — то есть описывать их в терминах фрустрированности базовых потребностей, в терминах патологии — то можно сказать, что самоактуализирующиеся люди не чувствуют (в течение сколь-либо продолжительного времени) незащищенности, одиночества, их не охватывает тревога, они не ощущают себя изгоями, не имеющими корней, изолированными одиночками, недостойными любви, отверженными, презренными, жалкими, ими не овладевает сознание собственной неполноценности (*Maslow*, 1954, глава 12).

Конечно, все это можно изложить и иным образом, что я уже неоднократно делал. Так, например, поскольку базовые потребности считались единственной мотивацией человека, было возможно, а в некоторых случаях и полезно, говорить, что самоактуализирующиеся личности "немотивированы". (Там же, глава 15). Это позволяло провести параллель с восточной

философией, где здоровье описывалось как преодоление желаний и стремлений. (Эти взгляды были во многом близки и римским стоикам.)

Можно было также описывать самоактуализирующихся индивидов как людей себя выражающих, а не совпадающих с собой, подчеркнуть, что они спонтанны и естественны, что они в большей степени могут быть собой, чем остальные. Удобство подобных формулировок заключалось и в том, что они увязывали данную концепцию с определением невроза как объяснимого механизма совладания, как попытки (пусть глупой и трусливой) удовлетворения потребностей более глубокой, более природной и биологической самости.

Каждая из этих формулировок обладает собственной операциональной полезностью в определенном эмпирическом контексте. Но не менее справедливо и то, что иногда следует задаться вопросом: "А что мотивирует самоактуализирующуюся личность? Какова психодинамика самоактуализации? Что заставляет подобного человека двигаться, действовать, бороться? Что им движет? Что его привлекает? На что он надеется? Что вызывает его гнев или решительность, готовность к самопожертвованию? Чему он предан? Что он ценит, к чему он стремится, чего он желает? Ради чего он готов умереть (или жить)?"

Очевидно, что следует провести границу между обычными мотивами людей, не достигших уровня самоактуализации, — то есть людей, движимых базовыми потребностями, — и мотивами людей, достигших достаточного удовлетворения всех базовых потребностей и, таким образом, мотивируемых в первую очередь не ими, а, скорее, мотивами более высокого уровня. Можно назвать эти присущие самоактуализирующимся людям мотивы и потребности более высокого порядка "метапотребностями" и разделить категории мотивации и "метамотивации".

(Теперь мне ясно, что удовлетворение базовых потребностей является не достаточным условием, а, скорее, необходимой предпосылкой метамотивации. Мне известен человек, в котором очевидная удовлетворенность базовых потребностей сочеталась с "экзистенциальным неврозом", потерей смысла и ценностей. Похоже, что метамотивация не является автоматическим следствием удовлетворения базовых потребностей. Можно также указать на дополнительную переменную в виде "защиты от метамотивации". Из всего этого следует, что в целях коммуникации и разработки теории может оказаться полезным ввести в определение самоактуализирующейся личности, помимо тезисов о том, что (а) она в достаточной мере свободна от болезни, (б) она в достаточной степени достигла удовлетворения базовых потребностей и что (в) она позитивно использует свои возможности, также и то, что (г) она мотивирована некоторыми ценностями, к которым она стремится, которые она ищет и которым она предана.)

II.

Все подобные люди преданы некоторому делу, призванию, долгу, любимой работе ("вне самих себя").

Изучая самоактуализирующихся людей, я неизменно нахожу, что, по крайней мере в нашей культуре, это люди, посвятившие себя чему-то, преданные какому-то делу "вне самих себя", некоторой профессии, любимой работе, долгу. Обычно это настолько сильно выражено, что для того, чтобы хоть как-то описать их страстную, самозабвенную преданность делу, приходится прибегнуть к таким старым словам, как призвание, предназначение, миссия. Иногда напрашиваются даже слова "судьба" или "участь". Порой я начинал говорить о долге в религиозном смысле, о самоотречении, посвящении себя некоему делу во внешнем мире, чему-то большему, чем сам человек, чему-то, лежащему вне личности.

Понятия судьбы или участи могут продвинуть нас довольно далеко. Это не совсем удачное определение впечатления, возникающего при общении с самоактуализирующимися (и некоторыми другими) людьми, когда они говорят о своей работе или своем деле (Maslow, 1965). Чувствуется, что у них есть любимое дело, то, к чему человек имеет прирожденную склонность, для чего он подходит и что подходит ему самому, или даже то, для чего он был рожден. Довольно легко складывается впечатление предзаданной гармонии, или же удачного союза наподобие любви или дружбы, в которой люди идеально подходят друг к другу, как ключ подходит к замку, как взятая голосом нота будит ответное колебание определенной струны в рояле.

Следует отметить, что, судя по всему, вышесказанное является верным для моих клиентов женского пола, хотя и в несколько ином смысле. Я знаю по меньшей мере одну женщину, полностью посвятившую себя тому, чтобы быть матерью, женой, домашней хозяйкой, главой клана. Ее призванием по праву можно было назвать воспитание детей, заботу о муже, объединение большого количества родственников в одну дружную семью. Все) ТО удавалось ей чрезвычайно хорошо, и, насколько я могу утверждать, все это было ей по душе. Она любила свое семейство беззаветно, и, как мне показалось, вкладывая в это все свои силы и возможности,

ничего большего не желала. Для других женщин дом и профессия существовали в различных сочетаниях, порождая то же самое чувство преданности чему-то, что воспринималось ими одновременно как любимое дело и как нечто важное и стоящее того, чтобы им заниматься. Мне порой казалось, что для некоторых женщин рождение и воспитание ребенка само по себе являлось самой полной самоактуализацией — по крайней мере на какое-то время. Тем не менее, должен прижаться, что о самоактуализации у женщин могу рассуждать лишь с ограниченной долей уверенности.

III.

В идеальной ситуации внутренняя необходимость совпадает с необходимостью внешней, "я хочу" совпадает с "я должен".

В подобных ситуациях у меня нередко возникает ощущение, что я могу вычленить два типа детерминант подобного явления (слияния, синтеза, химической реакции), приводящих к возникновению единства из дуализма, и что эти два типа детерминант могут варьировать независимо друг от друга. Один тип можно охарактеризовать как реакции внутри личности, как-то: "Я люблю детей (искусство, науку, власть) больше всего на свете... Меня неудержимо влечет... Мне нужно...". Это мы можем определить как внутреннюю необходимость, которая переживается скорее как потворство своим желаниям, нежели как зов долга. Эта детерминанта отличается от "внешней необходимости", которая переживается скорее как реакция на то, что внешний мир, окружение, ситуация, проблема требуют от человека, как пожар "требует" того, чтобы его затушили, как беспомощное дитя требует заботы, как явная несправедливость требует вмешательства. Здесь человек в большей мере ощущает элемент долга, ответственности, обязательств, необходимости действовать независимо от того, что он планировал или чего желал. Это в большей степени "я должен, я вынужден, мне необходимо", чем "я хочу".

В идеальной ситуации, которая, к счастью, встречается в действительности не так уж и редко, "я хочу" совпадает с "я должен". Складывается гармония между внутренней и внешней необходимостью. При этом сторонний наблюдатель оказывается поражен степенью воспринимаемой им необходимости, неудержимости, непреодолимости, предопределенности и гармонии. Более того, наблюдатель (равно как и сам субъект) чувствует не только то, что "так должно быть", но и то, "что так этому следует быть, так будет уместно и правильно". Я нередко ощущал некоторую "гештальтность", присущую подобной гармонии двух факторов, образованию единого из двойственного.

Я не решаюсь назвать это "целеустремленностью", поскольку подобное определение подразумевает, что в основе этого лежит желание, волевое решение или расчет, при этом не учитывается субъективное переживание увлеченности, готовность самоотдачи, и добровольный шаг навстречу судьбе при одновременном ее принятии. В идеале, в такой момент человек открывает свою судьбу, а не просто строит или решает ее. Человек ее узнает, будто, сам того не подозревая, всегда ее ждал. Возможно, более точным определением будет выбор, решение или цель в духе даосизма или Спинозы — или даже воление.

Для тех, кто не может интуитивно и непосредственно понять это ощущение, лучше всего будет проиллюстрировать его примером того, как люди влюбляются. Здесь видно четкое отличие от выполнения долга, следования голосу разума или рассудка. При этом и понятие "желание", если оно вообще применимо в этом случае, используется в весьма специфическом значении. Когда два человека любят друг друга со всей полнотой, каждый из них знает, каково быть магнитом, и каково быть железной стружкой, и каково быть и тем и другим одновременно.

IV.

Эта идеальная ситуация порождает ощущение удачи, равно как и чувство амбивалентности, переживание собственной недостойности.

Преыдущий пример также помогает описать то, что сложно передать словами, а именно ощущение удачи, счастья, благодати, благоговения перед подобным чудом, изумления от того, что вы были избраны, особой смеси гордости и смирения, высокомерия, преломленного сквозь призму характерного для возлюбленных сочувствия тем, кому повезло меньше.

Конечно же, перспектива удачи и успеха может привести в действие самые разнообразные механизмы невротических страхов, чувства неполноценности, контрценностей, динамику синдрома Ионы и т. п. Для того, чтобы в полной мере приобщиться к высшим ценностям, необходимо сперва побороть эти защитные механизмы.

V.

На этом уровне достигается трансценденция дихотомии "работа-игра"; заработок, увлечения, хобби, отпуск и т. п. должны быть определены заново на более высоком уровне.

И тогда, конечно же, о таком человеке можно сказать, что он в полном смысле является самим собой, актуализирует свое подлинное Я. Абстрактное заявление, экстраполяция из подобного наблюдения в сторону абсолютного и совершенного идеала формулируется примерно так: этот человек лучше всех во всем мире годится для данного дела, и данное конкретное дело лучше всего подходит для этого человека, его талантов, способностей и вкусов. Он был предназначен для этого дела, оно было предназначено для этого человека.

Конечно же, коль скоро мы примем и прочувствуем это, мы перейдем на следующий уровень рассуждений, а именно на уровень Бытия (*Maslow, 1962*), трансценденции. Теперь свои мысли и чувства мы с полным смыслом сможем облекать лишь в бытийный язык ("Б-язык", общение на мистическом уровне). Так, вполне очевидно, что для этих людей традиционная дихотомия между работой и игрой в полной мере трансцендируется (*Marcuse, 1955; Maslow, 1965*). Другими словами, для этого человека в подобной ситуации не существует различий между работой и игрой. Работая, он играет, и играя — работает. Если человек любит свой труд и получает от него наслаждение большее, чем от какой-либо иной деятельности, если он чувствует к нему тягу, если ему не терпится вновь приступить к нему после перерыва, тогда уместно ли здесь говорить о "работе" в том смысле, что кто-то вынужден делать что-то против своего желания?

Какая смысловая нагрузка, к примеру, остается на долю понятия "профессия"? Нередко можно заметить, что подобные люди во время отпуска, то есть тогда, когда они полностью свободны выбирать занятие и когда у них нет никаких внешних обязательств перед кем-либо другим, именно в это время они с радостью и в полной мере посвящают себя своей "работе". Или что тогда значит "поразвлечься"? Каково тогда значение слова "досуг"? Как такой человек "отдыхает"? Каковы его "обязанности", обязательства, ответственность? В чем его "хобби"?

Какое значение в подобной ситуации имеют деньги, зарплата, заработок? Лучшим уделом, величайшим счастьем для любого человека является возможность зарабатывать на жизнь делом, которое он страстно любит. Такова в большей или меньшей степени ситуация многих (большинства?) из наблюдавшихся мной людей. Конечно, деньги в определенной мере нужны, но никоим образом не являются важнейшей, конечной, абсолютной целью (в обеспеченном обществе и для благополучного человека). Денежный заработок представляет собой лишь малую часть получаемого "вознаграждения". Самоактуализационная работа, или Б-работа (работа на бытийном уровне), сама по себе являющаяся полноценным вознаграждением, превращает деньги и зарплату в побочный продукт, эпифеномен. Конечно, с большей частью человечества дело обстоит совсем по-другому — людям приходится делать что-то вопреки своим подлинным желаниям для того, чтобы заработать деньги, с помощью которых они могут получить то, что хотят на самом деле. Роль денег в бытийном мире несомненно отличается от их роли в дефицитарном мире, в мире базовых потребностей.

Проблема разнообразия мотиваций является по своей сути научной и может изучаться с помощью средств науки. В подтверждение этому укажу, что эти вопросы в определенной степени уже изучались на обезьянах. Наиболее очевидным примером является обширная литература, посвященная любопытству и иным предвестникам человеческого стремления к истине у обезьян (*Maslow, 1962*). В принципе, было бы возможно изучить эстетический выбор у этих и других животных в состоянии страха и вне его, у здоровых и нездоровых особей, в условиях простого и затрудненного выбора и т. п. Так же обстоит дело и с другими бытийными ценностями, такими, как порядок, единство, справедливость, законность, завершенность, — их тоже можно изучать у животных, детей и т. п.

Конечно, "высшие" означает также и наиболее слабые, необязательные, наименее насущные и осознаваемые, легче всего вытесняемые (*Maslow, 1954, глава 8*). Базовые потребности, будучи доминантными, диктуют свои требования, поскольку являются необходимыми для поддержания жизни, физического здоровья, для выживания. Однако метамотивация на самом деле существует в мире природы и среди обычных людей. Эта теория не нуждается в привлечении сверхъестественных сил, как она не нуждается в искусственном, априорном конструировании понятия Б-ценностей — это нечто большее, чем просто продукт логических умозаключений, продукт произвольного решения. Их может обнаружить любой, у кого есть желание и возможность повторить эти операции. Другими словами, эти заключения можно верифицировать или фальсифицировать, их можно повторить. Их можно сформулировать операционально. Многие из них можно опубликовать или продемонстрировать, то есть их могут одновременно наблюдать двое или более исследователей.

Если, таким образом, высшее существование ценностей доступно научному изучению и находится в рамках компетенции гуманистически ориентированной науки (Maslow, 1966; Polanyi, 1958), мы можем обоснованно постулировать вероятность прогресса в этой области. Развитие знаний о высшем существовании ценностей должно не только сделать возможным их более глубокое понимание, но и открыть новые перспективы самосовершенствования, совершенствования человеческого рода и всех его социальных институтов (Maslow, 1965). Мысль о "стратегии сочувствия", "технике духовности" ни в коей мере не должна внушать нам страха — они, несомненно, должны коренным образом отличаться от известных нам на сегодняшний день стратегий и техник более "низкого" порядка.

VI.

Подобные влюбленные в свое дело люди имеют тенденцию идентифицироваться со своей "работой" (сливаться с ней или ее интроецировать), делать ее определяющей характеристикой своего Я. Работа становится частью их Я.

Если спросить у подобного самоактуализирующегося, влюбленного в работу человека: "Кто ты?", его ответ скорее всего будет указывать на его "призвание" — например, "Я юрист", "Я мать", "Я психиатр", "Я художник". Тем самым, такой человек сообщает, что свое призвание он идентифицирует со своей идентичностью, своим Я. Оно становится определением всей его сущности, ключевой характеристикой этого человека.

Что будет, если его спросить: "Кем бы ты был, если бы не был ученым (летчиком, учителем)?" Или: "Что было бы, если бы ты не был психологом?". У меня сложилось впечатление, что такие вопросы вызывают у них замешательство, повергают их в задумчивость, то есть сходу на эти вопросы ответить они неспособны. Или же подобный вопрос может показаться им забавным и смешным. Ответ как правило, заключается в следующем: "Если бы я не была матерью, антропологом, промышленником, это была бы не я. Это был бы кто-то другой. Я не могу представить себя кем-то другим".

Подобная реакция сродни тому замешательству, которое вызывает вопрос типа "Что, если ты был бы женщиной, а не мужчиной?".

Из этого следует предположение, что самоактуализирующиеся личности, как правило, воспринимают свое призвание как определяющую характеристику своего Я, с которой они идентифицируются, сливаются, сродняются. Оно становится неотъемлемым аспектом бытия такого человека.

(Я не пробовал намеренно задавать такой вопрос менее самореализованным людям. Мне кажется, что вышеизложенное обобщение в меньшей степени справедливо для одних людей (для которых их работа является несущественной), и что у других людей работа или профессия могут стать функционально автономными, то есть такой человек лишь юрист и не существует как личность вне этого определения.)

VII.

Дело, которому они преданы, можно рассматривать как воплощение или их внутренних истинных ценностей (а не как средство для обеспечения существования вне работы или как функционально автономное образование). Человек любит дело (и интроецирует его) ИМЕННО ПОТОМУ, что в этом деле воплощаются такие ценности. То есть, по сути, любимыми являются ценности, а не работа как таковая.

Если спросить этих людей, почему они любят свою работу (или, более конкретно, в чем заключаются моменты наивысшего удовлетворения от этой работы, что в этой работе искупает все связанные с ней заботы, каковы связанные с ней пиковые переживания или моменты), то многие полученные конкретные, специфические ответы будут перекликаться с утверждениями, приведенными и обобщенными в таблице 2.

Помимо этого, будет получено и немало "тупиковых" ответов, типа "Я просто люблю своего ребенка. Почему я его люблю? Люблю, вот и все" или "Мне просто нравится повышать производительность моего завода. Почему? Просто получаю от этого удовольствие". Пиковые переживания, внутреннее удовольствие, существенные достижения, каков бы ни был их масштаб, не нуждаются в оправданиях и объяснениях. Они являются подкреплением сами по себе.

Таблица 2

Мотивация и источники удовлетворения самоактуализирующихся людей, достигаемые посредством работы или иным образом (помимо удовлетворения базовых потребностей)

Радость от достижения справедливости.
Радость от предотвращения жестокости и эксплуатации.
Борьба с ложью и неправдой.
Они любят, чтобы добродетель была вознаграждена.
Им нравятся счастливые финалы, "хэппи-энды".
Они не терпят, когда торжествуют грех и зло, они не терпят, когда людям сходит это с рук.
Они стремятся, чтобы зло было наказано.
Они пытаются исправить плохое положение вещей.
Им нравится делать добро.
Они любят вознаграждать и поощрять талант, достоинство, добродетель.
Они избегают славы, известности, почета, популярности, публичности, или, по меньшей мере, не стремятся к ним. Так или иначе, все это не представляется им слишком важным.
Им не требуется, чтобы их любили все без исключения.
Они, как правило, сами выбирают для себя области приложения сил (которых обычно у них не так много), а не идут на поводу у рекламы, пропаганды, требований других.
Они обычно получают наслаждение от мира, спокойствия, тишины. Борьба, суматоха, война им чаще всего не по душе (они не борются ради самой борьбы), при этом они способны чувствовать себя комфортно в центре "борьбы".
К вещам они подходят скорее практично, разумно, реалистично. Они любят, когда их действия эффективны, и не выносят, когда они бесплодны.
Борьба для них не оправдывает жестокости, агрессивности, параноидальности, мании величия, авторитарности, бунтарства — они ведут ее во имя блага. Она конструктивна.
Им удается одновременно любить мир таким, какой он есть, и стремиться его улучшить.
В любых обстоятельствах они не оставляют надежду на то, что людей, природу, общество можно улучшить.
В любых обстоятельствах они способны воспринимать добро и зло реалистично.
Они принимают вызов, который бросает им дело.
Их привлекает возможность улучшить ситуацию, работу. Им нравится делать вещи лучше.
Наблюдения в целом свидетельствуют, что их дети доставляют им огромное удовольствие, что им нравится помогать детям вырасти в хороших людей.
Они не нуждаются в лестии, восхвалении, популярности, статусе, престиже, богатстве, почете. Они не стремятся к этому, и это даже не доставляет им удовольствия.
Они не скупаются на выражение благодарности или, по крайней мере, осознают свое счастье и удачу.
Они обладают чувством чести и достоинства. Это обязанность того, кто достиг большего совершенства, того, кто знает и видит, быть терпеливым и терпимым с другими — как с детьми.
Их скорее привлекают, чем пугают тайны, нерешенные проблемы, неизвестность, трудности.
Им нравится вносить порядок и справедливость в хаос, неразбериху, грязь, бесчестность.
Они ненавидят нечистоплотность, жестокость, нечестность, напыщенность, фальшь и неискренность (и борются с ними).
Он стремятся освободиться от иллюзий, шор, смело глядеть в глаза правде.
Им обидно, когда пропадает талант.

Они не совершают жестоких поступков; жестокость других вызывает у них гнев.
Они считают, что у каждого должен быть шанс полностью реализовать свой потенциал, у всех должны быть равные возможности.
Им нравится делать все хорошо, качественно выполнять свою работу. В целом, все это означает, что они любят достойно выполнять свое дело.
Одним из преимуществ положения босса для них является возможность жертвовать деньги своей организации, выяснять, где требуется помощь. Им приятно жертвовать свои деньги на дела, которые они считают важными, благими, стоящими. Филантропия доставляет им удовольствие.
Им нравится видеть самоактуализацию других, особенно молодых, содействовать ей.
Им нравится видеть счастье, способствовать ему.
Им доставляет большое удовольствие общение с достойными людьми (смелыми, честными, работящими, искренними, значительными, талантливыми, добродетельными). "Благодаря моей работе я встречаю немало прекрасных людей. "
Им нравится принимать на себя ответственность (с которой они способны справиться), они ее не боятся и не пытаются избежать.
Они все без исключения считают свое дело стоящим, важным, необходимым.
Им по душе большая эффективность, большой рационализм, экономичность, быстрота, простота работы, дешевизна, качество продукции, снижение количества деталей, число операций, трудоемкости, сложности, повышение надежности, безопасности, "элегантности".

Можно классифицировать список этих моментов удовлетворения, редуцировать его до меньшего набора категорий. Взглянув за это дело, я быстро понял, что лучшие и наиболее "естественные" категории классификации практически полностью являются абстрактными "ценностями" предельного, нередуцируемого характера, такими ценностями, как истина, красота, новизна, уникальность, справедливость, лаконичность, простота, доброта, аккуратность, эффективность, любовь, честность, невинность, совершенство, порядок, элегантность, рост, чистота, подлинность, покой, мир и т. п.

Для этих людей профессия является не функционально автономным образованием, а, скорее, носителем, средством, воплощением предельных ценностей. Для такого человека профессия, к примеру, юриста будет являться средством достижения справедливости, а не самоцелью. Это тонкое различие можно продемонстрировать следующим образом: один человек любит закон, поскольку тот является справедливостью, в то время, как другой, абсолютный технократ, не оперирующий понятиями ценностей, может любить закон просто как сам по себе достойный любви набор правил, порядков, процедур, независимо от окончательного их предназначения и от результатов их применения. О таком можно сказать, что он любит средство независимо от его назначения, как некоторые способны любить игру, не имеющую другого предназначения, кроме как быть игрой — например, шахматы.

Со временем я научился дифференцировать несколько типов идентификации с делом, профессией или призванием. Профессия может быть средством достижения скрытых, неосознаваемых целей, и с таким же успехом она может являться самоцелью. Или, другим словами, ее мотивацией могут являться как дефицитарные или даже невротические потребности, так и ме-тапотребности. Она может детерминироваться любой комбинацией этих потребностей и метапотребностей. Из простого высказывания "Я юрист, и я люблю свою работу" многого не выведешь.

Я могу с большой долей уверенности утверждать, что чем ближе к самоактуализации, к полной человечности стоит человек, тем с большей вероятностью мы можем обнаружить, что в основе его "работы" лежат метамотивы, а не базовые потребности. Для личностей, находящихся на более высокой ступени развития, "закон" является способом достижения скорее справедливости, истины, добра, чем финансового благополучия, статуса, престижа, власти, силы. Когда я задаю вопросы типа "От каких аспектов своей работы вы получаете наибольшее удовольствие? Что доставляет вам больше всего радости?", подобные люди скорее ответят в терминах внутренних ценностей, надындивидуальных, неэгоистичных интересов, как-то: стремление к справедливости, к истине, к торжеству добра и наказанию зла и т. д.

VIII.

Эти внутренние ценности во многом совпадают с Б-ценностями и, возможно, идентичны им.

Хотя имеющиеся у меня, с позволения сказать, "данные" недостаточно основательны, чтобы обеспечить какую-либо точность моих утверждений, я придерживаюсь точки зрения, что моя классификация Б-ценностей, опубликованная ранее (Maslow, 1970), во многом близка приведенному выше списку выявленных конечных или внутренних ценностей. Содержание этих двух списков существенно совпадает, и в ходе дальнейшего изучения они могут оказаться идентичными. Я предпочитаю использовать свое описание Б-ценностей не потому, что оно теоретически изящнее, а потому, что эти ценности операционально определимы целым рядом способов (Maslow, 1970, приложение G). Другими словами, их можно обнаружить в конечной точке стольких путей поиска, что возникает подозрение в наличии общего между такими путями, как образование, искусство, религия, психотерапия, пиковые переживания, наука, математика и т. д. Тогда мы сможем рассматривать призвание, дело, миссию, "работу" самоактуализирующихся людей как еще один путь к достижению конечных ценностей. (По теоретическим соображениям здесь предпочтительнее говорить о бытийных или Б-ценностях, поскольку у меня сложилось убеждение, что самоактуализирующиеся, более человеческие люди проявляют, как вне своего призвания, так и в нем, любовь к этим ценностям и находят в них источник удовлетворения.)

Иначе говоря, люди, достигшие достаточного удовлетворения своих базовых потребностей, "метамотивированы" Б-ценностями, или, по крайней мере, "конечными" предельными ценностями в той или иной их мере и в той или иной их комбинации.

Или, другими словами: самоактуализирующиеся люди не столько мотивированы (базовыми потребностями), сколько метамотивированы (метапотребностями или Б-ценностями).

IX.

Подобная интроекция означает, что Я настолько расширилось и вобрало в себя некоторые аспекты мира, что, таким образом, трансцендируется различие между Я и не-Я (внешним, другим).

Эти Б-ценности или метамотивы, таким образом, перестают быть лишь интрапсихическими или организмическими. Они в равной степени являются и внутренними и внешними. Находящиеся внутри человека метапотребности и требовательность всего того, что лежит вне его, одновременно являются стимулом и реакцией друг для друга. При этом они движутся к тому, чтобы стать неразличимыми, в направлении их слияния.

Это означает, что различие между Я и не-Я снято (или трансцендировано). Теперь между миром и человеком существует менее выраженная грань, поскольку человек вобрал в себя часть мира и через это себя определяет. Можно сказать, что он становится расширенным Я. Если справедливость, правда или законность приобрели для него такую важность, что он идентифицирует с ними свое Я, то где же они существуют? В человеке или вне его? Подобное различие в этом случае становится практически бессмысленным, поскольку физическая оболочка человека перестает быть его границей. Свет внутренний теперь не отличается от света внешнего.

Обычный эгоизм, несомненно, теперь трансцендируется и требует определения более высокого порядка. Так, мы знаем, что такой человек может получать большее удовольствие (эгоистическое? неэгоистическое?) от пищи, когда ее ест его ребенок, а не он сам. Его Я расширилось настолько, что вобрало в себя и ребенка. Причинив боль его ребенку, вы причините боль ему самому. Я более не может идентифицироваться с биологическим индивидом, снабжаемым кровью через сердце и сосуды. Психологическое Я перерастает рамки тела.

Подобно тому, так объект любви может стать частью Я, его определяющей характеристикой, так же могут становиться его частью и любимое дело, любимые ценности. Многие люди, к примеру, столь страстно идентифицируются с борьбой против войны, расовой несправедливости, против бедности и нищеты, что готовы идти на большие жертвы, рисковать своей жизнью. При этом они, конечно же, жаждут справедливости не просто для своего биологического тела. Справедливость для них является всеобщей ценностью; это справедливость для всех, справедливость как принцип. Нападки на Б-ценности становятся также нападками на человека, вобравшего эти ценности в свое Я. Подобные нападки становятся личным оскорблением.

Идентификация высшего Я с высшими ценностями внешнего мира означает, по крайней мере в определенной степени, слияние с не-Я. Однако последнее относится не только к миру природы, но охватывает и других людей. Другими словами, наиболее ценностная часть Я такого человека будет подобна наиболее ценностной части Я других самоактуализирующихся людей. Такие Я частично совпадают.

Включение ценностей в Я имеет и другие важные последствия. Так, можно любить справедливость и правду в мире или же в другом человеке. То, как ваши друзья движутся к правде и справедливости, может доставлять вам радость, и, наоборот, если друзья удаляются от этих идеалов, вы будете ощущать печаль. Это легко понять. Но, предположим, вы чувствуете, что сами успешно движетесь к правде, справедливости, красоте, добродетели. Тогда вы вполне можете обнаружить, что вы полюбите себя и будете от себя в восхищении, будете испытывать чувство, подобное здоровой любви к себе, описанной Э. Фроммом (Fromm, 1947). Это проявление особой отстраненности и объективности по отношению к себе, для чего в нашей культуре нет места. Вы будете уважать себя и восхищаться собой, заботиться о себе и себя поощрять, чувствовать себя добродетельным, достойным любви и уважения человеком. Таким же образом человек, обладающий незаурядным талантом, может оберегать его и себя, так, будто он носитель чего-то, что одновременно является и не является им самим. Образно говоря, он может стать своим собственным хранителем.

Х.

Похоже, что менее развитые индивиды используют свою работу скорее для достижения удовлетворения базовых потребностей, невротических потребностей, как средство существования, выполняют ее из привычки или в качестве реакции на культурные ожидания. Однако столь же вероятно, что разница здесь может быть количественной, а не качественной. Возможно, в той или иной степени все люди (потенциально) обладают метамотивацией.

Эти люди, работая конкретно во имя закона или семьи, науки, психиатрии, педагогики, искусства, то есть какого-либо общепринятого вида трудовой деятельности, будучи мотивированы этим и преданы этому делу, в большей степени мотивированы внутренними или конечными ценностями (или высшими фактами или аспектами действительности), по отношению к которым профессия является лишь носителем (Maslow, 1970; 1962). Таково впечатление, сложившееся у меня в результате наблюдения за этими людьми, интервьюирования их, например, в виде вопроса о том, почему им нравится работа доктора, или что в домашнем хозяйстве, руководстве комитетом, воспитании ребенка, творчестве доставляет им наибольшее удовольствие. Если вывести из сотен конкретных, специфических ответов то, к чему они стремятся, что доставляет им удовлетворение, что они ценят, ради чего изо дня в день работают, почему работают, десяток внутренних ценностей (или ценностей Бытия), то вполне осмысленно можно будет сказать, что они работают ради истины или красоты, ради законности и порядка, ради справедливости, ради совершенства. (Конечно же, помимо ценностей более низкого порядка.)

Я не работал специально с конкретной контрольной группой, то есть с несомоактуализирующимися людьми. Я могу сказать, что большая часть человечества является такой контрольной группой. У меня достаточно опыта, касающегося отношения к работе у обычных, незрелых людей, людей, страдающих неврозами или пограничными расстройствами, психопатов и т. д., и не подлежит никакому сомнению, что их отношение основано на стремлении к деньгам, удовлетворении базовых потребностей (а не Б-ценностей), на простой привычке, реагировании на стимулы, на невротических потребностях, подчинении общепринятым нормам, инерции (неосознанной и неосмысленной жизни), на выполнении требований других людей. Тем не менее, данный интуитивный здравый смысл или естественное умозаключение, конечно же, может легко быть подвергнуто более тщательной, контролируемой и спланированной проверке, которая может его либо подтвердить, либо опровергнуть.

У меня сложилось твердое убеждение, что четкого различия между моими испытуемыми, выбранными в качестве самоактуализирующихся личностей, и другими людьми не существует. Уверен, что каждый самоактуализирующийся человек, с кем я работал, в той или иной степени соответствует приведенному мной здесь описанию. Однако, представляется, что и некоторый процент других, менее здоровых индивидов, также в некоторой мере метамотивирован Б-ценностями. В первую очередь это касается людей, обладающих особыми способностями, и людей, попавших в особо удачные обстоятельства. Возможно, все люди и некоторой мере метамотивированы²⁴.

Привычные категории карьеры, профессии или работы могут служить каналами различных других типов мотивации, не говоря уже об обычной привычке, выполнении общепринятых норм или функциональной автономии. Они могут удовлетворять, или безуспешно стремиться удовлетворять, любые из базовых потребностей, равно как и различные невротические

²⁴ Я настолько уверен в этом, что предлагаю основать компании, занимающиеся мета-мотивационными исследованиями. Они должны быть столь же прибыльны, как и те, что специализируются на так называемых мотивационных исследованиях.

потребности. Они могут являться каналом "отреагирования" или реализации защитных механизмов с тем же успехом, что и средством подлинного удовлетворения.

Мое предположение, основывающееся как на "эмпирическом" опыте, так и на общей психодинамической теории, заключается в том, что наиболее верным и наиболее полезным для нас будет считать, что эти разнообразные привычки, детерминанты, мотивы и метамотивы действуют одновременно в форме очень сложной структуры, в которой центральную роль может играть тот или иной из подобных типов мотивов или детерминант. Другими словами, наиболее развитые личности в большей мере движимы метамотивами и в меньшей мере базовыми потребностями, чем люди обычные, менее развитые.

Другой догадкой является необходимость учитывать смешение ценностей. Я уже рассказывал (*Maslow, 1954*, глава 12) о своем впечатлении, что наблюдаемые мной самоактуализирующиеся люди довольно просто и решительно определяют, что для них правильно, а что нет. Это резко контрастирует с повсеместной путаницей ценностей. Мало того, нередко это не просто путаница, а поразительная тенденция превращать черное в белое, активное неприятие хороших (или старающихся быть таковыми) людей, совершенства, превосходства, красоты, таланта и т. п.

"Политики и интеллектуалы мне скучны. Они представляются мне нереальными; реальными же мне видятся те, кто меня на сегодняшний день окружает: шлюхи, воры, наркоманы и т. д." (Из интервью с Нельсоном Алгреном.)

Данное неприятие я называю "контрценностным". С равным успехом я мог бы окрестить его ницшеанским термином "ressentiment".

XI.

Полное определение человека или человеческой природы должно, таким образом, включать внутренние ценности.

Если попытаться определить глубочайшие, наиболее аутентичные, наиболее фундаментальные аспекты подлинного Я, идентичности, аутентичной личности, то окажется, что для полноты этого определения необходимо включить не только конституцию и темперамент, не только анатомию, физиологию, неврологию и эндокринологию, не только способности, биологический стиль, не только базовые инстинктоидные потребности, но также и Б-ценности, которые при этом являются и личными Б-ценностями. (Это следует понимать как полное отвержение сартровского произвольного экзистенциализма, в котором Я создается волевым решением.) Они являются частью "природы" человека, его определения или сути в неменьшей степени, чем его более "низкие" потребности — по крайней мере у наблюдаемых мной самоактуализирующихся личностей. Эти ценности следует включать в любое полное определение человека, полной человечности, "личности". Действительно, у большинства людей они не вполне очевидны или актуализированы (то есть действительны и функционально действенны). Тем не менее, насколько я это на данный момент себе представляю, они не исключены как потенциальные у любого человека, рождающегося в этом мире. (Конечно же, можно предположить, что в будущем будут обнаружены данные, противоречащие этому взгляду. Также тут действуют и чисто семантические и категориальные соображения — например, какое значение следует придавать понятию "самоактуализация" в случае умственно неполноценного человека.) В любом случае, я считаю, что это предположение верно по крайней мере для части людей.

Всеобъемлющее определение полностью развитого Я или личности включает подобную систему ценностей, которая метамотивирует человека.

XII.

Эти внутренние ценности по своей природе инстинктоидны, то есть они необходимы а) для предотвращения болезни и б) для достижения полнейшей человечности или полноценного развития. "Болезни", возникающие в результате депривации внутренних ценностей (метапотребностей), мы можем назвать метапатологиями. "Высшие" ценности, духовная жизнь, высшие стремления человечества, таким образом, являются полноправным предметом научного рассмотрения и исследования. Они относятся к природному миру.

Здесь хотелось бы выдвинуть еще один тезис, также основывающийся на несистематизированных и неспланированных наблюдениях по поводу контраста между моими субъектами и популяцией в целом. Тезис заключается в следующем: я назвал базовые потребности инстинктоидными и биологически необходимыми по ряду причин (*Maslow, 1954*, глава 7), однако в первую очередь в силу необходимости удовлетворения базовых потребностей человека для того, чтобы избежать болезни, атрофии человечности и, в позитивном аспекте, для того, чтобы двигаться вперед и вверх, к самоактуализации или полной человечности. У меня

сложилось прочное убеждение, что нечто аналогичное распространяется и на метамотивацию у самоактуализирующихся людей. Метамотивы представляются мне также биологически необходимыми для того, чтобы (а) в негативном аспекте — избежать "болезни" и (б) в позитивном — достичь полной человечности. Поскольку эти метамотивы являются, по отдельности или в совокупности, внутренними ценностями Бытия, все это приводит нас к тому, что Б-ценности по своей природе инстинктоидны.

Подобные "болезни" (происходящие от депривации Б-ценностей, метапотребностей или Б-фактов) новы и еще не были описаны как таковые, то есть как патологии, за исключением случайных или косвенных описаний и работ В. Франкла (*Frankl*, 1966), где они описываются в весьма общем и обширном виде, в несистематизированной и потому не пригодной для исследования форме. Веками они рассматривались скорее религиозными мыслителями, историками и философами в понятиях духовных или религиозных проблем, а не врачами, учеными или психологами в понятиях психиатрических, психологических или биологических "болезней", ущербностей или слабостей. В некоторой степени эта область частично совпадает и с социологическими и политическими расстройками, "социальными патологиями" и т. п. (табл. 3).

Таблица 3

Общие метапатологии

Отчуждение.
Аномия.
Ангедония.
Потеря вкуса к жизни.
Потеря смысла.
Неспособность получать наслаждение. Безразличие.
Скука, тоска.
Жизнь теряет собственную ценность и самооправдание.
Экзистенциальный вакуум.
Ноогенный невроз.
Философский кризис.
Апатия, отстраненность, фатализм.
Отсутствие ценностей.
Десакрализация жизни.
Духовные заболевания и кризисы. "Сухость", бесплодие, застой.
Аксиологическая депрессия.
Желание смерти, сдача на "волю судьбы". Безразличие к собственной смерти.
Чувство собственной бесполезности, ненужности, незначимости. Тщетность.
Безнадежность, апатия, поражение, прекращение совладания, капитуляция.
Чувство полной детерминированности. Беспомощность. Отсутствие ощущения свободы воли.
Абсолютное сомнение. Есть ли хоть что-нибудь стоящее? Есть ли что-нибудь значащее?
Отчаяние, мука.
Безрадостность.
Опущенность.
Цинизм, неверие, потеря веры в высшие ценности или упрощенное их толкование.
Метажалобы.
Бесцельное разрушение, ярость, вандализм.
Отчуждение от старших, родителей, авторитета, любого общества.

Я буду называть эти "болезни" (или, точнее, снижения человечности) "метапатологиями" и рассматривать их как последствия депривации Б-ценностей в целом или каких-либо отдельных Б-ценностей (см. табл. 3 и 4). Путем экстраполяции из моих предыдущих описаний и классификаций Б-ценностей, осуществленных с помощью различных операций, можно составить что-то наподобие периодической таблицы (табл. 4), в которой могут быть обозначены пока не открытые болезни, которые еще предстоит определить. В той степени, насколько они будут открыты и описаны, будут подтверждены и мои гипотезы. (Я рассматривал мир телевидения и, в особенности, мир телерекламы как богатый источник проявлений метапатологии всех типов, то есть вульгаризации или разрушения всех внутренних ценностей, хотя, конечно, легко доступны и многие другие источники данных.)

Хаос, непредсказуемость. Потеря безопасности. Настороженность.

Настойчивое чувство незавершенности. Безднадежность. Прекращение борьбы и совладания. Бесплезность попыток.

Беспокойство, гнев, цинизм, недоверие, беззаконие, "закон джунглей", полный эгоизм.

Беспокойство. Настороженность. Утеря чувства безопасности, предсказуемости. Необходимость бдительности, настороженности, осмолрительности, напряженности.

Излишняя сложность, непонятность, замешательство, конфликт, потеря ориентации.

Депрессия, беспокойство, потеря интереса к миру.

Усталость, перегрузка, борьба, неуклюжесть, громоздкость, ригидность.

Унылость, депрессия, параноидальное отсутствие юмора, потеря вкуса к жизни. Безрадостность. Потеря способности наслаждаться.

Зависимость (?) от воспринимающего (?). Ответственность перекладывается на него.

Утрата смысла. Отчаяние. Бесмысленность жизни.

Таблица 4

Б-ценности и специфические метапатологии

	Б-ценности	Патогенная депривация	Специфические метапатологии
1.	Истина	Бесчестность	Неверие, недоверие, цинизм, скептицизм, подозрение.
2.	Добро	Зло	Полный эгоизм. Ненависть, отвращение, омерзение. Доверие одному себе; все для одного себя. Нигилизм. Цинизм.
3.	Красота	Уродство	Вульгарность. Специфическая «несчастьность», беспокойство, потеря вкуса, напряжение, усталость. Филистерство. Уныние.
4.	Единство, целостность	Хаос. Атомизм, разрыв связей	Дезинтеграция, «мир распадается». Произвол.
4а.	Трансценденция дихотомий (единство противоположностей)	Черно-белая дихотомичность. Утрата полутонов, степеней. Навязанная	Видение всего черно-белым, «или-или». Все воспринимается как дуэль, война или конфликт. Низкая

		поляризация. Навязанный выбор	синергия. Упрощенный взгляд на мир.
5.	Жизненность, процесс	Мертвенность. Механизация жизни	Мертвенность. Роботизация. Ощущение полной детерминированности собственной жизни. Утрата эмоций. Скука; потеря вкуса к жизни. Пустота переживаний.
6.	Уникальность	Одинаковость, единообразие, заменяемость	Потеря чувства самости и индивидуальности. Ощущение собственной заменяемости, анонимности, ненужности.
7.	Совершенство	Несовершенство, неряшливость, некачественность, низкопробность	Разочарование (?), безнадежность, отсутствие стимулов к работе.
7а.	Необходимость	Случайность, окказионализм, непостоянство	Хаос, непредсказуемость. Потеря безопасности. Настороженность.
8.	Завершенность, конечность	Незавершенность	Настойчивое чувство незавершенности. Безнадежность. Прекращение борьбы и совладания. Бесполезность попыток.
9.	Справедливость	Несправедливость	Беспокойство, гнев, цинизм, недоверие, беззаконие, «закон джунглей», полный эгоизм.
9а.	Порядок	Беззаконие. Хаос. Падение авторитетов	Беспокойство. Настороженность. Утрата чувства безопасности, предсказуемости. Необходимость бдительности, настороженности, осмотрительности, напряженности.
10.	Простота	Вводящая в замешательство сложность. Разделенность. Дезинтеграция	Излишняя сложность, непонятность, замешательство, конфликт, потеря ориентации.
11.	Насыщенность. Полнота. Богатство.	Убогость. Безликость	Депрессия, беспокойство, потеря интереса к миру.

12.	Легкость	Трудность	Усталость, перегрузка, борьба, неуклюжесть, громоздкость, ригидность.
13.	Игра	Отсутствие юмора	Унылость, депрессия, параноидальное отсутствие юмора, потеря вкуса к жизни. Безрадостность. Потеря способности наслаждаться.
14.	Самодостаточность	Случайность, окказионализм	Зависимость (?) от воспринимающего (?). Ответственность перекладывается на него.
15.	Осмысленность	Бесмысленность	Утрата смысла. Отчаяние. Бесмысленность жизни.

Третья колонка в таблице 4 представляет собой лишь весьма предварительную попытку, которую не стоит рассматривать слишком серьезно, разве только в качестве обозначения области будущих задач. Эти конкретные метапатологии представляются фигурой на фоне общей метапатологии. Единственная конкретная метапатология, с которой мне приходилось иметь дело сколько-нибудь продолжительное время, это первая в таблице (см. Maslow, 1962, глава 5), и, возможно, данная работа должна служить стимулом для дальнейших попыток — я думаю, вполне реальных — по описанию и других метапатологии. Как мне кажется, может оказаться полезным изучение литературы по религиозной патологии, в особенности в рамках мистической традиции. Я догадываюсь, что некоторые подходы к проблеме могут быть обнаружены в мире "элитарного" искусства, социальной патологии, гомосексуальной субкультуры, негативистского экзистенциализма (Wilson, 1967). Клинические истории из области экзистенциальной психотерапии, духовные заболевания, экзистенциальный вакуум, "сухость" и "постность" мистиков; дихотомизация, вербализация и сверхабстракция общих семантиков; филистерство, с которым борются творческие люди; механизация, роботизация и деперсонализация, о которых говорят социальные психиатры; отчуждение, потеря идентичности, склонность к карательным мерам, нытье, жалобы и чувство беспомощности, суицидальные тенденции; описанные К. Юнгом религиозные патологии; ноогенные расстройства по В. Франклу; расстройства характера в терминах психоанализа — эти и многие другие расстройства ценностей являются несомненно релевантным источником информации.

Обобщая вышесказанное: если исходить из того, что подобные расстройства, болезни, патологии или атрофии (происходящие от депривации удовлетворения метапотребностей) действительно снижают полную человечность или человеческий потенциал, и если согласиться с тем, что удовлетворение, или осуществление Б-ценностей повышает или реализует человеческий потенциал, то подобные внутренние или конечные ценности несомненно могут рассматриваться в качестве инстинктоидных потребностей (Maslow, 1965, с. 33-47), лежащих в той же области рассмотрения и на той же иерархической шкале, что и базовые потребности. Данные метапотребности хотя и обладают определенными особыми свойствами, отличающими их от потребностей базовых, находятся тем не менее в той же области изучения и исследования, что, скажем, потребность в витамине С или кальции. Они лежат в области науки, в широком ее понимании, и ни в коей мере не являются исключительной компетенцией теологов, философов или художников. Духовная или ценностная жизнь тем самым оказывается в мире природы, а не остается каким-то отдельным, противоположным миром. Она подлежит рассмотрению как психологией, так и общественными науками, и, теоретически, рано или поздно должна стать также проблемой и неврологии, эндокринологии, генетики и биохимии, когда эти дисциплины разработают соответствующие методы.

XIII.

Метапатологии среди живущей в достатке и избалованной молодежи происходят отчасти из-за депривации внутренних ценностей, фрустрированности "идеализма" в результате разочарованности обществом, которое им (ошибочно) кажется мотивированным лишь низшими, животными, материалистическими потребностями.

Из данной теории метапатологии вытекает следующее легко поддающееся проверке предположение: я считаю, что значительная доля социальной патологии среди обеспеченных людей (уже удовлетворивших свои потребности более низкого порядка) является следствием нехватки внутренних ценностей. Иными словами, плохое поведение обеспеченных, привилегированных, удовлетворенных в своих базовых потребностях школьников и студентов во многом обусловлено фрустрацией "идеализма", столь часто присущего молодым. Моя гипотеза заключается в том, что подобное поведение может являться результатом сочетания п обнаруживал полное отчаяние или чувство безнадежности, связанные с сомнением в самом существовании подобных ценностей.)

Конечно же, подобный фрустрированный идеализм и порой безнадежность частично обусловлены влиянием и распространением во всем мире скудоумно ограниченных теорий мотивации. К чему, помимо бихевиористских и позитивистских теорий (или, скорее, антитеорий), являющихся простым отказом попросту увидеть саму проблему и, тем самым, разновидностью психоаналитического отрицания, могут прислушаться идеалистичные юноши и девушки?

Не только вся наука XIX в. и ортодоксальная академическая психология не способны ничего предложить, но и основные теории мотивации, которыми руководствуется большинство людей, могут привести к депрессии и цинизму. Фрейдисты, по крайней мере в своих официальных трудах (но не в успешной терапевтической практике), до сих пор редуционистски трактуют все высшие человеческие ценности. Самыми глубинными и подлинными мотивами считаются опасные и отвратительные, в то время, как высшие человеческие ценности и добродетели считаются в своей основе фальшью, иллюзией, закамуфлированными вариантами "глубинного, темного и грязного". Представители наших общественных наук в большинстве своем вызывают не меньшее разочарование. Тотальный культурный детерминизм и по сей день является официальной, ортодоксальной доктриной значительной, а то и большей части социологов и антропологов. Данная доктрина не только отрицает наличие у человека высшей мотивации, но и катастрофически близко подходит к отрицанию "человеческой природы" вообще. Экономисты — не только на Западе, но и на Востоке — в основе своей материалистичны. В отношении экономической "науки" мы вынуждены решительно констатировать, что она в целом является умелым, буквальным, техническим применением полностью ложной теории человеческих потребностей и ценностей, теории, признающей лишь существование потребностей более низкого порядка, материальных потребностей (*Schumacher*, 1967; *Weisskopf*, 1963; *Wooton*, 1967).

И как молодым не разочароваться и не утратить иллюзии? К чему еще может привести то, что человек, удовлетворив все свои материальные и животные потребности, не достигает счастья, обещанного не только теоретиками, но и житейской мудростью родителей и учителей, настойчивой полуправдой-полуложью, насаждаемой рекламой?

Какова тогда участь "вечных истин"? Высшей правды? Большинство слоев общества передает их в ведение церкви и догматичных, институционализированных, ритуализированных религиозных организаций. Но это также является отрицанием высшей человеческой природы! Этим, по сути, говорится, что ищущий молодой человек решительно ничего не найдет в самой человеческой природе. Абсолютное он должен искать во внечеловеческом, внеприродном источнике, источнике, в который сегодня не верят или который отвергают большинство думающих молодых людей.

"Конечным продуктом подобного пресыщения является то, что на сцене все в большей и большей мере доминируют материальные ценности. В результате жажда ценностей духовных остается неудовлетворенной. Цивилизация, тем самым, оказывается на грани катастрофы" (Э. Ф. Шумахер). Я уделил здесь основное внимание "фрустрированному идеализму" молодежи, поскольку считаю его актуальной исследовательской проблемой сегодняшнего дня. Но, конечно же, любые метапатологии у любого человека я в такой же мере считаю "фрустрированным идеализмом".

XIV.

Эта нехватка ценностей и ценностный голод являются результатом как внешней депривации, так и внутренней амбивалентности и контрценностей.

Мы не просто являемся пассивными жертвами метапатологии, вызываемой внешней ценностной депривацией, — мы боимся высших ценностей как в нас самих, так и вне нас. Они нас

не только влекут — они нас также пугают, вводят в замешательство, приводят в трепет. Другими словами, мы испытываем амбивалентность и конфликт. Мы защищаемся от Б-ценностей. Против высшего в нас самих мы используем вытеснение, отрицание, реактивные образования и, возможно, все остальные фрейдистские защитные механизмы так же, как мы мобилизуем их против низшего. Смирение и чувство собственной недостойности могут привести к избеганию высших ценностей. Такую же роль может сыграть и ошеломление перед лицом их необъятности.

Есть основания полагать, что метапатологии могут вызываться самодепривацией, равно как и депривацией, обусловленной внешними обстоятельствами.

XV.

Иерархия базовых потребностей является доминантной по отношению к метапотребностям.

Базовые потребности и метапотребности существуют в одной иерархической структуре, то есть лежат на одном континууме, находятся в одной области познания. И те и другие обладают общим свойством быть "потребными" (необходимыми, нужными человеку) в том смысле, что их депривация приводит к "болезни" и атрофии, а их "насыщение" благоприятствует развитию в направлении к большей человечности, большому счастью и большей радости, к психологическому "успеху", к большому числу пиковых переживаний и, в целом, к большей жизни на уровне Бытия. Другими словами, они все биологически желательны и все благоприятствуют биологическому успеху. Тем не менее, они также определенным образом различаются. Биологическая ценность или успех рассматривались лишь в негативном аспекте, то есть просто как поддержание существования, жизнеспособности, избегание болезни, выживание индивида и его потомства. Но мы здесь подразумеваем также наличие позитивных критериев биологического или эволюционного успеха, то есть не только ценности выживания, но и ценности осуществления. Удовлетворение базовых потребностей и метапотребностей способствует формированию "лучших особей", биологически высших в иерархии доминантности. Не просто сильнейшее, более доминантное, более успешное животное имеет больше возможностей для удовлетворения, лучшую территорию, большее потомство и т. п. ; не просто более слабое, низшее в иерархии доминантности, более заменимое животное с большей вероятностью может быть съеденным или испытывать голод и с меньшей вероятностью способно произвести потомство и т. п., но также лучшая особь живет более полной жизнью с большей удовлетворенностью и меньшей фрустрацией, болью и страхом. Не вдаваясь в описание удовольствия у животных (что я, тем не менее, считаю вполне осуществимой задачей) мы, однако, можем вполне обоснованно поставить вопрос: "Разве нет разницы между биологической, а также психологической жизнью индийского крестьянина и американского фермера, даже если они оба производят на свет потомство?".

Во-первых, ясно, что вся иерархия базовых потребностей доминантна по отношению к метапотребностям, или, другими словами, метапотребности субдоминантны (менее насыщены, неотложны или сильны) по отношению к базовым потребностям. Я рассматриваю это как обобщенное статистическое утверждение, поскольку мне известны отдельные люди, которым присущ особый талант или уникальная чувствительность, делающая истину, красоту или доброту более важными и необходимыми, чем некоторые базовые потребности.

Во-вторых, базовые потребности можно считать дефицитарными потребностями, обладающими различными уже описанными характеристиками дефицитарности, в то время как метапотребности скорее обладают особыми свойствами, описанными применительно к "мотивации роста" (Maslow, 1962, глава 3).

XVI.

Метапотребности обладают равной побудительностью (в среднем). Мне не удалось выявить общей иерархии доминирования. Но у любого конкретного человека они могут быть и зачастую являются организованными иерархически в соответствии с его специфическими талантами и конституциональными отличиями.

Метапотребности (или Б-ценности, или Б-факты), насколько я могу видеть, не иерархизованы по степени доминантности, а, похоже, обладают равной побудительностью в среднем. Если сформулировать это по-иному, более адекватно для других целей, то можно сказать, что каждый человек обладает собственными приоритетами, иерархией или системой доминирования в соответствии с собственными способностями, темпераментом, навыками, возможностями и т. п. Для одного красота может быть важнее истины, для его брата — наоборот, с той же статистической вероятностью.

XVII.

Похоже, что любая внутренняя или бытийная ценность полностью определяется большинством или всей совокупностью других Б-ценностей. Возможно, они образуют некоторое единство, в которой каждая конкретная Б-ценность является всем этим целым, рассматриваемым с определенного угла зрения.

У меня сложилось (неопределенное) впечатление, что любая Б-ценность полностью и адекватно определяется всей совокупностью других Б-ценностей. Истина, если определить ее полностью, должна быть красивой, хорошей, совершенной, справедливой, простой, упорядоченной, закономерной, живой, всеобъемлющей, единой, трансцендирующей дихотомии, легкой и увлекательной. (Формула "Правда, вся правда и ничего, кроме правды", несомненно, не вполне адекватна.) Красота, если определить ее полностью, должна быть истинной, хорошей, совершенной, живой, простой и т. д. Это выглядит так, будто все Б-ценности представляют собой некоторое единство, где каждая отдельная ценность подобна грани единого целого.

XVIII.

Ценностная жизнь (духовная, религиозная, философская, аксиологическая и т. п.) является аспектом человеческой биологии и лежит на том же континууме, что и "низшая" животная жизнь (они не находятся в отдельных, дихотомизированных или взаимоисключающих мирах). Таким образом, она, возможно, является видовой, надкультурной особенностью, хотя она и должна быть актуализирована культурой для того, чтобы обрести существование.

Все это означает, что так называемая духовная, или ценностная, жизнь, или "высшая" жизнь, находится на том же континууме (является таким же качеством или особенностью), что и жизнь плоти или тела, то есть животная жизнь, материальная жизнь, "низшая" жизнь. То есть, духовная жизнь является частью нашей биологической жизни. Она является хоть и "высшей", но все-таки частью последней.

Духовная жизнь, тем самым, является частью человеческой сущности. Это определяющая характеристика человеческой природы, без которой человеческая природа не будет являться таковой в полной мере. Это часть Подлинного Я, идентичности человека, его внутренней сердцевины, видовой характеристики, полной человечности. Насколько возможны чистое самовыражение, чистая спонтанность, настолько могут проявляться метапотребности. "Раскрывающие", даосистские, экзистенциально-терапевтические, логотерапевтические (*Frankl*, 1966) или "онтологические" техники (*Bugental*, 1967) должны раскрывать и усиливать метапотребности так же, как и базовые потребности.

Глубинно-диагностические и терапевтические техники должны, помимо прочего, также раскрывать метапотребности, поскольку, как это ни парадоксально, наша "высшая природа" является также нашей "глубинной природой". Ценностная жизнь и жизнь животная не существуют в двух отдельных мирах, как то предполагалось в большинстве религий и философских концепций, равно как и в классической, обезличенной науке. Духовная жизнь (жизнь созерцательная, "религиозная", философская или ценностная) находится в компетенции человеческой мысли и, в принципе, достижима собственными усилиями человека. Хотя она и была исключена из реального мира классической бесценностной наукой, смоделированной по типу физики, она может быть возвращена в качестве предмета исследования наукой гуманистической. Тем самым, подобная расширенная наука, для того чтобы быть "реальной" и естественной, основанной на фактах, а не на желаемом, человеческой, а не сверхчеловеческой, должна признавать вечные истины, абсолютную правду, конечные ценности в качестве полноправных научных проблем, требующих изучения.

На практике, конечно, подобные проблемы исследовать сложно. Низшая жизнь доминантна по отношению к жизни высшей, что означает, что последняя проявляется с меньшей вероятностью. Предпосылки метамотивированной жизни гораздо более многочисленны не только в смысле предшествующего удовлетворения целой иерархии базовых потребностей, но также и в смысле большего числа "благоприятных условий" (*Maslow*, 1970), необходимых для того, чтобы эта жизнь стала возможной. Для нее требуются гораздо более благоприятные обстоятельства, должно быть преодолено материальное неблагополучие, должен быть доступен широкий спектр выбора наряду с условиями, делающими возможным его реальное и эффективное осуществление; также необходимы и синергичные социальные институты (*Maslow*, 1965) и т. д. В целом, мы должны говорить лишь о том, что высшая жизнь в принципе возможна, но не о том, что она весьма вероятна, распространена или легко достижима.

Также должен подчеркнуть, что метамотивация является общевидовым свойством и, тем самым, надкультурна и общечеловечна, а не создается культурой произвольно. Поскольку здесь

весьма вероятно неправильное понимание, позвольте мне сформулировать это так: метапотребности представляются мне инстинктоидными, то есть имеющими существенную наследственную, видовую детерминацию. Но они являются скорее потенциальными, чем актуальными. Культура обязательно и непременно нужна для их актуализации, но при этом культура может оказаться неспособной актуализировать их, что происходило и происходит на деле в большинстве известных культур. Тем самым, здесь скрыто присутствует надкультурный фактор, способный критиковать любую культуру извне или сверху, а именно в терминах того, насколько она благоприятствует или препятствует самоактуализации, полной человечности и метамотивации (Maslow, 1970). Культура может быть синергична с биологической сущностью человека, или же она может быть антагонистична по отношению к последней — культура и биология в принципе не являются противоположными друг другу.

Можем ли мы, исходя из этого, сказать, что каждый человек жаждет высшей жизни, духовности, Б-ценностей? Здесь мы с разбегу натываемся на ограниченность нашего языка. Конечно же, мы можем сказать, что в принципе подобная жажда может считаться потенциальной у каждого новорожденного ребенка, пока не будет доказано обратное. Наиболее адекватным предположением будет то, что если подобная потенциальность утрачивается, то утрачивается она после рождения. Сегодняшние социальные реалии таковы, что можно с высокой вероятностью считать: большинство новорожденных никогда не реализует этот потенциал и никогда не поднимется до высших уровней мотивации из-за бедности, эксплуатации, предрассудков и т. п. В мире на сегодняшний день на деле существует неравенство возможностей. В отношении взрослых также можно обоснованно отметить, что данный прогноз для каждого из них будет зависеть от того, как и где они живут, в каких социальных, экономических и политических условиях, от степени и масштаба психопатологии и т. д. При этом будет неразумным (по крайней мере, в аспекте социальной стратегии) отрицать возможность метажиизни вообще и в принципе для любого человека. "Неизлечимое", в конце концов, может "излечиваться" как в психиатрическом аспекте, так и в аспекте самоактуализации — вспомним пример Синанона. И, конечно же, было бы глупо вообще отказаться от этой возможности для будущих поколений.

Так называемая духовная (трансцендентная или аксиологическая) жизнь четко укоренена в биологической природе видов. Это некоторая "высшая" животность, условием которой является здоровье "низшей" животности, то есть эти два образования являются иерархически интегрированными (а не взаимоисключающими). Но данная высшая, духовная "животность" настолько робка, слаба и столь просто утрачивается, столь легко подавляется более сильными культурными факторами, что широко актуализированной она может стать только в культуре, благорасположенной к человеческой природе и, тем самым, содействующей ее полному росту.

Именно это соображение может послужить ключом к разрешению многих ненужных споров и дихотомий. Например, если "дух" а la Гегель и "природа" а la Маркс на самом деле иерархически интегрированы на одном континууме, равно как и обычные варианты "идеализма" и "материализма", то природа данного иерархического континуума обеспечивает целый ряд решений. Так, низшие потребности (животные, природные, материальные) доминантны в конкретных, эмпирических, операциональных, ограниченных аспектах по отношению к так называемым высшим базовым потребностям, которые, в свою очередь, доминантны по отношению к метапотребностям (духовности, идеалам, ценностям). Другими словами, "материальные" условия жизни имеют значительный приоритет (предшествуют, обладают большей силой) по сравнению с высшими идеалами и даже доминантны по отношению к идеологии, философии, религии, культуре и т. п. в четко определяемых, конкретных аспектах. Но при этом высшие идеалы и ценности — отнюдь не эпифеномен ценностей более низкого порядка. Они скорее обладают тем же качеством биологической и психологической реальности, отличаясь при этом своей силой, насущностью или приоритетностью. В любой иерархии доминирования, как в нервной системе или табели о рангах, высшее и низшее одинаково реально и присуще человеку. При желании, можно рассматривать историю с точки зрения стремления к высшей человечности или с точки зрения развертывания имманентной Идеи в духе немецких профессоров — сверху вниз. Или же, с равным успехом, можно искать первую, самую основную или абсолютную причину в материальных условиях, то есть идти снизу вверх. (Тогда можно принять за правду утверждение о том, что "собственные интересы являются основой всей человеческой природы" в том смысле, что они доминантны. Но это подтверждение не будет верным в качестве достаточного определения всех человеческих мотивов.) Обе эти теории полезны, каждая для своих интеллектуальных целей, и у обеих имеется собственное психологическое значение. Не нужно спорить о примате духа над материей" или наоборот. Если русских сегодня беспокоит распространение идеализма и духовной философии, то, на самом деле, это не должно их пугать. На основании того, что мы знаем о развитии индивидов и общества, можно говорить, что определенная доля духовности является вероятным следствием удовлетворения материализма.

(Для меня величайшей загадкой является то, почему достаток одним позволяет развиваться, а других фиксирует на строго "материалистическом" уровне.) Но не менее справедливо то, что религиозному деятелю, насаждающему духовные ценности, стоит начать с обеспечения питания, крова, дорог и т. п., того, что является более базовым, чем проповеди.

Размещая низшую, животную наследственность на одной шкале с "высшим", наиболее духовным, аксиологическим, ценностным, "религиозным" (тем самым утверждая, что духовность также животна, то есть относится к высшей животности), мы можем трансцендировать и ряд других дихотомий. Так, голос дьявола, порока, плоти, зла, эгоизма, эгоцентризма, корысти и т. п. был отделен от священного, идеального, добра, вечной истины, высших устремлений и т. п., противопоставлен им. Порой священное или лучшее считалось частью человеческой природы. Но гораздо чаще в истории человечества добро рассматривалось как что-то, лежащее вне человеческой природы, выше ее, как нечто сверхприродное.

У меня сложилось пока не полностью оформленное впечатление, что большинство религий, философий или идеологий с большей вероятностью признавали зло или худшее за изначальное свойство человеческой природы. Но даже наши "худшие" стремления порой экстерииоризировались в виде, к примеру, голоса Сатаны или чего-то подобного.

Не менее часто на нашу "низшую" животную природу автоматически клеился ярлык "зла" (Maslow, 1954), хотя, в принципе, с таким же успехом ее можно было бы рассматривать в качестве добра", как то делалось и делается в ряде культур. Возможно, та клевета на нашу низшую животную природу отчасти обусловлена самой тенденцией к дихотомизации (дихотомизация вызывает патологию, а патология способствует дихотомизации, которая, с холистической точки зрения, обычно в своей основе неверна). Если это так, то понятие метамотивации должно обеспечить теоретическую базу для разрешения этих (в большинстве своем) ложных дихотомий.

XIX.

Удовольствия и удовлетворения можно упорядочить в уровневую иерархию от низшего к высшему. Таким же образом можно рассматривать и гедонистические теории от низшего к высшему уровню, то есть метагедонизму.

Тоща Б-ценности, рассматриваемые как удовлетворение метапотребностей, являются также высшими радостями или высшим счастьем из всего того, что мы знаем.

В другой работе (Maslow, 1966) я указывал на необходимость и целесообразность осознания того, что существует иерархия удовольствий начиная, к примеру, от избавления от боли, включая удовольствие от горячей ванны, радость от общения с друзьями, наслаждение прекрасной музыкой, счастье от рождения ребенка, экстаз высшей любви и вплоть до слияния с Б-ценностями.

Подобная иерархия позволяет решить проблему гедонизма, эгоизма, долга и т. д. Если отнести высшее удовольствие к удовольствию вообще, тогда вполне справедливым станет то, что и полностью человеческие люди тоже стремятся лишь к удовольствию, то есть к метаудовольствию. Можно назвать это "метагедонизмом" и указать на то, что на данном уровне не существует противоречия между удовольствием и долгом, поскольку высший долг человека — это, конечно же, долг правды, справедливости, красоты и т. д., что также представляет собой и высшие радости, которые способны испытывать особи данного вида. И, конечно же, на данном уровне рассуждении эгоизм и альтруизм перестают быть взаимоисключающими. То, что хорошо для нас, хорошо и для всех остальных; то, что доставляет нам удовольствие, является благом; наши желания становятся реалистичными, рациональными и мудрыми; то, что нам нравится, приносит нам пользу; стремление к своему личному (высшему) благу является также стремлением к благу всеобщему.

Разговор о низкопотребностном гедонизме, высокопотребностном гедонизме и метапотребностном гедонизме представляет собой путь снизу вверх (Maslow, 1954), предполагающий различные операциональные и доступные проверке следствия. Так, чем выше лежит рассматриваемый феномен, тем более редок он в популяции, тем выше число необходимых для него условий, тем более благоприятной должна быть социальная ситуация, тем более высоким должно быть качество образования и т. д.

XX.

Поскольку духовная жизнь является инстинктоидной, для обучения ей могут использоваться все приемы "субъективной биологии".

Поскольку духовная жизнь (Б-ценности, Б-факты, метапотребности и т. п.) является частью Реального Я, по своей природе инстинктоидного, она, в принципе, может быть предметом

интроспекции. Она обладает "голосами-импульсами", или "внутренними сигналами", которые, хоть и слабее базовых потребностей, все-таки могут быть услышаны и, в силу этого, попадают в область "субъективной биологии".

Таким образом, по сути все принципы и методы, помогающие развить сенсорное осознание, телесное осознание, чувствительность к внутренним сигналам (посылаемым потребностями, способностями, конституцией, телом и т. д.), применимы также, хотя и в меньшей степени, к нашим внутренним метапотребностям, могут использоваться в воспитании стремления к красоте, законности, истине, совершенству. Пожалуй, можно ввести такой термин, как "богатство опыта" применительно к тем, кто настолько чувствителен к внутренним голосам своего Я, что способен сознательно интроспектировать и переживать метапотребности.

Этому богатству опыта, в принципе, можно "обучить", и его можно восстановить (по крайней мере до определенной степени) с помощью правильного применения психоделических веществ, эсаленских невербальных методов" с медитативными и созерцательными техниками, с помощью дальнейшего изучения предельных переживаний и Б-познания и т. п.

Не хочу, чтобы читатели подумали, что я обожествляю внутренние сигналы (внутренние голоса, "тихий голос совести" и т. п.). Мне кажется, что опытное знание является началом любого знания, но оно ни в коей мере не является концом всякого познания. Оно необходимо, но недостаточно. Внутренний голос порой может ошибаться, даже у самого мудрого человека. В любом случае, подобные мудрые люди при каждой возможности подвергают свои внутренние приказы проверке внешней реальностью. Эмпирическая проверка и верификация опытного знания, таким образом, всегда необходима, поскольку порой внутренняя определенность, даже для настоящего мистика, оказывается голосом дьявола (*Huxley, 1959*). Неразумно позволять личной совести отдельного человека перевешивать все иные источники знания и мудрости, сколь бы мы ни ценили внутренний опыт.

XXI.

Однако похоже, что Б-ценности суть то же, что и Б-факты. Реальность тогда является совокупностью фактических ценностей или ценностных фактов.

Б-ценности можно рассматривать как Б-факты (или абсолютную реальность) на высших уровнях ясности (озарения, пробуждения, инсайта, Б-познания, мистического восприятия и т. п.) (*Maslow, 1962*, глава 6). Когда совпадают высшие уровни развития личности, развития культуры, ясности, эмоционального освобождения (от страхов, подавления, защит) и невмешательства, появляются достаточные основания утверждать, что не зависящая от человека реальность наиболее ясно видится в своей собственной (не зависящей от человека) природе, наименее искаженной вмешательством наблюдателя [*Maslow, 1966*]. Тогда реальность описывается как истинная, хорошая, совершенная, интегрированная, живая, закономерная, красивая и т. п. Таким образом, понятия, описывающие реальность, которые наиболее точно и адекватно подходят для описания того, что воспринимается, суть те же понятия, что традиционно считаются понятиями ценностными. Традиционная дихотомия между сущим и должным оказывается свойством нижних уровней жизни и преодолевается на высших ее уровнях, где достигается слияние фактов и ценностей. По очевидным причинам эти понятия, одновременно являющиеся описательными и нормативными, могут быть названы "слова-сплавы".

И "любовь к внутренним ценностям", достигаемая на уровне слияния, является тем же самым, что "любовь к абсолютной реальности". Преданность фактам здесь подразумевает любовь к фактам. Самое непреклонное стремление к объективности восприятия, то есть попытка максимально исключить искажающий эффект наблюдателя и его страхов, желаний и эгоистичных расчетов, приносит эмоциональный, эстетический и аксиологический результат, на который указывали и к которому приближались величайшие и наиболее ясно мыслящие философы, ученые, художники и духовные новаторы и лидеры.

Созерцание высших ценностей становится тем же самым, что созерцание природы мира. Поиск истины (в ее полном определении) может быть тем же, что поиск красоты, порядка, единства, совершенства, правоты (в их полном определении), и, таким образом, истину можно искать через любую другую Б-ценность. Становится ли тогда наука неотличимой от искусства? Религии? философии? Является ли фундаментальное научное открытие о природе реальности и также духовным или аксиологическим утверждением?

Если все это так, тогда наше отношение к реальному, или, по крайней мере, к реальности, мимолетные впечатления от которой мы получаем, когда мы на высоте и она также на ее высоте, не может более оставаться "холодным", чисто когнитивным, рациональным, логическим, отстраненным, безучастным соизволением. Эта реальность вызывает также теплый,

эмоциональный ответ, любовь, преданность, лояльность, порой даже пиковые переживания. В своей высшей точке, реальность не просто истинна, закономерна, упорядочена, интегрирована и т. д. — она также хороша, прекрасна и достойна любви.

Если взглянуть на это в другом аспекте, то можно сказать, что мы предлагаем здесь имплицитные ответы на величайшие вопросы религии и философии, вопрос о предмете философского поиска, предмете религиозного поиска, о смысле жизни и т. д.

Предлагаемая здесь теоретическая структура является набором гипотез, требующих проверки и верификации. Это система фактов" различного уровня научной надежности, клинических и персонологических наблюдений, а также простых интуитивных догадок. Или, иными словами, я верю во все это до проведения верификации, которая, я убежден, будет проведена. Но вы, читатель, не обязаны в это верить. Вам необходимо быть более недоверчивым, даже если мои утверждения похожи на правду, даже если они вполне убедительны. В конце концов, это всего лишь набор догадок, которые лишь могут быть верными и которые требуют проверки.

Если человек идентифицируется с Б-ценностями и они становятся определяющей характеристикой его Я, значит ли это, что этот человек идентифицируется и с реальностью, с миром, с космосом и что они становятся определяющими характеристиками его Я? Что может означать подобное утверждение? Конечно же, все это напоминает классическое слияние мистика с миром или с Богом. Это также напоминает различные восточные варианты подобной концепции, например, слияние индивидуального Я с миром и растворения Я в нем.

Можно ли считать, что мы пытаемся осмыслить возможность существования абсолютных ценностей, по крайней мере в таком же смысле, в каком реальность может считаться абсолютной? Если что-то подобное окажется имеющим смысл, будет ли это просто гуманистическим или же оно будет сверхчеловеческим?

Здесь мы подходим к пределам смыслопередающей способности этих слов. Я привожу их лишь потому, что хочу оставить двери открытыми, ответы неокончательными, проблемы нерешенными. Эта система, вне всяких сомнений, не закрыта.

XXII.

Человек не просто является частью природы, и она не просто является частью человека, но он также должен быть, хотя бы в минимальной степени, изоморфным природе (подобным ей) для того, чтобы быть в ней жизнеспособным. Природа "эволюционировала" человека. Его приобщение к тому, что его превосходит, таким образом, не должно определяться как неприродное или сверхприродное. Оно может рассматриваться как "биологический" опыт.

А. Хешель (*Heschel*, 1965, с. 87) утверждает, что "подлинная реализация человека зависит от его приобщения к тому, что его превосходит". И, конечно же, в определенном смысле это верно. Но этот смысл необходимо раскрыть.

Мы увидели, что не существует абсолютной пропасти между человеком и лежащей вне его реальностью. Он может идентифицироваться с этой реальностью, включать ее в собственное определение своего Я, быть верным ей как самому себе. Тогда человек становится ее частью и она становится частью его. Он и она частично совпадают.

Подобная формулировка позволяет перейти на следующий уровень рассуждений, то есть к теории биологической эволюции человека. Человек не только часть природы, но он должен в определенной степени быть изоморфным ей. Он не может находиться в полном противоречии с внечеловеческой природой. Он не может быть полностью отличным от нее, иначе бы он сейчас не существовал.

Сам факт подобной жизнеспособности доказывает, что человек, по меньшей мере, совместим с природой, приемлем для нее. Он признает ее требования и, как вид, уступает им, по крайней мере в том, что необходимо для сохранения жизнеспособности. Природа его не казнила. Образно говоря, он в достаточной степени политик, чтобы принять законы природы, непринятие которых означало бы смерть. Он уживается с ней.

Другими словами, в определенном смысле человек подобен природе. Когда мы говорим о его слиянии с природой, возможно, что отчасти мы подразумеваем именно это. Возможно, что его трепет перед природой (восприятие ее как истинной, хорошей, прекрасной и т. д.) однажды будет понят как определенное самопринятие или самопереживание, как способ быть самим собой и полностью дееспособным, способ быть в своем доме, некоторая биологическая аутентичность, "биологический мистицизм". Вероятно, мы можем рассматривать мистическое или предельное слияние не просто как приобщение к тому, что в наибольшей мере достойно любви, но и как слияние с тем, что есть, поскольку человек принадлежит ему, является подлинной его частью,

является как бы членом семьи — "Тем направлением, в отношении которого наша уверенность все возрастает, является концепция того, что мы в сущности едины с космосом, а не чужды ему" (*Murphy, 1947*).

Этот биологический, или эволюционный, вариант мистического опыта, или пикового переживания, — которые, возможно, в этом не отличаются от опыта духовного или религиозного — вновь напоминает нам о том, что мы должны непременно перерасти устаревшее употребление термина "высшее" как противоположности "низшему", или "глубинному". Самое "высшее" переживание — радостное слияние с абсолютным, доступное человеку, — может одновременно рассматриваться как глубочайшее переживание нашей подлинной личной животности и принадлежности к виду, принятие нашей глубинной биологической природы как изоморфной природе в целом.

Мне представляется, что подобная эмпирическая или, по крайней мере, натуралистическая формулировка делает менее необходимым или соблазнительным определять "то, что превосходит человека" как нечеловеческое и неприродное или сверхприродное, как то делает А. Хешель. Приобщение человека к тому, что его превосходит, может рассматриваться как биологический опыт. И, хотя нельзя сказать, что вселенная любит человека, можно утверждать, что она, по меньшей мере, принимает его без враждебности, позволяет ему существовать, расти и, временами, испытывать великую радость.

XXIII.

Б-ценности не то же самое, что наше личное отношение к ним или наша эмоциональная реакция на них. Б-ценности вызывают в нас некоторое "чувство обязательности", а также ощущение недостойности.

Б-ценности следует отличать от нашего человеческого отношения к ним, по крайней мере в той степени, насколько это возможно для такой непростой задачи. Перечень подобных отношений к высшим ценностям (или реальности) включает: любовь, трепет, восхищение, смирение, почтение, ощущение своей недостойности, изумление, удивление, восторг, экзальтацию, благодарность, страх, радость и т. д. (*Maslow, 1970, с. 94*). Очевидно, что это эмоционально-когнитивные реакции человека, отражающие нечто отличное от него, или, по крайней мере, вербально отделимое. Конечно же, чем сильнее человек сливается с миром в великом порыве мистического переживания, тем в меньшей степени проявляются эти эмоциональные реакции и тем больше Я как отдельная структура.

Я думаю, что основной причиной необходимости этого разделения (помимо очевидных преимуществ в теоретическом и исследовательском аспектах) является то, что значительные пиковые переживания, озарения, опыты отшельничества, экстаз, мистические слияния происходят не часто. Даже наиболее чуткие к ним индивиды проводят в этих исключительных состояниях относительно небольшую долю объективного времени. Гораздо больше времени проводится в относительно спокойном созерцании и наслаждении абсолютным, открывшемся в великом озарении (а не в слиянии с ним). Таким образом, стоит говорить о "лояльности" абсолютному в духе Дж. Ройса (*Royce, 1908*), о долге, ответственности, о преданности ему.

Помимо этого, разрабатываемая здесь теоретическая модель делает невозможным рассмотрение реакций на Б-ценности как в чем-либо произвольных или случайных. Исходя из сказанного выше, гораздо естественнее судить об этих реакциях как об обязательных в некоторой степени, необходимых, вызванных, уместных; в том или ином смысле, Б-ценности переживаются как стоящие или даже требующие любви, трепета, преданности. Я допускаю, что полностью человеческий человек не может не иметь таких реакций.

Нам также не следует забывать о том, что встреча с этими высшими фактами (или ценностями) зачастую вызывает у человека острое сознание собственной недостойности, собственных недостатков и несоответствий, собственной экзистенциальной незначительности, конечности и бессилия как человека и как представителя человеческого вида.

XXIV.

Словарь для описания мотивов должен быть иерархичным, в особенности потому, что метамотивы (или мотивы роста) должны описываться иначе, чем базовые (дефицитарные) потребности.

Это различие между внутренними ценностями и нашим к ним отношением также приводит к введению иерархизированного словаря для описания мотивов (в широком и всеобъемлющем понимании этого слова). В другой работе я уже указывал на уровни удовлетворения, удовольствия, счастья, соответствующие иерархии потребностей вплоть до метапотребностей

(Maslow, 1966). Помимо этого, мы должны учитывать, что само понятие "удовлетворенность" трансцендируется на уровне метамотивов или мотивов роста, где удовлетворение может быть бесконечным. То же относится и к понятию счастья, которое также может быть полностью трансцендировано на высших уровнях, где оно способно обернуться космической печалью, спокойствием или безэмоциональным созерцанием. На низших уровнях (уровнях базовых потребностей), конечно же, можно говорить о том, что что-то нас влечет, что мы чего-то отчаянно жаждем, в чем-то нуждаемся, как, например, в случае нехватки кислорода или чувства сильной боли. По мере подъема по иерархии базовых потребностей более адекватными становятся такие слова, как желание, предпочтение, выбор. Но на высших уровнях, то есть на уровнях метамотивации, все эти слова становятся субъективно неадекватными. Метамотивированные чувства более успешно описываются такими понятиями, как приверженность, преданность, стремление, любовь, восхищение, боготворение, очарованность.

Помимо этих чувств нам несомненно придется иметь дело с непростой задачей по поиску слов, способных передать смысл понятия "ощущаемая уместность", долг, соответствие, справедливость, любовь к тому, что само по себе достойно любви, что требует любви, что призывает к любви, к тому, что нужно любить.

Но все эти слова все еще подразумевают разделенность желающего и желаемого. Каким образом мы можем описать то, что происходит, когда эта разделенность трансцендируется и возникает некоторая степень идентичности или слияния желающего человека и объекта его желания? Или слияния человека, который желает, с тем, что, в определенном смысле, желает его?

Все это можно сформулировать как трансценденцию (в духе Спинозы) дихотомии "свобода воли-детерминизм". На уровне метамотивации человек свободно, радостно и всем сердцем приемлет собственные детерминанты. Человек выбирает и "волит" свою судьбу не вынужденно, не "эго-дистонически", а с любовью и энтузиазмом. И чем значительнее озарение, тем более слияние свободной воли и детерминизма является "эго-синтонным", созвучным эго.

XXV.

Б-ценности стимулируют поведенческие проявления, или "празднование", а также индуцируют субъективные состояния.

Следует согласиться с тем, как А. Хешель (*Heschel*, 1965, с. 117) делает ударение на понятии "празднование", которое он определяет как "... акт выражения уважения или почтения по отношению к тому, в чем человек нуждается или что чтит... Его суть заключается в привлечении внимания к возвышенным или величественным аспектам жизни... Праздновать — это значит разделять великую радость, участвовать в вечной драме".

Следует отметить, что человек не только уважительно наслаждается высшими ценностями и созерцает их, но также и то, что эти ценности нередко вызывают внешние или поведенческие реакции, которые, конечно же, гораздо легче изучать, чем субъективные состояния.

Здесь мы обнаруживаем еще одно феноменологическое значение "чувства должного". Празднование Б-ценностей ощущается как нечто должное и правильное, как приятная необходимость, так, будто защищать, насаждать, развивать, делить с другими и праздновать их является нашим долгом перед этими ценностями, чем-то справедливым, правильным и естественным.

XXVI.

Существуют определенные педагогические и терапевтические преимущества разделения мира (или уровня) бытия и мира (или уровня) дефицитарности, а также признания языковых различий между этими уровнями.

Я нахожу чрезвычайно полезным для себя различать мир бытия (Б-мир) и мир дефицитарности (Д-мир), то есть вечное и "практическое". Это помогает хотя бы в составлении стратегии и тактики хорошей и полной жизни, в выборе своей собственной жизни, а не детерминированной кем-то другим. Так просто забыть об абсолютном в суматохе повседневной жизни, особенно для молодого человека. Так часто мы лишь реагируем на стимулы, на поощрение и наказание, на экстремальные обстоятельства, на боль и страх, на требования других, лишь на поверхностные аспекты. Необходимо конкретное, сознательное, волевое усилие, по крайней мере на первых порах, для того, чтобы обратить свое внимание на подлинные вещи и ценности — например, попытавшись уединиться, приобщиться к великой музыке, к хорошим людям или к красоте природы. Только по мере практики эти стратегии становятся простыми и автоматическими, так что

человек цвет в Б-мире даже без особого желания или усилия, живет "единой жизнью", "метажизнью", или "бытийной жизнью".

Я считаю, что данный словарь помогает также учить других в большей мере осознавать ценности бытия, язык бытия, объединяющего сознания и т. д. Терминология, конечно же, неуклюжа и порой может раздражать эстетический вкус, но свою задачу она выполняет (Maslow, 1970. Приложение I: Пример Б-анализа). В любом случае, она уже доказала свою операциональную пользу при планировании исследований.

Здесь возникает субгипотеза, связанная с тем, что я порой замечал: высоко развитые или зрелые индивиды ("металичности"?) при первой же встрече необычайно быстро устанавливают между собой связь на высочайшем уровне жизни с помощью того, что я называю Б-языком. Об этом факте я пока скажу лишь то, что он свидетельствует о действительном и реальном существовании Б-ценностей, о том, что они легко воспринимаются одними и не воспринимаются другими и что общение с этими другими также может быть подлинным и действительным, но должно происходить на более низком и менее зрелом уровне значимости или смысла.

Я пока еще не знаю, как проверить эту гипотезу, поскольку обнаружил, что некоторые люди могут пользоваться словарем, на деле его не понимая, как некоторые люди охотно рассуждают о музыке или любви, не переживая их по-настоящему.

Мне также кажется, хотя и не вполне отчетливо, что вместе с этой простотой общения с помощью Б-языка также приходит интимность, чувство того, что и тот и другой преданы одному и тому же, работают над одними задачами, чувствуют взаимную симпатию, родство, и, возможно, служат одному делу.

XXVII.

"Внутренняя совесть" и "внутренняя вина" в основе своей имеют биологические корни.

Вслед за рассмотрением Э. Фроммом "гуманистической совести" (Fromm, 1941) и пересмотра К. Хорни фрейдовской концепции "Сверх-Я" (Horney, 1939), другие гуманистические авторы сходятся в том, что существует "внутренняя совесть" помимо Сверх-Я, а также "внутренняя вина" как заслуженное самонаказание за измену внутреннему Я.

Я считаю, что биологическое укоренение теории метамотивации может еще больше прояснить и обосновать эти взгляды.

К. Хорни и Э. Фромм, протестовавшие против конкретного содержания фрейдовской теории инстинктов, возможно, в силу слишком не критичного принятия ими социального детерминизма, отвергли какие-либо варианты биологической теории и "теории инстинктов". Это была серьезная ошибка, что еще яснее из контекста данной главы.

Индивидуальная биология человека вне всякого сомнения является неотъемлемой частью "Реального Я". Быть собой, быть естественным или спонтанным, быть аутентичным, выражать собственную идентичность — все это биологические формулировки, поскольку они подразумевают принятие собственной конституциональной, темпераментальной, анатомической, неврологической, гормональной и инстинктоидно-мотивационной природы. Подобное заявление вполне соответствует взглядам З. Фрейда и неопрейдистов (не говоря уже о К. Роджерсе, К. Юнге, У. Шелдоне, К. Гольдштейне и др.). Это уточнение и оформление того, что нащупывал З. Фрейд, смутно увиденной необходимостью. Поэтому я считаю, что эта концепция лежит в esht-фрейдистской [от нем. подлинный] или эли-фрейдистской традиции. Я думаю, своими различными теориями инстинктов Фрейд пытался сказать что-то подобное. Я также считаю, что эта формулировка является принятием и усовершенствованием того, что пыталась сказать К. Хорни своей концепцией Реального Я.

Если моя более биологическая интерпретация внутреннего Я подтвердится, обретет основание и разделение невротической вины и вины внутренней, возникающей в результате измены своей природе и попытки быть тем, чем данный человек не является.

Но с учетом всего вышесказанного, нам следует включить внутренние ценности или бытийные ценности в данное внутреннее Я. Тогда, теоретически, можно ожидать, что измена истине, справедливости, красоте или любой иной Б-ценности повлечет за собой внутреннюю вину (метавину?), вину заслуженную и биологически обоснованную. Все это аналогично боли, которая на самом деле является благом, поскольку сообщает нам, что мы делаем с собой что-то вредное. Когда мы изменяем Б-ценностям, это причиняет нам боль и, в определенном смысле, мы должны испытывать эту боль. Более того, это подразумевает реинтерпретацию "потребности в наказании", которую, в позитивном аспекте, можно переформулировать как желание путем искупления вновь почувствовать себя "чистым" (Mowrer, 1964).

XXVIII.

Данная теоретическая модель выполняет целый ряд религиозных функций.

С точки зрения вечного и абсолютного, к которому всегда стремилось человечество, может оказаться, что Б-ценности также, в определенной степени, выполняют и эту роль. Они существуют *per se*, сами по себе, независимо от прихотей человека. Они воспринимаются, а не придумываются. Они трансчеловечны и трансиндивидуальны. Они существуют за пределами жизни индивида. Их можно считать некоторой формой совершенства. Можно предположить, что они способны удовлетворить стремление человека к определенности.

Но при всем этом они в определенном смысле являются и человеческими. Они не только принадлежат человеку, но и являются его частью. Они требуют поклонения, почтения, празднования, жертвования. Они стоят того, чтобы ради них жить и умирать. Созерцание их или слияние с ними несет человеку самую великую радость из всех, что он способен испытать.

В этом контексте и бессмертие приобретает вполне определенное и эмпирическое значение, поскольку ценности, принятые человеком в качестве определяющих характеристик его Я, живут и после его смерти, то есть, в некотором реальном смысле, Я человека трансцендирует смерть.

Все это распространяется и на остальные функции, которые пытались взять на себя организованные религии. Похоже, что все или почти все виды специфически религиозного опыта, описанные в любой традиционной религии — теистической или нетеистической, восточной или западной — на ее особом языке, могут быть ассимилированы в данной теоретической модели и выражены в эмпирически значимой форме, то есть сформулированы в виде, доступном для проверки.

Литература.

- Abramson H. (ed.). *The Use of LSD in Psychotherapy*. New York: Josiah Macy Foundation, 1961.
- Allport G. *The Individual and His Religion*. New York: Macmillan, 1950.
- Angel J. G. *La Adolescencia, del Vivir al Existir* Unpublished doctoral dissertation. Universidad Nacional de Mexico. Mexico (D. F.), 1957.
- Angyal A. *Foundations for a Science of Personality*. Cambridge (Mass.): Commonwealth Fund, 1941.
- Angyal A. *Neurosis and Treatment: A Holistic Theory*. New York: John Wiley, 1965. Ardrey R. *The Territorial Imperative*. New York: Atheneum Press, 1966. Asch S. *Social Psychology*. New York: Prentice-Hall, 1952.
- Assagioli R. *Psychosynthesis: A Manual of Principles and Techniques*. New York: Hobbs, Dorman, 1965; paperback ed. New York: The Viking Press, 1971. На русск. яз.: Ассаджоли Р. Психосинтез. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997.
- Benedict R. *Patterns of Culture*. Boston: Houghton Mifflin, 1934.
- Benedict R. *Synergy: Patterns of the good culture* // *American Anthropologist*. 1970. 72. P. 320-333.
- Bennett E., Diamond M., Krech D., Rosenzweig M. *Chemical and anatomical plasticity of brain* // *Science*. 1964. 146. P. 610-619.
- Bermudez E. *La Vida Familiar del Mexicano*. Mexico (D. F.): Ed. Antiqua Libreria Robredo, 1955.
- Bossom J., Haslow A. H. *Security of judges as a factor in impressions of warmth in others* // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1957. 55. P. 147-148.
- Bowlby J. *Maternal Care and Mental Health*. Geneva: World Health Organization, 1952. Braden W. *The Private Sea: LSD and the Search for God*. Chicago: Quadrangle, 1967.
- Bronowski J. *The values of science* // *New Knowledge in Human Values* / A. H. Maslow (ed.). New York: Harper & Row, 1959.
- Buber I. *I and Thou*. New York: Charles Scribner's Sons, 1958. На русск. яз.: Бубер М. Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993.
- Bucke R. *Cosmic Consciousness*. New York: E. P. Dutton, 1923. На русск. яз.: Бёкк Р. Космическое сознание. М.: Ассоциация Духовного Единения "Золотой век", 1994.
- Bugental J. F. (ed.). *Challenges of Humanistic Psychology*. New York: McGraw-Hill, 1967.
- Bugental J. F. *The Search for Authenticity*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1965.
- Buhler C. *Values in Psychotherapy* Glencoe (Ill.): Free Press, 1962.

- Child I. The experts and the bridge of judgment that crosses every cultural gap // *Psychology Today*. 1968. 2. P. 24-29.
- Clutton-Brock A. *The Ultimate Belief*. New York: E. P. Dutton, 1916.
- Convers-Vergara J. *Dinamica Familiar Frente a la Enfermedad en un Grupo de la Clase Humilde Laborante del Distrito Federal*. Unpublished doctoral dissertation. Universidad Nacional de Mexico. Mexico (D. F.), 1958.
- Cortes J. Religious aspects of mental illness // *Journal of Religion and Health*. 1965. 4. P. 315-321.
- Craig R. Trait lists and creativity // *Psychologia*. 1966. 9. P. 107-110. Davis K. *Human Relations at Work* (3rd ed.). New York: McGraw-Hill, 1967.
- Daz-Guerrero R. *Teoria y Resultados Preliminares de un Ensayo de Determinacion de Grado de Salud Mental, Personal y Social de Mexicano de la Ciudad* // *Psiquis*, 1952. 2. P. 31. Daz-Guerrero R. Neurosis and the Mexican family structure // *American Journal of Psychiatry*. 1955. 6. P. 411-417.
- Dunbar H. F. *Psychosomatic Diagnosis*. New York: Hoeber, 1943.
- Eliade M. *The Sacred and the Profane*. New York: Harper & Row, 1961. На русск. яз.: Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. Esalen Institute. Residential Program Brochure. Big Sur (Calif.): Esalen Institute, 1965-1969.
- Fernandez-Marina M. R., Maldonado-Sierra S., Trent D. R. Three basic themes in Mexican and Puerto Rican family values // *Journal of Social Psychology*. 1958. 48. P. 167-181.
- Frank V. Self-transcendence as a human phenomenon // *Journal of Humanistic Psychology*. 1966. 6. P. 97-106. На русск. яз.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 54-69.
- Fromm E. *Escape from Freedom*. New York: Farrar and Rinehart, 1941. На русск. яз.: Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. Fromm E. *Man for Himself*. New York: Rinehart, 1947. На русск. яз.: Фромм Э. Человек для самого себя // Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 19-190.
- Fromm E. *The Sane Society*. New York: Rinehart, 1955. На русск. яз.: Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. М.: Юрист, 1995. С. 273-596.
- Glock C. Y., Stark R. *Religion and Society in Tension*. Chicago: Rand McNally, 1965. Goldstein K. *The Organism*. New York: American Book Co., 1939.
- Grof S. *Theory and Practice of LSD Psychotherapy*. Palo Alto (Calif.): Science and Behavior Books, in press.
- Harris T. G. About Ruth Benedict and her lost manuscript // *Psychology Today*. 1970. 4. P. 51-52.
- Hartman R. S. *The science of value* // A. H. Maslow (ed.). *New Knowledge in Human Values*. New York: Harper & Row, 1959.
- Hartman R. S. *The Structure of Value: Foundations of Scientific Axiology*. Carbondale (Ill.): Southern Illinois University Press, 1967.
- Heider R. *The Psychology of Interpersonal Relations*. New York: John Wiley, 1958.
- Henie M. (ed). *Documents of Gestalt Psychology*. Berkeley: University of California Press, 1961.
- Herzberg F. *Work and the Nature of Man*. New York: World, 1966. Heschel A. *Who Is Man?* Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1965. Holt]. *How Children Fail*. New York: Pitman, 1964.
- Homey K. *New Ways in Psychoanalysis*. New York: W. W. Norton, 1939. На русск. яз.: Хорни К. Новые пути в психоанализе // Собр. соч. в 3 т. М.: Смысл, 1997. Т. 2. С. 3-279.
- Хорне К. *Neurosis and Human Growth*. New York: W. W. Norton 1950. На русск. яз.: Хорни К. Невроз и развитие личности. М.: Смысл, 1998.
- Hull C. L. *Principles of Behavior*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1943.
- Huxley A. *Grey Eminence*. New York: Meridian Books, 1959.
- Huxley A. *Island*. New York: Harper & Row, 1962.
- Huxley L. *You Are Not the Target*. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1963.
- Isherwood M. *Faith without Dogma*. London: G. Allen and Unwin, 1964.
- Kamiya J. Conscious control of brain waves // *Psychology Today*, 1968. 1. P. 56-61.
- Kempf E. J. The social and sexual behavior of infrahuman primates // *Psychoanalytic Review*. 1917. 4. P. 127-154.
- King CD. The meaning of normal // *Yale Journal of Biology and Medicine*, 1945. 17. P. 493-501.

- Kirkendall L. Premarital Intercourse and Interpersonal Relationships. New York: Julian Press, 1961.
- Kohler W. The Place of Values in a World of Facts. New York: Liveright, 1938.
- Kortlandt A. Aspects and Prospects of the Concept of Instinct (Vicissitudes of the Hierarchy Theory). Leiden: E. J. Brill, 1955.
- Kulle L. The forgotten man in education. Harvard Alumni Bulletin. 1953-1954. 56. P. 349-353.
- Laing R. D. The Divided Self: A Study of Sanity and Madness. London: Tavistock Publishers. 1960. На русск. яз.: Лэнг Р. Расколотое "Я". М.: Академия; СПб.: Белый кролик, 1995.
- Laski M. Ecstasy. London: Cresset Press, 1961. Leonard G. Education and Ecstasy. New York: Delacorte Press, 1968.
- Levy D. M. Experiments on the suckling reflex and social behavior of dogs // American Journal of Orthopsychiatry. 1934. 4. P. 203-224. Levy D. M. A note on pecking in chickens // Psychoanalytic Quarterly. 1935. 4. P. 612-613.
- Levy D. M. Primary affect hunger // American Journal of Psychiatry. 1937. 94. P. 643-652.
- Levy DM On instinct-satiation: an experiment on the pecking-behavior of chickens // Journal of General Psychology. 1938. 18. P. 327-348.
- Levy D. M. Maternal Overprotection. New York: Columbia University Press. 1943.
- Levy D. M. On the problem of movement-restraint // American Journal of Orthopsychiatry. 1944. 14. P. 644-671.
- Levy D. M. The deprived and indulged form of psychopathic personality // American Journal of Orthopsychiatry. 1951. 21. P. 250-254.
- Lewin K. Principles of Topological Psychology. New York: McGraw-Hill, 1936.
- Lewin K. The Conceptual Representation and Measurement of Psychological Forces. Durham (N. C): Duke University Press, 1938.
- Lewis O. Life in a Mexican Village. Urbana: University of Illinois Press, 1951. Likert B. New Patterns of Management. New York: McGraw-Hill, 1961.
- Marcuse H. Eros and Civilization. Boston: Beacon Press, 1955. На русск. яз.: Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М.: Port-Royal, 1995.
- Maslow A. H. Individual psychology and the social behavior of monkeys and apes // International Journal of Individual Psychology 1935. 1. P. 47-59.
- Maslow A. H. The role of dominance in the social and sexual behavior of infrahuman primates. I: Observations at Vilas Park Zoo // Journal of Genetic Psychology, 1936. 48. P. 261-277.
- Maslow A. H. The determination of hierarchy in pairs and in groups // Journal of Genetic Psychology. 1936. 49. P. 161-198
- Maslow A. H. A theory of sexual behavior of infrahuman primates // Journal of Genetic Psychology. 1936, 48. P. 310-338.
- Maslow A. H. The comparative approach to social behavior // Social Forces. 1937. 15. P. 487-490.
- Maslow A. H. Dominance-feeling, behavior and status // Psychological Review. 1937. 44. P. 404-420.
- Maslow A. H. Dominance-feeling, personality and social behavior in women // Journal of Social Psychology. 1939. 10. P. 3-39.
- Maslow A. H. Dominance-quality and social behavior in infrahuman primates // Journal of Social Psychology. 1940. 11. P. 313-324.
- Maslow A. H. A test for dominance-feeling (self-esteem) in college women // Journal of Social Psychology. 1940. . 12. P. 255-270.
- Maslow A. H. The Social Personality Inventory for College Women. Palo Alto (Calif.): Consulting Psychologists Press, 1942.
- Maslow A. H. Self-esteem (dominance-feeling) and sexuality in women // Journal of Social Psychology. 1942. 16. P. 259-294.
- Maslow A. H. The authoritarian character structure // Journal of Social Psychology. 1943. . 18. P. 401-411.
- Maslow A. H. Resistance to acculturation // Journal of Social Issues. 1951. 7. P. 26-29.
- Maslow A. H. Motivation and Personality. New York: Harper & Bros., 1954. (Rev. ed., 1970.)
- Maslow A. H. Power relationships and patterns of personal development // Problems of Power in American Democracy / A. Kornhauser (ed.). Detroit (Mich.): Wayne University Press, 1957.

- Maslow A. H. (ed.). *New Knowledge in Human Values*. New York: Harper & Row, 1959.
- Maslow A. H. Comments on Skinner's attitude to science // *Daedalus*, 1961. 90. P. 572-573.
- Maslow A. H. Eupsychia — the good society // *Journal of Humanistic Psychology*, 1961. 1. P. 1-11.
- Maslow A. H. Some frontier problems in mental health // *Personality Theory and Counseling Practice* / A. Combs (ed.). Gainesville: University of Florida Press, 1961.
- Maslow A. H. *Toward a Psychology of Being*. Princeton (N. J.): Van Nostrand, 1962. (Rev. ed., 1968.)
- Maslow A. H. Lessons from the peak experiences // *Journal of Humanistic Psychology*. 1963. 68. P. 111-124.
- Maslow A. H. The need to know and the fear of knowing // *Journal of General Psychology*. 1963. 68. P. 111-124.
- Maslow A. H. Further notes on the Psychology of Being // *Journal of Humanistic Psychology*. 1963. 3. P. 120-135.
- Maslow A. H. *Religions, Values, and Peak-Experiences*. Columbus (Ohio): Ohio State University Press, 1964; Paperback ed. New York: The Viking Press, 1970.
- Maslow A. H. Further notes on the Psychology of Being // *Journal of Humanistic Psychology*. 1964. 4. P. 45-58. Maslow A. H. *Eupsychian Management: A Journal*. Homewood (Ill.): Irwin-Dorsey, 1965.
- Maslow A. H. *The Psychology of Science: A Reconnaissance*. New York: Harper & Row, 1966.
- Maslow A. H. Comments on Dr. Frankl's paper // *Journal of Humanistic Psychology*. 1966. 6. P. 107-112.
- Maslow A. H., Flanzbaum S. An experimental determination of the dominance-behavior syndrome // *Journal of Genetic Psychology*. 1936. 48. P. 278-309.
- Maslow A. H., Mittelmann B. *Principles of Abnormal Psychology*. New York: Harper & Bros., 1941.
- Matson F. *The Broken Image*. New York: George Braziller, 1964.
- May R. *Existential Psychology*. New York: Random House, 1961.
- May R. *Psychology and the Human Dilemma*. Princeton (N. J.): Van Nostrand, 1967.
- McGregor D. *The Human Side of Enterprise*. New York: McGraw-Hill, 1960.
- Mead M., Metraux R. Image of the scientist among high school students // *Science*. 1957. 126. P. 384-390.
- Mogar R. E. Psychedelic (LSD) research: a critical review of methods and results // *Challenges of Humanistic Psychology* / J. F. Bugental (ed.). New York: McGraw-Hill, 1967.
- Moustakas C. *The Authentic Teacher*. Cambridge (Mass.): Howard A. Doyle Publishing Co., 1966.
- Mowrer O. H. *The New Group Therapy*. Princeton (N. J.): Van Nostrand, 1964. Mumford L. *The Conduct of Life*. New York: Harcourt, Brace, 1951. Murphy G. *Personality*. New York: Harper & Bros., 1947. Murphy G. *Human Potentialities*. New York: Basic Books, 1958. Olds J. Physiological mechanisms of reward // *Nebraska Symposium on Motivation*. 1955. 3. P. 73-138.
- Oppenheimer O. Toward a new instinct theory // *Journal of Social Psychology*. 1958. 47. P. 21-31.
- Otto H. The Minerva Experience: an initial report // *Challenges of Humanistic Psychology* / J. F. Bugental (ed.). New York: McGraw-Hill, 1967.
- Otto R. *The Idea of the Holy*. New York: Oxford University Press, 1958. Polanyi M. *Personal Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press, 1958. На русск. яз.: Полани М. *Личностное знание*. М.: Прогресс, 1985.
- Ramirez S. *El Mexicano, Psicologia de sus Motivaciones*. Mexico (S. A.): Editorial Pax, 1959. Rogers C. R. *A therapist's view of personal goals*. Pendle Hill Pamphlet, 1960.
- Rogers C. R. *On Becoming a Person*. Boston: Houghton Mifflin, 1961. На русск. яз.: Роджерс К. *Взгляд на психотерапию. Становление человека*. М.: Прогресс-Универс, 1994.
- Rosenzweig S. Need-persistent and ego-defensive reactions to frustration // *Psychological Review*. 1941. 48. P. 347-349.
- Royce J. *The Philosophy of Loyalty*. New York: Macmillan, 1908. Schebler M. *Ressentiment*. Glencoe (Ill.): Free Press, 1961.
- Schumacher E. F. Economic development and poverty // *Manas*. Feb. 15. 1967 P. 1-8.
- Sevann F. (ed.) *Humanistic Viewpoints in Psychology*. New York: McGraw-Hill 1965 Sheldon W. H. *Psychology and the Promethean Will*. New York: Harper & Bros.

- Shore A. Autoritarismo y Agresion en una Aldea Mexicana. Unpublished doctoral dissertation. Mexico: Universidad Nacional de Mexico D. F. 1954.
- Shostrom E. Personal Orientation Inventory (POI). Educational and Industrial Testing Service, 1963.
- Simpson G. G. Naturalistic ethics and the social sciences // *American Psychologist* 1966. 21. P. 27-36.
- Sinnott E. W. *The Bridge of Life*. New York: Simon and Schuster 1966.
- Skinner B. F. *Walden Two*. New York: Macmillan, 1948.
- Sohl J. *The Lemon Eaters*. New York: Dell, 1967.
- Spinley B. *The deprived and the privileged*. London: Routledge and K. Paul 1953.
- Sutich A. J. The growth-experience and the growth-centered attitude // *Journal of Psychology*. 1949. 28. P. 293-301.
- Suzuki D. *Mysticism: Christian and Buddhist*. New York: Harper & Bros. 1957.
- Tanzer D. W. *The Psychology of Pregnancy and Childbirth: An Investigation of Natural Childbirth*. Unpublished doctoral dissertation. Brandeis University,
- Tillich P. *The Courage to Be*. New Haven: Yale University Press, 1952. На русск. яз.: Тиллих П. Мужество быть || Тиллих П. *Избранное Теология культуры*. М.: Юрист, 1995. С. 7-131.
- Torrance E. P. *Guiding Creative Talent*. New York: Prentice Hall 1962.
- Van Kaam A. *Existential Foundations of Psychology*. Pittsburgh: Duquesne University Press, 1966.
- Watson IB. *Behaviorism*. New York: W. W. Norton, 1924. (Rev. Ed., 1930.)
- Watson J. B. *Psychology from the Standpoint of a Behaviorist* Philadelphia-Lippincott, 1924.
- Watts A. W. *Psychotherapy East and West*. New York: Pantheon Books, 1961. На русск. яз.: Уоттс А. Психотерапия: Восток и Запад. Львов. Инициатива, 1997.
- Weinberg A. *Reflections on Big Science*. Cambridge (Mass.): M. I. T. Press 1967
- Weiss F. A. Emphasis on health in psychoanalysis // *American Journal of Psychoanalysis*. 1966. 26. P. 194-198.
- Wertheimer M. Some problems in the theory of ethics // *Documents of Gestalt Psychology* / M. Henle (ed). Berkeley: University of California Press, 1961.
- Weisskopf W. Economic growth and human well-being // *Manas*, Aug. 21, 1963. Wertheimer M. *Productive Thinking*. New York: Harper & Bros, 1959. На русск. яз.: Вертгеймер М. *Продуктивное мышление*. М.: Прогресс, 1987.
- Wheelis A. *The Seeker*. New York: Random House, 1960.
- Whetten N. K. *Rural Mexico*. Chicago: University of Chicago Press, 1948.
- Wilson C. *The Stature of Man*. Boston: Houghton Mifflin, 1959,
- Wilson C. *Origins of the Sexual Impulse*. London: Arthur Barker, 1963.
- Wilson C. *Beyond the Outsider*. London: Arthur Barker, 1965.
- Wilson C. *Introduction to the New Existentialism*. Boston: Houghton Mifflin, 1967.
- Wootton G. *Workers, Unions and the State*. New York: Schocken, 1967.
- Yablonsky L. *The Tunnel Back: Synanon*. New York: Macmillan, 1965.
- Young P. T. *Motivation and Emotion*. New York: John Wiley, 1961.